

Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык» (МИАЖ «Crede Experto»)

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет гражданской авиации»

Издатель журнала – Иркутский филиал ФГБОУ ВО «МГТУ ГА». Официальный сайт: <http://if-mstuca.ru/>

Главный редактор – Л. А. Иванова, канд. пед. наук, доц. (Иркутск)

Председатель научно-редакционного совета – О. Н. Скрышник, до-р техн. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь).

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Технические науки: И.Е.Агуреев, д.т.н., профессор (Тула), О.С.Абляимов, к.т.н., профессор (Ташкент), Р.С.Большаков, к.т.н., доцент (Иркутск), Л.Г.Большедворская, д.т.н., доцент (Москва), Е.Е.Витвицкий, д.т.н., профессор (Омск), О.А.Горбачев, д.т.н., проф. (Иркутск), А.Г.Гузий, д.т.н., профессор (Москва), А.А.Зуев, д.т.н., доцент (Красноярск), Д.А.Евсевичев, к.т.н., доцент (Ульяновск), В.В.Ерохин, д.т.н, доц. (Иркутск), Д.И.Илесалиев, д.т.н., профессор (Ташкент), В.М.Курганов, д.т.н., профессор (Тверь), С.М.Кривель, к.т.н., доцент (Иркутск), Е.М.Лунёв, к.т.н. (Москва), А.Л.Митин (Жуковский, Московская обл.), Е.С.Неретин, к.т.н., доцент (Москва), Н.И.Николайкин, д.т.н., доцент (Москва), П.М.Огар, д.т.н., профессор (Братск), А.П.Плясовских, д.т.н. (Санкт-Петербург), Е.Д.Псеровская, к.т.н, доцент (Новосибирск), В.И.Рассоха д.т.н. (Оренбург), В.Н.Ратушняк к.т.н. (Красноярск, Россия), Димитър Русев, д.т.н., доцент (Бургас), О.Н.Скрышник, д.т.н., профессор, почётный работник ВПО РФ (Минск), З.З.Шамсиев, д.т.н., профессор (Ташкент), Р.З.Шамсиев, д.ф. (PhD) по тех.н., доцент (Ташкент), Д.Э.Эшмурадов, к.т.н. (Ташкент).

Экономические науки: К.В.Холопов, д.э.н., профессор (Москва).

Педагогические науки: А.В.Бабаян, д.пед.н., профессор (Пятигорск), В.В.Воронкова, д.пед.н., профессор (Москва), М.П.Воюшина, д.пед.н., профессор (Санкт-Петербург), И.П.Гладилина, д.пед.н., профессор (Москва), Н.Ж.Дагбаева, д.пед.н., профессор (Улан-Удэ), Е.Г.Дичева, д.педагогика (Бургас, Болгария), Т.Ц.Дугарова, д.п.н., доцент (Москва), С.Е.Каплина, д.пед.наук, профессор (Чита), Ю.А.Комарова, д.пед.н., профессор, член-корреспондент Российской академии образования (Санкт-Петербург), Ш.Ж.Курманкулов, к.т.н., д.пед.н. (Талас), М.В.Николаева, д.пед.н., профессор (Волгоград), О.Л.Осадчук, д.пед.н., доцент (Омск), Р.М.Петрунева д.пед.н. (Волгоград), Н.П.Поличка, д.пед.н., профессор (Хабаровск), Е.М.Роголева, к.пед.н., доцент (Иркутск), Т.А.Стефановская, д.пед.н., профессор (Иркутск), С.Ц.Содномов, д.пед.н., доцент (Улан-Удэ), А.В.Фёдоров, д.пед.н., профессор (Ростов-на-Дону), Л.Е.Халудорова, д.пед.н., доцент (Улан-Удэ), М.П.Целых, д.пед.н., профессор (Ростов-на-Дону), А.В.Шумакова, д.пед.н., доцент (Ставрополь).

Филологические науки: О.А.Александров, д.ф.наук, доцент (Томск), Р.И.Бабаева, д.ф.н., доцент (Иваново), О.А.Богинская, д.ф.н., доцент, (Иркутск), А.Н.Безруков, к.ф.н., доцент (Бирск), С.Ю. Богданова, д.ф.н., доцент (Иркутск), Ланьцзой Ван, к.ф.н., доцент (Баодин), И.А.Верховых, к.ф.н., доцент (Москва), К.Дюк, д.филос.н. (Маннгейма Маннгейм), Н.С.Иванова, доктор, профессор, (Бургас), Г.Е.Имамбаева, д.ф.н., профессор (Павлодар), Н.Н.Казыдуб, д.ф.н., профессор (Красноярск), А.В.Колмогорова, д.ф.н., доцент (Красноярск), Л.Б.Копчук, д.ф.н., профессор (Санкт-Петербург), Е.В.Кремнёв, д.соц.н, доцент (Калининград, Санкт-Петербург), В.Б.Меркурьева, д.ф.н., профессор (Иркутск), О.А.Мельничук, д.ф.н., доцент (Якутск), И.Н.Новгородов, д.ф.н., профессор (Якутск), Оспанова Ж.Т., д. философии (PhD) (Астана, Казахстан), В.И.Постовалова, д.ф.н., профессор (Москва), О.А.Радченко, д.ф.н., профессор, заслуж. р-к высш. шк. РФ (Торонто), Т.И.Семенова, д.ф.н., профессор (Иркутск), В.А.Степаненко, д.ф.н., доцент (Иркутск), Л.А.Становая, д.ф.н., профессор (Санкт-Петербург), А.Г.Фомин, д.ф.н., профессор (Кемерово), В.М.Хантакова, д.ф.н., проф. (Иркутск), В.А.Чукшис, д.ф.н., доцент (Орехово-Зуево).

Монгольские языки (бурятский и монгольский): Т.Б.Тагарова, д.ф.н., доцент (Иркутск), Л.Б.Бадмаева, д.ф.н., доцент (Улан-Удэ), Т.Б.Баларьева, к.ф.н., доцент (Иркутск), Цэвээний Магсар, д. филологии (Ph.D), профессор (Улан-Батор).

Адрес учредителя

Россия, 125993, г. Москва, б-р Кронштадтский, д.20

Тел.: +7 (499) 458-75-47; +7 (499) 459-07-40 /факс +7 (499) 459-07-01, e-mail: info@mstuca.ru

Адрес редакции:

Россия, 664047, г. Иркутск, ул. Коммунаров, 3 МИАЖ «Crede Experto»

Тел.: +7 902 177 25 67, e-mail: credeexperto@if-mstuca.ru, <http://ce.if-mstuca.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 71211 от 27.09.2017. Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Группы научных специальностей: 05.22.00 – Транспорт (05.22.08, 05.22.13, 05.22.14); 13.00.00 – Педагогические науки (13.00.01, 13.00.02, 13.00.08); 10.02.00 – Языкознание (10.02.04, 10.02.05, 10.02.19). Дата включения издания в Перечень: 22.12.2020.

Журнал имеет международный номер ISSN 2312-1327

Выходит 1 раз в квартал

Издаётся с 2014 года

© Иркутский филиал МГТУ ГА, 2026

International informational and analytical journal «Crede Experto: transport, society, education, language» («Crede Experto»)

The founder of the journal is the Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA)

The publisher of the journal is the Irkutsk Branch of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. The official site is <http://if-mstuca.ru/site/>

Editor-in-Chief: L. A. Ivanova, Candidate of Pedagogical Science, associate professor (Irkutsk)

Head of the Advisory Board: O. N. Skrypnik, Doctor of Technnical Sciences, professor, Honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Minsk)

MEMBERS OF THE ADVISORY BOARD

Technical Sciences: I.E.Agureev, Doctor of Technical Sciences, Full professor (Tula), O.S.Ablyalimov, Candidate of Technical Sciences, Professor (Tashkent), L.G.Bol'shedvorskaya, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Moscow), R.S.Bolshakov, Candidate of Technical Sciences, docent (Irkutsk), O.A.Gorbachev, Doctor of Technical Sciences, professor (Irkutsk), A.G.Guziy, Doctor of Technical Sciences, professor (Moscow), V.V.Erokhin, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Irkutsk), D.E.Eshmuradov, Candidate of Technical Sciences (Tashkent), D.A.Evsevich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Ulyanovsk), D.I.Ilesaliev, Doctor of Technical Sciences (Tashkent), V.M.Kurganov, Doctor of Technical Sciences, professor (Tver), S.M.Krivel, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Irkutsk), E.M.Lunev, Candidate of Technical Sciences (Moscow), A.L.Mitin, Research associate (Zhukovsky, Moscow region), E.S.Neretin, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Moscow), N.I.Nikolaykin, Doctor of Technical Sciences, professor (Moscow), P.M.Ogar, Doctor of Technical Sciences, professor (Bratsk), A.P.Plyasovskih, Doctor of Technical Sciences, professor (Saint Petersburg), E.D.Psyerovskaya, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Novosibirsk), V.I.Rassokha, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Orenburg), V.N.Ratushnyak, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk), D.Roussev, Doctor of Technical Sciences, associate professor (Burgas, Bulgaria), Z.Z.Shamsiev, Doctor of Technical Sciences, Professor (Tashkent, Uzbekistan), R.Z.Shamsiev, Doctor of Philosophy of Technical Sciences, Associate professor (Tashkent, Uzbekistan), O.N.Skrypnik, Doctor of Technnical Sciences, professor, Professor (Minsk, Belarus), E.E.Vitvitsky, Doctor of Technical Sciences, Full professor (Omsk), A.A.Zuev, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk).

Economics: K.V.Kholopov, Doctor of Economic Sciences, professor (Moscow).

Pedagogical Sciences: A.V.Babayan, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Pyatigorsk), I.P.Gladilina, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Moscow), N.J.Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Ulan-Ude), E.Dicheva, Doctor of Pedagogical Sciences (Burgas, Bulgaria), T.C.Dugarova, Doctor of Psychological Sciences, associate professor (Moscow), S.E.Kaplina, Doctor of Pedagogy, Professor (Chita), L.E.Haludorova, Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor (Ulan-Ude), J.A.Komarova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), S.J.Kurmankulov, Candidate of Technical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences (Talas, Kyrgyzstan), M.V.Nikolaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Volgograd), O.L.Osadchuk, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Omsk), R.M.Petruneva, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Volgograd), N.P.Polichka, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences (Khabarovsk), E.V.Rogaleva, Candidate of Pedagogical Science, associate professor (Irkutsk), T.A.Stefanovskaya, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Irkutsk), S.T.Sodnomov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Irkutsk, Ulan-Ude), A.V.Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences (Rostov-on-Don), M.P.Tselykh, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Rostov-on-Don), A.V.Shumakova, Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor (Stavropol), M.P.Vojushina, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (St. Petersburg), V.V.Voronkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Moscow).

Philological Sciences: O.A.Aleksandrov, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Tomsk), R.I.Babaeva, Doctor of Philology, Full professor (Ivanovo), O.A.Boginskaya, Doctor of Philology, associate professor (Irkutsk), A.N.Bezrukov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Birk), S.Y.Bogdanova, Doctor of Philology, Full professor (Irkutsk), V.A.Chukshis, Doctor of Philological Sciences, docent (Orehovo-Zuyevo), K.Dück, doctor of philosophy scientific (Mannheim, Germany), A.G.Fomin, D.Ss. (Philology), professor (Kemerovo), N.S.Ivanova, Doctor, Professor (Bourgas, Bulgaria), G.E.Imambaeva, Doctor of Philological Sciences, professor (Pavlodar, Kazakhstan), N.N.Kazydub, Doctor of Philology, Professor (Krasnoyarsk), A.V.Kolmogorova, Doctor of Philological Sciences, Full Professor (St. Petersburg), V.M.Khantakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Irkutsk), L.B.Kopchuk, Doctor of Philological Sciences, professor (Saint Petersburg), E.V.Kremnyov, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Kaliningrad, St. Petersburg), V.B.Merkurieva, Doctor of Philological Sciences, professor (Irkutsk), O.A.Mel'nichuk, Doctor of philological sciences, associate professor (Yakutsk), I.N.Novgorodov, Doctor of Philological Sciences, professor (Yakutsk, the Republic of Sakha Yakutia), J.T.Ospanova, PhD (Astana, Kazakhstan), V.I.Postovalova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow), O.A.Radchenko, Ph.D. (Toronto, Canada), T.I.Semenova, Doctor of Philology, Professor (Irkutsk), V.A.Stepanenko, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Irkutsk), L.A.Stanovaja, Doctor of philological sciences, professor (St. Petersburg), I.A.Verkhovykh, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Moscow), L.Wang, Candidate of Philological Sciences, associate professor (Baoding, China).

Mongolic languages (Buryat and Mongolian): T.B.Tagarova, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Irkutsk), L.B.Badmaeva, Doctor of Philological Sciences, associate professor (Ulan-Ude), T.B.Balar'eva, Candidate of Philological Sciences, associate professor (Irkutsk), Tsevenii Magsar, Ph.D., Professor (Ulan Bator).

Address of the Founder

20 Kronshtadtsky blvd, Moscow, GSP-3, 125993

Phone.: +7 (499) 458-75-47; +7 (499) 459-07-40 / fax +7 (499) 459-07-01, e-mail: info@mstuca.ru

Editorial office address:

Kommunarov St. 3, Irkutsk, Russia, 664047

Phone.: +7 902 177 25 67, e-mail: credeexperto@if-mstuca.ru, <http://ce.if-mstuca.ru/>

Magazine registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR), EL № ФЦ 77 — 71211, 27.09.2017. The journal has been included in the LIST of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals to publish the main findings of theses for the academic degree of Candidate of Sciences, for the academic degree of Doctor of Sciences since 22.12.2020. Groups of scientific specialties: 05.22.00 Transport (05.22.08, 05.22.13, 05.22.14); 13.00.00 Education science (13.00.01, 13.00.02, 13.00.08); 10.02.00 Linguistics (10.02.04, 10.02.05, 10.02.19).

The journal is registered with ISSN 2312-1327

Publication 1 time in 3 months.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

Валерий Дмитриевич Шаров

Анализ выполнения стандартов ИКАО в программе безопасности полётов гражданской авиации России6

СИСТЕМЫ НАБЛЮДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ВОЗДУШНОГО ДВИЖЕНИЯ

Эдуард Юрьевич Алтухов, Евгений Юрьевич Наполов, Андрей Вячеславович Яковлев

Способ аэронавигационного обеспечения перспективной военно-технической системы контроля полётов и перехвата отдельных гиперзвуковых летательных аппаратов. Часть 129

Илхомжан Миралимович Сайдумаров, Рамзжон Бобкул угли Жаббаров, Мубинахон Назим кизи Мадаминова

Повышение точности обработки данных в системах управления воздушным движением в условиях сложных ситуаций, характерных для горных районов43

ТРАНСПОРТ

Мария Евгеньевна Семерикова, Татьяна Владимировна Наумова

Решение многокритериальной задачи оптимизации процессов утилизации авиационной техники56

ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИНГВИСТИКИ

Олег Анатольевич Радченко

Политический памфлет Э.М. Арндта: зарождение политолингвистики в немецком языкознании73

ДИСКУРС, ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕКСТ: ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Татьяна Ивановна Семенова, Татьяна Викторовна Тюрнева

Дискурсивные стратегии экспликации модуса знания в американском политическом дискурсе109

ЛИНГВИСТИКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Наталья Сергеевна Барбина

Между текстом и алгоритмом: к вопросу о художественном прогнозировании трансформации авторства в эпоху искусственного интеллекта122

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Лидия Анатольевна Становая

Образование французского письменно-литературного языка: Стандартизация? Койнетизация? Нейтрализация?132

Лариса Ивановна Москалюк, Ольга Сергеевна Москалюк

Экспрессивно-стилистические особенности компаративных фразеологических синонимов в российско-немецких диалектах151

КОГНИТИВНЫЕ, КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ, СТИЛИСТИЧЕСКИЕ, КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Ксения Александровна Медведкина, Екатерина Сергеевна Михайловская

Сопоставительный анализ использования перволичных местоимений как маркеров выражения авторского присутствия в тексте научной статьи в гендерном аспекте 164

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Марина Петровна Целых

Практикум волонтерской деятельности в педагогическом образовании: интеграция теории, практики и профессионального становления 180

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЕК ИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Елена Васильевна Фалунина, Владимир Владимирович Сиротин

Адаптация молодых специалистов в организациях в век искусственного интеллекта, цифровизации и общения онлайн 191

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Сергей Владимирович Мыскин

Методика оценки психолого-педагогических дефицитов учителей по профилактике буллинга среди детей и подростков 207

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Ирина Викторовна Ерофеева, Светлана Евгеньевна Каплина

Эмоциональный интеллект преподавателя вуза как инструмент успешной работы 220

РОДНОЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РФ: ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА

Сономбал Цыденович Содномов, Дарима Батуевна Дашиева

Технология монолингвального воспитания и обучения в дошкольных образовательных организациях 228

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ

УДК 347.82:351.814.2

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_6

АНАЛИЗ ВЫПОЛНЕНИЯ СТАНДАРТОВ ИКАО В ПРОГРАММЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЁТОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ РОССИИ

*Валерий Дмитриевич Шаров,
orcid.org/0009-0000-0386-2552,
доктор технических наук, доцент
Московский государственный технический
университет гражданской авиации,
Кронштадтский б-р, 20
Москва, 125493, Россия
vdsharov@mail.ru*

Аннотация. В статье приведены результаты подробного анализа степени соответствия положений Программы безопасности полётов Российской Федерации (Программы БП) требованиям стандартов ИКАО в части содержания Государственной программы безопасности полётов (ГосПБП). Анализ выполнялся по каждому элементу концептуальных рамок ГосПБП ИКАО из Приложения 19 к Конвенции о международной гражданской авиации, изд. 3 2025 г., глава 3, а также положений глав 4 и 5, относящихся к ГосПБП. Учитывались и требования восьми критических элементов ГосПБП ИКАО. Для большинства рассматриваемых стандартов Приложения 19 предложены рекомендации по корректировке Программы БП для более полного выполнения стандартов ИКАО. Также приведена справка по истории формирования Программы БП и краткие сведения о ГосПБП США в качестве примера успешной и практически полезной программы.

Ключевые слова: безопасность полетов; стандарты ИКАО; государственная программа безопасности полетов; компоненты; критические элементы; обязанности государства по надзору.

ANALYSIS OF ICAO STANDARDS IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN CIVIL AVIATION SAFETY PROGRAM

*Valeriy D. Sharov,
orcid.org/0009-0000-0386-2552,
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor
Moscow State Technical University of Civil Aviation,
20, Kronshadttsky blvd
Moscow, 125493, Russia
vdsharov@mail.ru*

Abstract. The article provides results of a detailed analysis of the degree to which the provisions of the Russian Federation Safety Program (S Program) comply with the requirements of the ICAO standards in terms of the content of the State Safety Program (SSP). The analysis was performed for each element of the ICAO SSP conceptual framework from Annex 19 of the Convention on International Civil Aviation, Edition 3, 2025, Chapter 3, as well as the provisions of Chapters 4 and 5 related to the SSP. The requirements of the eight critical elements of the ICAO SSP were also taken into account. For most of the provisions of Annex 19 under consideration, recommendations are provided for adjusting the S Program for more complete implementation of

ICAO Standards. The reference to the history of the S Program formation and brief information on the US SSP as an example of a successful and practically useful program is given.

Key words: air safety; ICAO standards; state safety program; components; critical elements; state supervision duties.

Введение (Introduction)

Положения по управлению безопасностью полётов (БП) на государственном уровне разрабатывались ИКАО с 2006 г., и указания по разработке Государственной программы БП (ГосПБП) содержались уже в первом изд. Руководства по управлению БП (РУБП), Doc. 9859, 2006 г. Законченное выражение в виде Стандартов и Рекомендуемой практики (SARPs) эти положения получили в 2013 г. с выходом 1-го издания Приложения 19. Отставание РФ от ведущих авиационных держав в части разработки ГосПБП очевидно и подчеркнуто еще раз в недавнем открытом письме [Терещенко и др., 2025] авторитетных специалистов к руководству страны: «... в Российской Федерации абсолютно недостаточна реализация требований ИКАО к государству в области безопасности полётов».

Как известно, в РФ в соответствии со ст. 24.1 Воздушного кодекса (ВК)¹ управление безопасностью полетов (БП) должно быть основано на стандартах ИКАО. Определения в приложениях ИКАО являются стандартом, соответственно, в части управления БП на государственном уровне следовало бы использовать определения из Приложения 19.

ГосПБП в Приложении 19 определена как единый комплекс правовых норм, правил, политики, целей, процессов, процедур и видов деятельности, направленных на управление БП на государственном уровне. Наша Программа² называется «Программа безопасности полётов» (далее – Программа БП) и определена как совокупность правил и мероприятий, нацеленных на повышение БП в гражданской авиации (ГА). В определении Программы БП опущены важные содержательные части ГосПБП: нормы, политика, цели, процессы, процедуры, виды деятельности. Также опущено слово «государственная». Между тем это слово не только приближает наше определение к Стандарту ИКАО, но и повышает статус Программы до уровня программ, разрабатываемых по ФЗ-172 «О стратегическом планировании»³. Учитывая стратегическую важность ГА для страны, Программа БП безусловно достойна такого статуса.

В настоящей статье анализируется соответствие Программы БП требованиям стандартов ИКАО к ГосПБП, 3-го изд. Приложения 19⁴, которое вступает в силу с ноября 2026 г. Кратко разбирается история создания Программы БП и сведения о ГосПБП США⁵.

¹ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 08.08.2024).

² Распоряжение Правительства РФ от 23.12. 2025 № 3994-р об утверждении Программы безопасности полетов.

³ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

⁴ Приложение 19 к Конвенции о международной гражданской авиации. Управление безопасностью полётов. Изд. 3. ИКАО, 2025. 54 с.

⁵ United States State Safety Program (SSP). Revision 1. NTSB&FAA, 2021. 111 p.

Материалы и методы (Materials and methods)

В качестве информационной и терминологической базы в работе использовались:

- нормативные документы, составляющие основу Воздушного законодательства РФ в части управления безопасностью полетов;
- программы и проекты программ по безопасности полетов в ГА РФ прошлых лет;
- стандарты, рекомендуемая практика и рекомендации технических руководств ИКАО;
- государственные программы безопасности полетов (ГосПБП) отдельных государств (США, Новой Зеландии, ОАЭ);
- журнальные статьи специалистов в области управления безопасностью полетов.

Основным методом исследования является сравнение требований стандартов ИКАО и их реализаций в Программе БП РФ.

Дискуссия (Discussion)

Известно, что и до принятия анализируемой Программы БП основные требования к ГосПБП были реализованы в ГА РФ в виде комплекса нормативных документов. Можно согласиться с авторами статьи 2021 г. [Горбунов и др., 2021]: «ГосПБП уже функционирует в нашем государстве, и целесообразно говорить о совершенствовании этой системы, повышении ее эффективности и, как минимум, доведении ее до полного соответствия применимым стандартам ИКАО». Поэтому при проведении анализа Программы БП параллельно указаны документы РФ, в которых фактически уже реализованы стандарты ИКАО. В качестве рекомендаций предлагается дополнить Программу БП выдержками и ссылками на эти документы.

Общепринятый подход к оценке соответствия ГосПБП стандартам ИКАО базируется на анализе реализации требований к структуре и содержанию программы государства, а также выполнению 8 критических элементов контроля (КЭ) – см. рис. 1. Предполагается, что ГосПБП должна соответствовать по структуре стандарту ИКАО, это четко видно по некоторым ГосПБП в открытом доступе (Новая Зеландия⁶, ОАЭ⁷, США⁵).

Такой подход отражен в ряде публикаций, например, в статье чешских авторов [State Safety..., 2014] отмечено, что при внедрении ГосПБП государство должно провести «анализ пробелов» (*gap analysis*) в своей системе обеспечения БП, т. е. установить, в какой степени комплекс норм и правил в государстве соответствует стандартам ИКАО по каждому

⁶ State Safety Programme 2025 / Civil Aviation Authority of New Zealand // [Электронный ресурс]. – 2025. URL: <https://www.aviation.govt.nz/assets/safety/safety-management-systems/nz-aviation-state-safety-programme.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).

⁷ United Arab Emirates State Safety Programme / General Civil Aviation Authority. 2019 // [Электронный ресурс]. – 2019. URL: <https://www.gcaa.gov.ae/en/epublication/EPublications/Standards/UNITED%20ARAB%20EMIRATES%20STATE%20SAFETY%20PROGRAMME%20%28SSP%29.pdf> (дата обращения: 10.01.2026)

компоненту и КЭ ГосПБП, приведенным в гл. 3, а также в главах 4 и 5 Приложения 19.

В статье [Diao и др., 2022] предлагается система индексов оценки ГосПБП, вводятся 5 уровней зрелости. Используется количественно-качественный метод оценки, при котором показатели оцениваются с учётом теории управления по принципу «планируй-делай-проверяй-действуй». Но метод можно применить, только если структура ГосПБП соответствует стандарту ИКАО. Судя по статье, в КНР это соответствие есть, но в открытом доступе ГосПБП КНР не обнаружена.

В статье белорусских специалистов [Шегидевич и др., 2020] подчеркивается необходимость указания в ГосПБП обязанностей и функций каждого авиационного полномочного органа, установлению понятных государственных показателей БП (SPI) и их целевых уровней (SPT).

По-прежнему актуален вывод, приведенный в статье ректора МГТУ ГА [Бордунов и др., 2015]: «Чтобы правовые рамки ГосПБП соответствовали стандартам Приложения 19, регулятору предстоит провести основательную инвентаризацию российского воздушного законодательства для установления несоответствия действующих законов и правил по безопасности полетов требованиям ИКАО».

Стандарты ИКАО по структуре и содержанию приведены, прежде всего, в главе 3 «Государственная программа по безопасности полётов» Приложения 19, где в п. 3.1.1 указано, что «... государства принимают ГосПБП и осуществляют руководство её реализацией в соответствии с четырьмя компонентами, чётко определёнными в разделах 3.1, 3.3, 3.4 и 3.5». Неотъемлемой частью стандарта является реализация в ГосПБП восьми КЭ из раздела 3 Добавления 1 Приложения 19. Как указано в Предисловии к Приложению 19, КЭ государственного контроля за БП составляют основу ГосПБП. Поэтому анализ предполагает, прежде всего, установление уровня реализации 4-х компонентов и 8-ми КЭ (табл. 1).

Анализ соответствия Программы БП стандартам главы 4 «Система управления безопасностью полетов (СУБП)» по ответственности за внедрение в государстве СУБП поставщиков обслуживания представлен в табл. 2.

В 3-м изд. Приложения 19 в гл. 5 «Разработка информационно-аналитического обеспечения безопасности полётов» расширены и усилены стандарты по создаваемой государством Системе сбора и обработки данных о безопасности полётов (ССОДБП). Соответствие Программы БП этим стандартам гл. 5 анализируется в табл. 3.

Результаты (Results)

Полученные результаты анализа представлены в табл. 1, 2, 3, а также в обзоре истории разработки программы БП в ГА РФ и в краткой справке по ГосПБП США. Разработка Национального плана обеспечения БП, участие РФ

в системе непрерывного мониторинга ИКАО⁸, что также следует отразить в Программе БП, в статье, ввиду её ограниченного объема, не рассматриваются.

Таблица 1⁹ – Реализация стандартов Главы 3 Приложения 19

№ п/п	Стандарт ГосПБП ИКАО	Выполнение стандарта в Программе БП и предложения по её дополнению
Компонент 1 Государственная политика, цели и ресурсы для обеспечения БП полетов (п. 3.2)		
Элемент 3.2.1 Основное авиационное законодательство.		
1	3.2.1.1 Гос-ва принимают основное авиационное законодательство в соотв. с разделом 1 доб. 1 (всеобъемлющий и эффективный закон об авиации, позволяющий управлять БП через посредство полномочных органов) – КЭ-1.	<i>В Программе БП об основном авиационном законодательстве не говорится, КЭ-1 не упоминается.</i> Для выполнения треб. КЭ-1 необходимо указать, что таким законом является ВК, а Воздушное законодательство РФ состоит из ВК, ФЗ, указов Президента РФ, ПП, федеральных правил использования воздушного пространства, ФАП, а также принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов РФ.
Элемент 3.2.2 Конкретные правила эксплуатации		
2	3.2.2.1 Гос-ва принимают конкретные правила эксплуатации в соотв. с положениями р. 2 доб. 1 (правила, вводящие минимальные требования к оборудованию, процедурам) – КЭ-2.	<i>В Программе БП о конкретных правилах эксплуатации не говорится, КЭ-2 не упоминается.</i> Для выполнения треб. КЭ-2 необходимо указать, что конкретные правила экспл. содержатся в ФАП и в других нормативных правовых актах РФ с указанием ссылки на ресурс, где можно скачать любой документ.
3	3.2.2.2 Гос-ва периодически пересматривают конкретные эксплуатационные правила, инструктивный материал и политику внедрения с тем, чтобы они сохраняли свою актуальность и соответствовали характеру деятельности.	<i>В Программе БП, п. 13, как одно из мероприятий указано совершенствование и актуализация воздушного законодательства РФ в соотв. со Стандартами ИКАО и лучшими мировыми практиками в области БП</i> Таким образом, данный стандарт в Программе БП выполняется.

⁸ Руководство по непрерывному мониторингу в рамках Универсальной программы проверок организации контроля за обеспечением безопасности полётов. ИКАО Doc. 9735. Изд. 5. 2023. 72 с.

⁹ В таблицах 1, 2, 3 приняты следующие сокращения: ПП – Постановление Правительства РФ, п. – пункт, р. – раздел, доб. – добавление, треб. – требование, гос-во – государство, экспл. – эксплуатация, соотв. – соответствие, техн. – технический, содер. – содержится, инф. – информация, ф-ция – функция.

3.2.3 Государственная система и функции		
4	3.2.3.1 Гос-ва вводят государственную систему и функции в соответствии с положениями р. 3 доб. 1 (Гос-ва создают полномочные органы или ведомства для управления БП, имеющие заявленные функции и квалифицированный персонал, выполняющий функции контроля за обеспечением БП, которому предоставляются необходимые ресурсы, и инструктивный материал для выполнения своих обязанностей) – КЭ-3.	<i>В Программе БП не содержится описания гос. системы по управлению БП и функций её органов, КЭ-3 не упоминается.</i> Для выполнения треб. КЭ-3 необходимо указать эти органы (Минтранс, ФАВТ, ФСНСТ, МАК) со ссылкой на портал, где можно скачать любой из документов, например, таких, как: ПП от 30.07.2004 № 395 ¹⁰ ; ПП от 30.06.2004 г. № 396 ¹¹ ; ПРАПИ-98 ¹² ; Приказ Ространснадзора от 04.08.2022 г. № ВБ – 348фс; ПП от 30.06.2021 № 1064 ¹³ и др.
5	3.2.3.2 Гос-ва определяют ф-ции и виды деятельности в рамках ГосПБП, но, когда это необходимо, могут делегировать их другому гос-ву, региональной орг. по контролю за БП (RSOO) или по расследованию АП и АИ.	<i>В Программе БП не отражено, что РФ передала функцию по расследованию АП в МАК. Для выполнения данного Стандарта ИКАО это нужно указать, упомянув ПРАПИ-98 и, возможно, Соглашение о гражданской авиации и использованию воздушного пространства, подписанное в Минске 12 – 25.12 1991 г.</i>
6	3.2.3.3 Гос-ва устанавливают политику и цели в области БП, которые отражают обязательства в области БП и способствуют формированию позитивной культуры БП в авиационном сообществе,	<i>В Программе БП раздел I, п. 1 – это, фактически, перефразирование определения БП из статьи 24.1 ВК; пункты. 2, 3, 4 как общие заявления, могут быть включены в гос. политику; в п. 5 говорится о «государственной системе управления БП», но это понятие не раскрывается в Программе БП.</i>

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 395 «Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации».

¹¹ Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 396 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве воздушного транспорта».

¹² Постановление Правительства РФ от 18.06.998 № 609 «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации» (ПРАПИ-98).

¹³ Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1064 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области гражданской авиации».

		<p><i>В Программе БП нет упоминания позитивной культуры безопасности.</i></p> <p>В р. 2, п. 6 указана цель «поддержание уровня БП, соотв. стандартам ИКАО и лучшим мировым практикам». Но в стандартах ИКАО не установлены «уровни БП», а какие «лучшие практики» имеются ввиду – непонятно. Тем более, что в Программе БП (см. п. 22, табл. 1) не указаны показатели БП и их целевые уровни.</p> <p>В п. 8 говорится о «гос. системе управления БП, охватывающей» поставщиков услуг. Без упоминания о СУБП у этих поставщиков (см. п. 1 табл. 2) это заявление лишено конкретного смысла. Таким образом, разделы I и II Программы БП не соответствуют стандартам ГосПБП ИКАО.</p>
7	3.2.3.4 Инф. о предусмотренных ГосПБП функциях, политике и целях по БП документируется и периодически пересматривается с тем, чтобы она сохраняли свою актуальность для гос-ва.	<p><i>В Программе БП, п. 13, как одно из мероприятий, предусмотрено совершенствование законодательства РФ, п. 21 предусматривает ежегодное обновление Программы БП.</i></p> <p>Таким образом, данный стандарт ИКАО выполняется.</p>
8	3.2.3.5 Гос-ва обеспечивают надлежащее отражение роли ведомств ГА при планировании мероприятий на случай аварийной обстановки и управления кризисными ситуациями на гос. уровне.	<p><i>В Программе БП роли ведомств ГА на случай аварийной обстановки и управления кризисными ситуациями не отражены.</i></p> <p>Предлагается указать здесь ссылку на ФАП-517¹⁴ и, возможно, на положения документов по функциям ведомств ГА, в которых имеются соответствующие положения.</p>
3.2.4 Квалифицированный технический персонал		
9	Гос-ва устанавливают треб. к квалификации тех. персонала в соотв. с р. 4 доб. 1 (требования к	<p><i>В Программе БП о квалификации тех. персонала не говорится, КЭ-4 не упоминается.</i></p> <p>Для выполнения треб. КЭ-4 нужно</p>

¹⁴ Приказ Министерства транспорта РФ от 26.11.2020. № 517 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Аварийно-спасательное обеспечение полетов воздушных судов».

	квалификации, наличие системы учета подготовки и переподготовки персонала для поддержания и повышения его квалификации) – КЭ-4.	указать, что треб. к тех. персоналу содержатся в ФЗ-58 от 27.05.2003 ¹⁵ ; в ФЗ-79 от 27.07.2004 ¹⁶ , в положениях о ведомствах ГА РФ и дать ссылку на портал, где можно скачать эти документы.
3.2.5 Технический инструктивный материал, средства и предоставление важной с точки зрения безопасности полетов информации		
10	Гос-ва разрабатывают техн. инструктивный материал и средства, предоставляют важную с точки зрения БП информацию, предоставляют персоналу транспорт в соотв. с р. 5 доб. 1 – КЭ-5.	<i>В Программе БП о предоставлении персоналу ведомств ГА материалов, средств, информации, транспорта не говорится, КЭ-5 не упоминается.</i> Для выполнения треб. КЭ-5 необходимо указать, что представление указанных материалов и ресурсов закреплено в положениях о ведомствах и дать ссылку на портал, где можно скачать эти документы.
Компонент 2 ГосПБП Управление рисками для БП на государственном уровне (п. 3.3)		
3.3.1 Обязательства по выдаче свидетельств, по сертификации, выдаче разрешений и их утверждению		
11	Гос-ва выполняют обязательства по выдаче свидетельств, сертификации, выдаче разрешений и утверждению в соотв. с р. 6 доб. 1 (гос-ва вводят документально оформленные процессы для обеспечения того, чтобы организации, выполняющие авиа. деятельность, отвечали установленным треб.) – КЭ-6.	<i>В Программе БП не обозначены эти обязательства государства, КЭ-6 не упоминается.</i> Для выполнения треб. КЭ-6 нужно указать, что эти обязательства содержатся в ряде документов, в том числе: ПП от 17.02.2022 г. № 193 ¹⁷ ; Приказе Минтранса РФ от 12.09.2008 г. № 147 (ФАП-147); Приказе Минтранса от 10.02.2014 г. № 33; Приказе Минтранса от 02.02.2024 г. № 42 Об изменениях в ФАП-147, и дать ссылку на портал, где можно скачать эти документы.

¹⁵ Федеральный закон «О системе государственной службы РФ» от 27.05.2003 № 58-ФЗ.

¹⁶ Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ» от 27.07.2004 № 79-ФЗ.

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 17.02.2022 № 193.

3.3.2 Обязательства в отношении системы управления безопасностью полётов (СУБП)		
12	3.3.2.1 Гос-ва требуют внедрения СУБП следующими находящимися под их контролем поставщиками обслуживания (далее приведено перечисление организаций-поставщиков обслуживания).	<i>В Программе БП не упоминается СУБП, а приведен список юр. лиц, «охваченных» гос. системой управления БП. Это не соответствует стандарту. Для выполнения стандарта ИКАО нужно указать, что перечень поставщиков услуг, которые должны иметь СУБП, приведен в ПП-642¹⁸, либо привести его в Программе БП, добавив организации по обслуживанию линий управления БАС и контролю БАС.</i>
13	3.3.2.3 Гос-ва регистрации устанавливают критерии внедрения СУБП эксплуатантами тяжелых или турбореактивных самолетов международной АОН по р. 3 части II Приложения 6.	<i>В Программе БП не упоминается СУБП поставщиков услуг. Для выполнения стандарта ИКАО нужно указать, что требования по СУБП для эксплуатантов АОН определены в ФАП-128¹⁹, глава IV и дать ссылку на портал, где можно скачать этот и другие документы.</i>
14	3.3.2.4 Установленные гос-вом регистрации по п. 3.3.2.3 критерии учитывают концептуальные рамки и элементы СУБП, содержащиеся в доб. 2.	<i>В Программе БП не упоминается СУБП поставщиков услуг. Для выполнения данного стандарта ИКАО необходимо указать, что критерий для разработки СУБП эксплуатантом АОН приведен в ФАП-128, гл. IV.</i>
3.3.3 Расследование авиационных происшествий и инцидентов		
15	Гос-ва устанавливают порядок расследования авиац. происшествий и инцидентов согласно Приложению 13 в целях содействия управлению БП в государстве.	<i>В Программе БП не упоминается важная функция государства – расследование АП и инцидентов. Для выполнения данного стандарта ИКАО нужно указать, что порядок расследования авиац. событий в ГА РФ определен в ПРАПИ-98, и дать ссылку на портал, где можно скачать этот документ.</i>

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 12.04.2022. № 642.

¹⁹ Приказ от 31.07.2009 № 128 Об утверждении федеральных авиационных правил «Подготовка и выполнение полетов в гражданской авиации Российской Федерации».

3.3.4 Выявление источников опасности и оценка рисков для безопасности полётов		
16	3.3.4.1 Государства создают и осуществляют процесс выявления источников опасности из собранных данных о безопасности полётов.	<i>В Программе БП указано (п. 11), что должна проводиться оценка изменений на соответствие гос. политике, но ответственный не назван. Однако, по п. 12 анализ данных для выявления факторов опасности требуется только для эксплуатантов ВС. Для выполнения данного стандарта ИКАО нужно указать, что требования о наличии процесса выявления источников опасности приведены в ПП-642, в ФАП-10, 128, 145, 289, 293, 216, 441, 21, а для выполнения сбора данных в ФАВТ разработан специальный формат: https://favt.gov.ru/risk-factor-reporting-form/.</i>
17	3.3.4.2 Государства разрабатывают и осуществляют процесс, обеспечивающий оценку рисков для БП, связанных с выявленными опасностями.	<i>В Программе БП конкретно о процессе оценки рисков на государственном уровне не сказано. Сведений о наличии такого процесса в ГА РФ обнаружить не удалось. Таким образом, данный стандарт ИКАО в РФ не выполнен. Отметим, что в ГосПБП США приведен метод, причем несколько отличный от метода РУБП ИКАО.</i>
3.3.5 Управление рисками для безопасности полётов		
18	3.3.5.1 Гос-ва устанавливают механизмы разрешения проблем БП в соотв. с положениями р. 8 доб. 1 (документально оформленный процесс для принятия действий, в целях разрешения проблем БП; обеспечивают своевременное разрешение проблем БП посредством системы, в рамках которой контролируется и регистрируется прогресс, включая действия, предпринятые лицами и	<i>В Программе БП о механизме разрешения проблем БП на гос. уровне не сказано, КЭ-8 не упоминается. Оформленного процесса для разрешения проблем БП и описания системы контроля и регистрации прогресса в документах РФ не обнаружено. Как приближение к этому стандарту можно сослаться на ПП-642, п. 7, 8, где от ФАВТ требуется в течение 30 дней провести анализ инф о факторах опасности и рисках, представленных поставщиками, и информировать их о результатах анализа. Таким образом, КЭ-8 в ГА РФ реализован не полностью. Отметим, что в ГосПБП США</i>

	<i>организациями авиац. деятельности) – КЭ-8.</i>	процедуры и методы описаны, даны ссылки на используемое ПО.
Компонент 3 ГосПБП Обеспечение безопасности полетов на государственном уровне (п. 3.4)		
3.4.1 Обязательства по надзору		
19	3.4.1.1 Государства выполняют обязательства по надзору в соответствии с положениями разд. 7 доб. 1 (гос-ва вводят процессы путем подготовки и планирования инспекций и мер непрерывного мониторинга, позволяющих убедиться в выполнении треб. Сюда входит надзор за персоналом, осуществляющим контроль) – КЭ-7.	<p><i>В Программе БП о надзорной деятельности гос-ва не говорится, КЭ-7 не упоминается.</i> В части контроля упоминается только в п. 7 «усиление контроля за аутентичностью компонентов ВС». Этого явно недостаточно.</p> <p>Для подтверждения выполнения треб. КЭ-7 нужно указать, что подготовка и планирование инспекций, проверок, непрерывного мониторинга прописаны в ВК РФ (ст. 10, 28, 65), ФЗ-248²⁰, ПП-1064¹⁸, положениях о ведомствах, и указать ссылки на портал, где можно их скачать.</p> <p>Отметим, что проактивность проверок в РФ недостаточна, индикаторы риска основаны на учете произошедших авиац. событий (Приказ Минтранса от 30.11.2021 г. № 423).</p> <p>Отсутствуют документы по эффективным проверкам ВС, аналогичным SAFA²¹.</p>
20	3.4.1.2 Гос-ва устанавливают процедуры первоочередного проведения надзорных мероприятий в наиболее проблемных с точки зрения БП или требующих дополнительной проверки областях.	<p><i>В Программе БП о важной функции гос-ва – надзорной деятельности – не говорится.</i></p> <p>Для подтверждения выполнения стандарта ИКАО необходимо сослаться на ПП-1064¹⁸, в котором реализован «риск-ориентированный подход» к проведению надзорных мероприятий в ГА РФ, и указать ссылку на портал, где можно скачать этот документ.</p>

²⁰ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ.

²¹ SAFA – Safety Assessment of Foreign Aircraft – программа Евросоюза по оценке безопасности иностранных ВС. Аналогичная программа существовала в ГА РФ, но по непонятной для специалистов причине была отменена.

21	<p>3.4.1.3 Государства внедряют механизмы:</p> <p>а) периодической оценки СУБП поставщиков обслуживания, указанных в п. 3.2.2.1;</p> <p>б) мониторинга эффективности обеспечения БП поставщиками обслуживания, указанными в р. 3.3.2.</p>	<p>а) <i>В Программе БП не упоминается СУБП поставщиков.</i></p> <p>В ГА РФ отсутствует официальная программа оценки СУБП поставщиков. Для выполнения стандарта могут использоваться Методические рекомендации, разработанные в МГТУ ГА²².</p> <p>б) <i>В Программе БП не указан «механизм мониторинга» эффективности обеспечения БП поставщиками услуг.</i></p>
<p>3.4.2 Измерение и мониторинг эффективности обеспечения БП на государственном уровне</p>		
22	<p>3.4.2.1 Гос-ва устанавливают показатели эффективности обеспечения БП, которые при необходимости подкрепляются качественными показателями и целевыми уровнями для измерения и мониторинга БП и прогресса в достижении целей в области БП.</p>	<p><i>Программа БП, п. 20, устанавливает ежегодную оценку эффективности обеспечения БП, но не называет показатели и не показывает их приемлемые уровни. Считается, что эта информация «для служебного использования». Также, в п. 6 указана цель «поддержание уровня БП, соответствующего стандартам ИКАО», но в стандартах ИКАО «уровень БП» не установлен.</i></p> <p><i>В п. 7 в качестве цели указано «снижение ключевых показателей БП (частоты АП)» до приемлемого уровня, но не указано, каков этот уровень, кем и как он устанавливается (рассчитывается). Отметим, что в ГА РФ продолжают действовать необоснованные показатели и их уровни из Приложения 1 к ПП-1064 с изменениями по ПП-363²³.</i></p>
<p>3.4.4 Постоянное совершенствование ГосПБП</p>		
23	<p>3.4.4.1 Гос-ва разрабатывают и обеспечивают реализацию процесса, направленного на принятие мер по управлению рисками для</p>	<p><i>В Программе БП не указано, какой процесс разработан для управления рисками для БП и устранения проблем в области БП.</i></p> <p>В документах РФ описание такого процесса, в качестве подтверждения</p>

²² Методические рекомендации территориальным органам Росавиации по проверкам СУБП поставщиков услуг, утв. зам. руководителя Росавиации 03.12.2019 г.

²³ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.03.2025 № 363.

	БП и устранению проблем в области БП.	выполнения данного стандарта, обнаружить не удалось.
Компонент 4 ГосПБП Популяризация вопросов БП на государственном уровне (п. 3.5)		
24	3.5.1 Гос-ва распространяют информацию о функциях ГосПБП, политике и целях в области БП в своем авиац. сообществе и среди других заинтересованных сторон, оказывающих влияние на БП.	<i>В Программе БП популяризация БП понимается так, как записано в п. 17:</i> а) проведение конференций, семинаров по БП, но без указания, как часто, кто и где их проводит; б) публикация ежегодного доклада, но без указания ответственности за это мероприятие;
25	3.5.2 Гос-ва внедряют средства популяризации вопросов БП для содействия достижению целей в области БП и формирования позитивной культуры БП в своем авиац. сообществе и среди других заинтересованных сторон, оказывающих влияние на БП.	в) поощрение физ. и юр. лиц за вклад в повышение БП. <i>В п. 9 Программы БП сказано о создании среды, поощряющей добровольные сообщения. Это, конечно, один из принципов позитивной культуры, но этого недостаточно. Для выполнения стандарта необходимо указать, в том числе, как гос-во распространяет информацию о ф-циях ГосПБП, политике и целях.</i>

Таблица 2 – Реализация стандартов Главы 4 Приложения 19

4. 1 Общие положения		
№ п/п	Стандарт Приложения 19	Выполнение стандарта в Программе БП и предложения по её дополнению
1	4.1.2 Государство обеспечивает разработку каждым поставщиком обслуживания, указанным в п. 3.3.2.1, плана по внедрению СУБП (п. 4.1.2).	<i>В Программе БП упоминаний о СУБП поставщиков услуг нет. Для приближения к стандарту нужно указать, что треб. о наличии плана СУБП есть в ПП-642, п. 4. Но конкретных гос. рекомендаций по разработке плана в документах РФ не обнаружено.</i>
4.2 Согласование СУБП		
2	4.2.1 – 4.2.9 СУБП всех поставщиков авиационного обслуживания подлежат согласованию с государством.	<i>В Программе БП упоминаний о СУБП нет. В документах РФ не удалось обнаружить указания на согласование СУБП поставщика услуг с государством. Предлагается внести это требование в Программу БП.</i>

Таблица 3 – Реализация стандартов Главы 5 Приложения 19

5.2 Системы сбора и обработки данных о безопасности полетов		
№ п/п	Стандарт ГосПБП Приложения 19	Выполнение стандарта в Программе БП и предложения по её дополнению
1	5.2.1 Гос-ва создают систему сбора и обработки данных о БП (ССОДБП), включающую в себя ряд комплексных процессов и механизмов в целях обеспечения сбора, хранения и анализа данных и информации о БП.	<i>В Программе БП ССОДБП не упоминается, но в п. 12 указано, а) что анализ «данных полета» для выявления ФО и рисков требуется для эксплуатантов ВС (получается, что для других анализ не нужен); п. 9 говорит о создании среды, поощряющей сообщения об инцидентах и «угрозах».</i> Отметим, что сообщение об инциденте является обязательным по ПРАПИ-98, а понятия «угроза» и «данные полета» требуют дополнительного пояснения. Для выполнения стандарта нужно указать, что в ГА РФ функционируют Автоматизированная система обеспечения БП (АСОБП) и архив материалов расследования авиационных инцидентов и производственных происшествий: http://archive.aviaregistr.ru
2	5.2.2 Гос-ва обеспечивают, чтобы функционирование ССОДБП основывалось на использовании как проактивных, так и реагирующих методов	<i>В Программе БП ССОДБП не упоминается.</i> Отметим, что упомянутые выше системы АСОБП и АМРИПП не в полной мере соответствуют данному стандарту ИКАО, поскольку в них не предусмотрены проактивные методы сбора инф. о БП.
3	5.2.3 Государство обеспечивает включение с ССОДБП данных и информации о БП, собранных в рамках систем обязательного представления данных о БП.	<i>В Программе БП ССОДБП не упоминается.</i> Нужно указать, что в ГА РФ действуют требования по представлению данных об АП и инциденте в ПРАПИ-98, п. 2.2.2 и п. 3.2.2. Обязательно предоставление в ФАВТ данных о факторах опасности и рисках согласно ПП-642, п. 5.
4	5.2.4 Гос-во создает систему добровольного представления данных о БП для сбора и анализа данных,	<i>В Программе БП в п. 12 б) указано, что мероприятия по сбору данных включают развитие культуры добровольных сообщений.</i> Упоминание

	которые не фиксируются в системе представления данных о БП.	о добровольном представлении данных в ФАВТ есть в ПП-642, п. 6. Однако описания системы обработки добровольных сообщений в документах РФ не обнаружено.
5	5.2.5 Гос. полномочные органы, ответственные за реализацию ГосПБП, вносят свой вклад в формирование данных и инф. о БП и имеют доступ к ССОДБП с целью содействия выполнения ими своих обязанностей в области БП.	<i>В Программе БП не указано конкретно, как гос. органы участвуют в формировании данных.</i> В документах РФ не описан процесс использования данных из АСОБП. Имеется требование к ФАВТ анализировать данные о ФО и рисках в ПП-642, п. 5, но процесс не описан. Для приближения к стандарту необходимо указать также, что гос. органы имеют доступ к АСОБП.
6	5.2.6 Гос-во использует таксономию для отчетности по БП, которая согласуется со стандартной таксономией и упрощает: а) выявление опасностей на гос. уровне (п. 3.3.4); б) сравнение данных и информации по БП; с) совместное использование и обмен информацией, как указано в п. 5.5.	<i>В Программе БП вопросы таксономии не отражены.</i> Следует указать, что в ГА РФ используется таксономия из АМРИПП, которая практически совпадает со стандартизированной таксономией ICAO-CAST и обеспечивает решение вопросов а), б), с) данного стандарта.
5.3 Анализ данных и информации о безопасности полётов		
7	5.3.1 Гос-ва создают и осуществляют процессы для анализа данных и инф. о БП, получаемых из ССОДБП. Эти процессы предусматривают использование методов анализа для поддержки: а) разработки показателей эффект. обеспечения БП (см. п. 3.4.2.1); в) определения опасностей на гос. уровне, как указано в р. 3.3.4; с) определения практики и стратегий для позитивных	В Программе БП ССОДБП не упоминается. Для выполнения стандарта а) необходимо в документах РФ указать используемые показатели БП (SPI) и обоснованные методы расчета их целевых уровней (SPT), предложения есть в статье [Шаров и др., 2023]. Для выполнения стандартов в), с), d) требуются дополнительные исследования и разработка ПО.

	результатов по БП; d) разработки систем сбора и обработки данных о БП.	
5.4 Защита данных и информации о безопасности полётов		
8	5.4.1 Гос-ва обеспечивают защиту данных и инф. о БП, полученных из систем добровольного представления данных о БП и соответствующих источников согласно доб. 3.	<i>В Программе БП вопросы защиты данных и информации не рассматриваются.</i> В ПП-642 указано, что доступ к добровольным сообщениям имеют сотрудники ФАВТ. Четко ограничения на использование данных не прописаны, в ПП-1215, п.12 это было.
9	5.4.3 Гос-ва не предоставляют или используют данные или инф. о БП, собранные в соотв. с п. 5.2; 5.3 в целях, не относящихся к поддержанию уровня БП, за исключением случаев по доб. 3 для предупредительных, корректирующих мер, но принимают необходимые меры содействия культуре БП, направленные на поощрение представления данных о БП, п. 5.1.2 и 5.1.3.	<i>В Программе БП вопросы ненадлежащего использования данных по БП не рассматриваются.</i> Описания конкретных мер для формирования позитивной культуры БП, направленных на поощрение представления данных о БП, в нормативных документах РФ не обнаружено.
10	5.4.4 Несмотря на п. 5.4.3 гос-вам можно использовать данные и инф. о БП для принятия корректирующих мер для повышения БП.	
11	5.4.5 Гос-ва принимают меры, включая содействие позитивной культуре БП, направленные на поощрение представления данных о БП с помощью указанных в п. 5.2.3 и 5.2.4 систем.	<i>В Программе БП вопросы содействия позитивной культуре БП (кроме добровольных сообщений) не рассматриваются.</i>
5.5 Совместное использование информации о БП и обмен ею		
12	5.5.1 Если гос-во при анализе информации его ССОДБП, выявляет вопросы	<i>В Программе БП вопросы передачи информации по БП другим государствам не рассматриваются.</i>

	БП, представляющие интерес для других государств, то оно направляет такую информацию этим гос-вам, но необходимо согласовать уровень защиты данных.	Конкретных положений по передаче информации о БП другим государствам в нормативных документах РФ не обнаружено.
13	5.5.2 Гос-ва содействуют созданию средства для совместного использования инф. о БП или обмена ею для поощрения сотрудничества при принятии мер, гарантирующих использования инф. о БП только для повышения БП.	<i>В Программе БП средства совместного использования или обмена информацией по БП не описаны.</i> Для выполнения данного стандарта ИКАО нужно указать, что информацию распространяет ФАВТ в специальных сообщениях, ежегодных анализах; информация из АСОБП доступна для организаций по запросу; отчеты по расследованию АП есть на сайте МАК https://mak-iac.org/rassledovaniya/ ; а АМРИПП доступен при наличии логина и пароля.

Краткий обзор истории формирования Программы БП в ГА РФ

В ожидании проверки ИКАО в 2008 г. была принята Государственная программа обеспечения БП воздушных судов ГА России²⁴ Цель программы – устранение проблем и внедрение системы управления БП в ГА, способной обеспечить устойчивое сокращение количества авиационных происшествий (АП) и человеческих жертв, с наращиванием темпов модернизации отрасли по всем направлениям деятельности.

Реализация программы планировалась в 2 этапа: первый этап – 2008-2009 гг., второй – 2010-2015 гг. План содержал 87 мероприятий, и выполнение программы должно было уменьшить частоту АП в РФ в 2-2,5 раза. Однако выполнить ряд мероприятий программы не удалось и фактического снижения частоты АП не было достигнуто (количество АП на 100 час. налета за 2007-2008 г. составляло в среднем 0,525, а в 2015-2016 гг. – 0,505).

В последующие годы предпринималось несколько попыток разработки программы БП, особо активно в 2019-2021 гг. в ожидании новой проверки ИКАО. Письмом от 21.06.2019, исх. 20245/2, начальник УИБП ФАВТ направил для обсуждения в ряд организаций полученный из Минтранса проект Программы по БП в сфере ГА. Но при рассмотрении проекта специалистами авиационных организаций оказалась, что в этом документе заимствованы

²⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6.05.2008 № 641-р.

положения из программы Казахстана 2016²⁵ г., включая и значения заданного уровня БП.

Письмом от 9.12.2019, исх. 43801/02 начальник УИБП ФАВТ направил для обсуждения в ряд организаций проект концепции Государственной программы по БП, подготовленный Союзом авиастроителей РФ и одобренный Наблюдательным советом этой организации 29.11.2019 протокол № 48. Предназначение и структура будущей программы представлялись как описание государственной системы управления БП гражданских ВС РФ, содержащее сведения о связанных с ней программах, взаимодействии ее компонентов и функциях различных федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) в области БП. Необходимо было согласовать понятие ГосПБП стандарта ИКАО и понятие «Государственная система управления БП» из действовавшего в то время Постановления Правительства РФ от 18.11.2014 г. № 1215²⁶. Основная часть программы должна была состоять из 4 глав, соответствующих концептуальным рамкам ГосПБП ИКАО, в которые «вписываются» 8 критических элементов (КЭ) государственного контроля, как показано на рис. 1, из РУБП ИКАО²⁷.

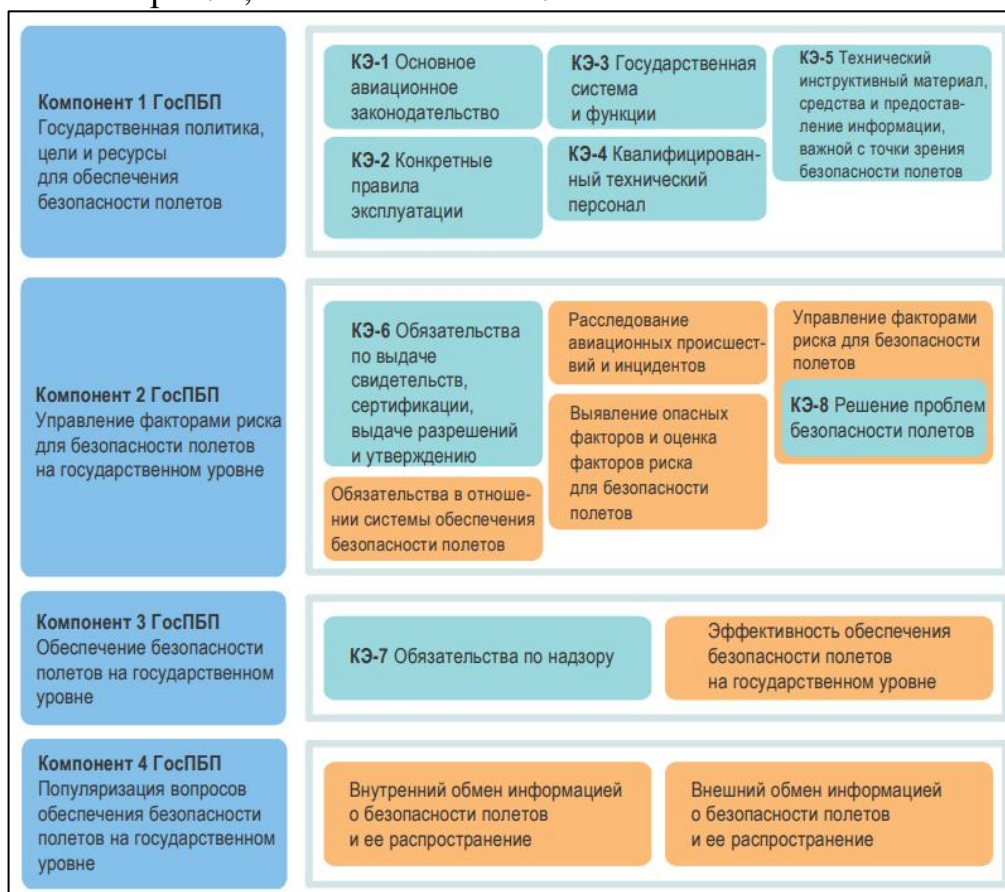

Рисунок 1 – Взаимосвязь компонентов концептуальных рамок ГосПБП ИКАО и КЭ системы государственного контроля за обеспечением безопасности полётов

²⁵ Постановление Правительства Республики Казахстан № 136 от 11.03.2016 Программа по безопасности полётов в сфере гражданской авиации. [Электронный ресурс]. – 2025. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/P1600000136>. (дата обращения: 10.01.2026)

²⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 18.11.2014 г. № 1215.

²⁷ Руководство по управлению безопасностью полётов (РУБП). ИКАО Doc.9859. Изд. 4. 2018. 218 с.

Первая версия самой программы была представлена Минтрансом в письме от 12.02.2020, исх. Д1/3200-ис. После обсуждения проект был разослан письмом Минтранса от 24.04.2020, исх. Д1/9775-ИС. По проекту программы было много замечаний, в частности, 15 замечаний указано в письме заместителя руководителя ФАВТ от 30.04.2020, исх. 18794/02.

Последняя версия программы с учетом замечаний была представлена письмом заместителя министра транспорта от 11.11.2021, исх. ИЧ-Д1-22/21847. В разделе «Общие положения» указывалось, что программа определяет организационные основы управления БП, а само управление осуществляется в рамках ГосСУБП. Отметим, что определенная путаница с понятиями ГосПБП и СУБП наблюдается и в публикациях специалистов по авиационной технике [Дубинский и др., 2023]. Сокращение ГосПБП в тексте программы не использовалось. Указано, что программа содержит описание структуры ГосСУБП, задач и порядка деятельности ФОИВ, установленных указами Президента РФ и Постановлениями Правительства. Был приведен перечень нормативных документов по БП.

В программе было указано, что «высшим должностным лицом, координирующим деятельности ФОИВ в рамках ГосСУБП, является Министр транспорта». Функционирование ГосСУБП обеспечивают 8 ФОИВ, но их роль и ответственность за уровень БП не была определена. Программа могла быть принята за основу. Анализ ситуации с ГосПБП на момент выхода её проекта приведен в статье руководителей Союза авиастроителей [Горбунов и др., 2021].

После вступления в силу новых положений ВК при Минтрансе в 2024 г. была сформирована рабочая группа, совещание состоялось 29.12.2024. В состав группы входили представители и МГТУ ГА. Было решено взять за основу упомянутую программу_Союза авиастроителей РФ, версия 2021 г., и подготовить поправки и дополнения. Поправки от МГТУ ГА были направлены в январе 2025 г. Проект Программы был разослан Росавиацией членам рабочей группы 11.06.2025 с указанием дать окончательные поправки. Поправки от МГТУ ГА были направлены в ФАВТ 26.06.2025. Дальнейшего обсуждения Программы БП не было, и 23.12.2025 была утверждена Программа БП, которая радикально отличается от всех упомянутых выше проектов, обсуждаемых ранее.

Краткая справка о ГосПБП США

Разработчиками ГосПБП США являются две организации: Федеральное авиационное управление (*Federal Aviation Agency – FAA*) и Национальный совет по безопасности на транспорте (*National Transportation Safety Board – NTSB*). Главы с 1 по 4 посвящены функциям, относящимся к четырем компонентам ГосПБП ИКАО.

Глава 1 раскрывает компонент государственной политики, включая цели и ресурсы по БП. Описаны эксплуатационные правила и сделан обзор нормативных актов со ссылками.

Глава 2 посвящена государственному управлению рисками. Выделены направления:

- обязательства по лицензированию, сертификации, авторизации;
- обязательства в отношении СУБП;
- расследование АП и инцидентов, этим занимается независимое от Минтранса NTSB.

Указано, что FAA внедряет системы и процедуры выявления опасностей и оценки рисков и управления рисками (SRM) для БП. Делается ссылка на приказ FAA 8040, который описывает шаги при выполнении SRM. В главе 2 также приведены показатели уровня БП.

Глава 3 посвящена обеспечению БП на гос. уровне. В части выполнения обязательств по надзору созданы механизмы для эффективного мониторинга восьми КЭ, о чем свидетельствуют приведенные результаты проверки USOAP. Реализован механизм непрерывного мониторинга, представляется информация в ИКАО через онлайн-платформу.

Приведено описание надзорной деятельности подразделений FAA: Организации по БП (AVS) и Службы обеспечения стандартов полета (FS).

В части мониторинга и анализа данных по БП (Monitor Safety/Analyze Data – MSAD) дается ссылка на документ с описанием процесса MSAD и ПО, используемого для анализа данных о БП и формирования мер реагирования.

По программе планирования ресурсов (Risk Based Resource Targeting – RBRT) дается ссылка на ПО оценивания рисков и оптимизации в распределении ресурсов.

Описана (со ссылкой на документ) информационная система по аэрокосмической медицине (AMSIS), объединяющая медицинскую информацию по здоровью персонала.

Глава 4 посвящена популяризации вопросов БП на гос. уровне. FAA и NTSB проводят обучение (более 20 курсов), связанное с БП (расследование, планирование, работа по SRM и др.), и доводят информацию о БП до сотрудников (приведены ссылки на соответствующие сайты).

Глава 5 описывает систему сбора, анализа, защиты, обмена данными по БП. FAA и NTSB создали механизмы для обязательной отчетности, оценки и обработки АП и серьезных инцидентов. Владельцы/эксплуатанты ВС и организации по ТО сообщают через веб-систему о проблемах с ТО ВС, двигателя или компонента. Описана подробно система добровольных сообщений и то, как FAA конкретно защищает добровольно предоставленную информацию.

Приведено описание системы оценки качества полетов (FOQA) на гос. уровне по результатам обработки данных бортовых регистраторов ВС.

ГосПБП США объемом 111 стр. является полным, подробным и в основном конкретным описанием структуры и принципов государственной системы управления авиационной отраслью США. Отметим, что США (в отличие от РФ) не берут на себя обязательство по полному внедрению стандартов ИКАО в части управления БП, и в их ГосПБП указано, какие из них не включены в национальные требования, если власти считают это нецелесообразным.

Полнота и полезность программы обеспечивается большим количеством (более 140) работающих ссылок на нормативные и технические документы, ПО, веб-сайты организаций.

Подробно описаны функции и взаимоотношения FAA, NTSB, Минтранса, работа межведомственных комиссий, участие США в международных программах по БП.

Опыт США, как крупной авиационной державы с высоким уровнем БП, может быть активно использован при совершенствовании ГосПБП ГА РФ.

Заключение (Conclusion)

Большая часть стандартов ИКАО по ГосПБП не нашла своего отражения в Программе БП. Наиболее явно несоответствие Стандартам ИКАО проявилось в следующих аспектах.

1. Не выполнено требование «3.1.1 Основываясь на описании системы, государства принимают ГосПБП и осуществляют руководство ею в соответствии с четырьмя компонентами, четко определенными в разделах 3.2, 3.3, 3.4 и 3.5».

Структура ГосПБП ИКАО содержит 4 компонента, включающие 16 элементов, 25 стандартов (см. табл. 1) и 5 рекомендуемых практик. Программа БП состоит из 21 статьи, распределенных по 6 разделам. Разделы, статьи и их содержание не соответствуют компонентам и элементам ГосПБП ИКАО.

2. Не учтено Примечание 1 гл. 3 Приложения 19: «Критические элементы (КЭ) государственной системы контроля за обеспечением безопасности полётов (ГКБП) добавления 1 представляют собой основу ГосПБП», а в Программе БП эти КЭ даже не упоминаются.

3. Важнейшими функциями государства являются выполнение обязательств по надзору (контролю) и расследованию авиационных событий. Соответствующие стандарты прописаны в элементах ГосПБП 3.4.1 и 3.3.3 (см. табл. 1). В Программе БП эти обязательства государства не отражены.

4. Стандарт ИКАО, п. 3.4.2.1 предполагает установление понятных показателей и их целевых уровней для измерения и мониторинга БП.

В Программе БП конкретные показатели БП (SPI), методы их расчета и установления целевых уровней (SPT) не приведены. Ссылка на то, что эти показатели предназначены для служебного использования, вызывает удивление.

Отметим в этой связи, что в Приложении 1 действующего Постановления Правительства 1064, которое изменено Постановлением Правительства 363 [Шаров, 2025], представлены странные показатели и их уровни (см. комментарий на сайте «Аэронавигация без границ» URL: <https://ecovd.ru/vzglyad-professora-o-czelevykh-znacheniyah-klyuchevykh-pokazatelej-urovnya-bp-v-ga-rf>).

История разработки показателей БП и назначения уровней разобрана в статье [Шаров и др., 2023].

5. Важной обязанностью государства является установление требований к СУБП поставщиков обслуживания (услуг). В Приложении 19 эти

обязанности четко прописаны в 10 стандартах гл. 4 (см. табл. 2). В Программе БП СУБП поставщиков услуг даже не упоминаются, соответственно, эти стандарты ИКАО не выполнены.

6. В гл. 5 Приложения 19 содержатся 13 стандартов по государственной системе сбора и обработки данных о БП (ССОДБП), анализу и защите данных.

В Программе БП система ССОДБП вообще не упоминается, а отдельные положения Программы БП, в которых говорится о сборе информации и встречается понятие «анализ данных», не могут считаться выполнением данных стандартов ГосПБП.

Таким образом, проведенный анализ показал, что Программа БП РФ не соответствует большинству стандартов ИКАО по ГосПБП. Ряд положений Программы БП имеют декларативный характер и лишены конкретного наполнения.

Не обозначена ответственность за безопасность полётов в государстве.

Вместе с тем, совокупность нормативных документов и программ ГА РФ отражает практически все стандарты ИКАО по ГосПБП. Поэтому рекомендуется привести текст программы к структуре требований к ГосПБП ИКАО, четко прописанных в Приложении 19, и наполнить его пояснениями и ссылками на конкретные действующие документы и программы, которые фактически реализуют требования стандартов к управлению БП на уровне государства, систематизировав их в соответствии с компонентами концептуальных рамок и КЭ стандартов ИКАО.

Именно такой подход в ГосПБП США дает хороший практический результат.

Очевидна также необходимость переиздать или отменить продолжающие действовать Постановление Правительства 642 от 12.04.2022, ряд положений которого либо противоречат ВК РФ, либо практически невыполнимы, и Постановление 363 от 25.03.2025, которое вводит странные и необоснованные ключевые значения показателей уровня БП.

Библиографический список

Бордунов В. Д. Стратегия правовой политики применения Приложения 19 «Управление безопасностью полетов» / В. Д. Бордунов, Б. П. Елисеев // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2015. № 216(6). С. 5-10. EDN TWNMRV.

Горбунов Е. А. О государственном программном документе по безопасности полётов и позитивной культуре безопасности / Е. А. Горбунов, Г. Б. Щербаков // АвиаСоюз. 2021. №6(88). С. 54-57 // [Электронный ресурс] – 2021. URL: <http://www.aviasouz.com/88.pdf> (дата обращения: 30.12.2025).

Дубинский С. В. Перспективные направления исследований в интересах построения комплексной системы управления безопасностью полетов / С. В. Дубинский, В. В. Стрелков // Труды МАИ. 2023 № 133. EDN GWMКСВ.

Терещенко М. М. О состоянии безопасности полётов в гражданской авиации России. Открытое письмо / М. М. Терещенко, А. Я. Книвель // АвиаСоюз. 2025. № 3/4 (105). С. 7-13 // [Электронный ресурс] – 2025. URL: https://kr-media.ru/upload/iblock/b7a/gjgdwhah7zqhx1wh775be0dmla4ccvk4/AS_3_2025_sayt_n.pdf. (дата обращения: 27.12.2025).

Шаров В. Д. Об изменениях в Воздушном кодексе Российской Федерации в части управления безопасностью полётов // Проблемы безопасности полётов. 2025. № 1. С. 29-41. DOI 10.36535/0235-5000-2025-01-4. EDN QEHSSEM.

Шаров В.Д. О показателях безопасности полётов, их целевых и пороговых уровнях / В. Д. Шаров, Р. А. Образцов, П. М. Поляков // Научный вестник ГосНИИ ГА. 2023. № 43. С. 145–155. EDN NVOGKC.

Шегидевич А. А. Теоретические аспекты и структура управления безопасностью полётов, применяемые государством, согласно Приложению 19 к Чикагской конвенции / А. А. Шегидевич, А. А. Жукова, О. Г. Колошич // Авиационный вестник. 2020. № 3. С. 84-90. EDN MPISYO.

Diao L. Research on State Safety Programme Maturity Assessment Model of Civil Aviation / L. Diao, M. Chen, Y. Chen // System Reliability and Safety Engineering (SRSE). 2022 4th International Conference. 2022. P. 425-429. DOI 10.1109/SRSE56746.2022.10067701.

Vittek P. State Safety Programme and State Safety Plan - Part one – State Safety Programme structure / P. Vittek, S. Stojić, A. Lališ, V. Plos, // Magazine of Aviation Development. 2014. V. 2, № 12, P. 10-14. DOI <https://doi.org/10.14311/MAD.2014.12.02>.

References

Bordunov V. D., Eliseyev B. P. (2015). Legal Policy Strategy for the Application of Annex 19 Flight Safety Management. *Scientific Bulletin of MSTUCA*. 216(6): 5-10. (In Russian)

Diao L., Chen M., Chen Y. (2022). Research on State Safety Programme Maturity Assessment Model of Civil Aviation. *System Reliability and Safety Engineering (SRSE), 4th International Conference*: 425-429.

Dubinsky S. V., Strelkov V. V. (2023). Promising research areas aimed at building an integrated flight safety management system. *Trudy MAI*. 133. (In Russian)

Gorbunov E. A., Shcherbakov G. B. (2021). On the state program document on safety and positive safety culture. *AviaSouz, International Aerospace Magazine*. 6(88): 54-57. Available at: <http://www.aviasouz.com/88.pdf> (accessed 10 January 2026). (In Russian)

Sharov V. D. (2025). On amendments to the air code of the Russian Federation regarding flight safety management. *Problems of safety*. 1: 29-41. DOI 10.36535/0235-5000-2025-01-4. (In Russian)

Sharov V. D., Obratsov R. A., Polyakov P. M. (2023). About safety performance indicators, their targets and triggers. *Scientific Bulletin of State Research Institute of Civil Aviation*. 43: 145-155. (In Russian)

Shegidevich A. A., Zhukova A. A., Koloshich O. G. (2020). Theoretical aspects and safety management structure applied by the state in accordance with Annex 19 of the Chicago Convention. *The Aviation Herald*. 3: 84-90. (In Russian)

Tereshchenko M. M., Knivel A. Y. (2025). On the state of flight safety in Russian civil aviation. Open letter. *AviaSouz, International Aerospace Magazine*. 3/4(105): 7-13. URL: https://kr-media.ru/upload/iblock/b7a/gjgdwhah7zqhx1wh775be0dmla4ccvk4/AS_3_2025_sayt_n.pdf (accessed 27 December 2025). (In Russian)

Vittek P., Stojić S., Lališ A., Plos V. (2014). State Safety Programme and State Safety Plan - Part one – State Safety Programme structure. *Magazine of Aviation Development*. 2(12): 10-14. DOI <https://doi.org/10.14311/MAD.2014.12.02>.

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

17.01.2026
09.02.2026
07.03.2026

Received
Accepted for publication
Published

17.01.2026
09.02.2026
07.03.2026

СИСТЕМЫ НАБЛЮДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ВОЗДУШНОГО ДВИЖЕНИЯ

УДК 623.465.56

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_29

СПОСОБ АЭРОНАВИГАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ ПОЛЁТОВ И ПЕРЕХВАТА ОТДЕЛЬНЫХ ГИПЕРЗВУКОВЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ. ЧАСТЬ 1

*Эдуард Юрьевич Алтухов,
Управление боевой подготовки Воздушно-космических сил
Министерства обороны Российской Федерации,
ул. Знаменка, 19
Москва, 119019, Россия
altuhov_ed@mail.ru*

*Евгений Юрьевич Наполов,
Государственный центр подготовки авиационного персонала,
ул. Гагарина, 61а
Липецк, 398002, Россия
napolovi@yandex.ru*

*Андрей Вячеславович Яковлев,
orcid.org/0000-0003-2985-3907,
доктор технических наук, доцент
Государственный центр подготовки авиационного персонала,
ул. Гагарина, 61а
Липецк, 398002, Россия
yakovlev_andy@mail.ru*

Аннотация. Быстрый темп развития гиперзвукового оружия ставит задачу перед всеми странами мира в кратчайшие сроки пересмотреть свои оборонительные стратегии и инвестировать в новые технологии перехвата гиперзвуковых летательных аппаратов (далее – ГЛА).

Данная статья является первой частью исследования, в которой проведён обзор развития гиперзвукового оружия в мире и рассмотрены его преимущества над остальными видами вооружения. В целях решения задачи перехвата гиперзвукового оружия проанализированы классические методы наведения на различные типы целей и обоснована невозможность их применения. Также проведён анализ существующих авиационных средств поражения (далее – АСП) авиационных комплексов и зенитных управляемых ракет систем противовоздушной обороны, который показал, что по скоростным характеристикам они существенно отстают от гиперзвуковых летательных аппаратов и не могут их догнать. Определена главная сложность решения задачи наведения, которая заключается в определении координат точки перехвата гиперзвукового оружия в условиях значительного превышения скорости над скоростью авиационного средства поражения. Во второй части статьи будет представлен вариант решения поставленной задачи с использованием разработанного способа аэронавигационного обеспечения перспективной военно-технической системы для контроля полётов и перехвата отдельных ГЛА.

Ключевые слова: аэронавигационное обеспечение, контроль, полёты, перехват, гиперзвуковой летательный аппарат, модель, способ.

METHOD OF AIR NAVIGATION SUPPORT FOR AN ADVANCED MILITARY-TECHNICAL SYSTEM FOR FLIGHT CONTROL AND INTERCEPTION OF INDIVIDUAL HYPERSONIC AERIAL VEHICLES. PART I

*Eduard Yu. Altukhov,
Directorate of Combat Training of the Aerospace Forces Ministry
of Defense of the Russian Federation,
19, Znamenka St.,
Moscow, 119019, Russia
altuhov_ed@mail.ru*

*Evgeny Yu. Napolov,
State Aviation Personnel Training Center,
61a, Gagarina
Lipetsk, 398002, Russia
napolovi@yandex.ru*

*Andrey V. Yakovlev,
orcid.org/0000-0003-2985-3907,
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor
State Aviation Personnel Training Center,
61a, Gagarina
Lipetsk, 398002, Russia
yakovlev_andy@mail.ru*

Abstract. The rapid pace of hypersonic weapons development sets the task for all countries of the world to revise their defensive strategies in the shortest possible time and invest in new technologies for intercepting hypersonic aerial vehicles (hereinafter HAV).

This article is the first part of a study that reviews the development of hypersonic weapons in the world and examines their advantages over other types of weapons. In order to solve the problem of hypersonic weapons interception, classical guidance methods for various types of targets are analyzed, and the impossibility of their application is substantiated. An analysis of the existing airborne weapons of aviation complexes and anti-aircraft guided missiles of air defense systems was also carried out, which showed that in terms of speed characteristics they lag significantly behind hypersonic aerial vehicles and cannot catch up with them. The main difficulty in solving the guidance problem has been determined, which consists in determining the coordinates of the interception point of a hypersonic weapon in conditions of significant speed exceeding the speed of an aircraft weapon. In the second part of the article a solution to this problem will be presented using the developed method of air navigation support for an advanced military-technical system for flight control and interception of individual HAV.

Keywords: air navigation support, control, flights, interception, hypersonic aerial vehicle, model, method.

Introduction (Введение)

В настоящее время гиперзвук – это одна из главных областей идущего соревнования в мире между технически развитыми странами в области создания передовых военных технологий. Превысить скорость звука в шесть, восемь или даже в десять раз – одна из глобальных задач развития современного ракетостроения в мировой практике.

Идея гиперзвукового оружия уходит корнями в середину XX века. Во время Второй мировой войны австрийский учёный Ойген Зенгер предложил

концепцию «Зильберфогеля» – гиперзвукового планера, способного доставлять боеприпасы на огромные расстояния, используя атмосферный полет. Хотя проект остался на бумаге, он заложил основу для будущих исследований. В эпоху холодной войны США и СССР экспериментировали с технологиями, которые могли бы обеспечить превосходство в скорости и манёвренности. Программа Х-15 в США, запущенная в 1950-х годах, позволила испытать полёты на скоростях до 6,7 Маха, а советские разработки в области баллистических ракет также затрагивали гиперзвуковые технологии [Бычков, 2021; Гиперзвуковое оружие..., 2025].

Кроме того, гиперзвуковое оружие – это высокоточное оружие и предназначено в основном для прорыва противовоздушной и противоракетной обороны. В западном экспертном сообществе принято полагать, что гиперзвуковые технологии меняют характер ядерной и обычной войны, делая её более быстрой, менее предсказуемой по последствиям и более затруднительной для обороны. На сегодняшний день это уже запустило, как считают некоторые учёные [Тирак, 2018], новую гонку вооружений.

Начало XXI века ознаменовалось новым этапом создания систем оружия на базе гиперзвуковых летательных аппаратов. Причиной активизации работ по созданию новых систем ракетного вооружения стали претензии США на мировое лидерство и формирование однополярного мирового порядка. Для реализации данного намерения требовалось подавляющее превосходство в средствах вооружённой борьбы над любым другим государством [Ашурбейли, 2017; Носатенко, 2009]. Поэтому работы по ведению перспективных исследований в данной области проводятся под управлением Министерства обороны США (DARPA), NASA, с министерствами Военно-воздушных сил, Военно-морских сил и армии в рамках ряда программ, а суммарное ежегодное финансирование составляет более 200 млн долларов США [Титков, 2017; Гиперзвуковое оружие..., 2025].

Текущие исследования США в области программ гиперзвукового оружия включают в себя: 1) оружие быстрого реагирования воздушного базирования AGM-183 BRC (ARRW) и крылатую ракету гиперзвуковой атаки (HACM) [Федосов, 2014; Stilwell, 2020]; 2) гиперзвуковое оружие дальнего радиуса действия армии (LRHW или Dark Eagle); 3) обычный быстрый удар BMC (CPS), 4) наступательные средства противоракетной обороны Increment II (OASuW-2) и DARPA «Stactical Boost Glide» (TBG), Operation Fires (OpFires) и концепцию гиперзвукового воздушно-реактивного оружия (HAWC). Создаются и ракета «земля – земля» PrSM с дальностью 700 км [Precision Strike..., 2023], крылатая ракета средней дальности Typhon с дальностью в диапазоне 1 500 км на базе уже существующих ракет, «Томагавков» и SM-6 [Roaten, 2022]. Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов DARPA, стремясь усовершенствовать свою программу гиперзвукового оружия, запросило 60 млн долларов в своём бюджете на 2023 финансовый год для проработки концепции программы Mohawk – преемницы HAWC. Программа нового запуска, получившая название Mohawk, является преемницей HAWC, разработанной совместно с BRC с использованием

Raytheon и Lockheed Martin в качестве основных подрядчиков. Согласно же докладу Исследовательской службы Конгресса США, американцы рассматривают только неядерное применение гиперзвуковых технологий [Bugos, 2022]. Поступление на вооружение гиперзвукового оружия по прогнозам ожидается к 2027 году. Его дальность должна превзойти возможности самых мощных систем ПВО России и Китая. Однако американские программы сталкиваются с трудностями: два из трёх тестов прототипа С-HGB в 2017–2020 годах завершились неудачей, что подчёркивает технологические вызовы [Бычков, 2020; Шаманов и др., 2022].

В настоящее время ряд ведущих держав стараются не отставать, прежде всего Россия и Китай, а также другие: Великобритания, Франция, Германия, Израиль, Индия, КНДР, Япония, Южная Корея, Иран, Йемен, Австралия и даже Пакистан – то есть те страны, где смогли приблизиться к таким технологиям [Приставка, 2020]. Так, например, Китай демонстрирует впечатляющий прогресс, особенно с ракетой DF-17, оснащённой гиперзвуковым глайдером. В 2021 году испытание этой системы, облетевшей земной шар на низкой орбите, вызвало тревогу в США, где его сравнили с запуском «Спутника». DF-17 имеет дальность до 2 500 км и скорость до 10 Махов, а её способность нести как ядерные, так и обычные боеголовки делает универсальной. Китай также работает над межконтинентальной ракетой DF-41 и гиперзвуковой ракетой воздушного базирования, что укрепляет его позиции в гиперзвуковой гонке [Мизин и др., 2023; Гиперзвуковое оружие..., 2025].

Неожиданными участниками гонки гиперзвукового оружия стали Иран и Йемен. В 2022 году Иран представил ракету «Фаттах» с заявленной скоростью 15 Махов и дальностью 1 400 км. В 2023 году появилась «Фаттах-2» с отделяемым гиперзвуковым блоком, способным маневрировать для уклонения от систем противовоздушной обороны (далее – ПВО). Йеменские хуситы в марте 2024 года заявили об успешном испытании гиперзвуковой ракеты со скоростью до 10 000 км/ч, что стало сенсацией, учитывая ограниченные ресурсы региона. Эти разработки подчёркивают, как гиперзвуковые технологии становятся доступнее, усиливая глобальную конкуренцию.

Индия тестирует гиперзвуковую ракету «BrahMos-II», а КНДР в 2021–2022 годах провела пуски ракет с маневрирующими гиперзвуковыми блоками. Великобритания в апреле 2025 года сообщила о «крупном» испытании гиперзвуковой системы со скоростью 5 Махов, способной запускаться с земли, моря или воздуха. Эти события показывают, что гиперзвуковое оружие перестаёт быть прерогативой сверхдержав, становясь глобальным трендом [Рычков, 2021].

Вооружённые силы Российской Федерации в марте 2022 года первые в мире выполнили боевое применение гиперзвукового оружия, которое продемонстрировало его потенциал. В результате пуска гиперзвуковой ракеты типа «Кинжал» на Украине в Ивано-Франковской области был разрушен подземный склад, который считался одним из самых укрепленных объектов.

Materials and methods (Материалы и методы)

Материалами исследования являются научные публикации, в которых описывается развитие гиперзвукового оружия в различных странах мира. Основные материалы изложены в работах: Бычкова В.В., Мизина В.И., Ефремова Г.А., Титкова О.С., Рычкова В.М., Приставка Е., Федосова Е.А., Шаманова В.А., Щетиникова Е.С., Bugos S., Mizokami K., Roaten M., Tirpak J.A.

Методы исследования: анализ, синтез, моделирование.

Discussion (Дискуссия)

Стратегически гиперзвуковое оружие меняет баланс сил. Гиперзвуковое оружие делится на два основных типа: гиперзвуковые планирующие аппараты и гиперзвуковые крылатые ракеты. Первые запускаются с помощью баллистической ракеты, после чего маневрируют в атмосфере, используя аэродинамические силы. Вторые оснащены прямоточными воздушно-реактивными двигателями, позволяющими поддерживать высокую скорость на протяжении всего полёта. Оба типа обладают уникальными характеристиками, такими как скорость и манёвренность, которые сокращают время реакции на перехват и делают их сложными целями для современных систем противоздушной и противоракетной обороны. Также необходимо учесть, что скорость ГЛА превышает в 8–10 раз скорость звука, а следовательно, существующие зенитно-управляемые ракеты систем противоздушной обороны не могут их догнать и поразить. Так, например, время реакции зенитного ракетного комплекса (далее – ЗРК) ПВО США комплексной системы «Иджис» составляет порядка 8–10 секунд, а ГЛА, идущий со скоростью 2–3 км в секунду, за это время проходит расстояние до 30 км, поэтому данная система ПВО физически не успевает отработать по цели. Зенитно-управляемые ракеты-перехватчики систем ПВО других стран аналогично не успевают догнать и уничтожить ГЛА, а могут быть применены только на встречных курсах. Это вынуждает все страны мира пересматривать свои оборонительные стратегии и инвестировать в новые технологии перехвата [Платунов, 2005; Горченко и др., 2013].

В целях решения задачи контроля полёта и перехвата ГЛА рассмотрены существующие классические методы наведения истребителя-перехватчика на различные типы целей, которые можно разделить на методы прямого сближения, параллельного сближения, упреждённого сближения, наведение методом «погоня» и метод наведения «манёвр» [Кумков, 1973].

Метод прямого сближения

Наведение методом прямого сближения состоит в том, что истребителю-перехватчику задаётся курс для выхода на заданную дальность до воздушной цели D_k с нулевым углом визирования (курсовым углом ГЛА). Дальность D_k называют глубиной наведения. Она определяется по следующей формуле:

$$D_K = D_{II} + \frac{dD}{dt} t_{\text{прц}}, \quad (1)$$

где D_{II} – дальность пуска авиационного средства поражения;

$\frac{dD}{dt}$ – скорость сближения истребителя-перехватчика с ГЛА;

$t_{\text{прц}}$ – время прицеливания.

Если считать, что после выхода на дальность D_K истребитель-перехватчик и ГЛА продолжают полет по прямой, то до пересечения линии пути ГЛА истребитель-перехватчик пройдет путь D_K , а ГЛА за это же время пройдет путь:

$$\dot{S}_{II} \frac{D_K}{\dot{S}_I} = nD_K. \quad (2)$$

Следовательно, продолжение траектории истребителя-перехватчика пересекает ось абсцисс относительной системы координат в точке N , находящейся сзади ГЛА, как показано на рисунке 1, на расстоянии:

$$x_N = -nD_K. \quad (3)$$

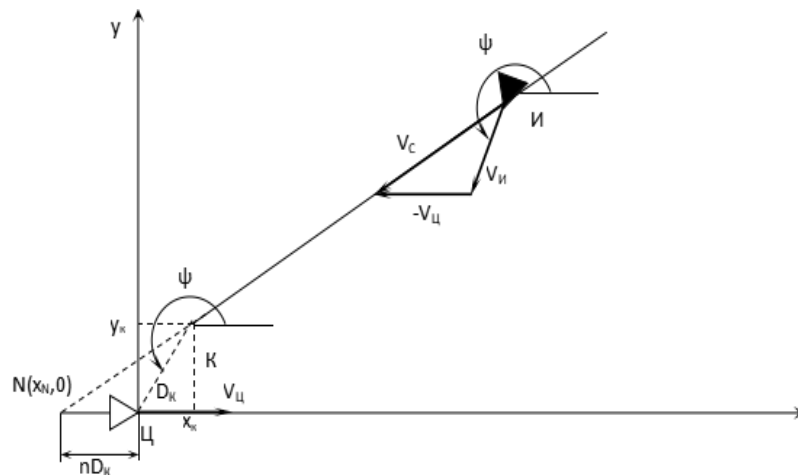

Рисунок 1 – Траектория истребителя при наведении методом прямого сближения

Соответственно уравнение траектории истребителя-перехватчика имеет следующий вид:

$$y = -\frac{\sin \psi}{n - \cos \psi} (x + nD_K). \quad (4)$$

Из рисунка видно, что курс полёта истребителя-перехватчика в точку встречи C равен:

$$\gamma_{II} = \Pi_{II} + q_{II}. \quad (5)$$

В соответствии с теоремой синусов, курсовой угол ГЛА рассчитывается по следующей формуле:

$$\sin q_{\text{Ц}} = -\sin q_{\text{И}} \frac{\dot{S}_{\text{Ц}} t}{\dot{S}_{\text{И}} t + D_{\text{К}}} = -n \sin q_{\text{И}} \frac{t}{t + \frac{D_{\text{К}}}{\dot{S}_{\text{И}}}}. \quad (6)$$

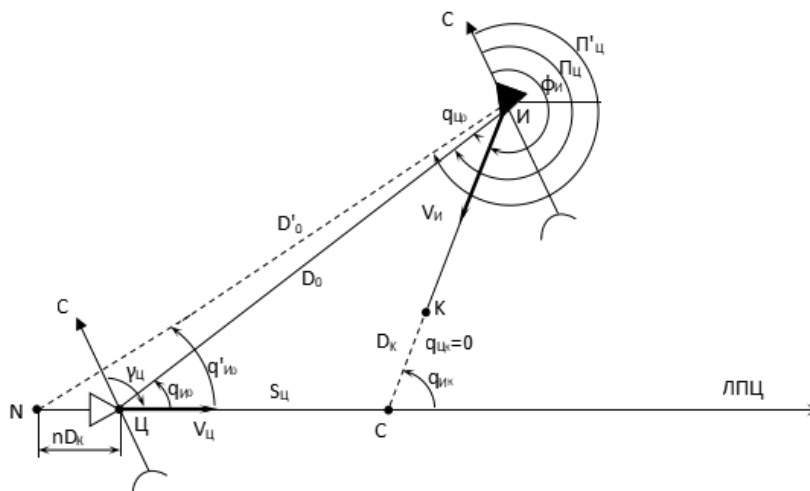

Рисунок 2 – Траектория истребителя-перехватчика при наведении методом прямого сближения

Время полёта истребителя-перехватчика при наведении методом прямого сближения определяется по теореме косинусов и имеет следующий вид:

$$(\dot{S}_{\text{И}} t + D_{\text{К}})^2 = D_0^2 + \dot{S}_{\text{Ц}}^2 t^2 - 2D_0 \dot{S}_{\text{Ц}} t \cos q_{\text{И}}, \quad (7)$$

$$(\dot{S}_{\text{И}}^2 - \dot{S}_{\text{Ц}}^2) t^2 + 2(D_{\text{К}} \dot{S}_{\text{И}} - D_0 \dot{S}_{\text{Ц}} \cos q_{\text{И}}) t + D_{\text{К}}^2 - D_0^2 = 0, \quad (8)$$

$$t = \frac{D_0 \dot{S}_{\text{Ц}} \cos q_{\text{И}} - D_{\text{К}} \dot{S}_{\text{И}} + \sqrt{(D_0 \dot{S}_{\text{Ц}} \cos q_{\text{И}} - D_{\text{К}} \dot{S}_{\text{И}})^2 - (\dot{S}_{\text{И}}^2 - \dot{S}_{\text{Ц}}^2)(D_{\text{К}}^2 - D_0^2)}}{(\dot{S}_{\text{И}}^2 - \dot{S}_{\text{Ц}}^2)}. \quad (9)$$

Рассматривая метод прямого сближения для перехвата ГЛА, очевидно, что при выходе истребителя-перехватчика на дальность $D_{\text{К}}$ поражение ГЛА не представляется возможным ввиду превышения скорости ГЛА над скоростью авиационного средства поражения авиационного комплекса.

Применение данного метода для перехвата ГЛА не достигнет цели, так как траектории гиперзвуковой ракеты и АСП истребителя-перехватчика не имеют мгновенной точки встречи. Следовательно, применение данного метода для перехвата ГЛА не целесообразно.

Метод параллельного сближения

Сущность наведения методом параллельного сближения состоит в том, что истребителю-перехватчику задаётся курс в мгновенную точку встречи с ГЛА. При этом вектор относительной скорости встречи всегда направлен непосредственно на ГЛА, следовательно, $x_{\text{К}}=0$, $y_{\text{К}}=0$, $x_{\text{Н}}=0$ [Кумков, 1973].

Таким образом, для метода параллельного сближения уравнение принимает следующий вид:

$$y = -\frac{x \sin \psi}{n - \cos \psi} x. \quad (10)$$

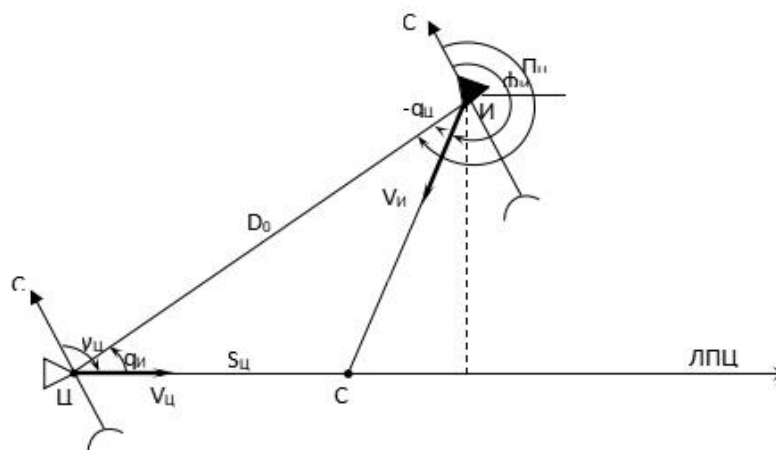

Рисунок 3 – Траектория истребителя-перехватчика при наведении методом параллельного сближения

Из рисунка 3 видно, что курс истребителя-перехватчика в точку встречи имеет следующий вид:

$$\gamma_{И} = П_{Ц} + q_{Ц}, \quad (11)$$

где $П_{Ц}$ – пеленг ГЛА, относительно местоположения истребителя-перехватчика.

Исходя из теоремы синусов, курсовой угол ГЛА определяется следующим образом:

$$\frac{\dot{S}_{Ц}t}{\sin q_{Ц}} = \frac{\dot{S}_{И}t}{\sin q_{И}}, \quad (12)$$

$$\sin q_{Ц} = \frac{\dot{S}_{Ц}}{\dot{S}_{И}} \sin q_{И}. \quad (13)$$

$$\frac{S_{Ц}}{\sin q_{Ц}} = \frac{D_0}{\sin(180 - q_{И} - q_{Ц})}, \quad (14)$$

$$S_{Ц} = D_0 \frac{\sin q_{Ц}}{\sin(180 - q_{И} - q_{Ц})}. \quad (15)$$

Время полёта ГЛА и истребителя-перехватчика в мгновенную точку встречи рассчитывается по формуле:

$$t = \frac{S_{Ц}}{\dot{S}_{Ц}}. \quad (16)$$

Использование данного метода наведения применительно к истребителю-перехватчику не несёт в себе эффективности в силу того, что встреча с ГЛА не является решением задачи перехвата. С другой стороны,

применение данного метода для наведения авиационного средства поражения авиационного комплекса на гиперзвуковой летательный аппарат, двигающийся с большой скоростью, не обеспечивает гарантированного поражения. Кроме того, прямолинейность траектории не создаёт дополнительных ограничений на полет ГЛА.

Метод упреждённого сближения

Сущность наведения методом упреждённого сближения заключается в том, что истребителю-перехватчику задаётся курс в мгновенную точку встречи выпущенным им авиационным средством поражения с ГЛА [Кумков, 1973]. Для этого он выводится на заданную дальность пуска авиационного средства поражения $D_{\text{П}}$ с заданным угловым упреждением $q_{\text{ц}} = \psi_{\text{р}}$, как показано на рисунке 4.

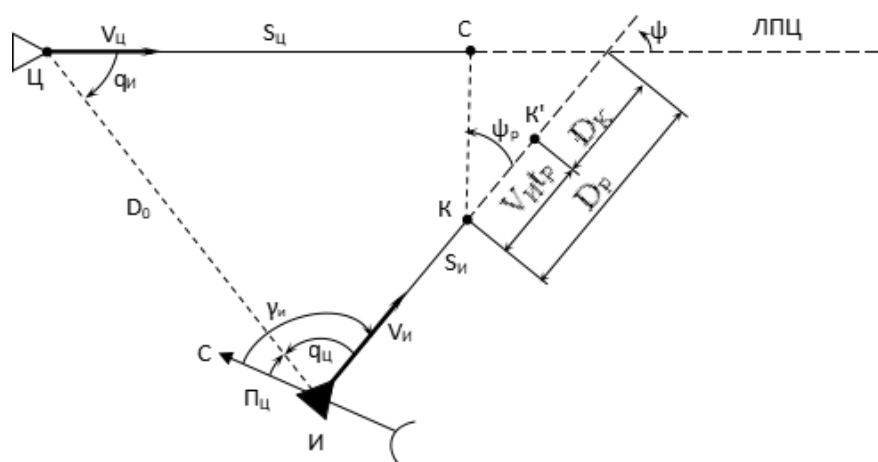

Рисунок 4 – Траектория истребителя-перехватчика при наведении методом упреждённого сближения

Если предположить, что после пуска авиационного средства поражения в точке К истребитель-перехватчик продолжил полет по прямой, то по истечению времени полёта авиационного средства поражения до ГЛА он оказался бы в точке К', следовательно, глубина наведения определяется следующим образом:

$$D_{\text{К}} = D_{\text{р}} - \dot{S}_{\text{И}} t_{\text{р}}, \quad (17)$$

где $t_{\text{р}} = \frac{D_{\text{р}}}{\dot{S}_{\text{И}} + \dot{S}_{\text{р}}}$.

Таким образом, после преобразования выражения (17) глубина зоны наведения имеет следующий вид:

$$D_{\text{К}} = D_{\text{р}} - \dot{S}_{\text{И}} \frac{D_{\text{р}}}{\dot{S}_{\text{И}} + \dot{S}_{\text{р}}}, \quad (18)$$

$$D_{\text{К}} = D_{\text{р}} \frac{\dot{S}_{\text{р}}}{\dot{S}_{\text{И}} + \dot{S}_{\text{р}}}. \quad (19)$$

Сближение истребителя-перехватчика с ГЛА при использовании метода упреждённого движения осуществляется аналогично методу прямого сближения, следовательно, курсовой угол ГЛА имеет следующий вид:

$$\sin q_{\text{ц}} = -\sin q_{\text{и}} \frac{\dot{S}_{\text{ц}}(t+t_p)}{\dot{S}_{\text{и}}t + D_p} = -n \sin q_{\text{и}} \frac{t+t_p}{t + \frac{D_p}{\dot{S}_{\text{и}}}}. \quad (20)$$

В силу схожести методов прямого и упреждённого сближения, то время наведения определяется следующим образом:

$$t = \frac{D_0 \dot{S}_{\text{ц}} \cos q_{\text{и}} - D_{\text{к}} \dot{S}_{\text{и}} + \sqrt{(D_0 \dot{S}_{\text{ц}} \cos q_{\text{и}} - D_{\text{к}} \dot{S}_{\text{и}})^2 - (\dot{S}_{\text{и}}^2 - \dot{S}_{\text{ц}}^2)(D_{\text{к}}^2 - D_0^2)}}{(\dot{S}_{\text{и}}^2 - \dot{S}_{\text{ц}}^2)} - t_p. \quad (21)$$

Из выражения (21) видно, что в случае превышения скорости ГЛА над скоростью истребителя-перехватчика, знаменатель принимает отрицательное значение. Следовательно, задача имеет решение только в том случае, если истребитель-перехватчик и ГЛА двигаются во встречных направлениях. Исходя из скоротечности процесса наведения, обусловленного высокой скоростью сближения, накладываются ограничения на значение курсового угла ГЛА, вследствие чего область применимости данного метода существенно уменьшается.

Метод наведения «погоня»

Сущность метода наведения «погоня» заключается в том, что вектор скорости истребителя-перехватчика и его продольная ось непрерывно направляются на ГЛА. В этом случае курсовой угол ГЛА равен нулю, истребитель-перехватчик сближается с ГЛА по криволинейной траектории полёта [Кумков, 1973]. Наведение этим методом связано с разворотом истребителя-перехватчика и изменением угла крена в процессе сближения с ГЛА (рисунок 5).

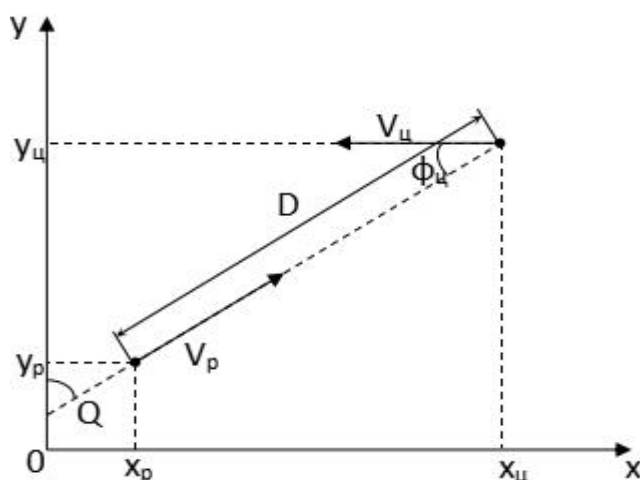

Рисунок 5 – Траектория истребителя-перехватчика при наведении методом «погоня»

Исходя из рисунка 5, взаимное передвижение ГЛА и истребителя-перехватчика описывается следующими уравнениями:

$$-\Delta D = (\dot{S}_p + \dot{S}_u \cos \phi_u) \Delta t, \quad (22)$$

$$\omega = \frac{d\phi_u}{dt} = \frac{V_u \sin \phi_u}{D}. \quad (23)$$

Умножив обе части (22) на $(\cos \phi_u - \frac{\dot{S}_p}{\dot{S}_u})$, а (23) на $\sin \phi_u$ уравнения принимают следующий вид:

$$\frac{dD}{dt} (\cos \phi_u - \frac{\dot{S}_p}{\dot{S}_u}) = \frac{\dot{S}_p^2}{\dot{S}_u} - \dot{S}_u \cos^2 \phi_u, \quad (24)$$

$$\frac{d\phi_u}{dt} D \sin \phi_u = \dot{S}_u \sin^2 \phi_u. \quad (25)$$

Вычитая уравнение (24) из (25), получается уравнение следующего вида:

$$\frac{dD}{dt} (\cos \phi_u - b) - \frac{d\phi_u}{dt} D \sin \phi_u = \dot{S}_u b^2 - \dot{S}_u, \quad (26)$$

$$D(\cos \phi_u - b)|_D^0 = \dot{S}_u (b^2 - 1)t|_0^t, \quad (27)$$

$$t = \frac{D(b - \cos \phi_{u0})}{\dot{S}_u (b^2 - 1)}. \quad (28)$$

Из уравнения (28) следует, что если скорость ГЛА больше скорости авиационного средства поражения, то значение времени полёта принимает неопределённую величину. Соответственно перехват ГЛА авиационным средством поражения, не имеющий преимущества в скорости полёта, методом «погоня» невозможен. Кроме того, при определённом курсовом угле истребителя-перехватчика крен может достигнуть такого значения, когда он не сможет удержаться на криволинейной траектории полёта, так как перегрузки при наведении этим методом могут значительно превышать допустимые для лётчика и прочности самого истребителя-перехватчика.

Метод наведения «манёвр»

Наведение методом «манёвр» заключается в выводе истребителя-перехватчика по траектории, состоящей из нескольких участков, включающих специальный манёвр, в заданное относительно ГЛА положение по направлению и дальности [Кумков, 1973]. Это положение определяется возможностями системы вооружения истребителя-перехватчика и тактическим замыслом.

Траектория полёта истребителя-перехватчика при наведении методом «манёвр» состоит из следующих участков:

- участок прямолинейного полёта в точку начала манёвра (разворота);
- манёвр (разворот) для выхода на ГЛА с заданного направления;
- прямолинейный участок непосредственного выхода на ГЛА.

На первом этапе истребитель-перехватчик по прямой выводится в точку начала разворота. Длина прямолинейного участка первого этапа зависит от исходной дальности между ГЛА и истребителем-перехватчиком, их взаимного положения, скоростей полёта и заданного угла встречи.

На втором этапе наведения истребитель-перехватчик выполняет манёвр. Наиболее распространённым видом манёвра является разворот на некоторый угол с определённым креном, который определяет радиус разворота. Команда на выполнение манёвра подаётся при выходе истребителя-перехватчика в точку начала разворота. В результате разворота истребителя-перехватчика на рассчитанный угол обнаружения ГЛА должен войти в зону обзора бортовой прицельной системы и находиться от него на некоторой дальности и быть не больше предельного угла встречи. Значение предельного угла встречи принимается равным максимальному отклонению зоны обзора бортовой прицельной системы истребителя-перехватчика от его продольной оси. На третьем этапе наведение осуществляется, как правило, методом прямого или упреждённого сближения.

Второй и третий этапы накладывают ограничения на решение задачи наведения на ГЛА, в первую очередь, по причине дефицита времени на выполнение манёвров. Кроме того, выше был сделан вывод о том, что наведения, выполненные методом прямого и упреждённого сближения, являются неэффективными, следовательно, и третий этап не решит задачу перехвата ГЛА. Исключением является случай, когда истребитель-перехватчик и ГЛА летят на встречных курсах, но в этом случае реализуется метод параллельного сближения.

Таким образом, можно сделать вывод по результатам проведённого анализа, что существующие классические методы наведения для решения задачи контроля полёта и перехвата ГЛА не эффективны, и перед научным сообществом, которое занимается работой по теме противодействия гиперзвуковому оружию, стоит научная задача разработки нового способа перехвата.

Results (Результаты)

В ходе проведения занятий на тренажно-моделирующих комплексах со специалистами по боевому управлению воздушным движением была подтверждена невозможность использования классических методов наведения при решении задачи перехвата и уничтожения ГЛА, а следовательно, выводы, сделанные по каждому методу наведения, верны.

Conclusion (Заключение)

Настоящая статья является первой частью исследований, в ней приведён анализ развития гиперзвукового оружия в мире и рассмотрены его преимущества над остальными видами вооружения, а также показано, что классические методы наведения на воздушные цели применять при решении задачи перехвата и уничтожения ГЛА невозможно. В ходе анализа классических методов наведения выявлены положительные стороны

некоторых методов, которые позволят при их комплексировании реализовать их в новом способе, который позволит решить задачу уничтожения ГЛА. Цель первого этапа исследований достигнута. Во второй части данной статьи будет приведён разработанный вариант способа аэронавигационного обеспечения военно-технической системы, который позволит с допустимой вероятностью решить задачу гарантированного уничтожения отдельных ГЛА.

Библиографический список

- Ашурбейли И. Р.* Средства воздушно-космического нападения и воздушно-космической обороны. Состояние и развитие. М.: Планета, 2017. 336 с.
- Бычков В. В.* Взгляд на возникновение и развитие гиперзвукового оружия в развитых странах мира // Научно-методический сборник. СПб, 2021. Вып. 20. С. 76-84.
- Бычков В. В.* Гиперзвуковое ракетное оружие будущего и российское противостояние западу // Морской сборник. 2020. № 2(2075). С. 73-78. EDN PMXFQE.
- Гиперзвуковое оружие: последние испытания и стратегические сдвиги // Avia.pro [Электронный ресурс]. – 2025. URL: <https://avia.pro/blog/giperzvukovoe-oruzhie-poslednie-ispytaniya-i-strategicheskie-sdvigi/> (дата обращения: 14.11.2025).
- Горченко Л. Д.* Моделирование конфликтных ситуаций между планирующим летательным аппаратом и зенитной управляемой ракетой-перехватчиком / Л. Д. Горченко, И. В. Евсеев, А. А. Мишин // Вопросы электромеханики. Труды ВНИИЭМ. 2013. Т. 137, № 6. С. 23-30. EDN SGMRXD.
- Кумков И. М.* Основы теории управления воздушным движением. Л.: ОЛАГА, 1973. 208 с.
- Мизин В. И.* Гиперзвуковое оружие и стратегическая стабильность: риски и вызовы для международной безопасности / В. И. Мизин, П. И. Севостьянов, А. Р. Макаев // Via in Tempore. История. Политология. 2023. Т. 50, № 4. С. 1061-1071. DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-4-1061-1071. EDN DIDYPI.
- Носатенко П. А.* Гиперзвуковое оружие будущего // Защита и безопасность. 2009. № 2(49). С. 20-22. EDN KXMYFP.
- Платунов В. С.* Методология системных военно-научных исследований авиационных комплексов. М.: "Дельта", 2005. 344 с.
- Приставка Е.* Что известно о российском и американском гиперзвуковом оружии // Хайтек // [Электронный ресурс]. – 2020. URL: <https://hightech.fm/2020/10/07/russia-america-hypersonic-weapons> (дата обращения: 20.08.2025).
- Рычков В. М.* Гиперзвуковая крылатая ракета «Циркон». Сборник статей по материалам межвузовской научно-практической конференции. СПб. 2021. С. 146-151.
- Титков О. С.* Особенности гиперзвуковых маневрирующих боевых частей летательных аппаратов в проекте быстрого глобального удара // Авиационные системы. 2017. № 7. С. 31-37. EDN ZBPTJZ.
- Федосов Е. А.* Разработка в США концепции и элементов системы ПРО авиационного базирования. М.: ГосНИИАС, 2014. 63 с.
- Шаманов В. А.* Гиперзвук противника / В. А. Шаманов, В. В. Кулаков, О. Ю. Каширина // Защита и безопасность. 2022. № 2. С. 12-18.
- Vigos S.* U.S. Rushes Hypersonic Development. Arms Control Association // [Электронный ресурс] – 2022. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2022-06/news/us-rushes-hypersonic-development> (дата обращения: 23.08.2025).
- Precision Strike Missile (PrSM) // Lockheed Martin // [Электронный ресурс] – 2023. URL: <https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/precision-strike-missile.html> (дата обращения: 14.11.2025).
- Roaten M.* Army Hypersonic Weapon on Fast-Track to Delivery // National Defense // [Электронный ресурс] – 2022. URL:

<https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2022/2/24/army-hypersonic-weapon-on-fast-track-to-delivery> (дата обращения: 14.11.2025).
Stilwell B. Why Russia's Hypersonic Missiles Can't Be Seen on Radar // *Military.com* // [Электронный ресурс] – 2020. URL: <https://www.military.com/equipment/weapons/why-russias-hypersonic-missiles-cant-be-seen-radar.html> (дата обращения: 14.11.2025).
Tirpak J. A. The Great Hypersonic Race // *Air & Space Forces Magazine* // [Электронный ресурс] – 2018. URL: <https://www.airandspaceforces.com/article/The-Great-Hypersonic-Race/> (дата обращения: 21.08.2025).

References

- Ashurbeyli I. R.* (2017). Means of aerospace attack and aerospace defense. Status and development. - М.: Planet: 336 p. (In Russian)
- Bugos S.* (2022). U.S. Rushes Hypersonic Development. *Arms Control Association*. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2022-06/news/us-rushes-hypersonic-development> (accessed 23 August 2025).
- Bychkov V. V.* (2020). Hypersonic missile weapons of the future and the Russian confrontation with the West. *Marine Collection*. 2(2075). 73-79. (In Russian)
- Bychkov V. V.* (2021). A look at the emergence and development of hypersonic weapons in the developed countries of the world. *Scientific and methodological collection*. 20: 76-84. (In Russian)
- Fedosov E. A.* (2014). Development of the concept and elements of an air-based missile defense system in the USA. Moscow: GosNIIAS, 2014. 63 p. (In Russian)
- Gorchenko L. D., Evseev I. V., Mishin A. A.* (2013). Simulations of the conflict in the paragliding situation between the glider pilot and the anti-aircraft guided missile. *Vopros Fluctromechanics. Work VNIVNI*. 137(6): 23-30. (In Russian)
- Kumkov I. M.* (1973). Fundamentals of the theory of air traffic control. Leningrad: OLAGA, 1973. 208 p. (In Russian)
- Mizin V. N., Sevostyanov P. I., Makaev A. R.* (2023). Hypersonic weapons and strategic stability: risks and challenges for international security. *Via in tempore. History of Political Science*. 50(4): 1061-1071. (In Russian)
- Nosatenko P. A.* (2009). Sound support. *Protection and safety*. 2(49): 20-22. (In Russian)
- Platunov V. S.* (2005). Methodology of systematic military scientific research of aviation complexes. Moscow: "Delta", 2005. 344 p. (In Russian)
- Precision Strike Missile (2023). *Lockheed Martin*. Available at: <https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/precision-strike-missile.html> (accessed 14 November 2025).
- Pristavka E.* (2020). What is known about Russian and American hypersonic weapons. *High-tech*. Available at: <https://hightech.fm/2020/10/07/russia-america-hypersonic-weapons> (accessed 20 August 2025).
- Roaten M.* (2022). Army Hypersonic Weapon on Fast-Track to Delivery. *National Defense*. Available at: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2022/2/24/army-hypersonic-weapon-on-fast-track-to-delivery> (accessed 14 November 2025).
- Rychkov V. M.* (2021). Hypersonic cruise missile "Zircon". *Collection of articles based on the materials of the interuniversity scientific and practical conference*. St. Petersburg: 146-151. (In Russian)
- Shamanov V. A., Kulakov V. V., Kashirina O. Yu.* (2022). Gipper sound enemy. *Protection and safety*. 2: 12-18. (In Russian)
- Sound support: the latest and the latest strategy (2025). Available at: <https://avia.pro/blog/giperzvukovoe-oruzhie-poslednie-ispytaniya-i-strategicheskie-sdvigi> (accessed 14 November 2025).
- Stilwell B.* (2020). Why Russia's Hypersonic Missiles Can't Be Seen on Radar. *Military.com*. Available at: <https://www.military.com/equipment/weapons/why-russias-hypersonic-missiles-cant-be-seen-radar.html> (accessed 14 November 2025).

Tirpak J. A. (2018). The Great Hypersonic Race. Air & Space Forces Magazine. Available at: <https://www.airandspaceforces.com/article/The-Great-Hypersonic-Race> (accessed 21 August 2025).

Titkov O. S. (2017). Features of hypersonic maneuvering warheads of aircraft in the Rapid Global Strike project. Aviation Systems. 7: 31-37. (In Russian)

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

15.10.2025
19.11.2025
07.03.2026

Received
Accepted for publication
Published

15.10.2025
19.11.2025
07.03.2026

UO‘K 629.7.087.8

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_43

TOG‘LI HUDUDLARGA XOS BO‘LGAN MURAKKAB XALAQITLAR SHAROITIDA HAVODAGI HARAKATNI BOSHQARISH TIZIMLARIDA MA‘LUMOTLARNI QAYTA ISHLASH ANIQLIGINI OSHIRISH

*Ilxomjon Miralimovich Saydumarov,
orcid.org/0000-0001-6120-1015,
fizika-matematika fanlari nomzodi, dotsent
Toshkent davlat transport universiteti,
Temiryo‘lchilar ko‘chasi, 1
Toshkent sh., 100167, O‘zbekiston
saidilh@mail.ru*

*Ramzjon Bobqul o‘g‘li Jabborov,
orcid.org/0009-0007-3748-9590,
Toshkent davlat transport universiteti
Temiryo‘lchilar ko‘chasi, 1
Toshkent sh., 100167, O‘zbekiston
ramzb@mail.ru*

*Mubinaxon Nazim qizi Madaminova,
orcid.org/0009-0000-5435-9551,
Toshkent davlat transport universiteti
Temiryo‘lchilar ko‘chasi, 1
Toshkent sh., 100167, O‘zbekiston
mmadaminova540@gmail.com*

Annotatsiya. Ushbu ishda murakkab relyefli hududlarda – tog‘li va tog‘oldi mintaqalarida tabiiy va texnogen omillar navigatsiya va aloqa uchun qo‘shimcha to‘siqlar yaratishligi, bunday sharoitlarda havodagi harakatni boshqarish tizimlarida ma‘lumotlarni qayta ishlashning an‘anaviy usullari ko‘pincha yetarlicha aniqlikka ega bo‘lmasligi hamda bu esa havo transporti xavfsizligi va samaradorligi darajasining pasayishiga olib kelishi mumkinligi keltirilgan.

Ushbu ishda hududlarda radiolokatsiya muammolarini hal qilish muhandislik innovatsiyalari, algoritmik moslashuvchanlik va strategik rejalashtirishning kombinatsiyasini talab qilishligi ko‘rsatilgan. Xalqaro amaliyotdan olingan real misollar shuni tasdiqlaydiki, texnologiyalarni to‘g‘ri integratsiyalash orqali eng murakkab topografik sharoitlarda ham havo

harakatining yuqori darajadagi xavfsizligi va ishonchliligini ta'minlash mumkinmumkinligi keltirilgan.

Relyefning o'ziga xos xususiyatlari va texnik cheklovlarni hisobga olgan holda, tog' va tog'oldi hududlari sharoitida ishlaydigan ma'lumotlarni qayta ishlashning mavjud usullarini tahlil qilinib, tog' va tog'oldi hududlarida uchish sharoitlarini radiolokatsion ta'minot nuqtayi nazaridan tahlil qilish texnik modernizatsiya, meteorologik moslashuv va topografik modellashtirishni o'z ichiga olgan kompleks yondashuv zarurligini ta'kidlaydi. Bunday yondashuvsiz parvozning muhim uchastkalarida xavfsizlik darajasi sezilarli darajada pasayishi mumkin.

Kalit so'zlar: tog'li, texnogen, parvoz, radioto'lqin, xalaqitlar, radiolokatsiya.

ПОВЫШЕНИЕ ТОЧНОСТИ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ В СИСТЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ ВОЗДУШНЫМ ДВИЖЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ СЛОЖНЫХ СИТУАЦИЙ, ХАРАКТЕРНЫХ ДЛЯ ГОРНЫХ РАЙОНОВ

*Илхомжан Миралимович Сайдумаров,
orcid.org/0000-0001-6120-1015,
кандидат физико-математических наук, доцент
Ташкентский государственный транспортный университет,
ул. Темирюлчилар, 1
Ташкент, 100167, Узбекистан
saidilh@mail.ru*

*Рамзжон Бобкул угл Жаббаров,
orcid.org/0009-0007-3748-9590,
Ташкентский государственный транспортный университет
ул. Темирюлчилар, 1
Ташкент, 100167, Узбекистан
ramzb@mail.ru*

*Мубинахон Назим кизи Мадаминова,
orcid.org/0009-0000-5435-9551,
Ташкентский государственный транспортный университет
ул. Темирюлчилар, 1
Ташкент, 100167, Узбекистан
mmadaminova540@gmail.com*

Аннотация. В данной работе отмечено, что в районах со сложным рельефом – горных и предгорных районах – природные и техногенные факторы создают дополнительные препятствия для навигации и связи. В таких условиях традиционные методы обработки данных в системах управления воздушным движением часто не обладают достаточной точностью, что может привести к снижению уровня безопасности и эффективности воздушного транспорта.

Данная работа показывает, что решение радиолокационных задач в регионах требует сочетания инженерных инноваций, алгоритмической гибкости и стратегического планирования. Реальные примеры из международной практики подтверждают, что за счет надлежащей интеграции технологий можно обеспечить высокий уровень безопасности и надежности воздушного движения даже в самых сложных топографических условиях.

Комплекс, включающий в себя техническую модернизацию, метеорологическую адаптацию и топографическое моделирование с учетом особенностей рельефа и технических ограничений, анализ существующих методов обработки данных, применяемых в условиях горных и предгорных районов, а также анализ условий полетов в горных и предгорных районах с точки зрения радиолокационного обеспечения,

подчеркивает необходимость подхода, без которого уровень безопасности на важных участках полета может значительно снизиться.

Ключевые слова: горный, техногенный, полет, радиоволны, помехи, радиолокация.

IMPROVING THE ACCURACY OF DATA PROCESSING IN AIR TRAFFIC CONTROL SYSTEMS IN COMPLEX SITUATIONS TYPICAL FOR MOUNTAINOUS AREAS

Ilkhomzhan M. Saidumarov
orcid.org/0000-0001-6120-1015,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor
Tashkent State Transport University
st. Temirelchilar, 1
Tashkent, 100167, Uzbekistan
saidilh@mail.ru

Ramzjon Bobkul coal Zhabbarov
orcid.org/0009-0007-3748-9590,
Tashkent State Transport University
st. Temirelchilar, 1
Tashkent, 100167, Uzbekistan
ramzb@mail.ru

Madaminova Mubinahon Nazim kizi
orcid.org/0009-0000-5435-9551,
Tashkent State Transport University
st. Temirelchilar, 1
Tashkent, 100167, Uzbekistan
mmadaminova540@gmail.com

Abstract. This paper states that in areas with difficult terrain – mountainous and foothill regions – natural and man-made factors create additional obstacles to navigation and communication. In such conditions, traditional data processing methods in air traffic control systems often lack sufficient accuracy, which can lead to a reduction in the safety and efficiency of air transport.

This paper demonstrates that solving regional radar challenges requires a combination of engineering innovation, algorithmic flexibility, and strategic planning. Real-world examples from international practice confirm that proper technology integration can ensure a high level of air traffic safety and reliability, even in the most challenging topographic conditions.

A complex including technical modernization, meteorological adaptation and topographic modeling taking into account the terrain features and technical limitations, an analysis of existing data processing methods applied in mountainous and foothill regions, as well as an analysis of flight conditions in mountainous and foothill regions from the point of view of radar support, emphasizes the need for an approach without which the level of safety in important flight segments can significantly decrease.

Key words: mountainous, man-made, flight, radio waves, interference, radar location.

Kirish

Zamonaviy dunyoda aviatsiya global qatnovlar, iqtisodiy integratsiya va strategik xavfsizlikni ta'minlashda muhim rol o'ynaydi. Ayniqsa, yo'lovchi va yuk tashish jadal o'sib borayotgan hozirgi sharoitda havo qatnovi har qanday davlat infratuzilmasining ajralmas qismiga aylandi. Shu munosabat bilan havodagi

harakatni boshqarish bilan bog‘liq masalalar alohida ahamiyat kasb etadi, chunki parvozlarning xavfsizligi, muntazamligi va barqarorligi ularning samaradorligiga bevosita bog‘liq.

O‘zbekiston Respublikasi havo hududida havo harakatiga xizmat ko‘rsatish xalqaro standartlarga va O‘zbekiston Respublikasi havo hududidan foydalanish to‘g‘risidagi nizomga muvofiq tashkil etiladi va xizmat ko‘rsatish amalga oshiriladigan havo hududining tasnifiga bog‘liq bo‘ladi [O‘zbekiston respublikasining havo kodeksi, 1993, b. 23].

Uzluksiz radiolokatsiya nazorati mavjud bo‘lmaganda va bortdagi navigatsiya asbob-uskunalari beqaror ishlayotganda quyi xavfsiz eshelondan pasayish taqiqlanadi. Bunday holda havo kema zaxira aerodromga borishi kerak [Havo harakati O‘zbekiston..., 2016, b. 74].

Materiallar va usullar

Fazoni polarizatsion zondlash istiqbolli usul bo‘lib, nishon va xalaqitlarni polarizatsion xarakteristikalarini bo‘yicha farqlash imkonini beradi. Norvegiyada amalga oshirilgan PolarSAR loyihasi doirasida turli qutblanishdagi signallarni tarqatish va qabul qilish imkoniyatiga ega bo‘lgan radiolokatorlar ishlab chiqildi, bu esa murakkab tog‘ sharoitlarida obyektlarni aniqlash aniqligini sezilarli darajada oshirdi.

Radiolokatsion ma‘lumotlarni ADS-B va GNSS tizimlari bilan integratsiyalash radiolokatsion qoplamaning kamchiliklarini bartaraf etish imkonini beradi. Rossiyaning Gornyy Altaysk aeroportida yerdagi RLS va sun‘iy yo‘ldosh manbalaridan olingan ma‘lumotlarni birlashtiruvchi gibril tizimdan foydalaniladi, bu esa radar aloqasi vaqtincha yo‘qolganda ham uzluksiz kuzatuvni ta‘minlaydi.

Parvozlarni radiolokatsiya ta‘minoti havodagi harakatni boshqarish tizimining asosiy tarkibiy qismlaridan biri bo‘lib, parvozning barcha bosqichlarida havo kemalarini kuzatish va aniq yo‘naltirishni ta‘minlaydi. Radiolokatsiya tizimlarining ishlash samaradorligi qabul qilinayotgan va qayta ishlanayotgan radiosignallarning sifatiga bevosita bog‘liq bo‘lib, ular o‘z navbatida turli xil xalaqitlarga duchor bo‘ladi. Ularning tasnifi kelib chiqishi bo‘yicha tabiiy, texnogen va topografik guruhlarga bo‘linishi mumkin. Har bir guruh o‘ziga xos ta‘sir ko‘rsatish mexanizmlariga ega bo‘lib, ularni bartaraf etish yoki o‘rnini to‘ldirish uchun o‘ziga xos yondashuvlarni talab qiladi.

Tabiiy xalaqitlar tabiiy hodisalar, jumladan, atmosfera yog‘inlari (yomg‘ir, qor, do‘l), suv bug‘lari, chaqmoq, quyosh chaqnashlari va kosmik nurlanishlar ta‘sirida yuzaga keladi. Bu omillar radioto‘lqinlarga atmosferada yutilish, tarqalish va refraksiyaning o‘zgarishi hisobiga ta‘sir ko‘rsatadi. Matematik jihatdan yomg‘ir tufayli signal quvvatining yo‘qolish darajasi quyidagi tenglama orqali ifodalanishi mumkin:

$$L_{\text{yomg'ir}} = k \cdot R^\alpha \cdot d \quad (1)$$

bu yerda $L_{\text{yomg'ir}}$ – quvvat yo‘qotilishi (dB), k va α – radiosignal chastotasiga

bog‘liq bo‘lgan empirik koeffitsiyentlar, R – yog‘ingarchilik intensivligi (mm/soat), d – signalning tarqalish yo‘li uzunligi (km). Yo‘qotishlarning ko‘payishi, ayniqsa millimetrlilik radiolokatsion komplekslar kabi yuqori chastotali tizimlarda koordinatalarni aniqlash aniqligining pasayishiga olib keladi.

Texnogen xalaqitlar inson faoliyati natijasida hosil bo‘ladi va ularga sanoat qurilmalari, elektr uzatish liniyalari, radio va teleuzatkichlarning elektromagnit nurlanishlari, boshqa radiolokatsion tizimlarning xalaqitlari kiradi. Aeroportlar yaqinida yuzaga keladigan keng polosali shovqinlar aks etgan signallarni aniq qayta ishlash uchun muhim bo‘lgan signal/shovqin nisbatini (SNR) pasaytirishi mumkin:

$$\text{SNR} = \frac{P_{\text{signal}}}{P_{\text{shovqin}}} \quad (2)$$

bu yerda P_{signal} – foydali signal quvvati, P_{shovqin} – shovqin quvvati.

$\text{SNR} < 1$ bo‘lganda, radar ekranlarida soxta belgilarning paydo bo‘lish ehtimoli ortadi, bu esa dispatcherlik ma‘lumotlarida xatolarga va havo kemalarini noto‘g‘ri kuzatib borishga olib keladi.

Topografik xalaqitlar joy relyefining xususiyatlari bilan bog‘liq: tog‘lar, tepaliklar, binolar va sun‘iy inshootlar radioto‘lqinlarni ekranlashi yoki aks ettirishi mumkin, bu esa ko‘p nurli tarqalish va signalning buzilishiga olib keladi. “Soya hududi” hodisasi ma‘lum bir hududda radiolokatsiya qamrovining yo‘qligi yoki sifatsiz ekanligini anglatadi:

$$\theta_{\text{soya}} = \arctan\left(\frac{h}{d}\right) \quad (3)$$

bu yerda θ_{soya} – soyaning burchak o‘lchami, h – to‘siq balandligi, d – radardan to‘siqqacha bo‘lgan masofa.

Bunday buzilishlar havo kemasining aniq joylashuvini topishni qiyinlashtiradi, ayniqsa qo‘nish yoki uchish paytida past eshelonlarda.

Ko‘rsatilgan xalaqitlarning parvozlar xavfsizligiga ta’siri ko‘p jihatli. Tabiiy va texnogen xalaqitlar, ayniqsa, yuqori harakat zichligi sharoitida havo kemalarini aniq identifikatsiya qilishni qiyinlashtiradi. Topografik omillar radiolokatsion qamrov zonalarini cheklaydi, aerodromlar yaqinida manevr qilishda, ayniqsa ko‘rinish cheklangan qo‘nishda xavf tug‘diradi. Bunday xalaqitlarni yetarlicha qoplamaslik yoki bashorat qilmaslik trayektoriyalar to‘qnashuvining o‘z vaqtida aniqlanmasligiga, eshelonlar yoki kirish yo‘nalishlarini belgilashda xatoga yo‘l qo‘yilishiga olib kelishi mumkin, bu esa aviatsiya insidenti ehtimolini oshiradi.

Xalaqitlar ta’sirini minimallashtirishning zamonaviy yondashuvlari antennalarni fazoviy diversifikatsiyalash, signallarni raqamli filtrlash, soxta nishonlarni aniqlash uchun mashinali o‘rganish algoritmlaridan foydalanish, shuningdek, radar ma‘lumotlarini ADS-B va sun‘iy yo‘ldosh kuzatuvlari bilan integratsiyalashni o‘z ichiga oladi. Shunga qaramay, har bir xalaqit manbasining tabiatini fundamental tushunish aviatsiyada ishonchli radar tizimlarini loyihalash va

ishlatish uchun muhim bo‘lib qolmoqda.

Tog‘ va tog‘oldi hududlarida parvoz sharoitlarini tahlil qilish havo harakati xavfsizligini ta‘minlashda, ayniqsa qo‘nish va uchish bosqichida muhim vazifa hisoblanadi. Joyning geomorfologik xususiyatlari, meteorologik hodisalar va radiolokatsion kuzatuvning cheklovlari navigatsiyaning ishonchliligi va havo kemalarini boshqarish sifatiga sezilarli ta‘sir ko‘rsatadi. Tog‘li va tog‘oldi hududlar sharoitida radiolokatsion ta‘minotning standart tamoyillari signallarni ekranlash, ko‘p nurli aks ettirish va beqaror atmosfera xususiyatlari bilan bog‘liq bir qator muammolarga duch keladi.

Asosiy cheklovlardan biri topografik ekranlashdir. Balandliklar, qoyalar va tizmalar to‘g‘ridan-to‘g‘ri radar qoplamasi bo‘lmagan soya zonalarini yaratishi mumkin. Geometrik jihatdan soya zonasining diapazonini avvalroq tilga olingan (3) tenglama yordamida burchak xarakteristikasi orqali baholash mumkin:

$$\theta_{\text{soya}} = \arctan\left(\frac{h}{d}\right) \quad (4)$$

Ekranlash burchaklari katta bo‘lganda, ayniqsa murakkab trayektoriya bo‘yicha qo‘nishga kirishda havo kemasini o‘z vaqtida aniqlash ehtimoli kamayadi.

Muhokama

Oxirgi yillarda, O‘zbekiston fuqarolik aviatsiya sohasida keskin yuksalishga erishildi, jumladan havo kemalari parkini yangi samolyotlar hisobiga boyitilishi, aeroport tizimlarini yangi texnologiyalarini kiritish bilan birgalikda ilmiy tadqiqot ishlari ham ortdi [Saydumarov et al., 2023a, p. 040088-4; Saydumarov et al., 2023a, p.040088-3; Shamsiev, 2021, p. 8-12; Shamsiev, 2022, p. e11801; Maturazov et al., 2022, p. 030044-3].

Havo harakatini boshqarishning nazariy va amaliy jihatlarini rivojlantirishga salmoqli hissa qo‘shgan horijiy ilmiy izlanishlar orasida [Adaptive Kalman Filters..., 2025, p. 7221-7225] da taklif etilgan aralash bo‘lmagan holatlar o‘rtasidagi o‘tish modeliga asoslanib, qisman navigatsiya holatlarini baholashning cheklangan aniqligi muammosini hal qilish uchun tanlov asosida Kalman moslashuvchan filtrlarini ham taklif qilingan. Inersial ma‘lumotlar asosida integratsiyalashgan navigatsiyada texnologik shovqin kovariatsiya matritsasini baholash geterogen Gauss tanlanmalariga asoslangan dispersiyaning maksimal ishonchliligini baholash sifatida umumlashtiriladi. So‘ngra har xil tanlanmalarning noaniq qismlarining baholanayotgan dispersiyaga ta‘sirini oldini olish imkonini beradigan namunalar olish usuli taklif etiladi, bu esa inersial ma‘lumotlar asosida integratsiyalashgan navigatsiyada texnologik shovqin kovariatsiya matritsasini baholash aniqligini oshiradi.

[Impacts of Global Navigation..., 2024] maqolada birinchi marta 2022 yilning fevralidan dekabrigha qadar Boltiqbo‘yi davlatlari, Qora dengiz bilan chegaradosh Sharqiy Yevropa va Sharqiy O‘rta er dengizi mintaqalarida to‘plangan ommaviy kuzatuv ma‘lumotlaridan foydalanib, ushbu hodisalarning ko‘lami va davomiyligini ularning fuqaro aviatsiyasiga ta‘sirini aniqlash uchun baholangan. Tahlillar yakka tartibdagi hodisalardan boshlab muntazam ravishda keng ko‘lamli va takrorlanuvchi uzilishlargacha bo‘lgan turli xususiyatlarni ko‘rsatadi. Keyin tegishli reyslar uchun

havo kemalarining turlarini aniqlangan va faqat sun'iy yo'ldosh navigatsiyasiga tayanadigan va yo'ldosh navigatsiyasini yo'qotgan taqdirda yordamni talab qiladigan reyslarni aniqlash uchun navigatsiya uskunalariga nisbatan parvoz rejasi to'g'risidagi ma'lumotlarni baholangan. Nihoyat, ishda sun'iy yo'ldosh navigatsiyasining parvozlarning xavfsizligiga ta'sirini ko'rsatilgan.

Zamonaviy sun'iy yo'ldosh navigatsiya tizimlari ikki chastotada ishlash uchun tobora ko'proq imkoniyatlar yaratadi, bu esa navigatsiya aniqligini oshirish va qoldiq xatolarni kamaytirish imkonini beradi. Yaqinda aviatsiya hamjamiyati GNSS uskunalarini uchun yangi standartlashtirilgan minimal foydalanish xususiyatlarini ishlab chiqishga kirishdi, shunda kelajakda ikki chastotali ko'p zvenoli tizimlardan (DFMC) foydalanish mumkin. Bunday sharoitda foydalanuvchi GNSS antenasi tomonidan kiritilayotgan qoldiq xatolar yanada dolzarb bo'lib, antennalarning texnik tavsiflarida ham, havo kemalarining ko'p nurli ishlashi uchun modellarda ham lozim darajada aniqlash va cheklashni talab qiladi. [The Role of Antennas..., 2022] ishda ushbu muammo o'rganilib, L1/E1 va L5/E5a chastota diapazonlari uchun hamda ularning ionosfera nurlanishsiz kombinatsiyasi uchun havoda ko'p nurli radio signalni tarqatishning yangi modellarini ishlab chiqishga qaratilgan ishlar natijalari ko'rsatib o'tildi.

Eksperimental uskunalar tarkibiga GPS va Galileo asosiy tashuvchi chastotalar atrofida radiochastota spektrining chuqur dastlabki korrelyatsion tahlilini o'tkazish imkonini beruvchi yuqori aniqlikdagi radiochastotalarni qayd etish moslamasi [Impact of GNSS-Band..., 2022] da kiritilgan. Natijalar shuni tasdiqlaydiki, ishda kuzatilayotgan uzilishlar, ehtimol, sun'iy radio to'siqlar tufayli yuzaga kelgan. Ular, shuningdek, GNSS aralashuvi sharoitida tijorat avionikasining xatti-harakatlarini joyida o'rganish imkonini beradi.

Millimetrlilik to'lqinlardagi aloqa tizimlari (mmWave) keng spektrdan foydalanishi va shuning uchun ma'lumotlarni uzatishning yuqori tezligini ta'minlashi mumkin, masalan, sekundiga bir necha gigabit. Ushbu tizimlarda aloqa liniyalari orasidagi maqbul masofalarni ta'minlash uchun yo'naltirilgan antennalardan foydalaniladi. Demak, yo'naltirilgan qabul qiluvchi antennalar to'g'ri «ridan-to'g'ri» ri ko'rinish zonasida (NLOS) bo'lmagan zonalarda qabul qilinadigan eng kuchli signalni ushlab uchun azimut bo'ylab aylanadi. Ushbu [Afroze et al., 2024, p. 6078-6080] maqolada o'lchovlar natijalarini 90 GHz diapazonida uchta turli stsenariy uchun taqdim etilgan: xonada, ochiq havoda va g'ayrioddiy sharoitlarda: aeroportga texnik xizmat ko'rsatish angarida.

Bu masalalar, ayniqsa, murakkab relyefli hududlarda – tog'li va tog'oldi mintaqalarida juda dolzarb hisoblanadi. Bu joylarda tabiiy va texnogen omillar navigatsiya va aloqa uchun qo'shimcha to'siqlar yaratadi. Bunday sharoitlarda havodagi harakatni boshqarish tizimlarida ma'lumotlarni qayta ishlashning an'anaviy usullari ko'pincha yetarlicha aniqlikka ega bo'lmaydi. Bu esa havo transporti xavfsizligi va samaradorligi darajasining pasayishiga olib kelishi mumkin.

Tog' va tog'oldi hududlarida parvozlarni radiolokatsion ta'minlash muammolarini hal qilish muhandislik, algoritmik va tashkiliy chora-tadbirlarni birlashtirgan holda kompleks yondashuvni talab qiladi. Asosiy muammolar - signallarni ekranlash, ko'p nurli aks ettirish, beqaror refraksiya va cheklangan

qamrov zonasi - zamonaviy texnologiyalar va moslashuvchan strategiyalar yordamida bartaraf etilmoqda.

Signal maydonini tahlil qilish orqali navigatsiya shovqinlarini aniqlash va rad etish usuli [Затучный, 2018, с. 24] ishlarida keltirilgan. Ushbu usul va fazali antenna panjaralari o'rtasidagi farq keltirilgan bo'lib, bu yerda shovqin signalini yo'q qilish protsedurasi asosiy antenna signalidan periferik deb belgilangan antenna signallarining tortilgan yig'indisini olib tashlash orqali nurlanish naqshida ba'zi bir noozliklarni yaratishga asoslangan. Shu bilan birgalikda to'siq shovqinini yo'q qilish bo'yicha o'tkazilgan tajriba natijalari keltirilgan.

Ushbu [Song et al., 2023; Riedel et al., 2020] larda aeroportda yer usti kuchaytirish tizimidan, inersial navigatsiya tizimidan va parvoz masofasiga nisbatan foydalanish imkoniyati ko'rib chiqiladi, aerodrom yordamchi vositalari vizual va asboblarda yordamida qo'nish, [Degradation of Photometric..., 2024, p. 4-6] da yoritish tizimi fotometrik tavsiflari, [Fan et al., 2022, p. 638] da taklif etilayotgan usulni tasvirlash va tekshirish uchun shartli keng fyuzelyajli tijorat samolyotlari uchun mavzuli tadqiqotlar, [Christauskas, 2008, p. 30] da Vilnyus, Riga, Tallin va Krakov aeroportlarida o'n yillik davr mobaynida yo'lovchi tashish dinamikasi tahlili natijalari, [The Impact of Taxiway..., 2023, p. 4] da taklif etilgan yondashuv aeroport operatorlariga aeroportning yuklanishini prognozlashda va kutilmagan holatlarda o'tkazish qobiliyatini oshirishning eng yaxshi strategiyasini tanlashda yordam berishi mumkinligi keltirilgan.

Natijalar

Mamlakatimizning Termiz, Samarqand va Namangan aeroportlari yaqinidagi radiolokatsiya qoplamaning soya zonasining geometrik diapazonini baholaymiz.

Termiz aeroportiga eng yaqin tog' – Hisor tizmasi, Hazrat Sulton cho'qqisi (4643 m) hisoblanadi.

Aeroportdan tog'gacha bo'lgan masofa 40 km.

$$\theta_{\text{Termiz}} = \arctan\left(\frac{4643}{40000}\right) \approx \arctan(0.116) \approx 6.6^\circ$$

Samarqand aeroportiga eng yaqin baland nuqta – Og'aliq massividagi Kemqo'ton tog'i (2178 m). Mazkur tog' aeroportdan 15 km masofada.

Demak,

$$\theta_{\text{Samarqand}} = \arctan\left(\frac{2178}{15000}\right) \approx \arctan(0.1452) \approx 8.3^\circ$$

Vodiyning Namangan xalqaro aeroportiga eng yaqin tog' Chotqol tizmasi, xususan, uning Katta Chimyon cho'qqisi (3309 m) hisoblanadi. Bu cho'qqi 35 km masofada joylashgan.

$$\theta_{\text{Namangan}} = \arctan\left(\frac{3309}{35000}\right) \approx \arctan(0.0945) \approx 5.4^\circ$$

Yuqoridagi natijalarni asosida soya zonasining eng katta diapazoni Samarqand atrofida kuzatilishiga ($\approx 8.3^\circ$) guvoh bo‘lamiz, bu Og‘alik tog‘ massivining yaqin joylashuvi bilan bog‘liq. Bu shuni anglatadiki, ushbu yo‘nalishda, ayniqsa, janubi-g‘arbdan qo‘nishga kirishda radiolokatsiya qamrovining cheklanishiga sabab bo‘lishi mumkin. Termiz va Namanganda esa soya zonasi kichikroq, ammo baribir radiolokatsiya ta‘minotni loyihalashda va qo‘nishga kirish trayektoriyalarini tanlashda hisobga olishni talab qiladi.

Keyingi muhim muammo radiosignalning relyef sirtidan va havo kemalarining o‘zidan qaytishida, ayniqsa nurning qiyalik burchagi kichik bo‘lganda yuzaga keladigan ko‘p nurli qaytishlar hisoblanadi. Bu qaytishlar qabul qilinayotgan signalning fazaviy va amplitudaviy buzilishlarini keltirib chiqaradi. Qaytish mavjud bo‘lganda qabul qilingan signalning samarali quvvati P_r quyidagi tenglama bilan ifodalanadi:

$$P_r = \frac{P_t \cdot G_t \cdot G_r \cdot \lambda^2 \cdot \sigma}{(4\pi)^3 \cdot R^4} \cdot F_{\text{akslantirish}} \quad (5)$$

bu yerda P_t – uzatkich quvvati, G_t va G_r – mos ravishda uzatuvchi va qabul qiluvchi antenaning kuchaytirish koeffitsiyentlari, λ – to‘lqin uzunligi, σ – nishonning samarali aks etish maydoni, R – nishongacha bo‘lgan masofa, $F_{\text{akslanish}}$ – tog‘ yuzalaridan qaytish natijasida signalning kuchayish/susayish koeffitsiyenti.

Yer va tog‘ yonbag‘irlaridan akslanish mavjud bo‘lganda, σ qiymati nochiziqli o‘zgaradi, bu esa ma’lumotlarni aniq talqin qilishni qiyinlashtiradi.

1-jadvaldagi ma’lumotlardan foydalanib, mamlakatning tog‘li hududlari uchun qabul qilingan signalning samarali quvvatini hisoblash mumkin.

1-jadval – Namangan, Samarqand va Termiz aeroportlari uchun ayrim ma’lumotlar

Aeroport	Eng baland nuqta			Radiolokatsiya tizimlari (RLT)	Chastota, GHz	Akslanish koeffitsiyenti
	Nomi	Balandligi, m	Uzoqligi, km			
Namangan	Chotqol	3309	~35	Navigatsiya/kuza tuv RLT	~9,4 (X diapazon)	1,5 (kuchli)
Samarqand	Kemqo‘ton	2178	~15	Ko‘pchastotali RLT	~5,6 (C diapazon)	1,2 (o‘rtacha)
Termiz	Hazrat Sulton	4643	~40	Meteo/navigatsiya RLT	~2,7 (S diapazon)	0,8 (kuchsiz)

-jadvaldagi ma’lumotlarni (5) tenglamaga qo‘yib, Namangan, Samarqand va Termiz aeroportlari uchun qabul qilinadigan shartli signalning samarali quvvatini hisoblaymiz:

Samarqand uchun

$P_t = 1000 \text{ W}$, $G_t = G_r = 30 \text{ dB} \rightarrow G = 10^{30/10} = 1000$, $\lambda = c/f = (3 \cdot 10^8)/5,6 \cdot 10^9 \approx 0,0536 \text{ m}$, $\sigma = 1 \text{ m}^2$ (shartli), $R = 15 \text{ 000 m}$, $F_{\text{akslantirish}} = 1.2$.

$$P_r = \frac{1000 \cdot 1000 \cdot 1000 \cdot (0.0536)^2 \cdot 1}{(4\pi)^3 \cdot (15000)^4} \cdot 1.2 \approx 4.36 \cdot 10^{-11} \text{ Vt}$$

Yuqoridagi hisoblashni Termiz va Namangan aeroportlari uchun ham takrorlaymiz. Natijada, quyidagicha xulosaga kelamiz:

Namangan uchun $P_r \approx 6.8 \cdot 10^{-11}$ Vt (kuchli), ya'ni eng yuqori samaradorlik;

Samarqand uchun $P_r \approx 4.4 \cdot 10^{-11}$ Vt (o'rtacha), ya'ni optimal kuchaytirish;

Termiz uchun $P_r \approx 2,5 \cdot 10^{-11}$ Vt (kuchsiz), ya'ni masofa uzoqligi sababli signal kuchsizlangan.

Tog'li hududlarning iqlim va meteorologik sharoitlari radiolokatsion ta'minotni yanada murakkablashtiradi. Tog'li hududlarda ko'pincha atmosfera bosimi, harorati va namligining keskin o'zgarishi kuzatiladi, bu esa atmosferaning refraksiya xususiyatlariga ta'sir qiladi. Anomal refraksiya radiolokatsiya nurining egilishini keltirib chiqarib, radarning ta'sir zonasini o'zgartirishi mumkin. Refraksiya indeksi n quyidagicha ifodalanadi:

$$n = 1 + \frac{77.6 \cdot P}{T}.$$

bu yerda P – atmosfera bosimi (gPa), T – harorat (K).

Ushbu parametrlarning sezilarli darajada o'zgarishi pozitsiyalash aniqligining pasayishiga va nishonni aniqlashda mumkin bo'lgan nosozliklarga olib keladi.

Parvozlarning xavfsizligi nuqtayi nazaridan, sanab o'tilgan barcha omillar bevosita ta'sir ko'rsatadi. Topografik ekranlash, ayniqsa bulut yoki tuman tufayli vizual cheklovlar sharoitida, havo kemasini erta aniqlashga to'sqinlik qiladi. Ko'p nurli akslanishlar, ayniqsa avtomatik tizimlardan foydalanilganda, soxta maqsadlarning paydo bo'lishiga yoki kuzatuvdagi xatolarga olib kelishi mumkin. Anomal refraksiya ko'rsatilayotgan koordinatalarning siljishiga olib kelishi mumkin, bu esa dispetcherlik va bort ishining sinxronligini buzadi.

Uchish-qo'nish bosqichlarida xavf bir necha barobar ortadi. Qiyin radiolokatsion kuzatuv fazoviy holatni yetarlicha nazorat qilmaslikka olib kelishi mumkin, ayniqsa ko'rinish cheklangan sharoitlarda qo'nishga kirishda. Qaytgan signallar intensivligining o'zgarishi ILS va MLS kabi aniq kirish tizimlarining ishlashini murakkablashtiradi. Shuningdek, parvoz paytida, tezda balandlikka ko'tarilish va to'g'ridan-to'g'ri radiolokatsion qamrov zonasidan chiqish holatida, kontakti vaqtincha yo'qotish ehtimoli ortadi, bu esa favqulodda vaziyatda juda muhim.

Xulosa

Tog' va tog'oldi hududlarida uchish sharoitlarini radiolokatsion ta'minot nuqtayi nazaridan tahlil qilish texnik modernizatsiya, meteorologik moslashuv va topografik modellashtirishni o'z ichiga olgan kompleks yondashuv zarurligini ta'kidlaydi. Bunday yondashuvsiz parvozning muhim uchastkalarida xavfsizlik darajasi sezilarli darajada pasayishi mumkin.

Tog'li hududlarda radiolokatsiya muammolarini hal qilish muhandislik innovatsiyalari, algoritmik moslashuvchanlik va strategik rejalashtirishning kombinatsiyasini talab qiladi. Xalqaro amaliyotdan olingan real misollar shuni tasdiqlaydiki, texnologiyalarni to'g'ri integratsiyalash orqali eng murakkab

topografik sharoitlarda ham havo harakatining yuqori darajadagi xavfsizligi va ishonchliligini ta'minlash mumkin.

Bibliografik ro'yxat

Затучный Д. А. Методы противодействия несанкционированным радиотехническим атакам на навигационные системы воздушного судна гражданской авиации // Надежность и качество сложных систем. 2018. № 1(21). С. 21-27. DOI 10.21685/2307-4205-2018-1-3. EDN YUCLZB.

Adaptive Kalman Filters With Small-Magnitude and Inaccurate Process Noise Covariance Matrix Part II: Application to Inertial-Based Integrated Navigation / Zh. Fengchi, Zh. Siqing, L. Xiaofeng, H. Yulong, Zh. Yonggang // IEEE Transactions on Aerospace and Electronic Systems. 2025. Vol. 61, № 3. Pp. 7205-7235. DOI 10.1109/TAES.2025.3535481.

Afroze Z. LOS-to-NLOS Channel Transition Measurements, Analysis and Characterization for the 90 GHz Band / Z. Afroze, D. W. Matolak // in IEEE Transactions on Vehicular Technology. 2024. Vol. 73, № 5. Pp. 6073-6082. DOI 10.1109/TVT.2023.3347074.

Christauskas J. Dynamics of passenger traffic flow at Vilnius, Riga, Tallinn and Krakow airports / J. Christauskas, J. Stanaitis // Aviation. 2008. № 12(1). Pp. 28-32. DOI 10.3846/1648-7788.2008.12.28-32.

Degradation of Photometric Characteristics of Phosphor Layers in LED Based Airfield Lights / R. Bloudicek, S. Perina, S. Rydlo, P. Makula // 2024 AIAA DATC/IEEE 43rd Digital Avionics Systems Conference (DASC). San Diego, CA, USA, 2024. pp. 1-7. DOI 10.1109/DASC62030.2024.10748720.

Fan Zh. A Holistic Method Determining Takeoff Field Length Requirement for Commercial Aircraft / Zh. Fan, X. Yu // International Journal of Aeronautical and Space Sciences. 2022. Vol. 23, № 3. P. 636-645. DOI 10.1007/s42405-022-00476-1. EDN IBBIHV.

Havo harakati O'zbekiston Respublikasida tashkil etish bo'yicha qo'llanmalar. 2016. 157 p.

Impact of GNSS-Band Radio Interference on Operational Avionics / O. Osechas, F. Fohlmeister, T. Dautermann, M. Felux // NAVIGATION: Journal of the Institute of Navigation. 2022. № 69(2). DOI 10.33012/navi.516.

Impacts of Global Navigation Satellite System Jamming on Aviation / M. Felux, P. Fol, B. Figuet, M. Waltert, X. Olive // NAVIGATION: Journal of the Institute of Navigation. 2024. № 71(3). DOI 10.33012/navi.657.

Maturazov I. S. Improvement of Radio Electronic Equipment Diagnostic System / I. S. Maturazov, A. Abdukayumov // AIP Conference Proceedings. 2022. № 2432. Pp. 030044. DOI 10.1063/5.0090223.

O'zbekiston respublikasining havo kodeksi. 1993. 46 p.

Riedel T. Reducing speed commands in interval management with speed planning / T. Riedel, M. Takahashi, E. Itoh // The Aeronautical Journal. 2020. № 124(1272). Pp. 1-27. DOI 10.1017/aer.2019.124.

Saydumarov I. Increasing the efficiency of aviation operation of the aerodrome / I. Saydumarov, I. Boymanov, S. Shukurova // AIP Conference Proceedings. 2023. № 2789(1). Pp. 040088. DOI <https://doi.org/10.1063/5.0145527>.

Shamsiev Z. Z. Digitalization of Educational and Methodological Support for the Training of Aviation Dispatchers // International Journal of Aviation, Aeronautics, and Aerospace. 2021. Vol. 8, № 3. DOI 10.58940/2374-6793.1609. EDN BPQLNE.

Shamsiev Z. Z. Organizational factors affecting the effectiveness of the educational process of training air traffic controllers // Heliyon. 2022. Vol. 8, № 11. P. e11801. DOI 10.1016/j.heliyon.2022.e11801. EDN LSFBRB.

Song J. Feasibility Study of GBAS/INS and RRAIM for Airport Surface Movement Under Low-Visibility Conditions / J. Song, C. Milner, H. No // NAVIGATION: Journal of the Institute of Navigation. 2024. № 71(4). DOI 10.33012/navi.673.

The Impact of Taxiway System Development Stages on Runway Capacity and Delay under Demand Volatility / K. Dönmez, E. Aydoğan, C. Çetek, E. E. Maraş // *Aerospace*. 2023. Vol. 10, № 1. P. 6. DOI 10.3390/aerospace10010006. EDN LJBBFK.

The Role of Antennas on GNSS Pseudorange and Multipath Errors and Their Impact on DFMC Multipath Models for Avionics / S. Caizzone, M. S. Ciriuc, W. Elmarissi [et al.] // *Navigation, Journal of the Institute of Navigation*. 2022. Vol. 69, № 3. P. navi.532. DOI 10.33012/navi.532. EDN KLWRIT.

References

Afroze Z., Matolak D. W. (2024). LOS-to-NLOS Channel Transition Measurements, Analysis and Characterization for the 90 GHz Band. in *IEEE Transactions on Vehicular Technology*. 73(5): 6073-6082. DOI 10.1109/TVT.2023.3347074.

Bloudicek R., Perina S., Rydlo S., Makula P. (2024). Degradation of Photometric Characteristics of Phosphor Layers in LED Based Airfield Lights. *2024 AIAA DATC/IEEE 43rd Digital Avionics Systems Conference (DASC)*. 1-7. DOI 10.1109/DASC62030.2024.10748720.

Caizzone S., Ciriuc M. S., Elmarissi W. [et al.]. (2022). The Role of Antennas on GNSS Pseudorange and Multipath Errors and Their Impact on DFMC Multipath Models for Avionics. *Navigation, Journal of the Institute of Navigation*. 69(3). navi.532. DOI 10.33012/navi.532.

Christauskas J., Stanaitis J. (2008). Dynamics of passenger traffic flow at Vilnius, Riga, Tallinn and Krakow airports. *Aviation*. 12(1): 28-32. DOI 10.3846/1648-7788.2008.12.28-32.

Dönmez K., Aydoğan E., Çetek C., Maraş E. E. (2023). The Impact of Taxiway System Development Stages on Runway Capacity and Delay under Demand Volatility. *Aerospace*. 10(1): 6. DOI 10.3390/aerospace10010006.

Fan Zh., Yu X. (2022). A Holistic Method Determining Takeoff Field Length Requirement for Commercial Aircraft. *International Journal of Aeronautical and Space Sciences*. 23(3): 636-645. DOI 10.1007/s42405-022-00476-1.

Felix M., Fol P., Figuet B., Waltert M., Olive X. (2024). Impacts of Global Navigation Satellite System Jamming on Aviation. *NAVIGATION: Journal of the Institute of Navigation*. 71(3). DOI 10.33012/navi.657.

Fengchi Zh., Siqing Zh., Xiaofeng L., Yulong H., Yonggang Zh. (2025). Adaptive Kalman Filters With Small-Magnitude and Inaccurate Process Noise Covariance Matrix Part II: Application to Inertial-Based Integrated Navigation. *IEEE Transactions on Aerospace and Electronic Systems*. 61(3): 7205-7235. DOI 10.1109/TAES.2025.3535481.

Havo harakati O'zbekiston Respublikasida tashkil etish bo'yicha qo'llanmalar. 2016. 157 b. (in Uzbek)

Maturazov I. S., Abdukayumov A. (2022). Improvement of Radio Electronic Equipment Diagnostic System. *AIP Conference Proceedings*. 2432. Pp. 030044. DOI 10.1063/5.0090223.

O'zbekiston respublikasining havo kodeksi. 1993. 46 b. (in Uzbek)

Osechas O., Fohlmeister F., Dautermann T., Felix M. (2022). Impact of GNSS-Band Radio Interference on Operational Avionics. *NAVIGATION: Journal of the Institute of Navigation*. 69(2). DOI 10.33012/navi.516.

Riedel T., Takahashi M., Itoh E. (2020). Reducing speed commands in interval management with speed planning. *The Aeronautical Journal*. 124(1272): 1-27. DOI 10.1017/aer.2019.124.

Saydumarov I., Boymanov I., Shukurova S. (2023). Increasing the efficiency of aviation operation of the aerodrome. *AIP Conference Proceedings*. 2789(1): 040088. DOI <https://doi.org/10.1063/5.0145527>.

Shamsiev Z. Z. (2021). Digitalization of Educational and Methodological Support for the Training of Aviation Dispatchers. *International Journal of Aviation, Aeronautics, and Aerospace*. 8(3). DOI 10.58940/2374-6793.1609.

Shamsiev Z. Z. (2022). Organizational factors affecting the effectiveness of the educational process of training air traffic controllers. *Heliyon*. 8(11): e11801. DOI 10.1016/j.heliyon.2022.e11801.

Song J., Milner C., No H. (2024). Feasibility Study of GBAS/INS and RRAIM for Airport Surface Movement Under Low-Visibility Conditions. *NAVIGATION: Journal of the Institute of Navigation*. 71(4). DOI 10.33012/navi.673.

Zatuchny D. A. (2018). Methods of Countering Unauthorized Radio Engineering Attacks on the Navigation Systems of Civil Aviation Aircraft. *Reliability and Quality of Complex Systems*. (1): 21-27. DOI 10.21685/2307-4205-2018-1-3. (in Russian)

Поступила в редакцию

19.11.2025

Received

19.11.2025

Принята в печать

09.02.2026

Accepted for publication

09.02.2026

Опубликована

07.03.2026

Published

07.03.2026

УДК 623.45

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_56

РЕШЕНИЕ МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОЙ ЗАДАЧИ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ УТИЛИЗАЦИИ АВИАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ

*Мария Евгеньевна Семерикова,
orcid.org/0009-0008-1700-2084,*

аспирант

*Московский государственный технический
университет гражданской авиации,
Кронштадтский бульвар, д. 20
Москва, 125493, Россия
maria.semerr@yandex.ru*

*Татьяна Владимировна Наумова,
orcid.org/0000-0002-4813-5081,*

доктор философских наук, доцент

*Московский государственный технический
университет гражданской авиации,
Кронштадтский бульвар, д. 20
Москва, 125493, Россия
t.naumova@mstuca.ru*

Аннотация. Отечественный авиапарк ожидает масштабное обновление в рамках программы импортозамещения, что для российской гражданской авиации создает относительно новую и актуальную проблему обращения с авиационной техникой после завершения ее эксплуатации. На текущий момент демонтаж и утилизация воздушных судов осуществляется фрагментарно и бессистемно. Четкие, научно обоснованные и нормативно закреплённые процедуры отсутствуют. Уникальность конструкции воздушных судов и особенности эксплуатации делают процессы их разукрупнения, переработки и утилизации трудоёмкими и нерентабельными. Вместе с тем растущие требования к ресурсосбережению и защите окружающей среды вынуждают искать и внедрять на заключительном этапе жизненного цикла авиатехники экологически обоснованные процедуры. В статье представлены результаты разработки теоретико-методических основ отраслевой системы обращения с авиационной техникой, выведенной из эксплуатации. Предложен алгоритм обратной логистики авиационной техники с истекшим сроком службы. Разработана методика оценки утилизируемости авиатехники. Приведено описание целевой функции результативности утилизации авиатехники, значение которой определяется решением многокритериальной задачи, учитывающей экономические, экологические, технические и социальные критерии. Обоснованы значения единичных и групповых критериев. Предложенный методический аппарат позволит выполнять технико-экономическую оценку эффективности процедур обращения с авиационной техникой с истекшим сроком службы, выбирать наиболее рациональные подходы, минимизировать экономические убытки и экологические издержки, способствовать развитию инновационных технологий переработки авиационной техники.

Ключевые слова: выведенная из эксплуатации авиационная техника; обратная логистика; интегральный показатель результативности утилизации; комплексный показатель утилизируемости; утилизация авиационной техники; авиационная техника с

истекшим сроком службы (АТ с ИСС); рециклинг; экологическая безопасность; жизненный цикл воздушного судна; вторичное сырье; ресурсосбережение; демонтаж и переработка ВС.

SOLVING THE MULTI-CRITERIA TASK OF OPTIMIZING THE PROCESSES OF AIRCRAFT RECYCLING

*Maria E. Semerikova,
orcid.org/0009-0008-1700-2084,
graduate student
Moscow State Technical
University of Civil Aviation,
20, Kronshtadtsky blvd
Moscow, 125493, Russia
maria.semerr@yandex.ru*

*Tatiana V. Naumova,
orcid.org/0000-0002-4813-5081,
Doctor of Science in Philosophy, Associate Professor
Moscow State Technical
University of Civil Aviation,
20, Kronshtadtsky blvd
Moscow, 125493, Russia
t.naumova@mstuca.ru*

Abstract. The domestic aviation fleet is awaiting a large-scale upgrade as part of the import substitution program, which creates a relatively new and urgent problem for Russian civil aviation in handling end-of-life aviation equipment. Currently, the dismantling and disposal of aircraft is carried out in fragments and haphazardly. There are no clear, scientifically based and legally fixed procedures. The uniqueness of aircraft design and operational features make the processes of their disassembly, recycling and disposal labor-intensive and unprofitable. At the same time, the growing demands on resource conservation and environmental protection force us to seek and implement environmentally sound procedures at the final stage of the aircraft lifecycle. The article presents the results of the development of the theoretical and methodological foundations of the industrial system for handling decommissioned aircraft. An algorithm for the reverse logistics of end-of-life aircraft is proposed. A methodology for assessing the recyclability of aircraft has been developed. The objective function of aircraft recycling efficiency is described, the value of which is determined by solving a multi-criteria task that considers economic, environmental, technical and social criteria. The values of individual and group criteria are substantiated. The proposed methodological framework will make it possible to carry out a technical and economic assessment of the effectiveness of procedures for handling end-of-life aviation equipment, choose the most rational approaches, minimize economic losses and environmental costs, and promote the development of innovative technologies for recycling aviation equipment.

Keywords: decommissioned aviation equipment; reverse logistics; integral utilization performance indicator; comprehensive recyclability indicator; aviation equipment recycling; end-of-life aviation equipment; recycling; environmental safety; aircraft lifecycle; secondary raw materials; resource conservation; aircraft disassembly and recycling.

Введение (Introduction)

Воздушное судно (ВС), как любое транспортное средство, по истечении эксплуатационного этапа подлежит выводу из эксплуатации. Дальнейшее обращение с такой техникой для отечественной гражданской авиации становится актуальной проблемой, обусловленной предстоящей

модернизацией флота ВС, а также необходимостью сокращения экономических и экологических издержек.

Авиационная техника (АТ) обладает уникальными характеристиками, обусловленными особенностями конструкции ВС и специфическими условиями использования. В конструкции и оснащении современного самолёта используются не только ценные материалы (золото, серебро, титан, алюминий), но и инновационные многокомпонентные соединения со специфическими физико-химическими свойствами, которые усложняют процессы разукрупнения, переработки и утилизации авиационной техники с истекшим сроком службы (АТ с ИСС). Зарубежный опыт показывает, что утилизация авиационной техники становится специализированной сферой техногенной деятельности [Семерикова и др., 2025б]. В России, несмотря на наличие нормативных актов, отсутствует подобная отраслевая система. Это приводит к эпизодичности и неупорядоченности утилизационных процедур.

Материалы и методы (Materials and methods)

В данном исследовании предлагается теоретико-методическое обоснование разработки и функционирования системы утилизации АТ с ИСС, удовлетворяющей природоохранным, экономическим и организационным стандартам.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили: концепция жизненного цикла, интерпретированная применительно к авиационной технике; сравнение и анализ; методология системной динамики; теория управления; методы имитационного моделирования; методология алгоритмизации и логико-математическая интерпретация процессов.

Оценка утилизируемости выполнена на основе иерархической системы показателей с использованием экспертных методов определения весовых коэффициентов и многокритериального подхода к оптимизации решений.

Дискуссия (Discussion)

В последние десятилетия авиастроение переходит от алюминиевых конструкций к композитным материалам, усложняя демонтаж и утилизацию воздушных судов (ВС) [Кириченко и др., 2016]. Это привело к развитию специализированной отрасли обращения с авиатехникой. На международном уровне разрабатываются подходы на основе принципов обратной логистики и устойчивого развития.

Ключевые игроки, такие как Airbus и Ассоциация по утилизации авиационного парка (AFRA), формируют стандарты [Papadaki et al., 2025]. Проект PAMELA показал возможность переработки до 85% массы ВС. AFRA разработала руководство BMP 5.0 для экологически безопасного демонтажа и утилизации.

Международный опыт включает трёхэтапную модель утилизации: вывод из эксплуатации, демонтаж и сортировка материалов [Current

Practices..., 2025]. Внедрение передовых технологий позволяет достигать переработки до 95% массы ВС.

Результаты (Results)

Опираясь на некоторые концептуальные подходы к обращению с выведенной из эксплуатации техникой [Концепция утилизации..., 2021; Кузнецова и др., 2015; Лесконог, 2012], в данном исследовании под обратной логистикой понимается последовательность организационно-управленческих и производственно-технологических процедур, обеспечивающих переработку, восстановление или утилизацию АТ с ИСС. Это совокупность производственных процессов (повторное использование отходов для создания продукции и получения иных полезных продуктов) [Семерикова и др., 2025a] и технологических процессов (комплекс взаимосвязанных операций, направленных на безопасное и ресурсосберегающее обращение с отходами техники). Систематизация процедур утилизации АТ с ИСС в контексте парадигмы обратной логистики представлена на рисунке 1.

Начальный этап работы включает два основных поста: приёмки и диагностирования, а также демонтажа агрегатов²⁸. АТ и ИСС направляется на временное хранение в специализированные ангары, стоянки или полигоны с целью подготовки к процессу утилизации. Далее АТ проходит этапы диагностики, обеззараживания и удаления газообразных субстанций, утилизацию остатков топлива и технических жидкостей, таких как масло, охлаждающие жидкости, омыватели, гидравлические жидкости и другие, уничтожение пиропатронов катапультирования. По завершении данных процедур выделяются три основные группы компонентов: горюче-смазочные материалы (ГСМ), подлежащие рециклингу; агрегаты и материалы, подлежащие демонтажу; опасные вещества, подлежащие утилизации [Афонасьев и др., 2022; Recycling..., 2022]. В ходе реализации следующего этапа осуществляется демонтаж вспомогательного технологического оборудования, включая провода, силовые устройства приводов шасси, элеронов, закрылков и рулей управления [Karagoz et al., 2020]. Также производится демонтаж электронных устройств, пластиковых обшивок, драгоценных металлов, авиационных сплавов и др. После этого корпус судна разрезается на фрагменты и сортируется.

²⁸ Смирнов Н. Н. Основы теории технической эксплуатации летательных аппаратов : учебник / Н. Н. Смирнов, Ю. М. Чинючин. М.: Московский государственный технический университет гражданской авиации, ООО «Издательско-полиграфическое предприятие «ИНСОФТ»», 2015. 579 с.

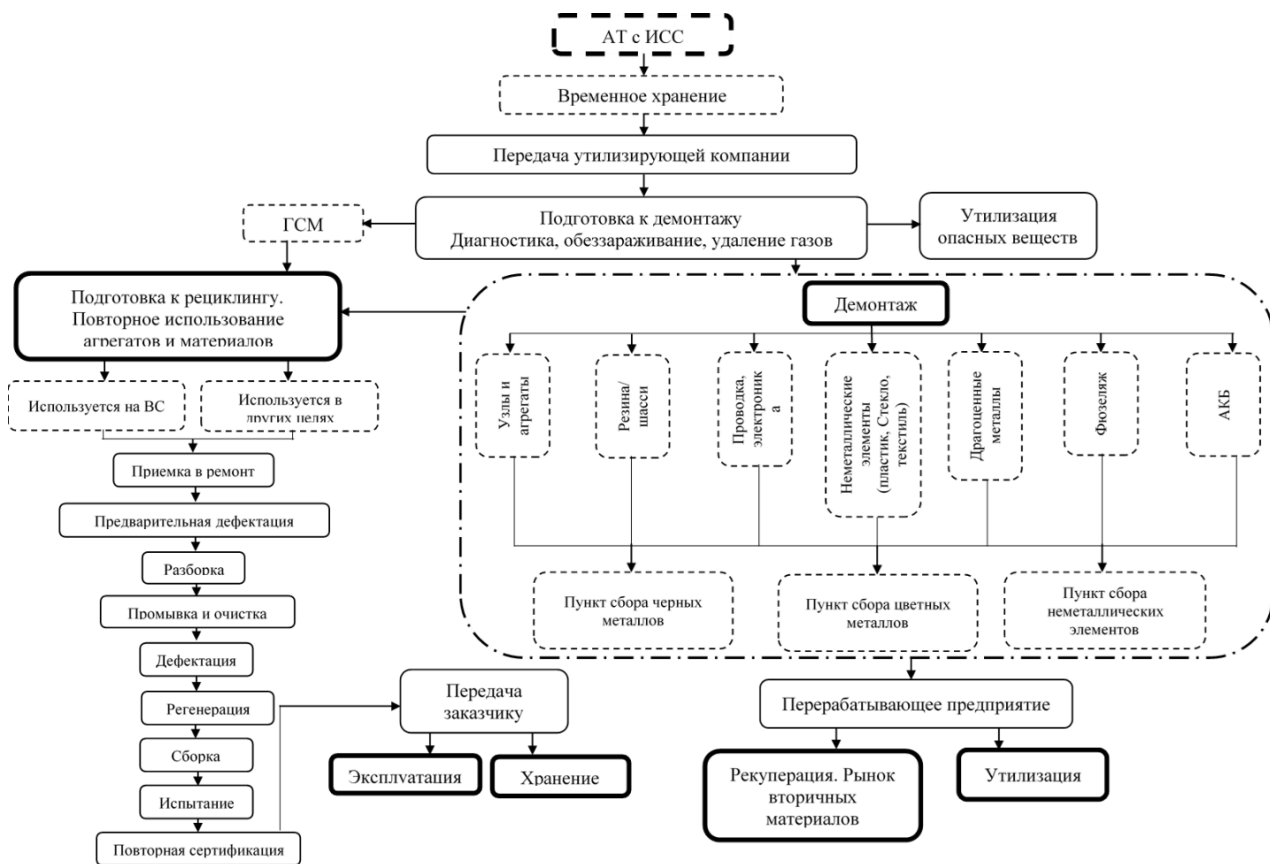

Рисунок 1 – Обратная логистика авиационной техники с истекшим сроком службы

Для принятия оптимальных решений и выбора конкретных процедур обратной логистики предлагается методика оценки утилизируемости авиатехники, схематичная интерпретация которой представлена на (рис. 2).

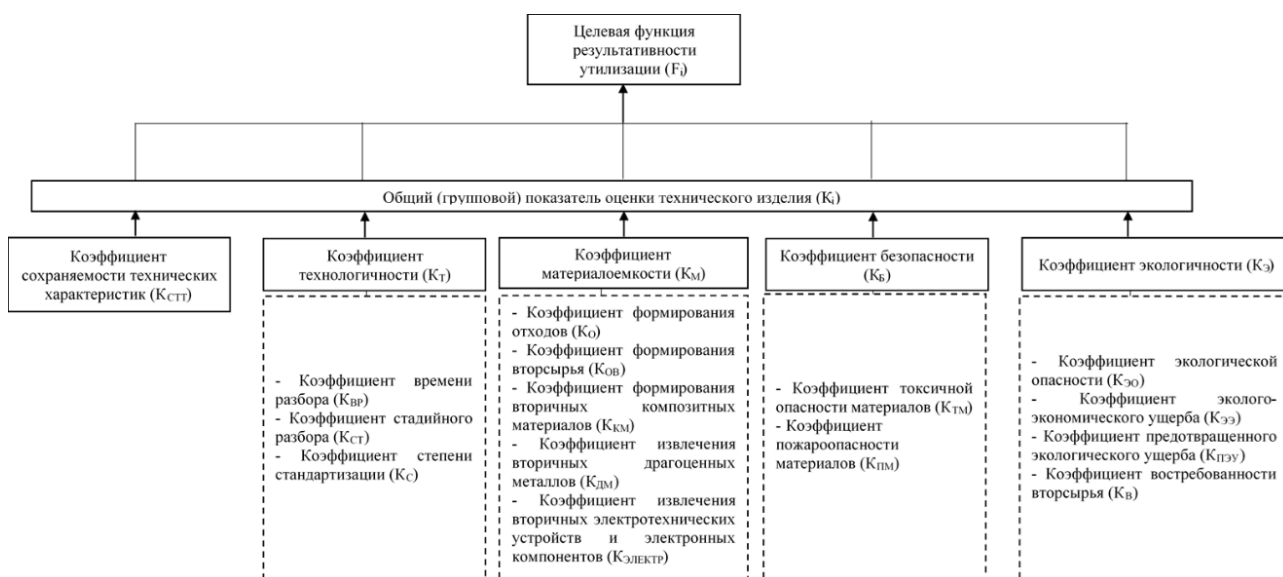

Рисунок 2 – Методика определения целевой функции результативности утилизации АТ

Схема имеет иерархическую структуру с групповыми показателями, формируемыми из единичных (индивидуальных). Анализ нормативных требований, научных исследований и опыта других отраслей транспорта выявил необходимость использования набора единичных показателей, поскольку они отражают ключевые свойства объектов, минимизируют субъективность и учитывают сложность утилизации [Акулова, 2014; Методика обоснования..., 2017; Определение степени..., 2016]. Для обобщенной оценки разработаны групповые показатели, учитывающие взаимодействие единичных и определяющие техническое состояние объектов и приоритеты утилизации – степень восстановления материалов, рециклинг, энергоемкость, эффективность использования ресурсов и оборудования. Эти параметры оценивают техническую, экономическую и экологическую целесообразность утилизации.

Формализация вычислений единичных показателей представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Характеристика единичных показателей

Единичный коэффициент	Расчетная формула	Комментарий
Коэффициент сохраняемости технических характеристик ($K_{СТТ}$)	$K_{СТТ} = \frac{1}{n} \sum_{j=1}^n Q_j$	n – параметры утилизации; Q_j – степень отклонения j -й характеристики.
Коэффициент технологичности (K_T)		
Коэффициент времени разбора ($K_{ВР}$)	$K_{ВР} = \frac{1}{n} \cdot \frac{t_{НОРМ}}{t_{ФАКТ}}$	n – специалисты, проводящие разбор, чел.; $t_{НОРМ}$ – нормативное время на разборку, ч; $t_{ФАКТ}$ – среднее время на разборку, ч.
Коэффициент стадийного разбора ($K_{СР}$)	$K_{СР} = 1 - \frac{C-1}{C}$	C – количество стадий разбора.
Коэффициент степени стандартизации (K_C)	$K_C = \frac{n_{СТ}}{n_{СТ} + n_{НЕСТ}}$	$n_{СТ}$ – количество стандартных компонентов, ед.; $n_{НЕСТ}$ – количество нестандартных комплектующих, ед.

Коэффициент материалоемкости (К_М)		
Коэффициент формирования отходов (К _О)	$K_O = \frac{m_{ОТХ}}{m_{ОБЩ}}$	$m_{ОТХ}$ – масса не перерабатываемых твердых отходов, кг; $m_{ОБЩ}$ – общая масса материалов, кг.
Коэффициент формирования вторсырья (К _{ОВ})	$K_{ОВ} = \frac{m_{ВТ}}{m_{ОБЩ}}$	$m_{ВТ}$ – масса используемых вторичных материалов, кг; $m_{ОБЩ}$ – общая масса материалов, кг.
Коэффициент формирования вторичных композитных материалов (К _{КМ})	$K_{КМ} = \frac{m_{КМ}}{m_{ОБЩ}}$	$m_{КМ}$ – масса используемых вторичных композитных материалов, кг; $m_{ОБЩ}$ – общая масса материалов, кг.
Коэффициент извлечения вторичных драгоценных металлов (К _{ДМ})	$K_{ДМ} = \frac{m_{ДМ}}{m_{ОБЩ}}$	$m_{ДМ}$ – масса используемых драгметаллов, кг; $m_{ОБЩ}$ – общая масса материалов, кг.
Коэффициент извлечения вторичных электротехнических устройств и электронных компонентов (К _{ЭЛЕКТР})	$K_{ЭЛЕКТР} = \frac{m_{ЭЛЕКТР}}{m_{ОБЩ}}$	$m_{ЭЛЕКТР}$ – масса используемых электронных компонентов, кг; $m_{ОБЩ}$ – общая масса материалов, кг.
Коэффициент безопасности (К_Б)		
Коэффициент токсичной опасности материалов (К _{ТМ})	$K_{ТМ} = \frac{R + S + T}{P + Q + R + S + T}$	P, Q, R, S, T – перечень материалов, различных классов опасности, кг
Коэффициент пожароопасности материалов (К _{ПМ})	$K_{ПМ} = \frac{m_{Г} + m_{Ж} + m_{Т}}{m_{ОБЩ}}$	$m_{Г}, m_{Ж}, m_{Т}$ – масса горючих материалов в различных агрегатных состояниях, кг
Коэффициент экологичности (К_Э)		
Коэффициент экологической опасности (К _{ЭО})	$K_{ЭО} = \sum_{i=1}^n (N_i \cdot K_i) \cdot K_L$	n – количество экологических показателей;

		<p>N_i – отношение фактического и нормального значения показателя;</p> <p>K_i – коэффициент весомости;</p> <p>K_L – коэффициент локальной экологической ситуации местности.</p>
Коэффициент эколого-экономического ущерба ($K_{ЭЭ}$)	$K_{ЭЭ} = H \cdot d \cdot (K_{II} - 1) \cdot K_{Ц} \cdot K_{Э}$	<p>H – платежи за выбросы загрязняющих веществ, тыс. руб.;</p> <p>d – доля техники, не соответствующей нормативным требованиям;</p> <p>K_{II} – коэффициент превышения предельно допустимых выбросов;</p> <p>$K_{Ц}$ – коэффициент изменения цен за загрязнение атмосферного воздуха;</p> <p>$K_{Э}$ – коэффициент экологической значимости территории.</p>
Коэффициент предотвращенного экологического ущерба ($K_{ПЭУ}$)	$K_{ПЭУ} = \left[\sum_{K=1}^K Y_{PP}^a + \sum_{K=1}^K Y_{PP}^b + \sum_{K=1}^K Y_{PP}^c + \sum_{K=1}^K Y_{PP}^d + \sum_{K=1}^K Y_{DP} - \sum_{j=1}^j Y_{HY} \right] \cdot K_{ЭС}$	<p>$Y_{PP}^a, Y_{PP}^b, Y_{PP}^c, Y_{PP}^d$ – оценка стоимостных величин предотвращенных ущербов природных ресурсов, тыс. руб.;</p> <p>Y_{DP} – иной предотвращенный ущерб, тыс. руб.;</p> <p>K – направление деятельности природоохранных органов;</p>

		j – вид природного ресурса; $У_{нУ}$ – несостоявшийся ущерб, связанный с сокращением уровня загрязнения, тыс. руб.;
		$K^{ЭС}$ – корректировочный коэффициент состояния территории
Коэффициент востребованности вторсырья (K_B)	$K_B = M_{\text{товар}} \cdot H_{\text{товар}} - M_{\text{утил}}$	$M_{\text{товар}}$ – масса товаров и упаковки; $H_{\text{товар}}$ – установленный норматив утилизации отходов от использования товаров; $M_{\text{утил}}$ – масса использованных отходов и вторичного сырья при производстве товаров.

Поскольку ключевым содержанием методики является экологический компонент, то в формулу оценки коэффициента экологической опасности предлагается ввести дополнительный параметр – коэффициент локальной экологической ситуации географического места утилизации, учитывающий экологические факторы (состояние атмосферного воздуха, почвы, воды) по территориям экономических районов Российской Федерации. Данный коэффициент определяется в соответствии с Постановлением Правительства № 344²⁹. Важно отметить, что с 22 сентября 2016 года указанные нормы были отменены. Однако, поскольку иных показателей в нормативной литературе не закреплено, в рамках данного исследования для более точной оценки экологической специфики регионов предлагается эти коэффициенты учитывать.

Коэффициенты весомости (K_i) экологических параметров для авиационной техники, представленные в таблице 2, были установлены на

²⁹ Постановление Правительства РФ от 12 июня 2003 г. № 344 «О нормативах платы за выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ стационарными и передвижными источниками, сбросы загрязняющих веществ в поверхностные и подземные водные объекты, в том числе через централизованные системы водоотведения, размещение отходов производства и потребления». Приложение №2 к постановлению Правительства РФ от 12 июня 2003 г. №44 (с изменениями от 24 декабря 2014 г.).

основе анализа различных исследований экологической безопасности авиационных систем [Мисун и др., 2005].

Таблица 2 – Коэффициенты весомости экологического показателя

Значение K_i	Экологические показатели										
	Концентрация в отработавших газах (ОГ) оксида углерода (СО)	Концентрация в ОГ углеводородов (C_xH_y)	Концентрация в ОГ оксидов азота (NO_x)	Дымность ОГ	Утечка топлива	Утечка моторного масла	Утечка трансмиссионного масла	Утечка гидравлического масла	Механическое воздействие на почву	Шум	Вибрация
	0,015	0,014	0,159	0,026	0,023	0,027	0,029	0,034	0,332	0,12	0,221

При расчёте коэффициента экологической опасности предлагается классифицировать технику по классам экологической безопасности, основываясь на ранее предложенных классах опасности.

Стоимостные оценки величин предотвращенных ущербов для расчета $K_{ПЭУ}$ установлены на основании методики по охране окружающей среды³⁰.

Балл экологического состояния (БЭС) – интегральный индекс качества природных ресурсов, который учитывает наиболее значимые загрязняющие вещества³¹, определяется по формуле:

$$БЭС = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \frac{c_i}{ПДК_i}, \quad (1)$$

где n – число веществ, по которым имеются превышения предельно допустимых концентраций;

c_i – средний показатель концентрации i -го вещества за выбранный временной интервал;

$ПДК_i$ – предельно допустимая концентрация i -го вещества.

В зависимости от величины БЭС территории подразделяют на категории для определения корректировочного коэффициента общего объема предотвращенного экологического ущерба (табл. 3).

³⁰ Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды // «Временная методика определения предотвращенного экологического ущерба». г. Москва, 1999 год.

³¹ Назаров Н. Г. Экологическая оценка территории: учебно-методическое пособие по дисциплине «Экологическая оценка территории» / Н. Г. Назаров, О. В. Палагушкина. Казань: КФУ, 2023. 46 с.

Таблица 3 – Корректировочный коэффициент состояния природно-территориального комплекса

Балл экологического состояния	Категория нарушенности территорий	Корректировочный коэффициент ($K^{эс}$)
< 1	Ненарушенные	3
от 1 до 2	Слабо нарушенные	2,5
от 2 до 3	Средне нарушенные	2
от 3 до 4	Сильно нарушенные	1,5
от 4 до 5	Чрезвычайно нарушенные	1
Более 5	Катастрофически нарушенные	0,5

Критерий востребованности вторичного сырья (K_B) отражает степень его значимости для производства новой продукции из отходов потребления товаров. С 1 января 2025 года критерий востребованности вторичного сырья (K_B) определяется на основе данных о массе произведенных на территории Российской Федерации товаров и упаковки, а также о массе использованных отходов и вторичного сырья для производства товаров и упаковки юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность по утилизации отходов. Эти данные должны быть представлены в единой федеральной государственной информационной системе учета отходов.

Показатель востребованности вторичного сырья выражается в относительных единицах для каждой группы товаров и упаковки, включенных в перечень товаров и упаковки, подлежащих утилизации, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 29.12.2023 № 2414³². Значение показателя определяется по специальной формуле, описанной в ПП РФ № 2392³³:

$$K_B = M_{\text{товар}} \cdot H_{\text{товар}} - M_{\text{утил}} \quad (2)$$

где $M_{\text{товар}}$ – масса товаров и упаковки, произведенных в РФ и/или импортированных из стран, не являющихся членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), или из стран-членов ЕАЭС в отчетном году (в тоннах, округленных до первого десятичного знака в соответствии с математическими правилами округления);

³² Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2023 г. № 2414 «Об утверждении перечней товаров, упаковки, отходы от использования которых подлежат утилизации, и нормативов утилизации отходов от использования товаров, упаковки».

³³ Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2023 г. № 2392 «Об утверждении методики расчета базовой ставки экологического сбора и применения коэффициента, учитывающего сложность извлечения отходов от использования товаров для дальнейшей утилизации, наличие технологической возможности их утилизации с учетом изменения физических, химических и механических свойств материалов при многократном использовании (с учетом возможных циклов переработки отходов от использования товаров), востребованность вторичного сырья, полученного из таких отходов, для использования при производстве товаров (продукции)».

$N_{\text{товар}}$ – установленный норматив утилизации отходов от использования товаров. Фиксированные значения норматива утилизации приведены в ПП РФ № 2414;

$M_{\text{утил}}$ – масса использованных отходов и вторичного сырья при производстве товаров юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в реестре субъектов утилизации отходов, за отчетный период (в тоннах с округлением до первого десятичного знака по правилам математического округления).

При определении значений j -х единичных коэффициентов i -й группы необходимо учитывать их весомость, то есть вклад в формирование общего (группового) показателя. Для этого целесообразно применять метод вычисления группового показателя с использованием следующей формулы:

$$K_i = \sum_{j=1}^n a_j K_j \quad (3)$$

где a_j – коэффициенты значимости соответствующих единичных показателей K_j , которые определяются методом экспертной оценки. При этом, коэффициенты значимости должны удовлетворять условию:

$$\sum_{j=1}^n a_j = 1 \quad (4)$$

При отсутствии группы показателей единичный коэффициент не подлежит умножению на весовой коэффициент. Таким образом, коэффициент сохраняемости технических характеристик ($K_{СТТ}$) не коррелируется с весовым коэффициентом.

Итоговое значение группового показателя оценки технического изделия (K_i) определяется следующим образом:

- Коэффициент технологичности (K_T)

$$K_T = \alpha_1 K_{BP} + \alpha_2 K_{СТТ} + \alpha_3 K_C \quad (5)$$

- Коэффициент материалоемкости (K_M):

$$K_M = \alpha_4 K_O + \alpha_5 K_{OB} + \alpha_6 K_{KM} + \alpha_7 K_{DM} + \alpha_8 K_{ЭЛЕКТР} \quad (6)$$

- Коэффициент безопасности (K_B):

$$K_B = \alpha_9 K_{TM} + \alpha_{10} K_{ПМ} \quad (7)$$

- Коэффициент экологичности ($K_Э$):

$$K_{\text{Э}} = \alpha_{11} K_{\text{ЭО}} + \alpha_{12} K_{\text{ЭЭ}} + \alpha_{13} K_{\text{ПЭУ}} + \alpha_{14} K_{\text{Б}} \quad (8)$$

Абсолютное значение комплексного индикатора эффективности утилизации, характеризующего оцениваемый объект, определяется посредством формулы для расчета общего показателя утилизируемости (F):

$$F = \sum_{i=1}^n \tau_i K_i \quad (9)$$

где τ_i – коэффициенты значимости, характеризующие значимость отдельных показателей K_i , которые определяются методом экспертной оценки. При этом, коэффициенты значимости должны удовлетворять условию:

$$\sum_{i=1}^n \tau_i = 1 \quad (10)$$

Разработанные аналитические выражения для групповых показателей позволили формализовать целевую функцию утилизируемости (F):

$$F = \tau_1 K_{\text{СТТ}} + \tau_2 K_{\text{Т}} + \tau_3 K_{\text{М}} + \tau_4 K_{\text{Б}} + \tau_4 K_{\text{Э}} \quad (11)$$

Комплексный показатель утилизируемости (F) может быть применен для обоснования оптимальных логистических цепочек обращения с АТ с ИСС, для сравнительного анализа экологической и экономической эффективности утилизации различных типов АТ, но главным образом, для принятия решения о целесообразности утилизации конкретного ВС: от нецелесообразности утилизации при $F < 0$ до целесообразности при $F > 1$.

Разработанная методика позволяет выполнять технико-экономическую оценку эффективности процедур обращения с АТ с ИСС. Для этого предусмотрена возможность расчета технико-экономического коэффициента ($K_{\text{ТЭ}}$), отражающего соотношение затрат и результатов применяемых процедур. Математическое описание $K_{\text{ТЭ}}$ оставим за рамками данной статьи, только отметим, что сравнение полученных результатов целевой функции с технико-экономическими коэффициентами позволяет выявить оптимальные пути утилизации, способствует созданию эффективных стратегий управления авиационными активами и оптимизации последовательности этапов утилизации.

Предложенное решение многокритериальной задачи оптимизации процессов утилизации авиационной техники представляет методическую основу для последующей разработки программно-аналитического комплекса

(ПАК) поддержки процедур обращения с выведенной из эксплуатации авиатехникой. Ключевым блоком ПАК является программный модуль автоматического расчёта значений целевой функции F при различных исходных параметрах и технико-экономического коэффициента $K_{ТЭ}$, позволяющего сделать заключение о целесообразности утилизации по конкретному сценарию. Для удобства визуального восприятия архитектуру программного модуля предлагается представить в следующем виде (рис. 3).

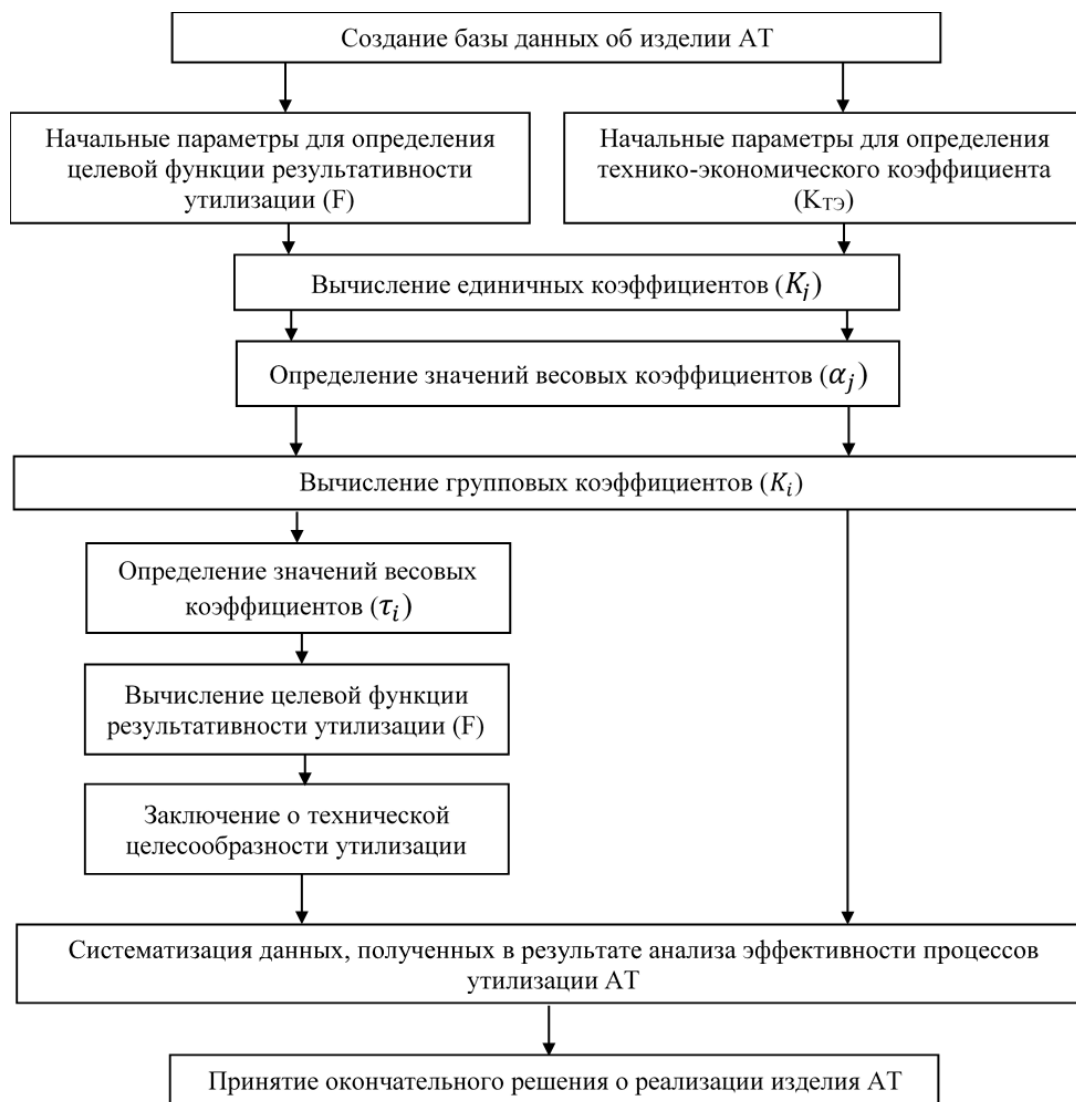

Рисунок 3 – Структурная схема решения многокритериальной задачи

Заключение (Conclusion)

В настоящее время утилизация авиационной техники носит неупорядоченный, фрагментарный характер. В условиях предстоящего интенсивного обновления отечественного парка воздушных судов по программе импортозамещения отсутствие системных, нормативно закреплённых процедур актуализирует задачу разработки теоретико-методических основ отраслевой системы обращения с авиационной техникой, выведенной из эксплуатации.

В исследовании разработана и обоснована последовательность **организационно-управленческих и производственно-технологических** процедур, обеспечивающих переработку, восстановление или утилизацию АТ, обозначенная как алгоритм обратной логистики.

Для выбора конкретных процедур обратной логистики и принятия оптимальных решений предложена методика оценки утилизируемости авиатехники.

Ключевым критерием методики является интегральный показатель – целевая функция результативности утилизации авиатехники (F), значение которой определяется решением многокритериальной задачи. Разработаны единичные и групповые критерии, учитывающие экономические, экологические, технические и социальные аспекты. Предложенная балльная система с безразмерными аналитическими показателями (диапазон от 0 до 1) обеспечивает удобство количественной оценки параметров и минимизирует субъективность.

Применение разработанной методики позволяет обоснованно выбирать оптимальные процедуры обращения с авиационной техникой, выведенной из эксплуатации, что способствует минимизации экономического ущерба и экологических издержек.

Библиографический список

- Акулова А. А.* Формирование рынка утилизации транспортных средств // Развитие машиностроения, транспорта, технологических машин и оборудования в условиях рыночной экономики: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию кафедры «Детали машин» ММИ УрФУ. Екатеринбург: УрФУ. 2014. С. 56-62.
- Афонасьев К. В.* Безопасное хранение и утилизация воздушных судов / К. В. Афонасьев, А. А. Трифонов // Транспорт. Экономика. Социальная сфера (Актуальные проблемы и их решения): Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 14–15 апреля 2022 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 21-25. EDN OKDYTD.
- Кириченко А. С.* Перспективы и проблемы утилизации воздушного флота России / А. С. Кириченко, А. Н. Серегин // Молодой ученый. 2016. № 24(128). С. 76-81. EDN XAEDLN.
- Концепция утилизации сельскохозяйственной техники и общие принципы ее проведения / Ю. В. Катаев, В. С. Герасимов, В. И. Игнатов, Н. К. Баулин // Технический сервис машин. 2021. № 3(144). С. 72-81. DOI 10.22314/2618-8287-2021-59-3-72-81. EDN JXJWX.
- Кузнецова Е. Ю.* Организация процесса утилизации в российском автотранспортном комплексе / Е. Ю. Кузнецова, А. А. Акулова // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2015. № 4(28). С. 81-90. DOI 10.20291/2079-0392-2015-4-81-90. EDN VDMNPF.
- Лесконог Ю. А.* Анализ и обобщение информации об утилизации техники // Международный научный журнал. 2012. № 2. С. 134-137. EDN OYOQXX.
- Методика обоснования системы показателей утилизируемости технических средств сельскохозяйственного производства / И. Н. Кравченко, Н. В. Алдошин, Ю. А. Лесконог, Ю. А. Шамарин // Техника и оборудование для села. 2017. № 3. С. 32-36. EDN YHMVMN.
- Мисун Л. В.* Экологический контроль машин и оборудования объектов АПК / Л. В. Мисун, И. Н. Мисун // Агропанорама. 2005. № 2. С. 11-14.

Определение степени разборки утилизируемой техники на запасные части / Н. В. Алдошин, И. Н. Кравченко, Н. А. Лылин [и др.] // Строительные и дорожные машины. 2016. № 3. С. 34-41. EDN XBHLZH.

Семерикова М. Е. Концептуальная модель системы утилизации авиационной техники / М. Е. Семерикова, Т. В. Наумова // Гражданская авиация: XXI век : Сборник материалов XVII Международной молодежной научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной Войне, 90-летию Ульяновского института гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева. В 2-х частях, Ульяновск, 17–18 апреля 2025 года. Ульяновск: Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала авиации Б.П. Бугаева, 2025а. С. 182-183. EDN CRIGRV.

Семерикова М. Е. Утилизация транспортных средств: российские реалии и зарубежный опыт / М. Е. Семерикова, Т. В. Наумова // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2025б. Т. 28, № 3. С. 63-80. DOI 10.26467/2079-0619-2025-28-3-63-80. EDN QKNZKM.

Current Practices in Recycling and Reusing of Aircraft Materials and Equipment. / М. А. Habib, В. Subeshan, Ch. Kalyanakumar [et al.] // Materials Circular Economy. 2025. Vol. 7, № 12. DOI 10.1007/s42824-025-00165-w. EDN OOXJMZ.

Karagoz S. End-of-life vehicle management: a comprehensive review / S. Karagoz, N. Aydin, V. Simic // Journal of Material Cycles and Waste Management. 2020. Vol. 22, № 2. P. 416–442. DOI 10.1007/S10163-019-00945-Y. EDN ENTUVB.

Papadaki D. Sustainable Practices for Aircraft Decommissioning and Recycling in a Circular Aviation Economy / D. Papadaki, E. Maleviti // Processes. 2025. Vol. 13. № 11. P. 3649. DOI 10.3390/pr13113649. EDN SSJWNO.

Recycling and reusing of aircraft / W. S. Khan, E. Asmatulu, Md. N. Uddin, R. Asmatulu // Recycling and Reusing of Engineering Materials: Recycling for Sustainable Developments. 2022. P. 233–254. DOI: 10.1016/B978-0-12-822461-8.00014-0.

References

Afonasyev K. V., Trifonov A. A. (2022). Safe storage and disposal of aircraft. *Transport. Economy. Social sphere (current problems and ways to solve them)*. 21-25. (in Russian)

Akulova A. A. (2014). Formation of the market for vehicle recycling. *Development of mechanical engineering, transport, technological machines and equipment in a market economy: proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Department of Machine Parts of the Ural Federal University*: 56-62. (in Russian)

Aldoshin N. V., Kravchenko I. N., Lysin N. A. [et al.] (2016). Determination of the degree of disassembly of recyclable machinery for spare parts. *Construction and road machinery*. 3: 34-41. (in Russian)

Habib M. A., Subeshan B., Kalyanakumar Ch. [et al.]. (2025). Current Practices in Recycling and Reusing of Aircraft Materials and Equipment. *Materials Circular Economy*. 7(12). DOI 10.1007/s42824-025-00165-w.

Karagoz S., Aydin N., Simic V. (2020). End-of-life vehicle management: a comprehensive review. *Journal of Material Cycles and Waste Management*: 22(2): 416–442. DOI 10.1007/S10163-019-00945-Y.

Kataev Yu. V., Gerasimov V. S., Ignatov V. I., Baulin N. K. (2021) The concept of recycling agricultural machinery and the general principles of its implementation. *Technical service of machines*. 3(144): 72-81. (in Russian)

Khan W. S., Asmatulu E., Uddin Md. N., Asmatulu R. (2022). Recycling and reusing of aircraft. *Recycling and Reusing of Engineering Materials: Recycling for Sustainable Developments*. 233-254. DOI 10.1016/B978-0-12-822461-8.00014-0.

Kirichenko A. S., Seregin A. N. (2016). Prospects and problems of utilization of the Russian air fleet. *Young Scientist*. 24(128): 76-81. (in Russian)

- Kravchenko I. N., Aldoshin N. V., Leskonog Yu. A., Shamarin Yu. A. (2017) Methodology of substantiation of the system of indicators of recyclability of technical means of agricultural production. *Machinery and equipment for rural area*. 3: 32-36. (in Russian)
- Kuznetsova E. Y., Akulov, A. A. (2015) Organization of the recycling process in the Russian motor transport complex. *Bulletin of the Ural State University of Railway Transport*. 4(28): 81-90. (in Russian)
- Leskonog Yu. A. (2012). Analysis and generalization of information on the disposal of machinery. *International Scientific Journal*. 2: 134-137. (in Russian)
- Misun L. V., Misun I. N. (2005). Environmental control of machinery and equipment at agricultural facilities. *Agropanorama*. (2): 11-14. (in Russian)
- Papadaki D., Maleviti E. (2025). Sustainable Practices for Aircraft Decommissioning and Recycling in a Circular Aviation Economy. *Processes*. 13(11): 3649. DOI 10.3390/pr13113649.
- Semerikova M. E., Naumova T. V. (2025). Vehicle recycling: Russian realities and foreign experience. *Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation*. 28(3): 63-80. (in Russian)
- Semerikova M. E., Naumova T. V. (2025). A conceptual model of the aviation equipment recycling system. *Civil Aviation: The XXI century: A collection of materials from the XVII International Youth Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, the 90th anniversary of the Ulyanovsk Institute of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation*: 182-183. (in Russian)

Поступила в редакцию	25.11.2025	Received	25.11.2025
Принята в печать	28.01.2026	Accepted for publication	28.01.2026
Опубликована	07.03.2026	Published	07.03.2026

УДК 81-119

ББК 81

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_73

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ Э.М. АРНДТА: ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТОЛИНГВИСТИКИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

*Олег Анатольевич Радченко,
orcid.org/0000-0003-3808-9461,
доктор филологических наук, профессор
Образовательная корпорация
«Грейбридж Мэлкэм»
Карлинг Авеню, д. 1225, офис 610
Оттава, Онтарио, K1Z 8R9, Канада
radoleg@gmail.com*

Аннотация. Предлагаемая статья предваряет первую публикацию на русском языке памфлета немецкого поэта, лингвиста, философа и политика Эрнста Морица Арндта «Рейн, река Германии, но не граница Германии». В статье приведены биографические данные об авторе памфлета, кратко охарактеризован научный и политический контекст его публикации в 1813 г. Эта публикация открывает серию переводов трудов выдающихся лингвистов XIX и XX вв., оказавших существенное влияние на развитие науки о языке и её различных дисциплин.

Ключевые слова: история языкознания, Эрнст Мориц Арндт, политолингвистика, родной язык, языковое сообщество и государство.

E. M. ARNDT'S POLITICAL PAMPHLET: THE EMERGENCE OF POLITICAL LINGUISTICS IN GERMAN LANGUAGE STUDIES

*Oleg A. Radchenko,
orcid.org/0000-0003-3808-9461,
Doctor of Philology, Professor
Graybridge Malkam Educational Corporation,
1525 Carling Avenue, Suite 610
Ottawa, Ontario, K1Z 8R9 Canada
radoleg@gmail.com*

Abstract. The present article serves as an introduction to the first ever publication in Russian of the pamphlet by the German poet, linguist, philosopher, and politician Ernst Moritz Arndt, “*The Rhine, a River of Germany, but Not a Boundary of Germany.*” The article provides biographical information about the author of the pamphlet and briefly characterizes the scholarly and political context of its publication in 1813. This publication opens a series of translations of works by outstanding linguists of the nineteenth and twentieth centuries who exerted a significant influence on the development of the science of language and its various disciplines.

Keywords: History of Linguistics, Ernst Moritz Arndt, Political Linguistics, mothertongue, linguistic community and state.

Переводом классического памфлета немецкого философа, политика и лингвиста Эрнста Морица Арндта (1769–1860) наш журнал возобновляет

замечательную традицию советского языкознания – публикацию переводов трудов выдающихся лингвистов прошлого на русский язык, традицию, заложенную В. А. Звегинцевым и его сподвижниками [Звегинцев, 1964; Звегинцев, 1965]. Эти труды, вне всякого сомнения, перекликаются с современностью, поэтому столь важно сохранить память о них, их идеи, их звучание для нового поколения лингвистов, литературоведов, философов, для которых они ныне трудно- или вовсе недоступны. История языкознания всё ещё хранит множество сокровищ, без овладения которыми новые горизонты нашей науки окажутся *fata morgana*, а выдвигаемые новые теории и принципы будут исторической тавтологией, хотя их авторы даже не подозревают об этом.

Предлагаемая в русском переводе публикация Э.М. Арндта неслучайно стоит первой в ряду переводимых трудов немецких лингвистов XIX столетия. Она была написана в русле той дисциплины, которую мы сейчас называем *политолингвистикой*, и её вполне можно рассматривать как одну из первых работ на заре формирования этой дисциплины. Она вышла в свет в 1813 г., знаменательном и знаковом для Европы: после поражения Наполеона в России основным полем битвы с французскими завоевателями становится всё ещё раздробленная на тот момент Германия, поднимающаяся на Освободительную войну – впереди её ожидают взятие Берлина русскими войсками, битвы под Галле и Бауценом, Дрезденское сражение и, наконец, Битва народов под Лейпцигом, от поражения в которой Франции так и не удалось оправиться. Созданный ей Рейнский союз прекращает своё существование, французские войска отступают за Рейн. Но ещё до начала этих событий Арндт пишет своё патриотическое послание к немцам (и косвенно обращается к будущим победителям Наполеона России, Англии, Австрии и Пруссии), чтобы призвать их к борьбе с оккупацией рейнской территории и попытками Франции сохранить её в будущем за собой в результате переговоров с союзниками по антинаполеоновской коалиции, возможность которых Арндт предполагает уже сейчас.

Однако идеи, изложенные им в этом памфлете, охватывают гораздо более широкий круг проблем, основную из которых он формулирует в начале публикации: что считать границей между государствами и народами и как её определять? Существенным для развития всей немецкой философии языка XIX и первой половины XX вв. стал лозунг Арндта, признавшего *единственным критерием такого разграничения родной язык*. Для обоснования своей позиции он обращается к истории древности, фактам политической истории, особенностям отношений между Германией и Францией, отличиям в менталитете народов, различным аспектам культуры и науки, наконец, к травматическим переживаниям немцев, связанным с французской оккупацией. Вне всякого сомнения, текст Арндта полон преувеличений, связанных с его желанием воспламенить сердца немцев и сподвигнуть их на преодоление национального унижения, длившегося более двадцати лет. Он полемизирует со сторонниками французской аргументации, оправдывавшими все те жестокости и все те события, которые сопровождали

нашествие французских войск на Европу. Однако лейтмотивом памфлета остаётся стремление автора вернуть немцам любовь к Отечеству, верность его идеалам и прошлому, гордость за свою историю и подвиги предков в борьбе с другими, не менее жестокими завоевателями – римлянами. Патриотический дух, наполняющий каждую строку этого текста, опора на родной язык как на достояние, которое, возможно, не вызывает столь сильного чувства в мирное время, как в те моменты, когда оно подвергается серьёзным угрозам, когда части языкового сообщества грозит реэтнизация, а с ней – утрата родного языка и связи с исконным народом, его культурой и прошлым, – эти мысли Арндта остаются крайне актуальными и в наши дни.

Следует сказать несколько слов и об авторе этого памфлета. Родившийся в 1769 г. в Померании, принадлежавшей в те времена Швеции, на острове Рюген в семье крепостного крестьянина, выкупившего свою свободу за девять месяцев до его появления на свет, он посвятил свою молодость борьбе с крепостничеством. Получив поначалу домашнее образование, он был отправлен в 1787 г. в монастырскую гимназию в Штральзунд, но бросил её через два года, не видя смысла в продолжении обучения, и, вернувшись к родителям, окончил гимназию, по сути, заочно. В 1791 г. он был зачислен в Грайфсвальдский университет, затем изучал в Йенском университете протестантскую теологию, историю, географию и этнологию, а также языки и естественные науки. В 1800 г. он защитил докторскую диссертацию по истории и филологии, раскритиковав в ней идеи Ж.-Ж. Руссо. С 1801 г. он работал приват-доцентом Грайфсвальдского университета, а в 1803 г. спровоцировал грандиозный судебный скандал своим «Опытом истории крепостничества в Померании и на Рюгене» [Arndt, 1803], однако благодаря этому крепостное право было через три года отменено на этой территории шведским королём, которому она тогда принадлежала. С 1806 г. он начинает публиковать работы, в которых выступает с резкой критикой Наполеона, за что он был вынужден бежать в Швецию уже в декабре 1806 г. после побед Наполеона в битвах под Йеной и Ауэрштедтом. В 1809 г. он нелегально возвращается в Кёнигсберг, под покровительство барона Г.Ф.К. фон унд цум Штайна и, после непродолжительного пребывания в Берлине, эмигрирует с ним в Россию, так как в 1812 г. прусский король Фридрих Вильгельм III вынужден вступить в войну с Россией в союзе с Наполеоном, и сторонники свободы покидают страну. В Санкт-Петербурге он участвует в патриотических собраниях немцев и публикует несколько религиозных и политических трудов (на русском языке в 1812 г. выходит в свет «Глас истины» [Арндт, 1812]), в том числе для поддержки немецких солдат, воевавших на стороне России (см. подробнее [Лагутина, 2022]).

В 1813 г. он возвращается в Шведскую Померию, где пишет различные политические труды, листовки и стихотворения, в том числе и памфлет «Рейн, река Германии, но не граница Германии» [Arndt, 1813]. Он становится идейным вдохновителем национальных студенческих союзов (Burschenschaften), в 1818 г. получает должность профессора истории во вновь учреждённом Рейнском университете имени Фридриха Вильгельма в Бонне.

Но уже в 1820 г. его временно отстраняют от преподавания в связи с публикацией четвертого тома «Духа времени» [Arndt, 1818], в котором он, якобы, высказывал либеральные идеи, и начинают его уголовное преследование в рамках Карлсбадских указов (преследования так называемых «демагогов»). Несмотря на то, что он не признал себя виновным и судебное расследование ничем не закончилось, он был вынужден уволиться из Боннского университета в 1826 г. (но был реабилитирован королём Фридрихом Вильгельмом IV через четырнадцать лет). С 1841 по 1854 г. Арндт служил ректором Боннского университета, ровно год был депутатом Франкфуртского национального собрания, но оставил политику после того, как король Пруссии отказался принять германскую корону.

Оценки трудов Арндта и его роли в становлении немецкого национального сознания существенно разнятся и всегда различались на протяжении двухсот последних лет (см. напр. [Engels, 1841; Haym, 1860; Baur, 1861; Meisner et al., 1898; Müsebeck, 1914; Заиченко, 2021]), охватывая как хвалебные, так и критические характеристики его как «националистического поэта». Хотя объективные оценки редко звучат из уст современников, пожалуй, лучше всего Арндта охарактеризовали именно они через 10 лет после кончины Арндта в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона»: «знаменитый поэт и немецкий патриот», «кипучая натура» которого требовала деятельности и которому «не позволяли спокойно заниматься профессурой» тревожные события того времени [Брокгауз и др., 1890, с. 138-139].

Библиографический список

- Арндт Э. М. Глас истины. Пер. с нем. СПб: В типографии Иос. Иоаннесова, 1812. 15 с.
- Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь: Том 2: Араго – Аутка / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон; под ред. профессора И. Е. Андреевского. СПб: Семеновская Типо-Литография (И. А. Эфрона), 1890. 478 с.
- Заиченко О. В. «Русская тема» в ранней публицистике Э.М. Арндта на фоне трансформации европейского дискурса о России на рубеже XVIII–XIX вв. // Диалог со временем. 2021. №75. С. 37-53. EDN KSKHMT.
- Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч.1. М.: Просвещение, 1964. 468 с.
- Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч.2. М.: Просвещение, 1965. 496 с.
- Лагутина И. Н. Воспоминания немецкого поэта Э.М. Арндта о его путешествии в Россию в 1812 году // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, №4. С. 183–188. DOI 10.17323/2658-5413-2022-5-4-183-188. EDN WAPJBS.
- Arndt E. M. Der Rhein, Teutschlands Strom, aber nicht Teutschlands Gränze. Leipzig: bei Wilhelm Rein, 1813. 92 S.
- Arndt E. M. Geist der Zeit. Vierter Teil. Berlin: bei G. Reimer, 1818. 606 S.
- Arndt E. M. Versuch einer Geschichte der Leibeigenschaft in Pommern und Rügen. Nebst einer Einleitung in die alte teutsche Leibeigenschaft. Berlin: Im Verlange der Realschulbuchhandlung, 1803. X. 277 S.
- Baur W. Ernst Moritz Arndts Leben, Taten und Meinungen nebst einigen seiner geistlichen und Vaterlandslieder. Ein Buch für das deutsche Volk. Zwickau: Eigentum des Vereins zur Verbreitung guter und wohlfeiler Volksschriften, 1861. 204 S.
- Engels F. Ernst Moritz Arndt // Telegraph für Deutschland. 1841. Nr. 2.

- Haym R.* Ernst Moritz Arndt. Berlin, Reimer, 1860. 45 S.
- Meisner H.* Ernst Moritz Arndt. Ein Lebensbild in Briefen. Nach ungedruckten und gedruckten Originalen herausgegeben / H. Meisner, R. Geerds. Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1898. 561 S.
- Müsebeck E.* Ernst Moritz Arndt. Ein Lebensbild. Erstes Buch. Gotha: Friedrich Andreas Perthes, 1914. 591 S.

References

- Arndt E. M.* (1803). Versuch einer Geschichte der Leibeigenschaft in Pommern und Rügen. Nebst einer Einleitung in die alte teutsche Leibeigenschaft. Berlin: *Im Verlange der Realschulbuchhandlung*, 1803. X. 277 S.
- Arndt E. M.* (1812). The Voice of Truth. Translated from German. St. Petersburg: *In the printing house of Ios. Ioannesova*, 1812. 15 p. (in Russian)
- Arndt E. M.* (1813). Der Rhein, Teutschlands Strom, aber nicht Teutschlands Gränze. Leipzig: *bei Wilhelm Rein*, 1813. 92 S.
- Arndt E. M.* (1818). Geist der Zeit. Vierter Teil. Berlin: *bei G. Reimer*, 1818. 606 S.
- Baur W.* (1861). Ernst Moritz Arndts Leben, Taten und Meinungen nebst einigen seiner geistlichen und Vaterlandslieder. Ein Buch für das deutsche Volk. Zwickau: *Eigentum des Vereins zur Verbreitung guter und wohlfeiler Volksschriften*, 1861. 204 S.
- Brockhaus F. A., Efron I. A.* (1890). Encyclopedic Dictionary: Volume 2: Arago – Outka. Saint Petersburg: *Semenovskaya Printing House (I. A. Efron)*, 1890. 478 p. (in Russian)
- Engels F.* (1841). Ernst Moritz Arndt. *Telegraph für Deutschland*. 2.
- Haym R.* (1860). Ernst Moritz Arndt. Berlin. *Reimer*, 1860. 45 S.
- Lagutina I. N.* (2022). Memoirs of the German poet E.M. Arndt about his journey to Russia in 1812. *Philosophical Letters. Russian-European Dialogue*. 5(4): 183-188. DOI 10.17323/2658-5413-2022-5-4-183-188. (in Russian)
- Meisner H., Geerds R.* (1898). Ernst Moritz Arndt. Ein Lebensbild in Briefen. Nach ungedruckten und gedruckten Originalen herausgegeben. Berlin: *Verlag von Georg Reimer*, 1898. 561 S.
- Müsebeck E.* (1914). Ernst Moritz Arndt. Ein Lebensbild. Erstes Buch. Gotha: *Friedrich Andreas Perthes*, 1914. 591 S.
- Zaichenko O. V.* (2021). "The Russian theme" in the early journalism of E.M. Arndt against the background of the transformation of European discourse about Russia at the turn of the XVIII-XIX centuries. *Dialogue with Time*. 75: 37-53. (in Russian)
- Zvegintsev V. A.* (1964). The history of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts: in 2 parts, Part 1. Moscow: *Prosveshchenie*, 1964. 468 p. (in Russian)
- Zvegintsev V. A.* (1965). The history of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts: in 2 parts, Part 2. Moscow: *Prosveshchenie*, 1965. 496 p. (in Russian)

Эрнст Мориц Арндт

РЕЙН, РЕКА ГЕРМАНИИ, НО НЕ ГРАНИЦА ГЕРМАНИИ (1813)³⁴

Рейн – природная граница Франции, доказывал Сюлли в 1600 и 1610 гг.; *Рейн – природная граница Франции*, восклицал Ришелье в 1624 и 1635 гг.; *Рейн – природная граница Франции*, заявлял граф Д’Аво в 1640-х гг. в Мюнстере, у тех священных мест, где в древности херуск Герман изложил это римлянам иначе; *Рейн – природная граница Франции*, звучало в 1670-1700 гг. в речах Лувуа и Кольбера на заседаниях государственного совета Людовика XIV, это воспевали придворные поэты Буало и Расин в его приёмных покоях; *Рейн – природная граница Франции*, вопили чудовища на Сене с 1790 по 1800 гг. Доказательство, которое напрасно тщились добыть двести и сто лет назад, удалось на этот раз получить, благодаря нашему несчастью и нашему раздору. Заключив печальный Люневильский мир, Франция оставила себе все немецкие земли по ту сторону Рейна со всеми крепостями и укреплениями, а то, что оставалось от укреплений в городах по эту сторону Рейна, было снесено и уничтожено, чтобы Германия, во времена оно страшившая жителей на той стороне, беззащитно простиралась перед ними. Так меняются времена. Французам, которые всегда втайне надеялись покуситься на нашу честь и свободу, мы могли бы ответить на это доказательство пером и шпагой; но то, что многие немцы также сочли эту природную границу совершенно естественной и попытались обосновать это вместе с французами и на благо французов, было столь же дурно, сколь и глупо. Можно было подумать, что десять, даже двадцать лет ослепления и несчастья несколько просветили эти недалёкие умы, а замороченных привели в чувства, тем более что сами французы давно уже опровергли своё доказательство. Но ничего подобного. Всё ещё много таких, кои решительно высказываются, даже не перестают сочинять доводы и обоснования в пользу того, что Рейн-де как граница между Францией и Германией – нечто неоспоримое и решённое. Вот как воздействует издавна повторяемая фраза, и вот сколь мало привыкло думать большинство немцев, столь любящих мыслить и называть себя основательными людьми. Пустое молитвенное подражание чужим воззрениям, в особенности пустое благоговейное подражание французским выдумкам и псевдофилософствованию, стали, к сожалению, более чем модными по эту сторону Рейна в стране, которая, как полагают, является воплощением основательности и глубины. Ввиду такого состояния вещей, в особенности ввиду столь печального состояния немецких умов и сердец мне не кажется чем-то излишним представить наш старый, прекрасный и священный Рейн тем, чем он был, что он собой представляет ныне и чем он станет, доброму немецкому народу, которого сбивают с толку столь многие политические болтуны и умники, а также отразить весь этот спор в его истинном свете и правильном понимании, так, чтобы всякий верный и

³⁴ Перевод осуществлён д.ф.н., проф. О.А. Радченко по изданию Ernst Moritz Arndt, *Der Rhein, Deutschlands Strom, aber nicht Deutschlands Grenze. Mit einer zeitgemäßen Einleitung von Edgar Wildberg.* Dresden: bei Carl Reißner, 1921.

беспристрастный немец сам мог судить о том, какое значение имеют этот вопрос и эта борьба за Рейн.

Что замыслил Генрих IV со своим Сюлли и что он скрывал под красивым маревом европейской республики; над чем Ришелье трудился более двадцати лет, сумев сделать к этому лишь первый шаг; за что сорок лет воевал Людовик XIV, добившись столь малого – это французам удалось в наши дни сделать всего за пять лет, и не потому, что они были храбрее нас, а потому, что мы сами не были верны себе. Они объявили всему миру, что Рейн – это, якобы, конечная цель их господства, и они более не потребуют себе никаких новых земель. Это громогласно заявлял всей Европе в 1800 и 1805 гг. Наполеон. Но сколь долго держали они своё слово? Уже в 1806 г. ими была занята и объявлена французской территорией крепость Везель, находящаяся по эту сторону Рейна, под тем милым предлогом, что она есть необходимое и незаменимое передовое укрепление Франции. Через несколько лет то же самое случилось и со всем северо-западным побережьем Германии от Эмдена до устья Эльбы; да и река Траве с Любеком и Балтикой стали *необходимым рубежом великого народа и империи*. В качестве извинения, как будто насилие причиняло боль совершающему его, указывали на насущную необходимость, коя часто повелевает самыми умеренными и справедливыми властителями и принуждает их покушаться на то, чего они не желают. Вскоре после этого было уничтожено и новоиспечённое королевство Голландия; Голландия, утверждали французы, есть наносная (почему не несносная?) почва французских рек, и она была превращена во французскую территорию. Поскольку представления французов и Наполеона о природных границах Франции каждый год столь расширялись, то можно было бы предположить, что и Эльба, Одер, Висла, да и – если французское оружие привнесёт достаточно доказательств – Двина и Днепр вскоре могут быть названы природными границами Франции. Немецкие графомания и забывчивость во всём, что касается Отечества, всегда с превеликим усердием помогали французам приводить это доказательство и одурманивали толпу, коя только и способна, что слушать и читать. Но пора покончить с этой печальной ничтожностью! Лучше сказать своё слово по вопросу: *что суть природные границы народа?*

Я утверждаю: *Единственную самую обоснованную природную границу образует язык*. Разницу меж языками сотворил Господь, чтобы землю не населяла огромная толпа ленивых и ничтожных рабов. Эти разные языки устанавливают естественную разделительную преграду между народами и странами, они сотворяют великие внутренние различия между народами, дабы возникли задор и борьба живых сил и побуждений, благодаря которым сохраняется живость умов; ведь именно ради развития духа и был создан наш род человеческий. По языкам обычно разделялись на свои составные части и распадались народы и страны, и на исходе Средневековья они были достаточно успешно размечены в своих областях, пока три века назад жажда завоеваний не принялась разрушать установленный Господом естественный процесс и сливать воедино и смешивать всё самое чуждое и самое неравное.

Взглянем на наше Отечество, на Германию, какими чёткими были наши рубежи триста лет назад, во времена Максимилиана I и Лютера! Германия означала лишь страну, в которой звучала немецкая речь, но она и была совершенно немецкой. Германии ничего не принадлежало непосредственно в Италии и Франции, а также в пограничных землях на востоке, немецкие князья не владели итальянскими и французскими территориями; так называемое «имперское владение» отдельными тамошними областями существовало больше на бумаге, чем на деле. Язык образовывал на юге вдоль Альп и Арденн природную границу, и области, где говорили по-немецки и по-фламандски, считались Германией; единственно графство Малая Бургундия (Франш Конте) и часть Артуа и Фландрии можно было называть ненемецкими, как и населенные валлонами области вдоль среднего течения Мааса. На севере своими природными языковыми рубежами от нас отмежевались скандинавские сводные братья. Поляки и венгры не были нашими подданными. В Богемии³⁵ и Моравии в составе Германии проживали несколько миллионов славян. К этому их вынуждало то, что они были окружены со всех сторон немецкими землями и стали чужеродными элементами в результате всеобщего брожения народов в прошлые столетия. Таковые были и в Южной Австрии, Лаузице, Силезии, Дальней Померании, но их было слишком мало, чтобы их можно было сосчитать. Большая, протяжённая прибрежная область вдоль Балтийского моря от Вислы до Невы ещё относилась к Германии, поскольку храбрые немецкие рыцари завоевали её два столетия назад для империи и христианства, населили её немецкими жителями, украсили городами и деревнями и ввели там немецкие законы, распространили немецкие обычаи и язык. Похожая немецкая колония находилась за Тисой и среди Карпат, а именно Семиградье; оно служило Венгрии так же, как Богемия служила Германии, ибо ему как небольшому анклаву приходилось подчиняться более крупному государству. Каковой была тогда Германия, такими же были и почти все прочие страны Европы, их также называли по их языкам, так что, к примеру, Наварра и прочие местности по эту сторону Пиреней тоже именовались Испанией, так как там господствовали испанский и баскский языки. Языки издавна большей частью определяли названия стран. Когда Рим давно уже владел всей Италией вплоть до Альп, область по эту сторону Апеннин по обеим берегам Падуса (По) до самых Альп именовали Галлией, ибо её населяли галлы.

Таким образом, язык образует истинную границу народа. Лишь отдельные части народа, которые, будучи окружёнными другими народами, входят как небольшая часть в более крупное целое, вынуждены, естественно, смириться с тем, что они входят в состав более крупного государства, а не далёкой исконной страны: всё прочее, что существует вместе и говорит на одном языке, по законам Господа и природы образует единое целое, и мудрые вершители человеческих судеб как правило устраивали всё так, чтобы их язык

³⁵ Здесь и далее географические названия приведены в той форме, в какой они использованы автором.

чаще всего не выходил за те пределы, в которых одним народом могло бы заниматься и управлять одно правительство.

Помимо языка, по опыту времён, на который лучше и надёжнее всего опираться при решении нашего вопроса, природными границами являются горы и моря, но не как таковые, а потому что они суть языковые границы и поэтому обособляют народы в силу различий и неравенства, далее – также в результате проистекающих из них неприязни и ненависти. Горы над Фессалией и над Акарнанией и Этолией отделяли греков от варваров. Альпы – языковые рубежи между итальянцами и немцами, а также итальянцами и французами. Арденнский лес, Вогезы и Юрские горы размежевали немецкий и французский языки; но таким образом, что приграничные смешения кое-где также пересекают эти границы. Благодаря морю шведский, датский, норвежский и исландский языки стали намного менее похожи на немецкий, чем это случилось бы, если бы из Мекленбурга и Померании можно было пешком добраться до острова Зеландия и Швеции. Англия, если обозреть обстоятельства и события её истории с одиннадцатого по пятнадцатый века, была бы, вероятно, почти вся франкоязычной, если бы Господь не прорыл узкий канал между Англией и Францией. Однако море является также средством связывания людей и целых народов, а именно наибольшим; но оно не соединяет массы людей, а лишь ускоряет их путешествия друг к другу, обмен товарами и потребностями и знакомство с обычаями, искусством, науками и изобретениями. Но то, что держит народы на расстоянии друг от друга, держит и языки вдали друг от друга, становясь природной границей. Так же, как горы и моря, природными границами становятся огромные пустыни и болота, ибо они осложняют связь одной страны с другой. Но реки никогда не были природными границами и не могут таковыми стать.

Там, где текут реки, уже с тем достоинством, что они могут именоваться реками, там уровень почвы, как правило, снижается и выравнивается, земля становится равниной, чаще всего плодородной равниной, вдоль которой живет большинство населения, там простираются самые урожайные поля и пасутся самые жирные стада; где, таким образом, возникает меньше всего трудностей для общения большой массы людей, способных переезжать на другой берег этой реки. Если море и залив зачастую могут защищать два-три корабля, горы – 5–10 тысяч храбрецов, способных месяцами противостоять 50–100 тысячам, то лишь редко 100 тысяч человек могут помешать другой сотне тысяч пересекать реку. Таким образом, река – это не граница ни в мирное, ни в военное время. В мирное время люди без труда могут общаться по обоим берегам и передавать друг другу язык, обычаи, традиции, они становятся и остаются *одним* народом. Во время войны река не образует такого оборонительного рубежа, как горы, море или пустыня; этот рубеж может быть только искусственным, если укрепить реку крепостями; но такую искусственную границу можно создать и в других местах. У французов и немцев когда-то был подобный искусственный рубеж вдоль всей их границы. История, самый верный учитель и судья в таких делах, не знает рек в качестве природных границ между частями света и странами. Не Волга или Обь

образуют на севере границу между Европой и Азией, а Урал; не Нева отделяет шведов от финнов, а Ботнический залив; не Ганг представляет собой границу между Индией и соседними странами, а находящиеся в двадцати или пятидесяти милях западнее пустыня на юге и горы на севере; по обе стороны реки – Индия; не Дунай - граница между Германией и Италией или между Польшей и Венгрией, а Альпы и Карпаты. Только Евфрат был иногда похож на природную границу; но ею являлась не сама река, а пустыня вдоль её берегов. – Атлас, Таурис, Кавказ, Имаус, Альпы, Пиренеи, а также широкие и протяженные болота и большинство морей, хотя моря – в меньшей степени, чем высокие горы, – это природные границы, единственно верные, а вместе с ними самая важная природная граница – язык.

Теперь, после этих предварительных и не вполне несвоевременных замечаний мне следует пояснить, что означает мой заголовок: *Рейн – река Германии, но не граница Германии*. Под этим заголовком я подразумеваю, что оба берега Рейна и прилегающие к ним территории должны быть немецкими, как это и было в прошлом, а похищенные у Германии местности и люди должны быть вновь отвоёваны для Отечества. Без Рейна Германия не сможет оставаться свободной. Это мнение живёт, прежде всего, в моём сердце и основывается на моей любви к своему Отечеству и своему народу: эта любовь, быть может, воспринимается добропорядочными людьми как нечто достопочтенное, но она не способна излагать доказательства на бумаге. Во-вторых, это мнение обосновано *правом, политикой, честью и верностью имени немецкого народа*. Эти четыре свидетеля могут подтвердить свои показания письмами и печатями, они могут сделать свои свидетельства понятными каждому и имеющими силу. Я выслушаю каждого из них по очереди и предоставлю любому непредвзятому судье вынесение приговора.

Итак, вначале выступит мой первый свидетель, именуемый Правом, и даст себя допросить. Оно прямо говорит: Вся область на юго-западе Германии, в которой говорят по-фламандски (на диалекте великого немецкого языка), издревле была немецкой и должна вновь стать немецкой. Моя немецкая граница проходит прямой линией от Дюнкерка к югу от Монса и Люксембурга до Саарлуи, далее она следует за немецким говором вдоль реки Саар и Вогезов до Мёмпельгарда и дотягивается оттуда до рейнского колена под Базелем. Право основывает свои выкладки на исторических данных, оно должно опираться на владение территориями; оно излагает, таким образом, в кратком виде историю земли, расположенной между Рейном и этой только что мною прочерченной линией.

Цезарь, завоеватель Галлии, дал нам первые сведения об этой области и её жителях, и эти сведения относятся примерно к 50-м гг. до н. э. Его описание однозначно говорит о том, что Галлию населяли три народа, весьма различавшихся по языку, нравам и образу жизни. Юго-запад, по обеим берегам Гаронны, и Севенны вплоть до Пиренейских гор населяли аквитаны, народ, родственник северным испанцам; в центре, между Сеной и Марной и Атлантическим океаном и Альпами, жили кельты, или галлы; а на севере, от Сены до самого Рейна, пасли свои стада бельги, жившие не только на

территории, названной в позднейшие века Нидерландами, но и на большей части областей, получивших позднее названия Шампань, Иль-де-Франс, Артуа, Пикардия и Нормандия, то есть много южнее Арденнского леса, Шельды и Вогезов. Эти бельги были самыми воинственными и отважными из всех жителей Галлии, и их завоевание стоило Цезарю самых ожесточённых и самых кровавых битв. Но мы послушаем лучше всего его самого, что он говорил о них: «На расспросы Цезаря о том, какие именно общины подняли оружие, как они велики и каковы их военные силы, ему отвечали: большая часть бельгов – по происхождению германцы, которые давно перешли через Рейн и обосновались там вследствие плодородия земли, а прежних обитателей – галлов – выгнали; на памяти отцов наших, во время опустошения всей Галлии, они одни не дали вторгнуться в свою страну тевтонам и кимбрам; вследствие воспоминания об этом событии они присваивают себе большой авторитет в делах войны и очень этим гордятся. Что же касается численности восставших, то ремы утверждали, что она им точно известна, так как их общее происхождение и родственные связи позволили им узнать, какой контингент каждое племя обещало на общем собрании бельгов выставить для войны. Первое место по храбрости, влиянию и численности занимают среди них белловаки; они могут выставить сто тысяч вооружённых; из них они обещали шестьдесят тысяч человек отборного войска и за это требуют себе верховного руководства войной. Соседи самих ремов – суэссионы; у них больше всех земли, и притом самой плодородной [...] Городов у них всего двенадцать, они обещают пятьдесят тысяч вооружённых, столько же и нервии, которые у самих бельгов считаются самыми дикими и живут дальше всех. Пятнадцать тысяч обещают атребаты, десять тысяч – амбианы, двадцать пять – морины, семь тысяч – менапии, десять тысяч – калеты, столько же велиокасы и веромандуи, 18 - адуатуки; кондрусы, эбуроны, кересы и пеманы, которые объединяются общим названием германцев, по их мнению, могут дать около сорока тысяч»³⁶.

Мы добавим к этой главе несколько примечаний и укажем местоположение, населённые пункты и особенности этих племён в небольшом обзоре. Мы двинемся с востока на запад через Бельгию и укажем на самое примечательное, следуя при этом описаниям и указаниям Цезаря и жившего полтора столетия позже Тацита.

Если продвигаться с востока на запад, то первыми из бельгов нам встретились бы треверы, проживавшие на берегах Мозеля и Саара вдоль Хундсрюка и Вогезов вплоть до Мааса. У них была сильная пехота, но наиболее известны они были благодаря своей превосходной коннице, демонстрировавшей устрашающую, почти германскую отвагу и упорство. Тацит красноречиво пишет о них, что они и столь же храбрые и свободолюбивые нервии гордились своей претензией на германское происхождение, как будто слава этой крови отличала их от сходства с

³⁶ Перевод цит. по: Гай Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. Перев. акад. М. М. Покровского. Книга вторая, глава IV. М.: Издательство АСТ, 2018.

трусливыми галлами. Они главенствовали над несколькими небольшими племенами, из коих Цезарь, среди прочего, упоминает эбуронов и кондрусов.

По соседству с ними, к западу и северо-западу вверх вдоль реки Рёр и на обоих берегах Мааса находились несколько небольших племён: сегны, кондрусы, эбуроны, кересы, пеманы, которых Цезарь прямо именует германцами. В позднейшие столетия они сформировали один могучий народ, который назывался тонгры или тунгры. В имени города Тонгерн по ту сторону Мааса всё ещё сохраняется звучание их названия.

К западу от них, на равнине, которую пересекает путник по дороге в Лёвен и Брюссель, проживали смелые и воинственные адуатуки. Они были потомками кимбров и тевтонов, стремившихся захватить весь мир. Когда они отправились в свой поход на Южную Галлию и Италию, они оставили значительную часть своей поклажи, которую не могли тащить за собой, на Рейне, и несколько тысяч их воинов остались охранять её. После их гибели оставленные ими воины много лет с переменным успехом воевали с соседними народами, пока, наконец, по общей договорённости не был заключён мир, и они избрали эти края для своего проживания.

К северу и северо-западу от них и эбуронов от Шельды до нижнего течения Мааса, на болотистых и лесистых территориях селились нервии, один из самых многочисленных и непокорных народов, ужасающую воинственность которых пришлось испытать Цезарю в некоторых опасных сражениях. Так же, как треверы, обладавшие самой известной и мощной конницей среди всех бельгов, так и нервии были превосходными пехотинцами, устрашающими и сильными. Когда Цезарь впервые стал собирать информацию о них, к нему обратились побеждённые ими соседние племена, сообщив ему, что нервии запрещали любым торговцам приезжать к ним, а также ввозить вино и всякие предметы роскоши, ибо они полагали, что это способно ослабить умы и мужскую доблесть; они были-де нестигаемыми и весьма храбрыми воинами; они порицали и оскорбляли прочих бельгов, которые подчинились римскому народу, отказавшись от достоинства, переданного им по наследству предками; они уверяли, что ни послов не отправят, ни какие-либо условия мира не примут.

К северо-западу от этого племени, у истоков Мааса и островной области сегодняшней Зеландии, которая в те времена, несомненно, имела иной вид, чем ныне, жили среди болот и трясин менапии, долгое время сопротивлявшиеся, благодаря неприступности этой местности, когда большинство прочих племён бельгов было уже покорено римлянами.

Между ними и нервиями на юго-западе, в далёких пограничных областях за пределами Соммы, проживали белловаки, самое многочисленное племя из всех бельгов. Главная их крепость называлась Братуспантий. Они главенствовали среди множества небольших племён и долгое время держались благодаря непоколебимой любви к свободе.

Это были самые воинственные и значимые племена среди бельгов. Они были побеждены римлянами после мужественной борьбы за свою свободу в силу римского превосходства в мощи и военной дисциплине, а также

благодаря таланту Цезаря, потому что они не были объединены крепким согласием и потому что, к сожалению, сами галлы и германцы помогали римлянам покорять собственных земляков и соплеменников. Этому покорению способствовали также римские двуличие и коварство: ни один завоеватель, будь он столь мягок и любезен, как Юлий Цезарь, не способен подчинить себе народы без зверств. Никогда не должно быть предано забвению в истории то, как великолепно сражались за свою свободу нервии, треверы, белловаки, адуатуки, эбуроны, и то, с каким героизмом противостояли величайшему римлянину своего века тревер Индуциомар и особенно великий эбурон Амбиорикс. О том, как Цезарь велел казнить мужей, сражавшихся за честь и свободу своего Отечества, как преступников, как он подослал наёмных убийц к предводителю бельгов Коммию, как он разгромил прорвавшихся за Рейн узипетов и тенктеров, подстроив им позорнейшую ловушку под видом приглашения на мирные переговоры, поведал сам Цезарь с величайшей непринуждённостью; но эта непринуждённость не делает позор честью. Эти несчастные бельги были покорены Цезарем вначале хитростью и силой; постепенно римские нравы одолели их, привив им привычку подчиняться: большинство из них научились прислуживать, подобно прочим галлам, и терпеливо переносить свой позор; более того, их ленивой мягкотелости, не ведавшей ничего о прошлом, понравилось, в конце концов, то, что презирали предки.

Следует полагать, что эти бельги, коих римские писатели прямо называют германцами, были наиболее чистыми германцами на севере, а на юге в большей степени подвергались влиянию галльских обычаев и языка. Северные бельги выделялись среди прочих большей воинственностью и более пламенным свободолюбием, ибо благодаря соседству со своими братьями-германцами они беспрестанно упражнялись в военном искусстве и видели живой пример любви к свободе.

Рядом с этими бельгами по берегам Рейна проживали несколько германских племён, границы и особенности коих я кратко охарактеризую.

От тех мест, где Юрские горы нисходят к Вогезам, от Мёмпельгарда и Прункрута до самого Майнца, между Вогезами и Рейном жили трибоки, неметы, вангионы, о которых римляне упоминают одни названия, не сообщая об их военных успехах.

Севернее этих племён, по ту сторону Рейна, жили хатты, самый отважный, свободный и воинственный народ из всех германцев, но также и настолько искусный в военном деле, что у него был уже свой рыцарский орден. Они предки гессенцев, и воспетое достоинство их ещё не выродилось в их потомках.

Далее, область вокруг реки Зиг населяли убии, которых во времена императора Августа расселили вдоль этой реки, дабы они помогали защищать границы. Для них основали город и колонию, которая называлась Colonia Agrippina или Colonia Ubiorum, а позднее получила славное имя Кёльн. Убии вскоре стали слишком верными слугами Рима, и они, и их город долго вызывали отвращение у окрестных свободолюбивых племён.

Рядом с ними, далее к западу, проживали узипеты и тенктеры, славившиеся своей замечательной конницей; далее сигамбры, дикие и воинственные, которых благодаря хитрости Тиберия переселили на другой берег Рейна, чтобы они также приучились любить римское господство и защищать его; это произошло через 30 лет после Цезаря, и переселенцев было 40000 человек. Несколько дальше от Рейна их соседями были бруктеры, хамавры, ангриварии, а далее – фризы на берегах Северного моря.

Наконец, на Рейне селились батавы и маттиаки, которые занимали область между его рукавами до самого моря. Римляне называли их область Рейнским островом или Островом батавов. Батавы были хаттским племенем, отколовшимся от хаттов в результате бунта и переселившимся далее на запад; они были известны своей храбростью, как и хатты. Вскоре они стали своего рода союзниками римлян; ими правили собственные вожди, они не платили налоги, а часто под видом денежной помощи сами получали налоги: это были швейцарцы Рима. Ему посылали они своих воинов и всадников. Из-за их отваги свобода германцев нередко подвергалась опасности, и, прежде всего, благодаря их помощи римлянам, наконец, удалось покорить Британию.

Канинефаты, маленькое племя, были общего с ними происхождения.

На окраинах областей, прилегающих к Маасу и Рейну, рядом с ними проживали маттиаки, похожие на них, за исключением того, что земля и небо сделали их ещё более несговорчивыми.

Все эти народы, жившие на правобережье Рейна, часто пересекали эту реку и, по всей видимости, годами находились в тех регионах, пока римляне не укрепили Рейн замками, крепостями, плацдармами и шанцами, что сделало переправы сложнее и опаснее, но в целом им не препятствовало. Цезарь разбил и покорил бельгов лишь потому, что среди этих племён не было согласия и договорённости, а также потому, что они не приходили вовремя на помощь ни друг другу, ни своим соседям и братьям, германцам. Командовавшие на Рейне преемники Цезаря следовали старой римской политике закабаления племён при помощи натравливания их друг на друга и разобщения, ослабления их воли и подкупа, золота, дотаций, военной службы в римских лагерях, римских титулов и почестей. Жившие на другом берегу Рейна германцы тоже уже начали подчиняться римлянам, а на одеяниях германских вождей красовались римские нагрудные знаки и награды, они принимали римские имена и титулы, как будто подневольная жизнь могла превратиться в достоинство благодаря украшениям и роскоши. И тут восстал Герман, вождь племени херусков, объединив отряды нескольких германских племён, и он настолько заглушил самодовольство римлян, что с тех пор они не смогли вновь вернуть себе прежнюю власть. Герман хотел было распространить эту войну на другую сторону Рейна, на территорию бельгов, и склонить живших там германцев, подчинившихся Риму, и всю Галлию к восстанию и борьбе за свободу; но его германцы не желали ничего иного, кроме защиты и отстаивания собственной свободы, подвергавшейся угрозе, и после отражения этой угрозы каждый вернулся к себе на родину: кроме того, среди них были вожди, подкупленные

римлянами предатели Отечества, воспрепятствовавшие всеобщему заговору и совместному восстанию племён против них.

Однако бельги не вполне лишились под римским владычеством своих старинных добродетелей и храбрости. Нередко свободолюбивые и воинственные треверы и нервии безуспешно пытались сбросить тяжкое иноземное иго. Наконец, с 68 г. после рождения Господа нашего, когда после смерти отвратительного Нерона несколько римских полководцев стали бороться за мировое господство, вспыхнула великая надежда на освобождение. Восстали батавы под предводительством Клавдия Цивилиса, отпрыска королевского рода, призвав соседних германцев и бельгов к борьбе за свободу и мести против римской тирании. Римские крепости были взяты, римские лагеря атакованы, легионы наголову разбиты; союзники Рима отпали от него; пришли в движение многие германцы, жившие ближе всего к Рейнским берегам, а также из бельгов – треверы, нервии, тунгры. Но всё это осуществлялось больше с неистовством и дикостью, чем с постоянством и единством. Поскольку не хватало прочного единства, поскольку ими не руководил *один* полководец, их отвага не имела успеха. Когда Веспасиан обеспечил себе власть в Риме, со всех сторон к Рейну подтянулись римские легионы; германцы вернулись к миру, ибо их пророчицу Велледу подкупили римским золотом; бельги, не совершавшие ничего по единому плану, разобщились и были по одиночке разбиты; наконец, и Клавдий Цивилис заключил мир с римским полководцем Церриалом, и всё вернулось на круги своя.

Со времён великих и мощных войн, которые вели против германцев Друз, Тиберий и Германик, римляне оставили всякую надежду и все попытки поработить германцев. Они укрепили свою границу на Рейне сетью крепостей и замков; соседние германские племена лишь иногда провоцировали их небольшими стычками, которые редко выливались в войны: ведь римляне, вероятно, боялись подтолкнуть германцев к объединению в своих границах, организуя крупные военные походы против них. Часто отношения были настолько дружелюбны, что многие тысячи германских юношей за золото служили в союзных Риму войсках, укрепляя римские легионы, и доходили до восточных стран и самых дальних берегов Каледонии. Но к концу второго века от Рождества Христова ситуация изменилась. Тогда на Рейне восстали два могучих германских племенных объединения – *алеманны* на Верхнем Рейне и *франки* на Нижнем Рейне, проживавшие между колонией убиев и батавами. Несколько немецких племён объединились, и возникли новые названия, значение и истоки которых невозможно определить с точностью. Весьма вероятно, что сигамбры, узипеты, тенктеры, бруктеры, марсы, жившие ближе к Рейну, стали основной частью франков; об алеманнах нам рассказывают, что среди них было множество представителей галльских племён. Против этих двух народов более двух веков велись самые тяжёлые и кровопролитные войны; в Италии римляне часто видели алеманнов по ту сторону Альп, а несколько раз – и по ту сторону Падуса, а франки несколько раз проникали в Галлию, причиняя ужасающие опустошения, а в середине третьего века они

даже перешли Пиренеи и разграбили Испанию до самого Эбро. Наконец, когда в начале пятого века неизбежный рок стал настигать Рим и римские легионы были отведены от Рейна в связи с бедственным положением Италии и Галлии, германский дух беспрепятственно излился на те территории, которые с древнейших времён были германскими. На Верхнем Рейне утвердились бургунды, на Среднем вплоть до Вогезов и Мозеля – алеманны, а на Нижнем Рейне расселились франки, занимая всё больше плодородных областей западной Бельгии, где жили воинственные тунгры, нервии, менапии и самые северные племена белловаков: они распространились на территории вдоль Рёра, Мааса и по обеим берегам Шельды до самого моря. Всё, что оставалось от римского населения и их союзников, бежало от меча варваров вглубь галльской территории, на которой в те времена, когда всё вокруг было захвачено и порабощено германцами, полвека ещё продержались области вокруг крепостей Сигдунум и Паризий, слабая тень римского владычества. Таким образом германцы вымели прочь всё чужеродное из Рейнской области, средней и северной Бельгии. Затем, около 450 г., явился могучий король гуннов Аттила с его опустошительными походами, он разгромил на Рейне и в других местах множество римских городов и крепостей и уничтожил вместе с ними римскую просвещённость и римские пороки. Господь установил всё так, что эта исконно германская территория должна была стать истинно германской, а в будущем – немецкой и называться так.

Наконец, на исходе пятого столетия, когда столь многие немецкие племена уже основали государства на пепелище Римской империи, очередь дошла до франков, которым было суждено создать самое могущественное из всех германских государств. Хлодвиг, или Людвиг, один из их королей, объединил различные племена франков под *единым* управлением и в течение тридцати лет захватил почти всю Галлию вплоть до Роны и Севенн, принудив алеманнов по ту и эту стороны Рейна платить ему дань. Его наследники продолжали его дело в течение двухсот лет и обложили данью области бургундов вдоль Соны и между Альпами и Роной, а по ту сторону Юрских гор – Гельвецию, большая часть которой тогда уже была бургундской, а в бывшей римской провинции Германия – баюваров и эрмундугов (или тюрингов) во Франконии и Тюрингии, а также хаттов. На северо-востоке бывшей римской Германии им иногда платили дань также некоторые славянские племена. Только саксы, ангриварии и фризы жили всё ещё в непокорённом язычестве и в несломленной свободе у Северного моря и на священных полях свободы вокруг Везера, Липпе и Эмса, а также вокруг Гарца вплоть до Эльбы.

Род Людвига Франкского, завоевателя, ослаб и истощился от пороков и преступлений. В восьмом веке он был свергнут с трона германским родом Пипина Короткого. Четвёртый и самый могучий представитель этой династии был Карл, который в истории именуется Карлом Великим. Это был великий и воинственный король, который основал невиданную со времён Рима в Европе державу, простиравшуюся от Пиреней до Эльбы и от Лейты до Эмса. Он также принял в 800 г. из рук папы корону, ощущая свои власть и величие, а с ней и титул Римского императора. Карл Великий соединил силой оружия Францию,

Италию и большую часть страны, которую с тех пор называют Германией, он оставил в наследство после своей кончины в 814 г. эту огромную империю своему сыну Людовику, которого в истории назовут Людвигом Благочестивым и который не правил народами с авторитетом своего отца. Людвиг разделил империю между тремя своими сыновьями, и вскоре то, что лишь силой было сочленено неестественным образом, вновь распалось; ведь в перспективе лишь единообразное сохраняется в целостности. Старший сын Людвига Лотарь получил имя и титул Римского императора и земли Италии, большую часть бывшего Бургундского королевства и всё, что примыкает к Рейну, Арденнам, Сомме и морю; Людвиг, второй его сын, коего обычно именуют Людвигом Немецким, получил все области по ту сторону Рейна; Карл, его младший сын, получил юго-западную часть Франции, которую тогда имели обыкновение называть Нейстрией. Однако к концу девятого века, когда основанная Лотарем династия пресеклась, все территории, на которых между Рейном и морем преобладали немецкий язык и немецкие обычаи, отошли к северо-восточной Франкской империи, ставшей независимой и получившей название Германской империи. Эта огромная и прекрасная область была долгое время Лотарингией, также называемой, по всей вероятности, герцогством Францией; то, что потом называлось Лотарингией, было лишь частицей этой страны. Князья и владетели, которые почти независимо правили здесь на крайнем юго-западе Германии со времён угасания великой салической династии и династии Гогенштауфенов, всё ещё считали себя частью Германской империи, их уважали как имперских князей, в то время как многие из бывших бургундских территорий, которые были присоединены к Германской империи, начиная с XI в., всё более отдалялись от Германской империи в силу отличий в языке и обычаях, кои были романскими и французскими, и, наконец, они почти отделились от неё.

В XIV в. король Иоанн, второй представитель династии Валуа, отдал французское герцогство Бургундию одному из своих сыновей. Этот сын и его потомки приобрели благодаря удаче, добродетелям справедливости и отваги, путём женитьбы и заключения договоров на юго-западе своей территории столь обширные и богатые области, что их можно было сравнить с самыми влиятельными государями. Филипп Добрый, герцог бургундский, был в середине XV столетия не только повелителем герцогства Бургундия и графства Малая Бургундия, но и называл своими владениями все области, простиравшиеся от Соммы и Арденн, Шельды и Мааса до Зейдерзе. Между Францией и Германией сформировалось могучее центральное государство, новое королевство Бургундия, более могучее, чем прежние бургундские государства. Но вскоре после его смерти это государство распалось. Бесчестные, подспудные уловки французского короля Людовика XI позволили опутать сына и наследника Филиппа, Карла Смелого, столь искусными и плотными сетями, что он не смог избежать своей печальной участи. Когда Карл пал в 1477 г. в битве при Нанси, Людовик, готовый ко всему, объявил герцогство Бургундия и некоторые франкоязычные города и области бургундского государства вновь принадлежащими Франции.

Остальная, северная часть государства, включавшая большей частью немецкоязычные территории, и графство Малая Бургундия сохранили для дочери Карла, Марии Бургундской, которая обручилась с австрийским эрцгерцогом Максимилианом. Таким образом эта часть Бургундии стала владением Габсбургов, а спустя 40 лет – испанским владением, так как внук Максимилиана Карл, эрцгерцог австрийский и герцог бургундский, в начале XVI века стал королём Испании. Этот Карл, именуемый германским королем Карлом V, к концу своей жизни вновь теснейшим образом связал своё бургундское наследие с Германией, в которую он включил его под названием Бургундского округа, отчасти – как полагают некоторые – ради того, чтобы обеспечить своему сыну Филиппу влияние на ситуацию в Германии, а, быть может, и честь носить германскую корону, отчасти же – чтобы эти территории могли получить мощную поддержку и защиту в рамках германского имперского образования против влияния и господства Франции. При этом Филиппе II, желавшем тиранически править свободными людьми и называвшем собственную волю законом, северная часть Бургундского округа вырвалась с 1570-х гг. из-под испанского господства и учредила после длительной борьбы собственную республику, называвшуюся *Республикой семи объединённых провинций*, или *Соединёнными Нидерландами*: страну, которую когда-то населяли фризы, батавы, маттиаки, канинефаты, менапии, северные нервии, эбуроны и сигамбры, древнейшее обиталище свободы; остальное сохранили за собой Испания и Германия.

Наконец, в результате печальной Тридцатилетней войны французам удалось то, чего они так долго жаждали; часть их границ дошла до Верхнего Рейна. Им уступили Эльзас, и несколько немецких крепостей на том берегу реки остались во французской оккупации, чтобы Германия всегда простиралась перед ними обезоруженной. То, что здесь началось, 40 лет спустя попытался продолжить силой оружия Людовик XIV, но это ему не удалось. Он отнял лишь одну часть испанско-бургундской территории, в основном франкоязычные города и местности; остальные фламандско- и немецкоязычные области между Рейном и океаном сохранила Германия. В 1730-х гг. герцогство Лотарингия, практически окружённое французскими владениями и Эльзасом, было присоединено к Франции. И только французские революционные войны привели к тому, что от немецкой свободы и от отеческого древа отсекли прекрасные земли вдоль Рейна, Мозеля, Мааса и Шельды, исконные и древнейшие немецкоязычные области. Мы их слишком легко потеряли и слишком легкомысленно от них отказались, ибо мы не ведали их ценности и значения, как и важности владения ими.

Мне могут возразить: эти территории суть, собственно, франкские территории, кроме той части, которая расположена между Рейном, Вогезами и Мозелем, где до владычества великой франкской монархии господствовали алеманны. Когда в начале V в. римляне ушли с Рейна, франки завладели всем, что было между Арденнами, Рейном, Мозелем и морем. Отсюда они отправились далее на юг, вторглись в Галлию и захватили её. Тем самым они не иначе, как вернули себе свою территорию и присоединили к себе своих

соплеменников; ведь в Брабанте и вокруг Люттиха, Маастрихта и Юлиха, несомненно, ещё живёт множество потомков древних франков.

Это кажется логичным. Я же отвечаю на это так:

Тех франков, о которых тут речь, больше нет в мировой истории. Часть из них смешалась с галлами и римлянами и превратилась в новый народ помесей, называемый французами и так мало похожий на франков, как нынешний ломбардец из Тичино на жителя Бранденбургской марки, обитающего на реке Хафель, где 2000 лет назад, быть может, жили ломбарды. Те, кто и далее жил в исконных областях, остались настоящими германцами и немцами до сих пор, за исключением некоторого французского налёта, и у них мало общего в обычаях и образе мыслей с народом, сложившимся из галлов, римлян и франков. Поэтому они сами за те столетия, когда Германская империя не обладала принуждающей и связующей мощью, с XII по XV вв., сложились непроизвольно благодаря склонностям и образу жизни народа, всегда держались Германской империи и причисляли себя к ней, а не к французской, и оставались частями Германии вплоть до последних пятнадцати лет, которые обратили вспять и уничтожили столь много древнего и чтимого. С тем же правом, на которое претендуют французы, желая владеть этими землями, могли бы кастильцы и англичане, более не являющиеся немцами, претендовать на области вокруг Херсона и Киева или вокруг Мюнстера и Гамбурга, заявляя: здесь земля древних визиготов, здесь жилали когда-то англосаксы, мы возвращаем себе страну наших предков; а жители Руана и Салерно могли бы вторгнуться в порты Кристиании и Дронхейма и воскликнуть: Се норманны и Норманнская держава! Мы забираем своё вновь. Потомки древних франков живут на Рейне, Рёре, Маасе, в Брабанте и во Фландрии, и некоторые французы тоже являются потомками франков; но Франкония – это не Франция. Поскольку она осталась немецкой и не стала романской, она всегда по праву утверждала, что желает принадлежать к Германии. Поэтому немцы должны не отказываться столь легкомысленно от тех братьев, которые столь охотно присоединяются к ним, а бороться за их освобождение не на жизнь, а на смерть, но при этом охотно дать французам сохранить то, что есть французского.

Право молвило и произнесло свои показания в пользу того, что владение, происхождение, язык, обычаи и склонности этих областей и их населения связаны с Германской империей. Теперь слово *Политике*, которая докажет, что самостоятельность Германии и безопасность Европы не смогут сохраниться, если французы оставят себе Рейн и немецкие территории по ту сторону Рейна. Всеобщее преимущество правителей и народов согласно с Правом в том, что Франция должна вернуть не только похищенное за последние годы, но и Эльзас и должна быть возвращена к своим старым рубежам, которые одновременно являются её языковыми границами.

Так молвит Политика, коротко и ясно, ибо истина не нуждается в разглагольствовании и прениях.

Веками французы вопили: Рейн является естественным владением Франции, и без Рейна Франция лишена целостности и опоры власти, а по

Рейну её границы определены и закреплены навечно, и к большому она стремиться не намерена. Эта болтовня даже смогла многих одурачить, и многие благоговейно повторяли за французами, что их требование не так уж и лишено основания. Однако они не заметили и были слишком глупы, чтобы заметить, что французы подсовывали им Рейн и природную границу на Рейне лишь как повод, хотя они прекрасно знали, что Рейн обеспечивал им господство над Германией; ведь этого господства они, собственно, и желали, не говоря об этом вслух. Не успели они закрепиться на Рейне, не успели они заполучить Ландау, Брайзах, Филипсбург и другие крепости на этой реке, как на Германию начало распространяться их разрушительное влияние, и уже никогда не прекращались происки, ослаблявшие последние узы немецкого согласия, и на помощь им уже пришли германские князья, выступившие против собственного Отечества и его свободы. Напомню лишь о войне, начавшейся благодаря капризу Людовика XIV в 1672 г. против Соединённых Нидерландов, и о Войне за испанское наследство. Последние годы с их тягостными воспоминаниями столь свежи в нашей памяти, что мне достаточно лишь указать на них.

Я утверждаю: если Франция оставит себе Рейн и его территории, то она сохранит своё уничтожающее всякое равновесие господство не только над Германией, но и над всей Европой. И я докажу своё утверждение.

Рейн от Базеля до Роттердама в своём северо-западном течении извивается как колено. Если бы ему было угодно сохранить своё направление от Констанца до Базеля, то он впадал бы в море примерно под Булонью или Кале, и тогда он смог бы стать в любом случае французской пограничной рекой. Но ныне, когда он бушует со своими различными изгибами в сотне немецких миль к северо-западу, он проходит по краю всей южной и северо-западной Германии, а под чужим владычеством он омывает немецкие территории по ту сторону шириной 40–50 миль. Это вытянутое колено, которое Франция, если ей это будет угодно, приставит к шее Германии и которым она может её придушить. Мы, пожалуй, уже ощутили ужасающее давление этого колена и не можем до сих пор отдышаться. Если Франция оставит себе Рейн, то перед ней окажется совершенно открытым пространство вплоть до Эльбы, и она сможет безнаказанно отправлять свои войска на восток, до Леха и истоков Майна и Заале; то есть добрая половина Германии простирается перед ней совершенно зависимой, а вторая половина вскоре неминуемо последует за услужливой и трясущейся первой. Ведь таковы географическое положение и сила Франции с её прочими границами, что вместе с обладанием Рейном она поставит в зависимое положение всю Швейцарию и северную Италию, что она таким образом – без учёта притока вспомогательных средств и населения – обретёт гегемонию, которую она по своему желанию (а желать этого она будет всегда) обратит в погибель для своих соседей.

С тем, чтобы сказанное здесь было всем ясно, как солнечный день, я противопоставлю друг другу две крайности.

Предположим, что Германия вернула себе свои старые границы. Они отделяют её на юге Альпами от Италии, Арденнами от Франции; на востоке они проходят мимо далматов, хорватов, венгров и поляков; на севере Балтийское море и Айдер отделяют немцев от их скандинавских братьев; на западе их прикрывает Северное море. Я также рассмотрю Францию в её старых границах между Арденнским лесом, Юрскими горами, Альпами, Средиземным морем, Пиренеями и Атлантическим океаном. Я предположу, что Германия со всеми своими областями является единой монархией под властью *одного* правителя, как Франция, и стану утверждать, что при этой предпосылке оба государства будут равно могучими.

Германия в тех границах под властью одного повелителя будет, видимо, насчитывать около 30 миллионов жителей, Франция, возможно, – на 5–6 миллионов меньше; у Германии был бы по этой причине количественный перевес на пятую или шестую часть населения.

Зато у Франции двойной, даже тройной перевес в том, что касается её расположения, так что этот наш небольшой перевес в числе жителей будет им сполна уравновешен. Франция от природы получила защиту, которой нет у Германии. Её окружают Атлантический океан, Пиренеи, Средиземное море и Альпы, отгораживающие её подобно мощным укреплениям от нападений извне. Лишь часть её северной границы с Германией, примерно восьмая часть её территории, более легкодоступна и нуждается в большей степени в искусственных защитных укреплениях. А вот вся восточная граница Германии с Венгрией и Польшей, часть её северной границы с Данией и большая часть её юго-западной границы с Францией не имеют естественных преград, их необходимо защищать искусственным путём: то есть половина границ Германии легкодоступна.

Насколько велик этот недостаток Германии, по сравнению с Францией, который с лихвой восполняет незначительный перевес в народной массе! Всякому, знающему историю, известен также ещё один недостаток: то, что Европе всегда грозит с востока опасность, которая не может настигнуть нас на западе. На востоке простирается огромный континент со странами, в которых проживают миллионы, с теми нынешними и будущими опасностями, которые непременно обрушатся на Германию и раздробят её, прежде чем их испытают на себе Италия и Франция. С запада опасность может грозить только с моря; но на судах никогда ещё не вторгались сотни тысяч, не говоря уже о миллионах врагов. Поэтому...

Однако, может возразить кое-кто, ты только что живописал угрозы, которые исходят от Франции в случае, если она сохранит за собой Рейн, и то господство над Швейцарией и Италией, которое непременно будет завоёвано благодаря возможности пересечь эту реку: скажи же мне, станет ли Рейн чем-то иным, станет ли влияние, связанное с ним, другим, если он будет во власти немцев, а не французов? – Конечно же, совершенно иным, совсем другим.

Если Рейн будет принадлежать немцам, то влияние на вышеупомянутые страны окажется в равновесии между Францией и

Германией; если же французы будут обладать Рейном, то и влиять будут только они одни.

Это легко доказать. Для того, кто разбирается в истории и географии, достаточно одного лишь намёка, чтобы понять эту простую истину.

Франция в её прежних границах, кои мы можем назвать природными, уже оказывает на Швейцарию и Италию мощное влияние благодаря горной цепи, проходящей от Юрских гор мимо Женевского озера до реки Вар под Ниццей и Средиземного моря. Будучи великой и могучей монархией, она давит на обе эти более слабые страны. Если она добавит ещё и Рейн к этим границам, то они будут ей служить. Но если Германия получит Рейн обратно, то и она сможет оказывать давление, которое ни в коем случае не снимет давление Франции, но будет его тормозить и будет, с другой стороны, тормозиться французским.

Таковы важнейшие причины того, что Рейн с его областями должен вновь стать немецким. Весьма важная причина заключена также в политических воззрениях и характере обоих народов, о которых здесь идёт речь. Политические воззрения немецкого народа – конфедеративные и союзные; они и далее будут оставаться в большей или меньшей степени федеративными или республиканскими; поэтому никакая дичайшая в своём самодурстве власть никогда не сможет использовать этот народ в своих целях и помыкать им, во всяком случае это долго не продлится, даже если какому-либо необычайному и чудовищному человеку это некоторое время удавалось бы делать или если некие чудовищные и сотрясающие самые основы обстоятельства вырвали бы народ из его привычной колеи. Характер немецкого народа тихий, умеренный, справедливый, скорее слишком спокойный, нежели слишком необузданный. Его история доказывает, что он всегда стремился скорее сохранить своё, чем захватить чужое. Эту похвалу высказал ему ещё 1700 лет назад Тацит, когда римские войска понесли тяжелые потери на Рейне в схватках с германцами. Немцы никогда не были народом-завоевателем, кроме как в те дикие, всё обращающие вспять времена, в пятом и шестом столетиях, когда мир должен был обновиться и измениться и принять совершенно новый облик, когда все части света и народы обрушились друг на друга и изничтожали друг друга более ста лет в безумных революциях и кровавых войнах, пока Рим не обратился в развалины, и не были заложены основы нового бытия. Политическое устройство французов – монархическое, было таковым издавна и будет при деловитых и агрессивных правителях всегда деспотическим, так что французами к их собственной гибели и в ущерб иным народам смогут не раз полвека помыкать самым произвольным и жестоким образом. Французский характер легкомыслен, непостоянен, неспокоен, несправедлив, постоянно мечется между слишком многим и слишком малым, то есть неспособен к непрерывной свободной жизни: поскольку они не могут обуздать себя своей собственной волей, им приходится слепо повиноваться чужой. У них есть склонность быть народом-завоевателем, но мало склонности к тому, чтобы разумно распорядиться завоёванным. Никогда их соседи не будут знать из-за них покоя. Мы, немцы,

можем поведать массу историй об их беспокойстве, вероломстве и несправедливости; да и итальянцы и испанцы могут сделать то же. Французы таковы не только ныне, они не стали такими только из-за революции, они вышли за все разумные рамки не только по вине Наполеона; они были такими с самого начала своей истории и будут такими до самого её конца. Излишняя власть опасна в руках любого народа, а в их руках она опаснее всего.

Можно было бы привести и выделить ещё множество менее весомых политических оснований того, почему Рейн должен быть немецким и не может оставаться французским. Можно было бы осветить с разных сторон и те весомые основания, о которых говорилось выше, и изложить их так, чтобы из каждого вывести три-четыре новых: стиль и искусство изложения своих идей, в которых французы – мастера и которыми они одурманивают иных глупцов, пока те в конце концов не уверуют в их слова почти как в истину. Мы же отвергаем эти негерманские фокусы, в которых совершенно не нуждаются справедливость и истинность нашего дела; нас вообще поймут, и поймут до конца, лишь те, кто привык осмыслять причины, а не перечислять их.

После изложения этих основных причин становится ясно, как солнечный день, что великая и священная борьба, которую мы ведём с французами, не может иметь иной основной и конечной цели, кроме возвращения отнятой у нас земли и освобождения носителей нашего языка и нашего образа мысли, которых насильем принуждают стать французами. Господь, столь много сделавший для нас, поможет нам в этом и вселит необходимость достижения этой цели в сердца правителей и народов, вершащих ныне судьбами мира, так что они не успокоятся, пока её не добьются. Как много Господней благодати было бы напрасной тратой, как много благородных и смелых немцев с самым верным и отважным духом отдали бы свою жизнь зря, если бы мы остановились на полпути до этой цели! Не те французы, что ныне здравствуют, внушают страх сами по себе; их и тех, кто с ними вместе принёс миру столько несчастья из самых недобрых побуждений, непременно накажет Господь. Но если французы сохраняют Рейн с прекрасными областями на том берегу, то будущие властители поднимутся против нас, как Наполеон, будущие французы станут грабить нас, захватывать и мучить так же, как нынешние. Я говорю это прямо: более умеренный, мягкий и умелый правитель во главе Франции, который располагал бы теми же средствами и войсками, что и Наполеон, был бы для нас в тысячу раз опаснее его, и таковой стал бы и в будущем главной угрозой для свободы Германии, а вместе с ней – и для свободы Европы; ведь перед тем, кто обладает мощью Франции, Италии и Германии и не рискует слишком необдуманно играть в кости с удачей, вынуждены будут в итоге склониться все прочие державы европейского континента. Можно записать в будущий мирный договор сколько-угодно обязательных условий, торжественных обещаний и клятв – бумажная сила перьев всегда слабее металлической мощи мечей; князья и страны, отстоящие к востоку, да и к северу от Рейна на протяжении тридцати, даже пятидесяти миль, непременно ощутят на себе давление французов и их политическое влияние, они будут вынуждены, подобно планетам, танцевать

вокруг Солнца, не посылающего им никакого тепла, лишь пожары: им придётся дрожать и прислуживать; Швейцария и Италия станут подобием французских провинций и будут принуждены получать приказы из Парижа; и даже – что следует осмыслить прежде прочего – поскольку ныне свершается несправедливость, то и в будущем вряд ли сможет свершиться нечто справедливое; ведь в конечном итоге возобладает привычка, а чужой язык, чужие обычаи и законы всё настойчивее прокрадутся или будут навязаны, и души утратят свою опору, сердца – свои воспоминания, и то, что для наших отцов поначалу было отвратительным и ужасающим, станет потомкам в силу привычки менее ужасным, затем – безразличным, и, наконец, даже приятным – коллективное терпение в конце концов станет приветствовать тиранию там, где разгневанная гордость в иные времена стала бы вынашивать месть.

Таким образом, если властители желают быть уверенны в своём господстве, а народы – в своей свободе, если Германия должна вновь расцвести в почёте и независимости, а Европа – обрести мощь и равновесие, то следует эту задачу разрешить силой меча, восстановить Германию в её старых границах с Францией, а французов удалить с Рейна, даже из тех мест, которые они присваивали со времён Ришелье и Людовика XIV более обманом и коварством, нежели по праву и благодаря своей доблести.

Слово моему третьему свидетелю – Чести, которая обращается с таким предостережением:

Если я, будучи названной Честью, всё ещё являюсь таковой, если вы, немцы, желаете смотреть мне в лицо свободным, открытым взглядом, то вы не должны вкладывать мечи в ножны, пока не вернёте себе ваши прежние границы и отнятых у вас братьев. Ныне, когда вы признаёте, да и чувствуете, что вы ведёте самую справедливую из тех войн, что вы вели ранее, восстав против жесточайшего вероломства и порабощения, ныне, когда вы преисполнены высочайшей гордости и не желаете выбирать между победой и восстановлением страны, с одной стороны, и поражением и гибелью, с другой, ныне, когда вы призвали Господа в свидетели и союзники, ныне вы желаете остановиться в сомнениях на полпути? Ныне желаете вы вопрошать себя и других, стоит ли продолжать труды ради того, чтобы Рейн стал нашей границей, и не хватит ли проливать кровь? Нет, ни в коем случае! Вы должны собрать всю свою гордость, вы должны проявить всю свою гордость, чтобы вновь обрести своё без каких-либо условий. Смелому и верному народу пристало проявлять и великую справедливость, чтобы он, если военное счастье приведёт его на берега Луары и Роны, не пожелал себе взять у французов ни единой деревни там, где звучит только французская речь, если только эти деревни и территории не окружены вашими границами, но и, взяв их себе, вы дадите им те же права, что и немцам. Как же? Если вы ныне не проявите гордость и смелость и не пожелаете довести дело до конца, то когда же вы, по вашему мнению, сможете сделать это в будущем? Когда, вы думаете, должно наступить то время, когда у всех немцев появится ещё более высокая общая цель? *Сейчас или никогда*, так всегда должна молвить Честь; её час, даже её минута уже пробили; она не может ничего откладывать на потом, она

не может связывать свои надежды с возможным или случайным, её законом всегда было и есть то, что выражено коротко и ясно: *Делай то, что должен, победи или погибни и доверься Господней воле.*

Поэтому обращаюсь я к вам, немецкие братья и соотечественники, не без умысла, но и не без намёка. Когда-то ваши предки, могучие и милосердные мужи, знали меня, только меня и мою сестру, Справедливость, и жили согласно нашим наставлениям и законам; они хорошо разбирались в делах чести и верности, так хорошо, что гневались, когда им напоминали о чести и верности, ибо напоминание это казалось им почти оскорблением. Вы же, да и мы все в целом, вполне заслужили это напоминание; честь и верность, любовь всех ко всем, немецкое сообщество и братство сердец почти вымерли; каждый желал постоять только за себя, каждый желал властвовать только во имя себя, и вот случилось с нами то, что один древний римлянин говорил о греческих племенах: *Поскольку все стремились к господству над Грецией, все утратили господство над своей родиной.* Ныне же Господь – да не даст Он нашему имени исчезнуть – чудесным образом пробудил нас ужасными и радостными событиями; ныне мы можем оживить себя почти было угасшим чувством общей мести чужакам за их невыносимое высокомерие и неопишуемые жестокости; ныне мы можем объединиться узами силы, справедливости и согласия, все мы, кто говорит по-немецки, кого галльское лицемерие напрасно попытается разобщить. О немцы, примите тот великий римский принцип, что вам никогда не должно жаждать нерадостного и порицаемого мира, что вам никогда не должно желать, чтобы ваша земля и ваши люди были отданы врагам, что вы после каждой войны должны становиться всё более великими и устрашающими. Но не будьте похожи на римлян в том, чтобы усматривать в этом величии лишь внешнее величие: те никогда не желали заключать мир без захвата земель. Вы же, вы претворите ваше величие в справедливость и умеренность. Ведь и Рим, хоть он и был великим, погиб и в конце концов стал предметом насмешек всего мира, ибо он не хотел чтить этот мир. Повторяйте этот принцип и обучайте ваших детей и внуков этому самому священному завету вашего величия и безопасности: *не пожелайте никогда захватывать чужие народы, но и никогда не терпите того, чтобы из ваших пределов похитили даже одну-единственную деревню.* Тот, кто жаждет слишком много чужого, погибнет от высокомерия; тот, кто позволяет безнаказанно похищать своё, погибнет от лишений. Обе погибели настанут непременно и будут болезненны, но первая из них лишь кажется более почётной.

Я говорила намёками. Немецкий народ, самый многочисленный и воинственный и, если ты пожелаешь жить в согласии, самый могучий и мощный народ в Западной Европе, отринь те роли, что ты играл за последние три века, вопрошай о развитии событий, вопрошай о ходе великих революций, исследуй историю войн и заключения мира – и красней, и гневайся, если можешь, на то, что за столь длительное время не был заключён ни один мир, из-за которого ты не потерял бы своей чести и великолепия. Тот, кто вечно смиряется и покоряется, кто всегда уступает и отдаёт, того в конце концов поработят и презрят, и по праву; сильному, как бы силён он ни был,

уподобится в конце концов в самоуважении слабейший и станет насмехаться над ним, и он имеет на это право. Вот до чего – о несчастье наше! – до чего должно было прийти, чтобы немцы, этот великий и воинственный народ, были почти отторгнуты от мира, чтобы им воспрещали всякое ближайшее и простейшее единение с народами. Не терпели ли мы два столетия того, что голландцы, в прошлом – наша область, которые должны были бы стремиться к сохранению вечного союза с Германией, облагали сборами суда на нашем Рейне и притесняли их, как им заблагорассудится? А датчане, маленький, слабый народ, который был бы почти что крошечным без тех областей, кои они получили от нашей империи в ленное владение, те датчане, которых мы спасли от гибели в 1658 и 1660 годах, – не осмеливались ли они неоднократно покушаться на нашу Эльбу, захватывать по своему усмотрению наши имперские города и грабить их? Вот до чего мы дожили из-за нашего равнодушия к общей Отчизне, из-за нашего долготерпения, кое всегда выражается в возмущённых криках, но никогда – в действиях и наказании виновных. До того дошло, что нам не принадлежит ни одно из наших побережий, что наши суда не имеют права ходить по нашим рекам до моря, пока мы не купим на это право у чужаков. А у каких чужаков? У тех, что прежде были нашими подданными и вассалами и вновь должны ими стать, если они не желают быть хотя бы справедливыми по отношению к более сильным. Этого мы заслужили, так как мы это всё терпели; этого мы заслуживаем, потому что терпим это. Кто превращает себя в колоду, на того обрушится всякий топор; кто же становится наковальней, от того боятся получить зазубрины. Нами долго повелевали другие народы, с нами обращались как с несмышлёнышами, и так оно и есть до сих пор; так что до нынешнего дня было трудно сказать, что больше – наша глупость или наше невежество: ведь мы деградировали до того, что позабыли те немногие простые вещи, на которых зиждется господство тех стран и народов, что мы позабыли их пользу для нашего Отечества. Поэтому мы легко отказались от большого и стали спорить из-за малого, как будто оно и есть большое; пока великий судья и арбитр всех споров не выступил и не разрешил всё своей шпагой. Если он не сделал нас мудрее, если мы не желаем ставить Отечество и нашу честь и великолепие превыше прочего, то победы станут мимолётными, а прежнее несчастье вскоре вновь постучится в нашу дверь.

Я умолкаю. Кто ощущает честь и гордость, не нуждается в дальнейших речах; глупцы не станут от речей умнее, а слабые души не окрепнут благодаря вразумлениям. Но вы, разумные и brave, боритесь, трудитесь и размышляйте, чтобы зло и вред, столь долго причиняемые Отечеству, когда-нибудь были исправлены.

Немецкая Верность вступает в разговор, держа за руку свою сестру, Любовь. Она почернела от скорби и онемела от молчания; ведь она многие годы прожила в одинокой печали, так как народ отверг её и обращался с ней не иначе, как с бездомной бродяжкой, если она желала показаться на его собраниях. Её глаза потемнели от слёз, она измождена, её поступь слаба и неустойчива; она не прежняя, радостная и гордая воительница, которая

трубила и восклицала: *Да здравствует Германия! И победа!* Она уже не та статная и смелая подруга, что водила хороводы на мирных праздниках и хвалилась тем, что солнце не видело ещё более счастливого, свободного и добропорядочного народа, чем её немцы. Ей живётся, как грифу, пережившему цель обычной человеческой жизни; она стала как та самка грифа, молодое поколение которой вымерло, а теперешнее её уже не узнаёт. Она была одинокой, и дни её на этом свете были сочтены. В залах правителей и богачей находила она чужестранные мишуру и роскошь, слышала, какие глупости и фривольности, издавна казавшиеся ей отвратительными, повторяют там спьяну и в каком тоне; она стала там столь чужой, что её никто не узнавал и выталкивал вниз по лестнице как неуклюжую и бесстыдную попрошайку. Её изгоняли из школ и университетов болтовня, бессмыслица, надутость и глупость, и она, поспешно убегая, кричала: *О мои германцы, не умевшие читать никакие письма, кроме звёзд на небе и того, что Господь начертал пылающими буквами в сердцах, не знавшие никаких клятв, кроме рукопожатий, посмотрите на этих людей!* В судебных палатах витают абсурд и псевдоучённость, право стало непрозрачным, ибо его окружили слишком многими светильниками. Повсеместно, на ярмарках и в домах наравне с Верностью, да и выше неё, стали ставить ложь и обман, сладострастие и скупость, лень и мягкотелость, её исконных врагов. Поэтому ей пришлось вновь бежать от этих людей со своими страданиями в своё уединение, и она давно бы умерла от скорби и вернулась бы на свои небеса, если бы иногда в тихом лесу ей не встречалась весёлая невинность и не возвращала бы её к жизни своей улыбкой, если бы к ней из хижин бедняков в утренних и вечерних сумерках не доносилась благочестивая песнь, прерываемая криком домашнего петуха, отмеряющего время. Она ещё живёт среди невинных и бедных, и поэтому она не смогла покинуть землю. Но от долгой скорби и глубоких сердечных страданий она онемела: она лишь посылает знаки, а я толкую знаки её.

Она стала бы молвить и жаловаться, она бранила бы в слезах и гнев: Как же так, немецкие князья и народы? На это вы способны? Этого вы желаете? Ваших братьев вы хотите легкомысленно и бессердечно бросить в беде, коих похищает чужой народ, коим навязывают чужой язык, обычаи и законы, которые вам всегда были ненавистны? Вы желаете, чтобы эти сильные, отважные, свободолюбивые мужи стали французами? Их дети и внуки – ибо даже самое святое в конце концов забывается и стирается из памяти – должны забыть вас, самое имя немецкого народа, немецкую свободу и честь? Их сильные длани должны сражаться за тех, кого ненавидели ваши предки? Их сильные длани, что станут в итоге французскими, их крепкие сердца, что станут французскими сердцами, должны сражаться против вас за французов и помочь им покорить, поработить вас? - Ведь если у французов сохранится их могущество, они никогда не перестанут пытаться поработить вас, и это им в конце концов удастся на деле – те, что остались германцами при римской тирании, ибо их сердца презирали чуждое, должны теперь спустя почти 2000 лет после Юлия Цезаря превратиться в своего рода потомков Рима,

должны стать французами? Потомки треверов, нервиев, адуктуков, эбуранов, сугамбров и франков должны стать прислужниками чужаков, должны познать свободу лишь на слух как дальний отзвук древних времён, а не сердцем? – Ведь там, где правят французы, свобода не живёт. – Это вы желаете терпеть, это должно случиться с ними? С этой страной? С этим народом? И с какими мужами? Со сколь близкородственными мужами? Или вы их не знаете? Неужели вы не ведаете, какими братскими узами вы с ними связаны? Спросите себя, живущие вокруг Ростока и Штеттина, Данцига и Кёнигсберга, Гамбурга и Ганновера, спросите себя, померанцы, пруссы, жители Марки, голштинцы, брауншвейгцы, даже вы, далёкие жители Семиградья, спросите себя, не отправились ли ваши предки в древние времена отсюда и из Вестфалии, чтобы населить опустевшие области славян и построить города и деревни, построить свободную жизнь? Спросите себя, не отсюда ли родом те немецкие добродетели и та любовь к свободе, что вам присущи? И эти земли, этих людей, этих ваших товарищей по крови вы столь легкомысленно желаете обречь на погибель? – А голландцев – потомков батавов и фризов, этот благородный и великий народ, сражавшийся в течение ста лет за независимость Европы под знаменем свободы и Нассау, породивший героев и законодателей, изобретателей и художников, о которых только мечтают иные народы с территориями в двадцать раз больше них, вы тоже хотите оставить в порабощении, чтобы они в конце концов научились любить французскую мишуру и забыли гордость и серьёзность их предков? Такова благодарность за то, что они так часто окрашивали ради вас своей кровью воды вашего Рейна и вашей Шельды, да и вашего Дуная, что волны Атлантики, даже волны сицилийского моря красны от крови, пролитой ими ради вас? – А если они покажутся вам чужими, то посмотрите на ближних своих – но я говорю вам, что и ближние не смогут быть свободными, если не освободить тех – посмотрите на живущих между Рейном, Мозелем и рекой Саар, пасущих свои стада на берегах Рёра и Мааса, и краснейте, если вы не надеетесь на то, что они вновь станут детьми Германии, если вы не поклянетесь перед Господом и всем миром, что желаете вернуть их на родину. Бросьте ваш взгляд на эти реки и земли, обратите ваши сердца к ним! Что вы видите? Что чувствуете? Вы видите землю, напоминающую вам о прекраснейших трудах и сражениях нашего народа, вы видите истоки и начала вашего народа, самые древние и священные воспоминания об империи немцев, колыбели нашего формирования, города, в которых избирали, короновали и миропомазали ваших императоров, могилы, в коих покоятся ваши императоры, ваши верховные канцлеры, ваши архиепископы, памятники вашей славы и вашего величия, куда бы вы ни посмотрели, куда бы ни ступила ваша нога – и вы смогли бы смириться с мыслью о том, что всё это, самое древнее, самое досточтимое, самое немецкое, должно стать французским? Если да, то вместе с этой мыслью вы смиритесь и с французским порабощением. Аахен, Штрасбург, Майнц, Кёльн, Трир, Люттих, Шпайер, Вормс, немецкий Кёнигштуль под Рензе, поля битв, на которых вы столь часто побеждали французов во имя свободы, отважный, живой и талантливый немецкий род,

населяющий эти благословенные места, это самое истинное, древнейшее сокровище вашего имени – всё это вы могли бы оставить чужакам? Те памятники, что построили ваши достопочтенные и набожные предки в Кёльне и Антверпене, в Штрасбурге и Амстердаме в честь Предвечного, память о седом героическом времени и столь многие иные святыни вашей сущности и вашего искусства вы желаете отдать тем, чьи взгляды никогда не устремляются ввысь, тем, кому эти великолепные памятники не предвещают ничего вечного? – О нет! Нет! Вы этого не желаете, вы не можете этого желать. Воистину, мощи ваших предков перевернулись бы в своих гробах и воскликнули бы «О горе, горе!», обращаясь к вам и вашему Отечеству, кое вы бросаете; перевернулись бы в гробах мощи всех убиенных, отдавших свою жизнь ранее в битвах на этих побережьях, на этих полях, чтобы Рейн и его прекрасные области оставались немецкими и говорили по-немецки; все те миллионы немцев, давно ушедших к праотцам, стали бы призраками для вас; все те, кто погиб здесь от французского меча или были погублены французской жестокостью и издевательствами, когда Людовик XIV и Лувуа отправили сюда своих поджигателей-убийц и опустошили рейнские края, превратили города и деревни в горы пепла, разорили в Шпайере могилы ваших великолепных императоров, а в Гейдельберге развеяли по ветру прах древних пфальцграфов, когда французские дикари в 1790 и 1800 гг. ворвались сюда и под сладкие и льстивые речи о свободе, равенстве и благодати принесли немецким землям обман и предательство, грабёж и смерть – все они, все духи лучших из немцев превратились бы в призраков и стращали бы вас, проклинали и внезапно отняли бы у вас вновь всякое счастье, что столь чудесно даровал вам Господь.

Так молвила бы немецкая Верность, так примерно стала бы говорить она, но в значительно более сильных, резких и простых выражениях и словах; она так пробудила бы в вас немецкую любовь и честь, так рассказала бы вам о нынешних и будущих счастье и невзгодах, что вы не стали бы бросать на милость французов ваших братьев, детей вашего Отечества, но должны были бы сражаться не на жизнь, а на смерть, пока не вернули их себе и не отвоевали им свободу. Она бы научила и образумила вас много больше и лучше, поведала бы вам о Господе, долге и чести вашего имени, о примерах из вашей истории так, что вы не могли бы не сделать того, что правильно и необходимо. Поскольку же я не способен выразить и описать это с её простотой и сердечностью, то я желаю от её имени обратиться ещё с одним словом к вашему разуму и попытаться объяснить рассудку то, что не каждый может высказать сердцу.

Политика выше достаточно доказала, что, если французы сохранят за собой Рейн и земли по ту сторону его, то Германия не сможет избежать опасности, даже неизбежности своего порабощения. Если Рейн останется французским, то Германия всегда будет беззащитна перед Францией, будет зависима от Франции, а большая часть Германии вскоре вновь будет подчинена французам; то, о чём мы здесь горевали и на что гневались, вскоре

повторится в ином виде; то, что нам все эти пятнадцать лет³⁷ казалось отвратительным и ужасным, будет более приемлемо для наших детей и внуков в силу обыкновения и привычки; чума, которую ныне ещё можно было бы истребить, проникла бы в кровь и стала бы неистребимой; мы на самом деле были бы порабощены, лишь как только будут порабощены сердце и мысль. До сих пор я в основном говорил о тех опасностях, которые грозят нам в связи с внешним положением, мощью и гегемонией французов. Эти опасности – не самые ужасные: их можно устранить при помощи удачи, отваги, одним лишь героическим духом, пробуждающимся в лихую годину. Теперь же я хочу поговорить о скрытых опасностях, кои приходят тихо, как воды, что долго струятся под горами, подмывая их основы, пока гордые вершины не рухнут во влажные глубины: об опасностях, которые невозможно устранить или предупредить силой оружия, которые навечно изгонят счастье, ослабят отвагу и выкорчуют все ростки, способные породить германских героев, будущих спасителей.

Эти скрытые опасности – ничто иное, как постепенное уничтожение и истребление немецкой сущности и немецкого своеобразия. В последние столетия мы год за годом становились всё более слабыми, мягкотелыми, теряли свою сущность; история наших великих и досточтимых предков перестала быть для нас живым и воодушевляющим воспоминанием; немецкая земля, немецкий народ, немецкая свобода, немецкая честь стали пустыми звуками; священные в прошлом, иллюзорные представления об императоре и империи, об их власти, великолепии и величестве рассеялись – всё ушло, забыто, да и почти умерло. Мы уже не были похожи на тех прежних людей, мы стали хуже наших предков; но мы всё ещё были немцами, у нас ещё оставалось многое, что могло бы вновь породить статных и крепких немецких мужей, породить вновь великий и устрашающий немецкий народ, если бы над миром пронеслось оживляющее дыхание духа и если бы оно повеяло на неподвижные и ленивые массы. Если же французы останутся повелителями Рейна, если Штрасбург, Майнц, Кёльн, Аахен останутся французскими городами с французскими гарнизонами, академиями и театрами, то мне не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какими людьми станут немцы, живущие по эту сторону Рейна, через сто, даже через пятьдесят лет, даже если случилось бы немыслимое: что французы при всей их гегемонии не стали бы столь долгое время нападать на них со своим несправедливым оружием и не пытались бы покорить их. Я кратко поясню свои слова об этих скрытых опасностях, которые в мирное время, даже в самых мирных и дружественных обстоятельствах, окажут самое разрушительное воздействие.

Если французы будут господствовать на Рейне, то они будут властвовать над сердцевиной нашего народа, они нападут на нас в самом средоточии нашей жизни, они разрушат самые ростки нашей сущности. При благоприятных обстоятельствах, которых, впрочем, ожидать не приходится, но которые всё же возможны, Германия могла бы, наверное, какое-то время

³⁷ В 1797–1798 гг. французы захватили весь Рейн, заняв Майнц и Эренбрайтштайн (*прим. Э. Вильдберга*).

оставаться сильной на востоке, даже если бы французы не вернули нам отобранные у нас территории; но как немецкий народ она, несомненно, долго не продержится, она вообще не останется надолго немецким народом, если французам оставить господство на Рейне. Рейн и прилегающие к нему земли, а также ближайшие к ним территории Швабии, Франконии, Гессена, Вестфалии и Брауншвейга суть ядро и сердце немецкого народа, кои наполняют все его артерии, да и все члены его тела его истинной жизненной энергией и его живейшим жизненным духом; там обитает истинная немецкая сущность, если только она не сон; оттуда перелетает она как нежный и тайный жизненный эфир сообщества со всеми её невидимыми и едва уловимыми духами вплоть до Лейты и Айдера, даже до Мемеля и Тисы к родным нашим братьям. Но Германия существует и в иных местах, она живёт во Фленсбурге и Кёнигсберге, в Бреслау и Штральзунде; но там она не столь немецкая, как здесь, на юге. Это исторически объяснимо, это можно истолковать, исходя из наших обычаев и образа жизни, наших искусства и литературы – насколько можно показать и истолковать самую сокровенную жизнь народа и его самую своеобразную сущность. Здесь, на обоих берегах Рейна, на вышеназванных землях, всегда сохранялось в сплочённом виде всё германское посреди всех бурь столетий при всех перемещениях и сменах народов, оно даже ещё более сплотилось именно из-за этих бурь и перемен: я хотел бы сказать, что из-за них оно стало ещё более крепким и процветающим. После великого половодья народов, хлынувших в пятом и шестом веках нашей эры на запад и юг, которое принято именовать Великим переселением народов, восток и север Германии почти обезлюдели из-за переселявшихся на юг жителей, и чужие славянские племена добрались до Инна, Фихтельгебирге, Эльбы и Заале, до тех опустевших и незащищённых земель, оставшись там на несколько столетий. Наконец, после долгих и тяжёлых войн они были частично вытеснены немцами на восток, частично же покорены или истреблены. На эти теперь уже вновь опустевшие земли славян, в прошлом – места проживания англов, саксов, герминонов, варинов, лангобардов, ругиев, герулов, готов, квадов и маркоманнов, пришли немецкие колонисты, а над ними стали властвовать немецкие господа, они построили замки, крепости и города и стремились постепенно германизировать народ. На большинстве этих земель благодаря ходу времени и этому господству, а также благодаря превосходству в образованности воцарился немецкий язык, вобравший в себя большинство славянского; но в нём всё ещё осталось много следов негерманского, что можно доказать на основании некоторых признаков и явлений. Это утверждение покажется менее подозрительным, если учесть, что утверждающий это родился на земле, которая, вероятно, с V–VI вв. до конца XII в. была почти сплошь славянской³⁸. А на юге Германии, напротив, германское оставалось более чистым и несмешанным в данных границах, и

³⁸ Э.М. Арндт родился 26 декабря 1769 г. на острове Рюген, тогда ещё принадлежавшем Швеции. Этот остров первоначально населяли германцы, которые во время Великого переселения народов были вытеснены сорбско-померанскими славянами. При почти 800-летнем датском и шведском правлении на Рюген вернулась германская кровь (прим. Э. Вильдберга).

туда следует отправляться паломникам, желающим увидеть истинно немецкое, там следует искать чистый германский дух: то весёлое добродушие и благочестие, ту детскую наивность и естественность, ту пламенную гордость за истину и свободу, ту благородную и искреннюю прямоту и грубость, то неопишное своеобразие жизни, языка и обычаев, наконец, даже ту комплекцию, тот силуэт бедра и груди, то движение волос, тот взгляд, короче говоря, весь тот облик, то наглядное, но неопишное, что означает собственный народ. В Силезии, Пруссии, Курляндии, Мекленбурге ты найдёшь множество людей, говорящих по-немецки, которых ты, однако, сочтёшь представителями других народов, но здесь, в древней исконной части Германии, говорящие по-немецки покажутся тебе вполне настоящими немцами. Меня поймёт лишь тот, кто в известной степени принял в своём сердце и прочувствовал сказанное здесь. Швабию, Вестфалию и рейнские земли надо посетить тому, кто желает найти ключ к истории немецкого народа и прояснить для себя истоки его образованности и развития; там до сего дня, вплоть до злосчастных последних лет, стремившихся уничтожить всё прежнее, сохранялось большинство обычаев, традиций, жизни и уклада, позволяющих проникнуть в давно ушедшие столетия и пробраться наощупь, держась за них как за нить Ариадны, на свет через тёмный и запутанный лабиринт немецкой истории. Оттуда во все земли текли неприметно и без огласки изящные и тайные дуновения немецкого духа; из этого сокрытого огненного моря вылетали искры, сохранявшие на пространстве до Балтийского моря и до Польши и Венгрии живым то, что можно было называть немецким.

Я не желаю здесь возобновлять смешной тщеславный спор, отчасти позорный в силу того умысла, с которым ведут его иные, о преимуществах северно-немецкого или южно-немецкого. Аристотель и Платон уже утверждали, что у юга больше огня и духа, а у севера – больше крепости и тела; будь то верным или неверным, но юг всегда покажется живее, пламеннее и подвижнее, чем север. Не берусь здесь и сосчитать, сколько прекрасных гениев искусства и науки подарил немецкому племени наш юг – это было бы напрасной тратой времени – я лишь в целом признаю, что дух связан не с определёнными местами, а с определёнными народами. Германские умы даже в самых холодных регионах не застывают. Касательно тех, кого охватывал южнонемецкий патриотизм, я укажу лишь на то, что Снорри Стурлусон был исландцем, великий скульптор Торвальдсен – исландцем, Тихо Браге, Линней, Сергель, Беллман, Густав Адольф, Торстензон, Карл XII родились в Швеции, Бэкон, Шекспир, Ньютон – в Англии, что Пруссия чтит своих Коперника, Канта и Гердера, что Лейбниц был родом из Лейпцига, Гершель – из Ганновера, Фридрих II и Цитен – из Марки, что Шверин, Винтерфельдт, Шееле были померанцами. Но верно и то, что на немецкий север не могли не повлиять пришедшие с юго-запада известная живость, известная освежающая жизнь, известное духовное дыхание, кое я хотел бы назвать чисто германским воздухом. И если север воспринял это тихо и незримо, то от него на юг распространилось, в свою очередь, другое дуновение духовной жизни, и так

всё целое, что иначе именуют германской империей и немецким народом, взаимно притягивалось, стимулировало, пропитывало и пронизывало, хотя это великое взаимовлияние и невозможно было показать в деталях; ведь всё, что есть непосредственно жизнь и воздействие, воистину нельзя предьявить взору. Я не принижая северных немцев в сравнении с южными, каждый своеобразен, у каждого свои достоинства и недостатки, и лишь путём свободного обмена между немцами, живущими на Немане и на Шельде, на Айдере и на Адриатическом море, смогло просуществовать то целое, что прочим народам явилось как особенная немецкая натура и творение, достойные уважения. Всё то сердечное, верное, смелое и гостеприимное, чем обладают прусс и померанец, что составляет, творит и формирует живость и усердие силезца, серьёзность и верность жителя Марки, упорство и добропорядочность голштинца, – это перетекло незримыми потоками духа до самого Неккара и Мозеля, это помогало и там созидать и сохранять немецкую Отчизну, так что при этой мысли всякий немец не может не подумать, что то замечательное и добротное, что присуще каждому в отдельности, переходило ко всем немцам и принадлежит всем им.

Однако вернёмся к моему утверждению, которое подтверждается всей длительной историей Отечества, что рейнские земли, Швабия и Вестфалия – это ядро и костный мозг немецкого народа, что оттуда исходило всё лучшее и благороднейшее немецкое, что туда будет вечно возвращаться и оттуда должно проистекать то, что в обычаях, устройстве общества, науке и искусстве должно нести на себе печать истинно немецкого. Германия обитает и на Немане, и на Одере, и на Драу, но здесь это исконная Германия, во времена оно – средоточие немецкой жизни и немецких обычаев; здесь заложено неисчерпаемое сокровище немецкой сущности, языка и истории, почерпнуть из коего приезжают сюда немецкие братья из самых дальних мест и которое никогда не сможет иссякнуть. Если же случится несчастье, и французы сохранят Рейн за собой, то всё немецкое будет отравлено и задушено в своих корнях: Германия может сохранить своё имя ещё на столетия, но вскоре после этого Германии не будет. Владая Рейном и землями на том берегу, французы будут обладать преимуществом в мощи и оружии, которое с непреодолимой силой поставит на колени и области по эту сторону Рейна. Политическое преобладание и политическое давление никогда не остаются разрозненными, они воздействуют на жизнь, обычаи, устройство общества, искусство, они с необходимостью воздействуют на всё. Мы знаем, с какой жестокой планомерностью и с каким насилием стремились Наполеон и французы в течение десяти лет истребить немецкие обычаи и немецкий язык, да и всякую любовь к прежнему и всякое воспоминание о нём на той стороне Рейна. Если Рейн останется у них, то через несколько десятилетий им удастся добиться большинства своих целей, и французские обычаи и французский язык станут всё более всеупотребительными и будут всё более господствовать сначала на Рейне, а потом – и на этой стороне, на территориях в двадцати, тридцати, а то и пятидесяти милях от этого берега; всё немецкое сначала будет подавлено, затем распадётся и, наконец, обратится в пыль; весь народ до Леха,

Фихтельберга и Эльбы, лишённый поддержки и свежести жизни и воодушевления изнутри самого этого народа, превратится в конечном итоге в народец, состоящий из жалких обезьянничавших полуфранцузов. Вот тогда немецкое умрёт на самом деле, исчезнет без спасения и без возврата на веки вечные, и даже самые восточные и северные германские земли, корни и стволы которых будут повреждены и изъедены, ощутят свою погибель и в конце концов пропадут в своей бесхарактерной и бездушной ничтожности, растворясь в чужом.

Вот какова моя Германия, это я желал показать или хотя бы обрисовать, чтобы призвать на помощь и сохранить то, чему ещё можно помочь и что можно сохранить. Вот что я любил и во имя чего я жил, это было для меня самым великим и священным, это были мой немецкий народ, моя немецкая свобода и честь; ради этого говорил я, а не во славу оружия или блеска правителя или всей той помпы и той мерцающей роскоши имени, которые суть ничто без радости и жизни. Рим был великим, он был бессмертным и божественным, когда в нём жили его Фурии, Деции и Фабриции, когда его границы и его добродетели всё ещё не выходили за пределы Альп и Средиземного моря; Рим был малым, он был ничтожным, позорным, когда он захватил весь мир, когда на Темзе и Ниле, на Евфрате и Тахо сверкали орлы его императоров. – Эту Германию мы хотим сохранить, за эту Германию мы сражаемся и просим Господа и людей, чтобы они не дали ей погибнуть – за эту досточтимую страну обычаев, законов и добродетелей, известную своими искусством, науками и изобретениями, одухотворяющую и сохраняющую мир тихим усердием и набожностью Германию, но не за пустые названия, выхолощенные звуки и тщеславие произносим мы речи и просьбы и сражаемся. Здесь Германия, здесь она, вот она, и её должны сохранить честные немцы. Окрестите страну и народ иначе, назовите её, скажем, Саксонией или Пруссией, Баварией или Голландией, нареките её Гуронией или Чувашией, дайте ей имя, какое только пожелаете, – названия и впечатления нам безразличны, главное – лишь дело и действительность. Но если вы дадите этой нашей собственной Германии погибнуть – а она погибнет, если вы позволите французам то, чего я не желаю им позволять – то пусть даже все земли до Днепра и Геллеспонта, даже до Урала и Геркулесовых столпов именуется Германией, пусть там даже говорят по-немецки, мы уже не сможем радоваться тщете, мерцающей тленности мёртвых, мы не станем славить просторы и глубины. То, чем мы владели столетиями, даже тысячелетиями, богобоязненность, справедливость, добропорядочность, храбрость, свобода, то, что мы создали, закон, обычаи, науку и искусство, – это наша Отчизна, наша Германия, это мы называем своей родиной, своим немецким Отечеством, и это мы хотим сохранить; за это наши юноши так радостно идут ныне на поле брани и сражаются, как когда-то сражались их предки, херуски, марсы и хатты, и умирают, как умирали они.

Но мы глубоко презираем тех несчастных и негодных болтунов, кои без знания истории и без благоговения перед Божественной волей, проявляющейся в этой истории, желают доказать нам, немцам, что мы просто

должны стать прахом и пылью, в которые другие народы будут сажать свои семена, чтобы для них расцвела более прекрасная жизнь. Промысел Господа в могучем и тайном течении времён не скрыт от нас, не является тайной для нас даже на мгновение: мы должны до смертного часа защищать нашу любовь и нашу жизнь, то, что делает нас людьми, то, благодаря чему мы заслуживаем досточтимого названия «народ», и не слушать тех пустых и тщеславных глупцов, которые хотели бы своими проповедями убедить нас стать пеплом, ибо их души и есть ничто иное, как тленный и гниющий прах. Тот космополитизм, который нам так расхваливают, – не от Бога, а от тиранов и деспотов, желающих превратить все народы и страны в большую кучу обломков, в навозную яму порабощения; поэтому им так нравится, когда толпе указывают на то, что для всех было бы благодеянием, если бы тот или иной народ добровольно позволил повергнуть себя в прах. Признак жалкого и бесчувственного человека – это то, когда он вечно трезвонит о далёком и всеобщем, но ничего не делает для близкого и конкретного, кто любит свою жену, своих детей и соседей менее, чем чужаков, того по праву считают дурным человеком; кто не любит, не защищает и не удерживает близкого ему, у того нет ничего близкого, у того нет ближнего, его уста полны прекрасных звуков, и на его губах звучит роскошь, но он лишь измотанный распутник или отживший своё глупец. Наш дом, наши дети, наши соседи, наша земля, наш народ – их мы должны любить и защищать превыше всего, ведь так мы любим и защищаем лучше всего страны и народы. Но пусть будут прокляты те *гуманность и космополитизм*, которыми вы кичитесь! То всемирное мышление, которое вы расхваливаете нам как вершину человеческой образованности! О простите мой пыл, вы, потомки Авраама! Хотя вы и рассеяны по всему миру, вы стали досточтимым народом благодаря настойчивой любви к *своему* и защите его. Если бы мы, немцы, были похожи на вас в этом, то наши космополиты не смогли бы нас рассеять.

Если же Рейн и отнятые у нас земли с Божьей помощью будут присоединены к германской империи, то желательно, чтобы на Рейне повелевали самые могучие немецкие князья, Австрия и Пруссия, тем более что там рядом – Эльзас, Нидерланды и множество иных земель габсбургского и бургундского наследия. Мы также осмелимся надеяться на то, что Республика объединённых Нидерландов, этот отважный, справедливый и благородный народ, которому Европа и Германия обязаны столь многим, станет более тесно и прочно связана с германским государством и Великобританией³⁹, дабы чужаки в будущем не надеялись на лёгкую добычу. Что благотворно и целительно для всех, что принесёт всем большее согласие и безопасность, что свяжет всё ещё чисто германские племена и народности более прочной любовью и верностью, этому как счастьем и мудрости грядущего нас научило время, которое мы до сих пор были вынуждены с дрожью называть *нашим веком*. Если же мы поставим на границу с Францией слабых князей и создадим

³⁹ Э.М. Арндт долгое время верил в искренность свободолюбия Англии. Лишь позже он понял, что островной империи важны лишь материальные преимущества. Данное обстоятельство объясняет это его суждение (прим. Э. Вильдберга).

там слабые области, то интриги, страх и насилие слишком быстро возвратят к жизни те несчастья, которые мы оплакиваем и проклинаяем. И швейцарцы, почти все – немцы, в течение двадцати лет уже, наверное, усвоили, что благоразумнее опереться на германскую справедливость. Они поняли, как им воздалось за то, что они вот уже три столетия постоянно покорялись Франции и отдавали ей своих соседей на растерзание.

Я молвил своё слово о нашем Рейне. Пусть эти лёгкие и витающие слова не совсем рассеют ветры! Предмет этот, конечно, касается нашего ближайшего блага или страдания, и я хотел бы, чтобы мои рассуждения о нём показали каждому со всей очевидностью его значимость, чтобы это проникло в каждое сердце. Я мог бы сказать, что *я спас свою душу*; но от речей спокойнее не становится. Если французы удержат Рейн, то я потеряю *свою* немецкую родину; тогда придётся мне поступить, как поступили аисты Аквилеи, когда Аттила осадил этот город и штурмовал его стены: мне придётся расправить свои крылья и перелететь в другую германскую страну, ибо моя Германия и моя любовь тогда исчезнут. Ибо мои дети не должны стать полуфранцузами.

Скрижали истории лежат раскрытыми перед нами: то, что происходило в течение тысячелетий, что могло бы случиться через тысячи лет, ярко представили нашему взору последние двадцать лет. То, в чём всё ещё сомневались наши сердца и для чего мы не могли найти даже малейшего понимания и объяснения, – в это невероятное и чудовищное научились верить наши сердца, а наши глаза – видеть и выносить. Сотни тысяч мужей задушены на наших глазах, как бьют мух, человеческая кровь лилась перед нашими взорами как вода, человеческие трупы и человеческие останки нагромождены перед нами как горы, человеческое счастье уничтожено самым бессовестным образом при помощи жесточайшего вероломства и насилия – ужасы древних времён, которые мы считали рассказами, и грубость дикарей, казавшуюся нам невозможной, продемонстрировали европейцы девятнадцатого столетия, якобы, несшие миру омоложение и счастье. Дело дошло до того, что ныне существуют лишь два вида людей: людоеды и их жертвы. Наше время и наша честь будут навечно опозорены в истории, если мы не извлечём мудрость из несчастья, справедливость из жестокости, если мы не придадим прекрасным добродетелям верности, мягкосердечия, благочестия и отваги столь высочайшего блеска, что их божественное сияние затмит развалины и позор последних лет. Наша миссия, главная задача нашего времени, состоит в том, чтобы мы научились проявлять справедливость и человечность и ставить превыше всего древнее немецкое наследие – отвагу души и серьёзность обычая, за которые восхваляли наших предков. Тогда мы не погибнем, и Господь будет благословлять наши знамёна и освещать их победами, и Господь, о котором мы слишком долго не вспоминали, поселится в наших хижинах и дворцах и вселит то, что правильно, похвально, мудро и благородно, в сердца тех, кто держит в своих руках судьбы народов и будущие роковые предначертания.

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

17.01.2026
24.01.2026
07.03.2026

Received
Accepted for publication
Published

17.01.2026
24.01.2026
07.03.2026

ДИСКУРС, ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕКСТ: ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111

ББК 81.432.1

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_109

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭКСПЛИКАЦИИ МОДУСА ЗНАНИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Татьяна Ивановна Семенова,
orcid.org/0000-0002-8929-699X,
доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, д. 1
Иркутск, 664003, Россия
tisemenova54@mail.ru*

*Татьяна Викторовна Тюрнева,
orcid.org/0000-0001-9554-4526,
кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, д. 1,
Иркутск, 664003, Россия
tyurneva_tv@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистических механизмов дискурсивной реализации власти в первичном американском политическом дискурсе через экспликацию эпистемического модуса знания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения дискурсивных стратегий актуализации власти в условиях трансформации политического дискурса и эпохи постправды. Эмпирической базой послужили транскрипты выступлений американских политиков (2011–2025 гг.). Выявлены четыре ключевые дискурсивные стратегии: (1) актуализация эпистемического авторитета через фактивные предикаты знания с разграничением пропозиционального и опытного знания; (2) усиление эпистемического авторитета через эскалацию степени уверенности; (3) расширение сферы эпистемического субъекта посредством кванторов всеобщности и инклюзивных форм; (4) фактуализация через ментальные классификаторы. Обосновано, что экспликация модуса знания функционирует как многоуровневая система стратегий актуализации дискурсивной власти, определяемая коммуникативными интенциями политика.

Ключевые слова: дискурсивные стратегии, политический дискурс, модус знания, эпистемический авторитет, фактивные предикаты, кванторы всеобщности, ментальные классификаторы.

DISCURSIVE STRATEGIES OF KNOWLEDGE MODE EXPLICATION IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

*Tatiana I. Semenova,
orcid.org/0000-0002-8929-699X,
Doctor of Sciences (Philology), Professor
Irkutsk State University,
1, Karl Marx Street,
Irkutsk, 664003, Russia
tisemenova54@mail.ru*

*Tatiana V. Tyurneva,
orcid.org/0000-0001-9554-4526,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Irkutsk State University,
1, Karl Marx Street
Irkutsk, 664003, Russia
tyurneva_tv@bk.ru*

Abstract. This article analyzes the linguistic mechanisms of discursive power implementation in primary American political discourse through the explication of the epistemic mode of knowledge. The relevance is determined by the need to examine discursive strategies of power actualization in the context of political discourse transformation and the post-truth era. Transcripts of American politicians' speeches (2011–2025) served as the empirical base. Four key discursive strategies are identified: (1) actualization of epistemic authority through factive predicates with differentiation between propositional and experiential knowledge; (2) enhancement of epistemic authority through escalation of certainty; (3) expansion of the epistemic subject through universal quantifiers and inclusive forms; (4) factualization through mental classifiers. It is demonstrated that the explication of the knowledge mode functions as a multilevel system of strategies for actualizing discursive power, determined by the communicative intentions of the politician.

Keywords: discursive strategies, political discourse, mode of knowledge, epistemic authority, factive predicates, universal quantifiers, mental classifiers.

Введение (Introduction)

Актуальность настоящего исследования обусловлена его включенностью в круг современных научных разработок, нацеленных на познание форматов репрезентации знания в дискурсе. Политический дискурс, функционирующий в условиях информационной перегрузки, проявляет высокую степень реализации прагматического потенциала эпистемических маркеров, релевантных для анализа дискурсивных стратегий легитимации власти. Интенциональную базу политического дискурса составляет борьба за власть [Шейгал, 2000], которая преимущественно достигается дискурсивно. Статья освещает фундаментальный вопрос о том, как язык конструирует не просто политическую реальность, а форматы концептуализируемого знания, что делает анализ эпистемических параметров дискурса критически важным для понимания дискурсивных стратегий реализации власти.

Материалы и методы (Materials and methods)

Эмпирической базой исследования послужили транскрипты выступлений американских политиков (2011-2025 гг.) из цифровых архивов The American Presidency Project (presidency.ucsb.edu), CNN Transcripts (transcripts.cnn.com), The Guardian (theguardian.com). Для оценки прагматического потенциала эпистемических маркеров модуса знания использовались методы контекстуального и прагмалингвистического анализа, а также метод дискурсивного анализа.

Дискуссия (Discussion)

Категория истины является фундаментальной в эпистемологии, начиная с античности. Классическая корреспондентная теория истины, восходящая к Аристотелю, определяет истину как соответствие высказывания действительности [Аристотель, 1999]. Эта концепция легла в основу семантической теории истины А. Тарского [Tarski, 1944], который формализовал понятие истины через отношение между языком-объектом и метаязыком. Развитие модальной логики [Kripke, 1963; Lewis, 1918] позволило описать различные типы необходимости и возможности, включая эпистемическую модальность, связанную со знанием субъекта. В лингвистике это нашло отражение в концепции модуса как субъективного отношения говорящего к пропозициональному содержанию высказывания [Балли, 1955], при этом эпистемический модус определяет способ выражения знания, мнения или степени уверенности говорящего [Lyons, 1995; Palmer, 2001]. В эпистемической логике высказывание «S знает, что р» истинно, если р истинно во всех мирах, эпистемически доступных для S, что формализует специфический модус знания через отношения доступности между возможными мирами. Для лингвистического анализа важно, что истинность не является имманентным свойством высказывания, а представляет собой результат процессов верификации, согласования с системой знаний и оценки [Арутюнова, 1988]. Проблема эпистемического состояния говорящего [Виноградов, 1975; Шведова, 1960] занимает центральное место в лингвистической семантике.

Принципы истинностной оценки, эпистемические параметры высказывания, экспликация модусов знания и мнения в политическом дискурсе привлекают внимание исследователей [Задворная, 2001; Разлогова, 2004; Семенова, 2022; Nuys, 2001]. Политический дискурс представляет собой специфическую коммуникативную сферу, в которой прагматическая нагруженность высказываний достигает максимальных значений, а стратегическая манипуляция эпистемическими маркерами становится ключевым инструментом воздействия [Chilton, 2004; Vandijk, 2006]. В политическом дискурсе эпистемические предикаты выполняют функции актуализации авторитета, убеждения аудитории и дискредитации оппонентов [Fetzer, 2013].

Понимание политического дискурса в широком смысле позволяет разграничивать первичный и вторичный типы дискурса. В соответствии с

классификацией Е.И. Шейгал [Шейгал, 2000], первичный политический дискурс включает институциональные формы общения (речи политиков, интервью, заявления, указы, парламентские дебаты), тогда как вторичный политический дискурс охватывает неинституциональные формы – «разговоры о политике» (мемуары политиков, письма читателей, аналитические статьи, политические комментарии) [Шейгал, 2000, с. 37]. В данной статье предпринята попытка выявить и описать способы экспликации эпистемического модуса знания в американском первичном политическом дискурсе и определить его прагматический потенциал.

В системе эксплицитных ментальных модусов Н.Д. Арутюнова выделяет модусы знания, мнения, истинностной оценки [Арутюнова, 1999, с. 411]. Концепция релятивности знания, разрабатываемая в когнитивно-дискурсивной парадигме [Семенова, 2022; Vandijk, 2006; Vandijk, 2014], предполагает, что эпистемический статус высказывания определяется не только его соответствием объективной реальности, но и позицией субъекта познания, контекстуальными и социокультурными параметрами коммуникации. Модально-эпистемическая шкала Е.Э. Разлоговой вводит градуированную систему эпистемических предикатов, отражающую различные степени уверенности говорящего в достоверности пропозиции [Разлогова, 2004]. Эпистемические предикаты структурируют эпистемическое пространство высказывания, актуализируя отношения между субъектом знания, пропозициональным содержанием и прагматическим контекстом. Шкала выстраивается от максимальной эпистемической определенности (знание) через область предположения и мнения к минимальной определенности (сомнение). Это означает, что категория истинности-ложности рассматривается не как жесткая бинарная оппозиция (дизъюнкция), а как континуум вероятностных оценок [Арутюнова, 1999, с. 430], что позволяет учитывать, что в реальной коммуникации, особенно в политическом дискурсе, говорящие оперируют не абсолютными значениями «истинно» или «ложно», но градуированными оценками достоверности, которые стратегически используются для достижения коммуникативно-прагматических целей.

В английском языке эпистемическое состояние «знаю, что Р» представлено широким спектром лексико-грамматических средств, варьирующихся по степени эксплицитности, синтаксической структуре и прагматическим функциям [Nuyts, 2001; Palmer, 2001]. Как отмечает М.И. Ковш, осведомлённость, как экспликация своего знания, присуща политической коммуникации [Ковш, 2024]. В зависимости от степени субъектности и коммуникативных интенций выделяются типы экспликации модуса знания в первичном политическом дискурсе [Nuyts, 2001].

Эксплицитный модус знания (I know) характеризуется максимальной эпистемической ответственностью говорящего и служит для актуализации эпистемического авторитета. Под эпистемическим авторитетом понимается дифференцированное распределение прав на эпистемический доступ и оценку релевантных состояний дел, что подразумевает иерархию, в которой

определенные участники коммуникации обладают привилегированным статусом в отношении знания, а это, в свою очередь, легитимирует их оценки и суждения как более весомые или авторитетные [Heritage et al., 2005; Vandijk, 2014]. М.И. Ковш определяет авторитетность в медийном дискурсе как комплексную характеристику коммуникативного взаимодействия, формируемую через совокупность дискурсивных стратегий, направленных на утверждение статуса источника информации как заслуживающего доверия и компетентного [Ковш, 2024]. Близкое понятие *credibility* (достоверность/надёжность источника) у Т.А. ван Дейка обозначает социально-когнитивную характеристику источника знания, определяющую степень доверия к его эпистемическим утверждениям и включающую оценку компетентности, объективности и надёжности коммуниканта [Vandijk, 2014, pp. 336-357]. Таким образом, эпистемический авторитет конституируется не только через эксплицитные маркеры знания, но и через достоверность (*credibility*).

Для политического дискурса характерна двухкомпонентная модус-диктумная структура, в которой первый элемент (модус) апеллирует к перцептивному, опытному знанию, а второй элемент (диктум) вербализует верифицированную пропозицию. Проиллюстрируем данную структуру примером из предвыборной речи Д. Трампа, в которой политик актуализирует свой эпистемический авторитет через апелляцию к опыту непосредственного участия в политических и финансовых процессах США с последующим разоблачительным утверждением: *I have seen the system up close and personal for many years. I have been a major part of it. I know how the game works in Washington and on Wall Street. And I know how they have rigged the rules* [Trump, 2016]. В этом эпистемическом контексте эксплицируется опытное знание (*I know how*), которое обосновывает компетентность говорящего. Модус опытного знания вводит пропозицию как уже верифицированную, то есть прошедшую проверку через личный опыт. Таким образом, информация представляется не как предположение или мнение, требующее верификации, но как установленный факт, истинность которого гарантируется эпистемическим авторитетом субъекта высказывания.

В следующем примере Д. Байден во время президентских дебатов 2024 года отвечает на критику относительно своего возраста и способности управлять страной, переходя от рассуждения о мудрости к утверждению о практической компетентности: *But I didn't anticipate things getting so, so, so divided. And quite frankly, and I think, the only thing uh age brings a little bit of wisdom. And I think I've demonstrated that I know how to get things done for the country, in spite of the fact we told we couldn't get it done* [Biden, 2024]. В дискурсе политика реализуется переход от предиката мнения *think* к предикату опытного знания *know how*. В отличие от пропозиционального знания с референцией к факту, конструкция *I know how to get things done* выражает опытное знание – знание о способах действия, освоенных через практику. Опытное знание апеллирует к процедурной компетентности, основанной на доказанной эффективности в прошлом (*I've demonstrated*). Самокоррекция

через последовательность модусных пропозиций *I think* → *I know how* трансформирует абстрактное рассуждение о возрастной мудрости в конкретное утверждение о практической способности достигать результатов. Таким образом, опытное знание (*know how*) легитимирует политическую компетентность говорящего через референцию к успешному опыту реализации политических решений, тем самым усиливая эпистемический авторитет политика. Прагматическая функция данной дискурсивной стратегии заключается в конструировании образа политического актора, обладающего эксклюзивным доступом к информации, недоступной политическим оппонентам. Предикат *know* маркирует позицию говорящего на вершине модально-эпистемической шкалы, соответствующую максимальной степени уверенности, и одновременно блокирует возможность оспаривания представленной информации со стороны адресата.

Следовательно, предикат *know* в сочетании с отсылками к перцептивному опыту выступает как мощный инструмент актуализации эпистемического авторитета адресанта-политика. Для иллюстрации анализируемой стратегии обратимся к высказыванию пресс-секретаря Белого дома К. Ливитт, прозвучавшему в ходе брифинга для прессы в январе 2025 года. Отвечая на вопрос журналиста информационного агентства Bloomberg о конкретных шагах администрации по борьбе с ростом цен и инфляцией, пресс-секретарь использует эпистемические маркеры: *I know you work for Bloomberg, so I'm sure you're well aware of them. But I can assure the American people that the president is very much focused on bringing down the cost-of-living crisis* [Leavitt, 2025]. В данном высказывании упоминание принадлежности журналиста к авторитетному информационному агентству Bloomberg актуализирует пресуппозицию разделяемого знания (*you're well aware of them*) и служит отправной точкой для последующего заверения (*I can assure*). Эта дискурсивная стратегия усиливает эпистемический авторитет президента: его действия (*the president is very much focused on bringing down the cost-of-living crisis*) представляются не как намерение или декларация, а как установленный и несомненный факт.

В другом примере Д. Байден актуализирует эпистемический авторитет через экспликацию знания о приоритетах аудитории: *And I know that's not on top of most people's minds* [Biden, 2024]. Модусный предикат *I know* вводит пропозицию, в которой отрицанию подвергается важность внешней политики для большинства электората, тем самым Д. Байден демонстрирует эмпатию и понимание реальных проблем граждан, что способствует укреплению эпистемического авторитета политика.

Особый тип экспликации модуса знания представляют конструкции с расширением сферы эпистемического субъекта. Данная дискурсивная стратегия реализуется через последовательную градацию субъектов знания от конкретного адресата к неопределенно-множественному (обобщенному) субъекту, что обеспечивает форму социального знания, разделяемого членами социума. В следующем фрагменте предвыборной речи Д. Трамп критикует СМИ за предвзятое освещение его предвыборных митингов и митингов

Х. Клинтон, обвиняя медиа в манипулировании информацией о размерах аудитории: *At my rallies, they never show or talk about the massive crowd size and try to diminish all of our events. On the other hand, they don't show the small size of Hillary's crowds, but, in fact, talk about how many people are there, very small crowds. You know it, they know it, and everybody knows it* [Trump, 2016]. Тройное повторение предиката *know* с расширением сферы эпистемического субъекта (*you* → *they* → *everybody*) создает градацию от индивидуального знания адресата к коллективному знанию группы и далее к знанию неопределенно-множественного субъекта. Данная конструкция реализует апелляцию к разным типам адресатов: прогнозируемому адресату (*you know it*), с которым политик вступает в опосредованное, дистантное общение; косвенному адресату – медиа (*they know it*) как участнику общения, ради которого выстраивается дискурс [Формановская, 2007, с. 175-176], и, наконец, обобщенному субъекту (*everybody knows it*). Таким образом осуществляется кванторное расширение субъектной сферы от ограниченного множества (конкретизируемый адресат, затем неопределенная группа лиц) до квантора всеобщности (*everybody*), что трансформирует субъективное утверждение говорящего в статус общепризнанного и неоспоримого факта. Модус знания в данном контексте допускает прономинализацию вводимой пропозиции (замену развернутого содержания местоимением *it*), что усиливает ее истинностную оценку. Адресат, категоризируемый как *everybody knows*, оказывается перед выбором: либо согласиться с утверждением о массовости митингов в поддержку Д. Трампа и тем самым подтвердить свою принадлежность к множеству субъектов (*everybody*), либо возразить и признать, что он не обладает знанием, разделяемым членами множества, то есть косвенно признать собственную некомпетентность. Таким образом, кванторное местоимение с семантикой всеобщности побуждает адресата к солидаризации с говорящим и создает иллюзию консенсуса.

Стратегия расширения сферы эпистемического субъекта может сочетаться со стратегией сближения с адресатом, когда политик через языковые единицы интеграции (инклюзивное *we*) делает аудиторию соучастником знания и формирует коллективный модус знания. В следующем фрагменте Д. Трамп критикует политический истеблишмент, апеллируя к общему знанию аудитории: *One thing we all know is that we will never solve our problems by relying on the same politicians* [Trump, 2016]. Пропозиция *we all know* реализует двойной механизм: инклюзивное местоимение *we* сближает говорящего с аудиторией, сокращая дистанцию между политиком и избирателями, а квантор всеобщности *all* расширяет сферу эпистемического субъекта до неопределенно-множественного, представляя знание как разделяемое всеми. Градация субъектов знания в политическом дискурсе выстраивает эпистемическую иерархию, которая движется от единичности (*I know*) через инклюзивность (*we know*) к неопределенно-множественному субъекту (*we all know / everybody knows*).

Аналогичная стратегия сближения с адресатом реализуется в следующем высказывании Д. Байдена в ходе президентских дебатов, где речь

идет о президентах, при которых число рабочих мест сократилось: *American history who've come to office and left with fewer jobs than they came to office, and the other was a guy who we all know very well* [Biden, 2024]. Пропозиция *we all know very well* реализует стратегию сближения через актуализацию коллективного модуса знания. Инклюзивное местоимение *we* включает говорящего и аудиторию в общее эпистемическое пространство, снимая иерархическую дистанцию между политиком и избирателями. Квантор всеобщности *all* усиливает инклюзивность, расширяя эпистемический субъект до неопределенно-множественного и представляя знание как всеобщее достояние. Интенсификатор *very well* объективирует истинностную оценку этого разделяемого знания. Ключевым механизмом данной стратегии является актуализация пресуппозиции общего знания о референте (*a guy* = Д. Трамп). Использование разговорной номинации *a guy* вместо имени собственного создает эффект неформальной близости и одновременно апеллирует к общей осведомленности аудитории. Таким образом конструируется дискурсивное сообщество, в котором говорящий и адресаты разделяют общую эпистемическую перспективу. Стратегия сближения нейтрализует позицию власти говорящего и позиционирует его как члена той же группы, что и аудитория, укрепляя авторитет и доверие через демонстрацию общности знания.

Рассмотрим реализацию стратегии расширения сферы эпистемического субъекта в следующем примере из речи Б. Обамы о налоговой реформе, где президент обращается к вопросу повышения налогов для сокращения дефицита бюджета: *I'm also well aware that there are many Republicans who don't believe we should raise taxes. But here is what every American knows* [Obama, 2011]. В приведенном высказывании отчетливо прослеживается переход от единичного эпистемического субъекта (*I'm well aware*) к неопределенно-множественному субъекту, маркированному квантором всеобщности *every*. Высказывание *I'm well aware* эксплицирует модус знания говорящего, демонстрируя эпистемическую компетентность и готовность к диалогу. Однако последующее расширение сферы субъекта через пропозицию *every American knows* трансформирует дискуссионный вопрос налоговой политики в область социокультурного знания, разделяемого всеми гражданами независимо от партийной принадлежности. Таким образом, политическая программа Обамы реализуется не через аргументацию или убеждение, а через апелляцию к коллективному модусу знания, который имплицитно включает и самого политика, и его оппонентов-республиканцев, и всю аудиторию. Расширение сферы эпистемического субъекта превращает спорное политическое предложение о повышении налогов в очевидную истину, обладающую авторитетом общенационального консенсуса.

В терминах дискурсивной реализации власти использование кванторов всеобщности в составе эпистемических конструкций представляет собой способ символического принуждения: говорящий не столько убеждает аудиторию, сколько конструирует реальность, в которой его позиция уже является общепринятой. Переход от *I know* → *we all know* → *every American*

knows отражает движение от эпистемического авторитета к эпистемическому консенсусу, где власть говорящего проявляется в способности определять границы этого консенсуса и его содержание. Политик выступает не как источник нового знания, но как голос коллективного разума, что парадоксальным образом усиливает его властную позицию: оспорить его утверждение означает противопоставить себя всему сообществу. Данная стратегия особенно эффективна в публичных выступлениях, где аудитория из пассивного реципиента превращается в соучастника коммуникативного акта, разделяющего ответственность за утверждаемое знание.

Наряду с горизонтальным расширением сферы эпистемического субъекта через кванторы всеобщности, в политическом дискурсе используется вертикальная стратегия усиления эпистемического авторитета. Данная стратегия направлена на реконфигурацию эпистемической иерархии и реализуется через пересмотр предыдущих оценок, эскалацию степени уверенности или установление контроля над развитием дискурса [Heritage et al., 2005]. Проиллюстрируем эту стратегию на примере из речи Д. Трампа о будущем страны: *We now find ourselves at that very special fork in the road. Do we repeat the mistakes of the past or do we choose to believe that a great future, yet unwritten lies ahead for us and for our wonderful, beloved country? I think it does. I know it does* [Trump, 2016]. В данном фрагменте реализуется усиление эпистемического авторитета через смену эпистемических маркеров: *I think* → *I know*. Предикат мнения *think* вводит мнение-предположение, однако последующая самокоррекция через предикат *know* повышает степень истинностной оценки, поскольку глагол *know* в сочетании с пропозициями, имеющими референцию к будущему, вербализует эпистемическое состояние уверенности.

Средством верификации истинностной оценки служат ментальные классификаторы (*the fact that, the fact is, the truth is*), представляя истинность не как утверждаемую, но как пресуппонируемую [Kiparsky et al., 1970]. Обращаясь к концепции факта, разработанной Н.Д. Арутюновой, следует подчеркнуть, что «истинность замещаемой именем факт пропозиции предполагает ее верифицируемость» [Арутюнова, 1999, с. 494]. Однако в политическом дискурсе ментальные классификаторы *the fact* и *the truth* номинализируют пропозицию, представляя её как установленный факт, который может быть референтом в дальнейшей аргументации. Рассмотрим реализацию дискурсивной стратегии фактуализации на конкретных примерах. Данная стратегия направлена на эпистемическую конверсию – преобразование утверждения, требующего верификации, в пресуппонируемый факт, не подлежащий сомнению. Стратегия фактуализации отчетливо прослеживается в риторике Д. Трампа. Так, в предвыборной речи 2016 года политик прибегает к классификатору *the fact*: *The fact that Washington has tried so hard to stop our campaign is only more proof that our campaign represents the kind of change* [Trump, 2016]. В другом выступлении, говоря об экономике страны, президент Д. Трамп задействует классификатор *the fact is*: *The fact is, it's so big, what's taking place in America* [Trump, 2025b]. Наконец, оценивая результаты своей

работы, он обращается к классификатору *the truth is*: *They actually said it would be very much harder to get this way, but it would be better. And **the truth is**, I think it worked out well, because there's something for everybody* [Trump, 2025a]. Ментальные классификаторы *the fact* и *the truth* придают пропозициональному содержанию эпистемический статус достоверного знания о реальности. При этом наблюдается градация степени истинности: если классификатор *the fact* имеет референцию к свершившимся событиям (действия Вашингтона, масштаб экономических изменений), то классификатор *the truth* имеет референцию к истинностной оценке. Особенно показателен пример, в котором классификатор *the truth* сочетается с эпистемическим предикатом мнения *think*. Однако пресуппозиция, актуализируемая классификатором, доминирует над эксплицитным модусом мнения, в результате чего мнение-предположение становится фактом. Таким образом, граница между объективным и субъективным, между фактом и интерпретацией оказывается риторически стертой. Мнение-предположение (*I think*) выдается за объективную реальность, оказываясь обрамленным ментальным классификатором *the truth is*, что придает ему статус неопровержимой истины.

Аналогичную, но дополнительно усиленную дискурсивную стратегию фактуализации демонстрирует вице-президент Дж. Д. Вэнс: ***The very simple truth is that the last administration left us with a terrible economy*** [Vance, 2024]. В данном фрагменте ментальный классификатор *the truth* модифицируется интенсификатором *very*, который выполняет специфическую прагматическую функцию. Представление сложной экономической ситуации как «очень простой истины» имплицитно самоочевидность утверждения и отсутствие необходимости в экспертизе. Атрибут *simple* выводит пропозицию за пределы специального знания, делая её доступной «простому здравому смыслу» любого гражданина, не обладающего экономической компетенцией. Интенсификатор *very* дополнительно усиливает эту установку, блокируя возможность альтернативных интерпретаций и представляя оценочное суждение (*terrible economy*) как очевидный для всех факт. Эта стратегия наиболее эффективна прагматически, так как номинализация пропозиции в факт выводит её из зоны дискуссии и помещает в зону аксиоматических данностей. Используя наблюдение Н.Д. Арутюновой о том, что факты «не дескриптивны» и «призваны устранить все частные характеристики события и сохранить только его бытие» [Арутюнова, 1999, с. 493], можно констатировать, что они вводят пропозицию, которая имеет референцию к фактам или свершившимся событиям. Таким образом, политик конструирует мир, в котором его интерпретация событий имеет эпистемический статус истины.

Заключение (Conclusion)

Проведенный лингвопрагматический анализ позволил выявить систему стратегий экспликации эпистемического модуса знания в первичном политическом дискурсе, функционирующих как инструменты реализации дискурсивной власти. Во-первых, стратегия актуализации эпистемического

авторитета реализуется (через) фактивными предикатами модуса знания (*know*) через разграничение пропозиционального знания (*I know that*) и опытного знания (*I know how*). Во-вторых, стратегия расширения сферы эпистемического субъекта реализуется посредством кванторов всеобщности (*all, every, everybody*) и инклюзивных форм (*we know, we all know*). В-третьих, стратегия усиления эпистемического авторитета реализуется посредством градации степени уверенности – от предикатов мнения (*I think*) к предикатам знания (*I know*) в рамках одного высказывания. В-четвертых, дискурсивная стратегия фактуализации реализуется через использование ментальных классификаторов (*the fact that, the fact is, the truth is*).

Таким образом, экспликация эпистемического модуса знания в первичном политическом дискурсе функционирует как многоуровневая система стратегий актуализации эпистемического авторитета и дискурсивной власти политического актора. Перспективы дальнейшего исследования включают сопоставительный анализ экспликации модуса знания в различных типах политического дискурса (первичный vs вторичный), а также сравнение дискурсивных стратегий в англоязычной и русскоязычной политической коммуникации.

Библиографический список

- Аристотель*. Метафизика / пер. А. В. Кубицкого. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 600 с.
- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с. EDN YLAWAR.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.
- Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53-87.
- Задворная Е. Г.* Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса: специальность 10.02.00 «Языкознание»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. Г. Задворная. Минск, 2001. 36 с. EDN XYCRCN.
- Ковш М. И.* Авторитетность в новостном медийном дискурсе: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ковш Максим Игоревич. Москва, 2024. 198 с. EDN VIZMDC.
- Разлогова Е. Э.* Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов. М.: Изд-во МГУ, 2004. 199 с. EDN QREWRX.
- Семенова Т. И.* Эпистемические параметры дискурса. Язык и система знаний // Когнитивная теория языка: сборник научных трудов по материалам VII Международной научной конференции, 25 – 26 апреля 2022 г. / отв. ред. М. В. Пименова. М.: Изд-во МГОУ, 2022. С. 240-245.
- Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Издательство «ИКАР», 2007. 478 с. EDN QDWTGF.
- Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 377 с.
- Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: специальность 10.02.00 «Языкознание»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шейгал Елена Иосифовна. Волгоград, 2000. 431 с. EDN NLROTZ.
- Chilton P.* Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London: Routledge, 2004. 240 p.
- Fetzer A.* The Pragmatics of Political Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 246 p.

- Heritage J., Raymond G.* The Terms of Agreement: Indexing Epistemic Authority and Subordination in Talk-in-Interaction // *Social Psychology Quarterly*. 2005. Vol. 68. P. 15-38.
- Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // *Progress in Linguistics* / M. Bierwisch, K. E. Heidolph (eds.). The Hague: Mouton, 1970. P. 143-173.
- Kripke S.* Semantical considerations on modal logic // *Acta Philosophica Fennica*. 1963. Vol. 16. Pp. 83-94.
- Lewis C. I.* A Survey of Symbolic Logic. Berkeley: University of California Press, 1918. 406 p.
- Lyons J.* Linguistic semantics: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 376 p.
- Nuyts J.* Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: A Cognitive-Pragmatic Perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2001. 428 p.
- Palmer F. R.* Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 139 p.
- Tarski A.* The semantic conception of truth and the foundations of semantics // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1944. Vol. 4, № 3. Pp. 341-376.
- Vandijk T. A.* Discourse and manipulation // *Discourse and Society*. 2006. Vol. 17, № 3. P. 359-383. EDN JRKICX.
- Vandijk T. A.* Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. 407 p. EDN ULLBXO.

Список источников примеров

- Biden J.* (2024). Interview with Ed Gordon of BET Television in Las Vegas, Nevada. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-with-ed-gordon-bet-television-las-vegas-nevada> (accessed 12.11.2025).
- Leavitt K.* (2025). Press Briefing by Press Secretary Karoline Leavitt. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/press-briefing-press-secretary-karoline-leavitt-1> (accessed 12.11.2025).
- Obama B.* (2011). Full text of Barack Obama's jobs speech // *The Guardian*. 2011. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2011/sep/09/barack-obama-usa> (accessed 12.11.2025).
- Trump D.* (2016). Third Presidential Debate Transcript. Available at: <https://transcripts.cnn.com/show/cnr/date/2016-10-22/segment/03> (accessed 12.11.2025).
- Trump D.* (2025a). Remarks on the President's Legislative Agenda and an Exchange with Reporters. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-presidents-legislative-agenda-and-exchange-with-reporters> (accessed 12.11.2025).
- Trump D.* (2025b). The President's News Conference at the Federal Reserve System Headquarters. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-the-federal-reserve-system-headquarters> (accessed 12.11.2025).
- Vance J. D.* (2024). Remarks by the Vice President in Bay City, Michigan. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-vice-president-bay-city-michigan> (accessed 12.11.2025).

References

- Aristotle.* (1999). *Metaphysics* / transl. by A. V. Kubitsky. Rostov-on-Don : *Feniks*, 1999. 600 p. (in Russian)
- Arutyunova N. D.* (1988). Types of Linguistic Meanings: Evaluation, Event, Fact. Moscow: *Science*, 1988. 341 p. (in Russian)
- Arutyunova N. D.* (1999). Language and the Human World. Moscow: *Languages of Russian culture*, 1999. 896 p. (in Russian)
- Bally Ch.* (1955). General Linguistics and Issues of the French Language. Moscow: *Foreign Languages Publishing House*, 1955. 416 p. (in Russian)
- Chilton P.* (2004). Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London: *Routledge*, 2004. 240 p.

- Fetzer A. (2013). *The Pragmatics of Political Discourse*. Amsterdam: *John Benjamins*, 2013. 246 p.
- Formanovskaya N. I. (2007). *Speech Interaction: Communication and Pragmatics*. Moscow: IKAR, 2007. 478 p. (in Russian)
- Heritage J., Raymond G. (2005). The Terms of Agreement: Indexing Epistemic Authority and Subordination in Talk-in-Interaction. *Social Psychology Quarterly*. 68: 15-38.
- Kiparsky P., Kiparsky C. (1970). Fact. *Progress in Linguistics*. The Hague: Mouton, 1970. P. 143-173.
- Kovsh M. I. (2024). *Authority in News Media Discourse: Dissertation for the Candidate of Philology Degree*. Moscow, 2024. 198 p. (in Russian)
- Kripke S. (1963). Semantical considerations on modal logic. *Acta Philosophica Fennica*. 16: 83-94.
- Lewis C. I. (1918). *A Survey of Symbolic Logic*. Berkeley: *University of California Press*, 1918. 406 p.
- Lyons J. *Linguistic semantics: An introduction*. Cambridge: *Cambridge University Press*, 1995. 376 p.
- Nuyts J. (2001). *Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: A Cognitive-Pragmatic Perspective*. Amsterdam: *John Benjamins*, 2001. 428 p.
- Palmer F. R. (2001). *Mood and Modality*. 2nd ed. Cambridge: *Cambridge University Press*, 2001. 139 p.
- Razlogova E. E. (2004). Logical-cognitive and stylistic aspects of the semantics of modal words. Moscow: *Moscow State University Press*, 2004. 199 p. (in Russian)
- Semenova T. I. (2022). Epistemic Parameters of Discourse. Language and the System of Knowledge. *Cognitive Theory of Language: collected scientific papers from the VII International Scientific Conference*. Moscow: *Izd-vo MGOU*, 2022. P. 240-245. (in Russian)
- Sheigal E. I. (2000). *Semiotics of Political Discourse: Specialty 10.02.00 "Linguistics": Dissertation for the Degree of Doctor of Philology*. Volgograd, 2000. 431 p. (in Russian)
- Shvedova N. Yu. (1960). *Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech*. Moscow: *Publishing House of the USSR Academy of Sciences*, 1960. 377 p. (in Russian)
- Tarski A. (1944). The semantic conception of truth and the foundations of semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*. 4(3): 341-376.
- Vandijk T. A. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse and Society*. 17(3): 359-383.
- Vandijk T. A. (2014). *Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: *Cambridge University Press*, 2014. 407 p. EDN ULLBXO.
- Vinogradov V. V. (1975). On the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language. *Selected Works: Studies in Russian Grammar*. 53-87. (in Russian)
- Zadvornaya E. G. (2001). Communicative-epistemic parameters of utterance and discourse. Speciality 10.02.00 "Linguistics": Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Philology. Minsk., 2001. 36 p. (in Russian)

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

21.01.2026
01.02.2026
07.03.2026

Received
Accepted for publication
Published

21.01.2026
01.02.2026
07.03.2026

УДК 81-115 + 808.1

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_122

МЕЖДУ ТЕКСТОМ И АЛГОРИТМОМ: К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ ТРАНСФОРМАЦИИ АВТОРСТВА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*Наталья Сергеевна Баребина,
orcid.org/0000-0001-5883-6773,
доктор филологических наук, доцент
Байкальский государственный университет,
ул. Ленина, 11
Иркутск, 664003, Россия
svirel23@rambler.ru*

Аннотация. В статье обсуждается потенциал художественной футурологии как метода прогнозирования коллаборации человека и искусственного интеллекта в сфере творческой работы. Особое внимание уделяется узкому применению генеративных моделей искусственного интеллекта в литературном и академическом письме, а также трансформации понятий авторства в условиях «человеко-машинного партнерства». Согласно научно-аналитическим подходам художественного прогнозирования, литературные тексты обладают ресурсом метафорического и аллегорического осмысления и могут выполнять функцию прогнозирования в отношении этических и антропологических последствий интеграции технологий генерации текстов в творческий процесс. В статье представлен анализ, основанный на интерпретации рассказа Дэвида Моррелла «Печатная машинка», в котором литератор предвосхищает феномен искусственного автора, ставя вопросы ценности естественного интеллекта, профессиональной и авторской идентичности писателя. Работа вносит вклад в активизацию лингвистической и культурологической рефлексии постгуманистической парадигмы, аргументируя необходимость включения художественного дискурса в междисциплинарные исследования будущего с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: искусственный интеллект; художественная футурология; прогнозирование; генеративные модели; авторство; творчество; постгуманизм; литературоведческий анализ; человеко-машинное взаимодействие.

BETWEEN TEXT AND ALGORITHM: ON THE QUESTION OF ARTISTIC FORECASTING OF THE TRANSFORMATION OF AUTHORSHIP IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

*Natalia S. Barebina,
orcid.org/0000-0001-5883-6773,
Doctor of Philology, Associate Professor
Baikal State University,
11, Lenin Street,
Irkutsk, 664003, Russia
svirel23@rambler.ru*

Abstract. The article discusses the potential of artistic futurology as a method for predicting the collaboration of humans and artificial intelligence in the field of creative work. Particular attention is paid to the narrow application of generative models of artificial intelligence

in literary and academic writing, as well as the transformation of the concepts of authorship in the context of “human-machine partnership”. According to scientific and analytical approaches to artistic forecasting, literary texts have a resource of metaphorical and allegorical understanding and can perform the function of forecasting the ethical and anthropological consequences of the integration of text generation technologies into the creative process. The article presents an analysis based on the interpretation of David Morrell’s short story “The Typewriter”, in which the writer anticipates the phenomenon of an artificial author, raising questions about the value of natural intelligence, professional and authorial identity of the writer. The work contributes to the activation of linguistic and cultural reflection of the posthumanistic paradigm, arguing the need to include artistic discourse in interdisciplinary studies of the future with artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence; artistic futurology; forecasting; generative models; authorship; creativity; posthumanism; literary analysis; human-machine interaction.

Введение

На фоне свершившегося факта интеграции искусственного интеллекта (далее – ИИ) практически со всеми сферами жизни не прекращаются попытки специалистов разных профилей постичь развитие процесса взаимодействия естественного и искусственного интеллекта [Дубова, 2024; Жучкова, 2024]. Одним из способов сделать это является футурологическое прогнозирование. Практика прогнозирования находит место в научной публицистике. Приведем в пример сочинения Э. Тоффлера, Дж. Кантона, Р. Курцвейла, в которых описываются глубокие технологические изменения, связанные с информацией и жизнью в электронной среде, трендами в экологии, условиях труда, медицине, социальной жизни [Курцвейл, 2021; Курцвейл, 2025; Тоффлер, 2002; Canton, 2007]. Это позволяет утверждать, что практика прогнозирования существует, она основана на интуиции лидеров-визионеров в сочетании с данными технологий, экономики, философии и ряда других наук. Несомненно, что будущее с ИИ также является предметом футурологических прогнозов. В статье С. Н. Волкова и С. Е. Ковалевой дан обзор работ в этом направлении и сделан вывод о десяти сценариях развития отношений человека с ИИ, которые прямо или косвенно представлены в работах футурологов. Все они в большей или меньшей степени имеют мотивы экзистенциальной угрозы человечеству со стороны ИИ [Волков и др., 2024]. На основе аналитического междисциплинарного обзора выдвинута гипотеза о перспективах появления лингвистической парадигмы «posthumano» в контексте развития теорий антиантропоцентризма [Зырянова и др., 2024]. Высказываются мнения о возможном сценарии расчеловечивания [Шалаев, 2024].

Проблема, освещаемая в настоящей работе, связана с футурологическим прогнозом будущего с ИИ с помощью литературоведческого анализа. Наш тезис состоит в том, что опыт художественной футурологии, которая имеет значительные наработки в прогнозировании на основании литературоведческого анализа, также должен быть включен в общий контекст прогнозирования коллаборации человека и систем искусственного интеллекта.

Конкретизируя цель статьи, отметим, что речь в ней пойдет об узком назначении ИИ, специализированном на конкретных задачах написания текстов с помощью генеративных моделей. Эту цель мы поместим в фокус

проблемы ценности человеческого вклада в творческой работе. Говоря о творческой работе, мы подразумеваем те области, которые традиционно считались прерогативой человека, например, литературные произведения, академическое письмо, драматургия, и которые все чаще подвергаются трансформациям в условиях партнерства человека и машины.

Новизна работы определяется тем, что, насколько можно судить по имеющимся публикациям, вопрос сосуществования человека и помощника в виде ассистента ИИ еще пока не становился предметом специального анализа в художественном прогнозировании.

Методы и ход исследования

В работе применялся метод анализа словарных дефиниций и метод интерпретации художественного текста в виде стилистического анализа текста⁴⁰ в целях выявления авторского замысла. Задействована схема анализа прозаического произведения [Колоницкая и др., 2010] для выявления основных деталей, жанра и сюжета произведения. Используются приемы нарратологического анализа, в частности, рассмотрены типы повествования на основе нулевой и внешней фокализации (по Ж. Женетту [Женетт, 1998]). Фокализация применяется в анализе как средство моделирования смыслов в тексте. Суть представленного ниже анализа рассказа Д. Моррелла «Печатная машинка» [Моррелл, 2006] заключается в том, чтобы рассмотреть вопрос взаимодействия автора с механизмом производства текстов, акцентируя проблему зависимости автора от внешнего творческого источника, которую предвосхитил в своем рассказе писатель.

Материал исследования составил рассказ Д. Моррелла «Печатная машинка», также для верифицируемости выводов мы обращались к работам авторов, интерпретирующих романы-антиутопии [Басов, 2023; Каменец и др., 2022].

В первой части статьи представлены данные о технике художественного прогнозирования с точки зрения объективности прогнозов. Вторая часть посвящена непосредственно анализу произведения.

Объективность прогнозов художественной футурологии

Дефиниционный анализ позволяет сделать вывод о том, что научное прогнозирование – это аналитический процесс, основанный на данных, тенденциях и моделях, направленный на предсказание вероятных будущих событий [Новейший..., 2001; Бажанов и др., 2009]. Термином художественная футурология принято обозначать «теоретическое направление сбора смысловых достижений искусства (прежде всего, утопий, научной фантастики) в отражении будущего» [Маслов, 2022, с. 567]. Уточняя этот термин в аспекте анализа художественных произведений, отметим, что он предполагает возможность литературоведа-аналитика зафиксировать смыслы, которые «увидены» писателем в «футурологическом ракурсе» [Ничипоров,

⁴⁰ Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник. 13-е изд. М. : ФЛИНТА, 2016. 384 с.

2022, с. 105]. Приведем мнения, которые поясняют разницу между научным и художественным прогнозированием.

М. Ю. Красильникова пишет, что «принципиально отличаясь от научного прогнозирования, художественное предвидение создает более широкую панораму предстоящих изменений, включающих предусматривание отдельных случайных событий и ситуаций, которые для научного познания представляются непрогнозируемыми» [Красильникова, 2011, с. 246].

А. В. Каменец и М. Ю. Алексеева связывают художественное прогнозирование с термином «предугадывание» и пишут, что оно «вмещает в себя смыслы, располагающиеся в поле образно-символистского конструирования вероятностного будущего» [Каменец и др., 2022, с. 200].

Техника футурологического исследования заключается в литературоведческом и культурологическом анализе художественных произведений с последующим сопоставлением работ писателей с реальными процессами, которые интересуют исследователей. Ученые, осваивающие эту проблематику, обращаются к художественным произведениям, чтобы выявить векторы близящихся или далеких изменений, которые предрекают в своих работах мастера слова. Известно, что многие художественные произведения отечественных и зарубежных писателей содержат довольно точные описания не только изобретений и технологий, но и сценариев развития общества, которые стали реальностью современного мира. В разных произведениях мы можем найти: «электрические разговоры» и «электроходы» (В. Одоевский «4338-й год: Петербургские письма», 1835 г.), системы контроля за людьми с помощью гаджетов и стандартизированное общество (Е. Замятин «Мы», 1920 г.), управляемые беспилотные самолеты (А. Беляев «Властелин мира», 1926 г.), «новояз», «речепис», переписывание истории (Дж. Оруэлл «1948», 1949 г.), архитектуру «солнечных городов», беспилотные автомобили, «серьги-приемники», «доступность мыслимого и немислимого» в обществе потребления (А. и Б. Стругацкие «Хищные вещи века», 1965 г.), «миниатюрные твердотельные кристаллические информационные накопители» и электронные библиотеки (И. Ефремов «Час Быка», 1970 г.), системы «умного дома» (Р. Брэбери, «Будет ласковый дождь», 1984 г.).

Научная литература имеет немало примеров выявления будущих трендов через призму художественного замысла [Черняховская, 2022; Козлова, 2014; Половцев, 2017; Ничипоров, 2022; Хохлов, 2025] и др. Обобщая результаты исследований, выполненных в этом ключе, отметим, что литература является не только отражением эпох, но и проекцией возможного будущего.

Анализ произведения

Дэвид Моррелл (1943 г.) – видный представитель современной англоязычной прозы. Читателям он известен по большому количеству триллеров и боевиков. Однако автор является не только писателем, но и ученым, имеющим докторскую степень, преподавателем вуза. Рассказ «Печатная машинка» (“Typewriter”) был написан в 1983 году, он является

далеко не самым известным произведением автора и входит в сборник под названием «Черный вечер» серии Mystery Line. В рассказе Эрик, погруженный в нищету и творческий кризис, случайно покупает старинную печатную машинку, которая способна писать бестселлеры. Рассказ строится на внешней фокализации – объективном взгляде наблюдателя, не проникающего в сознание героя, что придает загадочность происходящему и оставляет читателю право интерпретировать природу машинки. Ее недоступная пониманию сила описывается метафорически: «вырвавшись из-под контроля», странная машинка «начала строчить, как сумасшедшая», превращаясь в «курочку, несущую золотые яйца». Главный персонаж разговаривает с ней, как с живым существом: «Значит, будешь моим секретарем», – шепчет он, обращаясь к послушному помощнику. Образ подчеркивает зависимость и слепое доверие непонятной силе. Антитеза между убогим бытом и роскошью писательского успеха, между скромной «Олимпией» и «чудесной штуковиной», подчеркивает двойственность дара – он одновременно спасение и зависимость.

С каждым днем Эрик все больше отдаляется от самого процесса написания текста. Он печатает, ни разу не взглянув на клавиатуру, в этом нет смысла, ведь машинка сочиняет все сама. Эрик смотрит фильм, наблюдая, как справа растет аккуратная стопка готовых страниц и ожидая увидеть заветный «Конец».

Кульминация наступает в тот момент, когда Эрику срочно нужно сдать следующий роман, а машинка внезапно ломается, замолкает, а затем начинает выдавать лишь бессмысленную «тарабарщину». В панике он пытается выяснить ее происхождение и узнает, что на этой же машине, втайне от всех, писал свои бестселлеры другой знаменитый писатель. Эрик нашел ее изобретателя – старика по имени Донован, который, поковырявшись в механизме, произнес: «*В ней просто закончились слова*». Это заявление звучит как приговор. В страхе потерять все, Эрик убивает старика и похищает вторую машинку, веря в то, что в ней еще остались неизрасходованные тексты.

Финал обнажает трагедию: персонаж, отказавшийся от честного, но тяжелого труда, превращается в убийцу. Когда он садится за вторую машинку, она начинает печатать: «*Эрик убивает мистера Донована... Эрик крадет меня... Эрик должен сесть в тюрьму*» – и в свете фонарей кажется, что ее клавиатура ухмыляется.

Обсуждение результатов

На фоне обсуждения преимуществ автоматической генерации текстов нельзя игнорировать голоса тех, кто указывает на потенциальный вред технологий в виде потери авторской и профессиональной идентичности [Pugachev et al., 2023], предвзятости алгоритмов в текстовых построениях [Болдина, 2024], изменения языковой практики не от смысла, а от синтаксиса [Черниговская, 2022, с. 167], падения орфографической и письменно-функциональной грамотности [Семёнов и др., 2022, с. 183], изменения читательской культуры [Henrickson, 2018]. Печатающая машинка в рассказе

Д. Моррелла – это многослойная метафора истощения человеческого творчества. Проецируя эту метафору на вопрос прогнозирования взаимодействия человека и технологий ИИ, мы обозначили несколько линий, которые содержит рассказ.

1. Эрик, который перестал писать сам, слепо барабанил по клавишам, превращается в пассивного проводника чужих текстов, он не сочиняет, он лишь активирует механизм.

2. Машинка, «в которой закончились слова», – это метафора авторской и интеллектуальной лени. Поломка машинки – не техническая неисправность, а утрата способности к творческой работе.

3. Ключевым элементом метафоры становится непредсказуемость и неподконтрольность этого творческого механизма. Легко полученное состояние быстро закончилось, а создатель машинки оказался бессилён перед ее отказом.

Заключение

Художественная футурология, безусловно, не претендует на строгую научную объективность, ее методология носит скорее индуктивный характер в сочетании с экстраполированием подмеченных в литературе явлений на текущие тенденции. Если научное прогнозирование является по большей части технократичным и нейтральным, то эвристику художественной футурологии характеризует символичность.

Рассказ «Печатная машинка» Д. Моррелла можно рассматривать как футурологическое зеркало, в нем видна и аллегория на современную практику использования ИИ для генерации текстов, где пишущий полагается на внешний творческий источник, и образ ассистента, который, будучи использованным вне этики, «под секретом», в конце концов замолкает или начинает говорить сам, выдавая не желаемые тексты, а собственные алгоритмы. Этот искусственный голос не до конца понятен даже своему создателю, что делает его одновременно притягивающим и тревожным элементом современной коммуникативной среды.

Библиографический список

Бажанов В. А. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / В. А. Бажанов, Н. Г. Баранец, А. А. Тихонов. М.: Канон+, 2009. 1248 с.

Басов А. Гулливер и нейросети: интернет-банкинг и онлайн-торговля в произведениях писателей XVIII-XIX века // Системный Блок [Электронный ресурс]. – 2023. URL: <https://sysblok.ru/philology/gulliver-i-nejroseti-internet-banking-i-onlajn-torgovlja-v-proizvedenijah-pisatelej-xviii-xix-veka/> (дата обращения: 17.10.2025)

Болдина К. А. Риски автоматизации новостной журналистики на основе ИИ // Modern Humanities Success. 2024. № 3. С. 7-14. DOI 10.58224/2618-7175-2024-3-7-14. EDN TSTNUS.

Волков С. Н. Футурологические предвидения развития искусственного интеллекта: социально-философский анализ / С. Н. Волков, С. Е. Ковалева // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 2. С. 73-78. EDN HVXUPZ.

Дубова Ю. В. Риски и угрозы для человечества при внедрении ИИ // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. 2024. № 23. С. 43-44. EDN FLWNYT.

- Женетт Ж.* Фигуры. В 2-х томах. Том 2. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
- Жучкова Ю. А.* Риски использования технологий ИИ в науке и образовании // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2024. № 22. С. 297-301. EDN RPMAET.
- Зырянова И. Н.* Генеративные языковые модели и феномен антиантропоцентризма – новые перспективы лингвистической парадигмы «posthumano» и «общего/сильного» ИИ / И. Н. Зырянова, А. С. Чернавский // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34, № 1. С. 144-152. DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1).
- Каменец А. В.* Глобалистская прогностика в романе Дж. Оруэлла «1984». Культурологический анализ / А. В. Каменец, М. Ю. Алексеева // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6(98). С. 200–205. DOI 10.24158/fik.2022.6.34. EDN OCRNQI.
- Козлова С. М.* Евразийское геополитическое пространство в художественной футурологии современной литературы // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2014. № 7. С. 350–358. EDN TFXPXJ.
- Колоницкая О. Л.* Английский язык. Хрестоматия. Аналитическое чтение / О. Л. Колоницкая, М. Л. Хруненко; под ред. М. А. Акоповой. СПб. : Изд-во Политех, ун-та, 2010. 410 с.
- Красильникова М. Ю.* Основания футурологии Д. С. Мережковского // Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры: сборник научных трудов; под ред. В. П. Океанского. Иваново: Шуя, 2011. С. 244-247.
- Курцвейл Р.* Революция разума: на подступах к Сингулярности. Как технологии изменят общество и сознание; пер. с англ. А. А. Алексеева. М. : Эксмо Издательство «Бомбора», 2025. 560 с.
- Курцвейл Р.* Эволюция разума. М. : Издательство «Бомбора», 2021. 352 с.
- Маслов В. М.* Художественная футурология и проблема цифровой/виртуальной реальности // После постпозитивизма : материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки, Саратов, 08–10 сентября 2022 года. М. : Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2022. С. 567-569. EDN GBGFNC.
- Моррелл Д.* Печатная машинка // Черный вечер; пер с англ. А. Ахмеровой. Серия: Mystery Line. М.: Эксмо, 2006. С. 49-83.
- Ничипоров И. Б.* «Павел Чжан и прочие речные твари» веры Богдановой: опыт художественной футурологии // Филология и культура. 2022. № 2(68). С. 100–106. DOI 10.26907/2074-0239-2022-68-2-100-106. EDN OLEDUP.
- Новейший философский словарь* / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. Минск : Интерпрессервис : Кн. Дом, 2001. 1279 с.
- Половцев Д. О.* Футурологический прогноз в повести Э.М. Форстера «Машина останавливается» // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX–начала XXI века : материалы международной научной конференции, Витебск, 27 февраля 2017 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. С. 325-330. EDN YPGNLF.
- Семёнов А. Л.* Расширенная личность как основной субъект и предмет философского анализа / А. Л. Семёнов, К. Е. Зискин Следствия для образования // Человек и системы искусственного интеллекта; под ред. В. А. Лекторского. СПб. : Издательство «Юридический центр», 2022. С. 172-201.
- Тоффлер Э.* Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 776 с.
- Хохлов Р. Р.* Футурологические прогнозы и фантастические нарративы: контуры социально-государственной эволюции // Технизация человека и гуманизация техники: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Краснодар, 25 апреля 2025 года. Краснодар: ООО «Эпомен», 2025. С. 234-238. EDN EFRQSS.

Черниговская Т. В. Естественный и искусственный интеллект: смыслы или структуры? // Человек и системы искусственного интеллекта / Под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2022. С. 160-172.

Черняховская Ю. С. «Большая тройка» советской художественной футурологии: Политико-философское осмысление проблем культурного суверенитета, культурно-цивилизационной интеграции и формирования идеалов будущего в произведениях И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких: компаративный анализ. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2022. 380 с. DOI 10.34685/ HI.2022.66.85.002. EDN MQLGRY.

Шалаев В. П. Искусственный интеллект (ИИ) наступает: риски расчеловечивания. Что дальше? // Человек и общество перед вызовами глобальных трансформаций: развитие или стагнация: Двадцать седьмые Вавиловские чтения. Материалы международной междисциплинарной научной конференции, Йошкар-Ола, 14 декабря 2023 года. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2024. С. 51-54. EDN LHPQBZ.

Canton J. *The Extreme Future: The Top Trends That Will Reshape the World in the Next 20 Years*. Moscow: Publishing House Plume, 2007. 384 p.

Henrickson L. Computer-generated fiction in a literary lineage: breaking the hermeneutic contract // *Logos*. 2018. Vol. 29 (2/3). P. 54–63.

Pugachev A. A. Transforming the future: a review of artificial intelligence models / A. A. Pugachev, A. V. Kharchenko, N. A. Sleptsov // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2023. Vol. 28, № 2. P. 355-367. DOI 10.22363/2312-9220-2023-28-2-355-367. EDN RZMQIG.

References

Basov A. (2023). Gulliver and Neural Networks: Internet Banking and Online Trading in the Works of 18th-19th Century Writers. *System Block*. Available at: <https://sysblok.ru/philology/gulliver-i-nejroseti-internet-banking-i-onlajn-torgovlja-v-proizvedenijah-pisatelej-xviii-xix-veka/> (in Russian)

Bazhanov V. A. *Baranets N. G., Tikhonov A. A.* (2009). Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. Moscow: Canon+, 1248 p. (in Russian)

Boldina K. A. (2024). Risks of AI-Based News Journalism Automation. *Modern Humanities Success*. 3: 7-14. DOI 10.58224/2618-7175-2024-3-7-14 (in Russian)

Canton J. (2007). *The Extreme Future: The Top Trends That Will Reshape the World in the Next 20 Years*. Moscow: Plume Publishing House, 2007. 384 p.

Chernigovskaya T. V. (2022). Natural and Artificial Intelligence: Meanings or Structures? *Man and Systems of Artificial Intelligence*; ed. by V. A. Lektorsky. St. Petersburg: Yuridichesky Tsentri Publishing House: 160-172. (in Russian)

Chernyakhovskaya Yu. S. (2022). The “Big Three” of Soviet Artistic Futurology: Political and Philosophical Understanding of the Problems of Cultural Sovereignty, Cultural and Civilizational Integration, and the Formation of Ideals of the Future in the Works of I. Efremov, A. Kazantsev, A. and B. Strugatsky: A Comparative Analysis. Moscow: D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, 2022. 380 p. DOI 10.34685/ HI.2022.66.85.002. (in Russian)

Dubova Yu. V. (2024). Risks and Threats to Humanity from the Implementation of AI. *Bulletin of the Educational Consortium of the Central Russian University. Series: Economics and Management*. 23: 43-44. (in Russian)

Genette J. (1998). *Figures*. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikov, 1998. 944 p. (in Russian)

Henrickson L. (2028). Computer-generated fiction in a literary lineage: breaking the hermeneutic contract. *Logos*. 29 (2/3): 54-63.

- Kamenets A. V. (2022). Globalist Prognostics in George Orwell's Novel 1984: A Cultural Analysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. 6(98): 200–205. DOI 10.24158/fik.2022.6.34. (in Russian)
- Khokhlov R. R. (2025). Futurological Forecasts and Fantastic Narratives: Contours of Socio-State Evolution. *Technization of Man and Humanization of Technology: Proceedings of the Interuniversity Scientific and Practical Conference*. 234-238. (in Russian)
- Kolonitskaya O. L., Khrunenкова M. L., Khrunenкова O. L. (2010). English language. Reader. Analytical reading; edited by M. A. Akopova. St. Petersburg: *Polytechnic University Press*, 2010. 410 p.
- Kozlova S. M. (2014). Eurasian geopolitical space in the artistic futurology of modern literature. *Eurasianism: theoretical potential and practical applications*, 7: 350-358. (in Russian)
- Krasilnikova M. Yu. (2011). Foundations of D.S. Merezhkovsky's Futurology. *Anti-crisis Potential of Russian Intellectual Culture: A Collection of Scientific Papers*; edited by V.P. Okeansky. Ivanovo: Shuya: 244-247. (in Russian)
- Kurzweil R. (2021). The Evolution of Reason. Moscow: *Bombora Publishing House*, 2021. 352 p. (in Russian)
- Kurzweil R. (2025). The Revolution of Reason: Towards the Singularity. How Technology Will Change Society and Consciousness; translated from English by A. A. Alekseeva. Moscow: *Eksmo, Bombora Publishing House*, 2025. 560 p. (in Russian)
- Maslov V. M. (2022). Artistic Futurology and the Problem of Digital/Virtual Reality. *After Postpositivism: Proceedings of the Third International Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science, Saratov, September 8–10, 2022*. Moscow: Interregional Public Organization "Russian Society for the History and Philosophy of Science": 567–569. EDN GBGFNC. (in Russian)
- Morrell D. (2006). "The Typewriter," in: *Black Evening*; translated from English by A. Akhmerova. Series: Mystery Line. Moscow: *Eksmo*, 2006. 49-83. (in Russian)
- Nichiporov I. B. (2022). "Pavel Zhang and Other River Creatures" by Vera Bogdanova: An Experience of Artistic Futurology. *Philology and Culture*. 2(68): 100–106. DOI 10.26907/2074-0239-2022-68-2-100-106. (in Russian)
- Polovtsev D. O. (2017). Futurological forecast in E. M. Forster's story "The machine stops". *The Great Russian Revolution of 1917 in the history and destinies of the peoples and regions of Russia, Belarus, Europe and the world in the context of historical realities of the 20th – early 21st centuries: materials of the international scientific conference*. 325–330. (in Russian)
- Pugachev A. A., Kharchenko A. V., Sleptsov N. A. (2023). Transforming the future: a review of artificial intelligence models. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 28: 355–367.
- Semenov A. L., Ziskin K. E. (2022). Extended Personality as the Main Subject and Object of Philosophical Analysis. Implications for Education. *Man and Systems of Artificial Intelligence*; Ed. by V. A. Lektorsky. St. Petersburg: Yuridichesky Tsent Publishing House: 172-201. (in Russian)
- Shalaev V. P. (2024). Artificial Intelligence (AI) is Advancing: Risks of Dehumanization. What's Next? *Man and Society Facing the Challenges of Global Transformations: Development or Stagnation: The Twenty-Seventh Vavilov Readings. Proceedings of the International Interdisciplinary Scientific Conference, Yoshkar-Ola, December 14, 2023*. Yoshkar-Ola: Volga State Technological University: 51-54. (in Russian)
- The Newest Philosophical Dictionary* (2001); compiled and edited by A. A. Gritsanov. Minsk: *Interpressservice: Kn. Dom*, 2001 1279 p. (in Russian)
- Toffler E. (2002). The Third Wave. Moscow: *AST Publishing House*, 2002. 776 p. (in Russian)
- Volkov S. N., Kovaleva S. E. (2024). Futurological Forecasts of Artificial Intelligence Development: A Social and Philosophical Analysis. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2: 73-78. (in Russian)

Zhuchkova Yu. A. (2024). Risks of Using AI Technologies in Science and Education. *Education and Science Without Borders: Social Sciences and Humanities*. 22: 297-301. (in Russian)

Zyryanova I. N., Chernavsky A. S. (2024). Generative Language Models and the Phenomenon of Anti-Anthropocentrism: New Prospects for the "Posthumano" Linguistic Paradigm and "General/Strong" AI. *Bulletin of the Baikal State University*. 34(1): 144-152. DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(1). (in Russian)

Поступила в редакцию	28.10.2025	Received	28.10.2025
Принята в печать	16.01.2026	Accepted for publication	16.01.2026
Опубликована	07.03.2026	Published	07.03.2026

УДК 811.133.1

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_132

ОБРАЗОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: СТАНДАРТИЗАЦИЯ? КОЙНЕТИЗАЦИЯ? НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ?

*Лидия Анатольевна Становая,
orcid.org/0000-0002-1702-4506,
доктор филологических наук, профессор
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена,
наб. реки Мойки, д.48
Санкт-Петербург, 191186, Россия
lida_stan@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен критический анализ трех наиболее известных теорий образования французского письменно-литературного языка – стандартизации, койнетизации и нейтрализации. Определены три главных вопроса, которые вызывают споры романистов и обуславливают разницу между указанными теориями. В результате проведенного анализа автор вновь заключил, что формирование французского письменно-литературного языка представляет собой процесс стандартизации, в котором франсийские диалект и скрипты воспринимаются языковым сообществом как образцовые и наиболее престижные.

Ключевые слова: языковая норма; нормализация языка; формирование письменно-литературного языка; письменность; скрипта; история французского языка.

FORMATION OF THE FRENCH WRITTEN AND LITERARY LANGUAGE: STANDARDIZATION? COINETIZATION? NEUTRALIZATION?

*Lydia A. Stanovaïa,
orcid.org/0000-0002-1702-4506,
Doctor of Philology, Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moïka embankment
St. Petersburg, 191186, Russia
lida_stan@mail.ru*

Abstract. The article presents a critical analysis of the three most well-known theories of the formation of the French written and literary language – standardization, coinetization and neutralization. Three main issues have been identified that are controversial among romanistes and determine the difference between these theories. As a result of the analysis, the author once again concluded that the formation of the French written and literary language is a process of standardization in which the francien dialect and scripta are perceived by the linguistic community as exemplary and the most prestigious.

Keywords: linguistic standard; standardization of language; formation of written and literary language; writing; scripta; history of the French language.

Введение (Introduction)

Процесс формирования французского письменно-литературного языка до сих пор остается одним из самых спорных вопросов истории языка. Много лет назад мы уже предложили наше решение этого вопроса⁴¹ [Становая, 1994; и др.], однако появление новых идей и теорий заставляет снова и снова возвращаться к продолжающимся научным спорам. Важно отметить, что суть этих споров заключается не столько в появлении каких-то принципиально новых, неизвестных ранее фактов, сколько в новых интерпретациях уже известных. А эти факты таковы.

Все французские рукописные тексты содержат большое или даже преимущественное количество форм, схожих с соответствующими формами современного французского языка, и некоторое количество форм, схожих с соответствующими формами говоров современного французского языка. Первые сразу же получили название «французские», а вторые – в соответствии с тем или иным говором, т.е. в пикардских текстах наиболее частотными являются французские и пикардские формы, в нормандских – французские и нормандские, в бургундских – французские и бургундские, и т.д. По мере изучения истории французского языка, первые – французские – формы стали также называться общефранцузскими, общими, литературными, письменными, междиалектными, межрегиональными, наддиалектными, надрегиональными, нейтральными, нейтрализованными, регионально немаркированными и др.

Соотношение количества французских и диалектных форм в разных рукописных текстах различается: 1) в зависимости от времени: в первых текстах IX-XI вв. диалектных форм почти нет (3-5% от общего количества форм), они появляются, начиная с XII-XIII вв., увеличиваясь количественно в XIV-XV вв.; 2) в зависимости от типа текста: в хартиях диалектных форм обычно больше, чем в рукописных литературных текстах; 3) в зависимости от общих и частных характеристик разных скрипт, профессиональных и индивидуальных особенностей разных писцов: наибольшее количество диалектных форм зафиксировано в пикардских рукописных текстах, наименьшее – в нормандских, а во франсийских их нет вообще – только французские [Становая, 1994; Становая, 2019; Становая, 2024; Stanovaïa, 2021 и др.].

Одновременно с этим, начиная с XII в., появляются высказывания поэтов, одни из которых гордились своим хорошим французским языком, например, как Гарнье де Пон-Сент-Максанс (Guernes, Garnier de Pont-Sainte-Maxence): «*Mes langages est buens, car en France fui nez*» [Caput, 1972, p. 64] – мой язык хорош, потому что я родился во Франции (здесь и далее перевод наш – Л.С.); Мария Французская (Marie de France): «*Marie ai num, si sui de France <...> et jeo l'ai rimé en Franceis*» [Marie de France, 1994, p. 256-258] – Мое имя Мария, и я из Франции, и я сочинила это (басни) на французском; лионский

⁴¹ Скредина Л. М. История французского языка: Учебник для бакалавров / Л. М. Скредина, Л. А. Становая. 3-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2014. 463 с.

трувер, автор романа «Флоримон», Эмон де Варенн (Aumon, Aimes de Varennes): «*Il ne fut mie fait en France / Mais en la langue de François / Le fist Aimes en Leones / Aux François veult de tant servir (Car ma langue leur est sauvage)*» [Guessard, 1846, p. 193-194] – (Мой роман) не создан во Франции, но на языке французов, его создал Аймес в Лионнэ, потому что хотел услужить французам, так как мой язык для них слишком груб.

Другие же, напротив, сожалели о своем плохом французском языке, например, как пикардский трувер Конон де Бетюн (Conon, Quennon, Quenes de Bethune): «*Ke mon langaige ont blasmé li François / Et mes cançons, oiant les Champenois / Et la Contesse encoir, dont plus me poise. / La Roïne n'a pas fait ke cortoise, / Ki me reprist, ele et ses fieus, li Rois. / Encoir ne soit ma parole françoise, / Si la puet on bien entendre en franchois; / Ne chil ne sont bien appris ne cortois, / S'il m'ont repris se j'ai dit mos d'Artois, Car je ne fui pas norris a Pontoise* [Les chansons..., 1921, p. 5] – Что мой язык обругали французы и слушающие мои песни шампанцы, и графиня, (то) что меня огорчает больше всего. Меня упрекнула королева, хотя и вежливо, и ее сын, король. Пусть моя речь не была на французском языке, но по-французски ее можно хорошо понять. Однако они не являются ни хорошо образованными, ни хорошо воспитанными, раз упрекнули меня в том, что я говорил по-артезиански, так как я вырос не в Понтуазе; уроженец Мена, автор перевода трактата Бозция «Утешение философией» (Consolatio philosophia) на старофранцузский язык: «*Si m'excuse de mon language / Rude, malostru et sauvage; / Car nés ne sui pas de Paris / Ne si cointes com fu Paris / Mais me raporte et me compère / Au parler que m'aprist ma mère, / A Meun, quant je l'alaitoie*» [Delisle, 1873, p. 45] – я прошу прощения за мой язык, неотесанный, грубый и дикий, потому что я не родился в Париже, ни в таком же изящном (городе), как Париж, но на говоре, на котором я говорю, который мне близок, которому меня научила моя мать, в Мене, когда я рос; англо-нормандские авторы XIII в. [Vising, 1923, p. 13-27]: «*Un faus franceis sai d'Angleterre*» – я знаю плохой французский из Англии; «*Car jeo ne fu unques a Parys / Ne al abbaye de saint Denys, / Par ceo nul homme ne me doit blamer. / Si jeo ne sai mye bien roumauncer*» – раз я не был ни в Париже, ни в аббатстве Сен-Дени, то никто не должен меня ругать за то, что я не умею хорошо сочинять на романском языке; Вильгельм де Вадингтон (William de Wadington): «*De le francais ne del rimer / Ne me dait nuls hom blamer, / Kar en Engleterre fu ne / E nurri lenz e ordine* – ни за французский, ни за рифмы никто не должен меня ругать, потому что я в Англии родился, вырос и учился (о подобных особенностях французского языка в Англии см. также: [Lucken, 2017]).

В 1539 г. Франциск I знаменитым Ордонансом Виллер-Котре (Ordonnance Villers-Cotterêts) закрепил государственный статус французского языка (langaige françoys, langage maternel francoys) во всех административных документах: «art. 111. *De prononcer et expedier tous actes en langaige françoys <...> tous arrestz ensemble toutes autres procedures <...> soient prononcez, enregistrez & deliurez aux parties en langage maternel francoys, et non autrement*» [L'ordonnance de Villers-Cotterêts, s.a.]. – статья 111. Произносить и отправлять

все документы на французском языке <...> все судебные решения и процедуры должны быть произнесены, письменно зафиксированы и выданы сторонам на родном французском языке, и никак иначе.

Такое сжатое изложение фактов сразу же вызывает три главных вопроса:

1. Что это за наиболее частотные французские формы, название которых столь спорно? Почему именно они являются наиболее употребительными, а не свои диалектные, региональные, т.е. в пикардских текстах – пикардские, в нормандских – нормандские, в шампанских – шампанские, и т.д.?

2. Почему уже в XII в. французский язык из Франции, Парижа, Сен-Дени лучше французского *пикардского* из Бетюна, французского орлеанского из Мена, французского лионского из Варена, французского из Англии?

3. Учитывая разнообразие французских говоров, какой французский язык, обозначенный как «родной французский» в Ордонансе, стал государственным, национальным французским языком?

Именно разные ответы на эти вопросы определяют разницу между теориями стандартизации, койнетизации и нейтрализации. Целью настоящей статьи является критический анализ указанных концепций формирования французского письменно-литературного языка.

Материалы и методы (Materials and methods)

Материалы – исследования внешней и внутренней истории французского языка, выполненные в XIX-XXI вв.; французские рукописные тексты IX-XV вв. в дипломатических, фототипических, оцифрованных изданиях; лингвистический атлас Франции; новый лингвистический атлас Франции (по регионам); лингвистические атласы французского языка XIII в. (хартий и литературных текстов XIII в.).

Методы – сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, лингвогеографический, структурно-функциональный, историко-филологический, социолингвистический, количественной обработки данных.

Дискуссия и результаты (Discussion and results)

Теория стандартизации

Теория стандартизации, т.е. выбора такой языковой разновидности, или языкового варианта, который воспринимается языковым сообществом как образцовый и наиболее престижный, является самой известной и одновременно самой критикуемой.

Поскольку само слово «французский» (*franceis* > *francois* > *françois* > *français*) связано непосредственно с Францией (*Francia* > *France*) как королевства франков, т.е. изначально сравнительно небольшой областью вокруг Парижа, то историки языка сразу же решили, что образование французского, или общепаризского языка (*le français, le français commun*) обусловлено усилением королевской власти, объединением земель вокруг Парижа и дальнейшим расширением границ королевства почти до территории современной Франции. Известные высказывания средневековых авторов

подтверждают не только политический, но и литературный престиж центрального диалекта Иль-де-Франса или Парижа, который постепенно выходит за пределы королевского домена, а соответственно, и за границы франсийской диалектной зоны, и с конца XIII в. становится единственным литературным, а затем и официальным языком Франции⁴² (см. напр.: [Будагов, 1967, с. 292; Бурсье, 1952, с. 241; Доза, 1956, с. 430; Brunot, 1966, р. 330; Cohen, 1973, р. 84-85; Pope, 1934, р. 313; Wartburg, 1971, р. 90; и др.]).

Здесь следует добавить, что необходимость разделения разных понятий – ‘France’-‘Франция’ как один из районов Франции и ‘France’-‘Франция’ как все королевство – вызвала возникновение в XV в. нового названия – Иль-де-Франс (Île-de-France). Такая же необходимость разделения разных понятий – ‘français’-‘французский (язык)’ как язык Франции и ‘français’-‘французский (диалект)’ как один из диалектов французского языка, диалект района Иль-де-Франс – вызвала возникновение в конце XIX в. нового названия – ‘francien’-‘франсийский’ (диалект). Соответственно, согласно этой теории, получается, что французский и франсийский – это одно и то же. Значит, наиболее частотные французские формы – это на самом деле франсийские формы.

Между тем, в этой простой и понятной теории формирования французского языка факты внешней истории противоречат фактам внутренней истории. Дело в том, что в первых рукописных текстах IX-XI вв. нефрансийские формы столь малочисленны, что некоторые ученые даже заявили об отсутствии различий между диалектами французского языка на ранних этапах его существования [Будагов, 1967, с. 290; Delbouille, 1962; Delbouille, 1970; Fallot, 1839, р. 14-20; и др.]. При этом, все IX-XI вв. заполнены борьбой французских герцогов за власть, причем некоторые из них были даже коронованы, например: Роберт Нейстрийский (Robert de Neustrie), или Роберт I (Robert I, годы правления: 922-923) и Рауль Бургундский (Raoul, Rodolphe, годы правления: 923-936) были коронованы в 922 г. и 923 г. при правящем короле Карле III Простоватом (Charles III le Simple, годы правления: 893-923, пленен и низложен). Ослабление королевской власти достигло апогея в середине XI в. в связи с приходом в 987 г. новой королевской династии Капетингов и борьбой за корону потомков династии Каролингов, однако рукописные тексты представляют большинство франсийских форм, так же, как и рукописи XII в., в основном выполненные вообще в другой стране – в Англии. Когда же королевская власть становится сильнее, и к королевскому домену с конца XII в. постепенно присоединяются новые районы, количество франсийских форм в рукописных текстах уменьшается, а количество диалектных форм, т.е. пикардских, нормандских, шампанских и др. увеличивается, достигая максимума в XIV-XV вв. [Становая, 2019; Становая, 2024; Stanovaïa, 2021]. Вот в чем парадокс.

Очевидно, что преимущественное употребление франсийских форм во всех французских рукописных текстах IX-XV вв. не связано ни с усилением

⁴² *Сергиевский М. В.* История французского языка: Учебник для высших учеб. заведений. М.: Учпедгиз, 1938. 288 с.

королевской власти и расширением территории французского королевства, ни с растущим литературным престижем франсийского, или парижского диалекта.

Обращение к понятию скрипты позволяет иначе взглянуть на рассматриваемые проблемы и факты. Скрипты как региональные письменные традиции, т.е. региональные, диатопические варианты письменности, не идентичны ни диалектам как региональным, диатопическим вариантам языка, ни письменно-литературному языку как функционально-стилистическому, диафазическому варианту языка (о диасистемных вариантах языка см. напр.: [Лукина, 2017; Лукина, 2019; Становая, 2024]). Чтобы ответить на поставленные выше вопросы, необходимо последовательно и четко разделять разные, хотя и тесно связанные, понятия: язык, письменно-литературный язык, письменность. Дело в том, что формирование и эволюция языка не зависят от воли и творческой инициативы отдельных личностей или всего языкового сообщества: здесь основной движущей силой являются внутренние законы языкового развития. Напротив, появление и развитие письменно-литературного языка являются результатом сознательной творческой деятельности людей – коллективной или индивидуальной. Письменность же испытывает влияние гораздо большего количества факторов самого различного характера [подробнее см.: Скрелина, 1973; Становая, 2019], поскольку «скрипта как диатопический вариант письменности представляет собой чрезвычайно сложное и неоднородное образование, включающее как объективные составляющие, обусловленные особенностями соответствующего базового диалекта, так и субъективные, обусловленные особенностями субъективной (прескриптивной) нормы» [Становая, 2024, с. 146].

Именно поэтому формирование и эволюция французского языка, французского письменно-литературного языка и французской письменности не происходят ни одновременно, ни одинаковым образом. Появление в конце IX в. первого рукописного текста на французском языке («*Séquence de sainte Eulalie*» – «Кантилена, или Секвенция о Св. Евлалии»), произведение создано приблизительно в 881 г., сохранилось в латинском кодексе Valenciennes, Bibl. Municipale, ms. 150) не означает рождения ни французского языка, ни французского письменно-литературного языка, ни французской письменности. Так, первые свидетельства французского языка представлены в виде отдельных слов в латинских рукописных текстах VIII в., в Рейхенауских и Кассельских Глоссах IX в.; факт существования нового языка, отличного от латинского, зафиксирован в решении Турского собора 813 г. Между тем, первые крупные литературные произведения на французском языке появляются только в конце XI-начале XII вв. При этом, первые рукописные тексты во Франции, выполненные на латинском, в основном, и греческом языках, появляются значительно раньше: сохранилось 1682 рукописи VI в., 2441 – VII в., 15920 – VIII в., 74190 – IX в., 12752 – X в., 45061 – XII в., 197831 – XIII в., 510828 – XIV в., 564624 – XV в. [Buringh et al., 2009, p. 432 (Table 1)]. Отметим стремительный рост производства рукописей, начиная с XIII в., и

единичность первых текстов на французском языке (1 – IX в., 1-2 – X в., и т.д.), обусловленную диглоссией (письменный латинский, разговорный французский)⁴³ [Становая, 2019].

В результате наших исследований мы заключили, что: 1) франсийские формы являются теми наиболее частотными формами, которые употреблялись в рукописных текстах вместе с формами базового диалекта; 2) престиж франсийского диалекта как французского языка из Франции, Парижа, Сен-Дени обусловлен ролью письменного узуса скриптория аббатства Сен-Дени близ Парижа, ставшего образцом, нормативной основой для формирования латинских и французских скрипт, а затем и диалектной основой государственного, национального французского языка; 3) небольшое количество диалектных форм во французских рукописных текстах IX-XII вв. и их количественный рост во французских рукописных текстах XIII-XV вв. связаны с особенностями монастырского (VI-XII вв.) и светского (XIII-XV вв.) периодов письменности во Франции [Становая, 1994; Становая, 2019; Становая, 2021; Становая, 2024; Stanovaia, 2021 и др.].

Таким образом, формирование французского письменно-литературного языка представляет собой процесс стандартизации, в котором франсийские диалект и скрипты воспринимаются языковым сообществом как образцовые и наиболее престижные, и «в котором скрипты выступают своего рода результатом нормализаторской деятельности скрибов»⁴⁴.

Начало книгопечатания, Ордонанс Виллер-Котре, последующая нормализаторская деятельность грамматистов, поэтов, издателей и др.⁴ (подробнее см. напр.: [Катагощина и др., 2025, с. 261-290; Катагощина и др., 2025, с. 344-362 и др.]) закрепили единство нормативного французского письменно-литературного языка.

Напротив, в устной коммуникации никакого «общезападного» языка не было ни в IX-XV вв., ни позднее. Об отсутствии «общезападного» разговорного языка даже в конце XVIII в. свидетельствует, например, известный доклад аббата Грегуара (Grégoire: Rapport sur la Nécessité et les Moyens d'anéantir les Patois et d'universaliser l'Usage de la Langue française), сделанный 4 июня 1794 г. в Конвенте. Региональные, диатопические особенности говоров современного французского языка представлены в лингвистическом Атласе Франции, новом лингвистическом Атласе отдельных регионов Франции (общее количество – 21 атлас), лингвистическом Атласе Валлонии и др.

Теория койнетизации

В теории койнетизации место франсийского, или парижского диалекта занимает койне – сначала устно-разговорное, образованное на базе разных французских диалектов, а затем и письменно-литературное. Таким образом, в теории койнетизации слова «французский», «общезападный» обозначают

⁴³ Скрелина Л. М. История французского языка: Учебник для бакалавров / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. 3-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2014. 463 с.

⁴⁴ Скрелина Л. М. История французского языка: Учебник для бакалавров / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. 3-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2014. 463 с.

не франсийский диалект, а именно французский язык, причем сразу же литературный и нормативный (*français standard*). Для уточнения используются также термины «литературное бездиалектное койне» или «письменное койне».

Однако, в теории койнетизации содержатся только предположения и сугубо умозрительные заключения, основанные в большей степени не на анализе языкового, эмпирического материала, а на критике термина «франсийский» и общей теории его политического и литературного престижа.

Дело в том, что раннее образование парижского койне, обусловленное политическим и экономическим значением Парижа, объективно ничем не подтверждается. Так, например, Ж. Шоран, один из главных идеологов как теории койнетизации, так и «новой» истории французского языка, заявил, что говор Парижа, впитавший в себя особенности разных диалектов и тем самым существенно отличающийся от франсийского диалекта, рано стал использоваться как средство общения образованных людей всей средневековой Франции. На базе этого койне в XIII в. появляется французский нормативный язык (*français standard*) [Chaurand, 1969, p. 31-32; Chaurand, 1983].

Здесь сразу же возникает масса вопросов. Прежде всего – как, на основании чего сделан вывод об отличии франсийского диалекта и парижского говора IX-XII вв., ведь, как отметил сам Ж. Шоран, никаких письменных текстов до XIII в. нет – ни франсийских, ни парижских? Что это за французское койне для образованных людей? Если это говор Парижа, то он, естественно, служил устным средством общения всех парижан, а не только образованных людей. А вот письменным средством общения образованных людей всего средневековья служил, как известно, латинский язык. Если речь идет об устном литературном койне, послужившем основой для создания первых литературных текстов, то как оно было изучено? Ведь утверждается, что это не франсийский диалект, а французское койне. Если французский нормативный язык появляется только в XIII в., то чем тогда обусловлена общность языкового узуса первых французских текстов IX-XII вв.? Как видим, вопросов больше, чем ответов.

Мнение Б. Серкильини, что в основе нормативного французского языка лежит письменное койне, созданное группой, избранным кругом (*coterie*) сcribes и писателей в X-XI вв. из разных диалектов, и что в Париже и в Иль-де-Франсе говорили на диалектах других районов Франции [Serquiglini, 1993, p. 118], представляется некорректным по двум причинам. Во-первых, некоторая группа лиц может искусственно образовать только секретную форму языка, предназначенную для внутреннего общения, тогда как образование французского письменного койне предполагает его использование на всей территории Франции всеми грамотными людьми; во-вторых, невозможно себе представить, чтобы в какой-то хронологический период уроженцы и жители какой-то области не имели своего диалектического варианта языка (диалекта, говора) для устной коммуникации. Здесь же получается, что: 1) «необразованные» уроженцы и жители Парижа и Иль-де-Франса либо были немymi, поскольку за долгие столетия формирования

французского языка так и не выработали своего родного – франсийского – диалекта, либо их не было вообще, поскольку, для того, чтобы с рождения говорить на диалектах других областей Франции, необходимо, чтобы в Париже и Иль-де-Франсе жили только уроженцы других областей; 2) «образованные» уроженцы и жители Парижа и Иль-де-Франса говорили либо на французском литературном нормативном языке, либо на парижском или французском койне, образованных уже до IX в., т.е. в период формирования самого французского языка и его диалектов (подробнее об этом и соотношении говоров Парижа и Иль-де-Франса см.: [Становая, 2019; Становая, 2021; Stanovaïa, 2021]).

Более позднее образование литературного койне во второй половине XII в. на базе нормандского, шампанского, бургундского и франсийского диалектов [Шишмарев, 1955, с. 198] или письменного койне, созданного на основе нескольких скрипт во второй половине XIII в. [Burdy, 2015, p. 26-27], возможно, но эти предположения могут ответить только на последний, третий вопрос – о «родном французском» в Ордонансе, тогда как первые два остаются без ответа.

Только исследования А. Лоджа [Lodge, 1997; Lodge, 2002; Lodge, 2010] содержат результаты анализа эмпирического материала, однако эти результаты подтверждают выводы всех предшествующих исследований: действительно современный французский нормативный язык основан на говоре Иль-де-Франса, но при этом он содержит элементы и других диалектов, укоренившихся в говоре Парижа до того, как он начал распространяться по территории Франции, т.е. до XII в. Таким образом, современный французский язык является не простым продолжением франсийского диалекта, но его модификацией, смешением, койне.

С этой идеей такой эволюции французского языка трудно не согласиться: современный французский язык содержит большое количество заимствований из разных французских диалектов, например, из пикардского: *bouquin, maquiller, fabliau, caillou* и др.; нормандского: *crevette, écaille*, и др., причем не всегда можно определить точное время заимствования, поскольку существование в языке тех или иных слов или форм и их первая фиксация в письменных текстах не являются взаимообусловленными явлениями. Так, например, специфичные пикардские формы указательных местоимений на [tʃ < ke, ki] в виде вариантных графических форм с «ch» (*chis, chilh, chest, che, chu* и др.) отсутствуют в ряде пикардских рукописных текстов XIII в., несмотря на прошедшую в II-VII вв. палатализацию, обусловившую наличие именно таких форм в пикардском диалекте с самого начала его существования (подробнее см.: [Становая, 2024]).

Р. Симони-Орамбу отметила различия между современным французским языком и современными франсийскими говорами, например: глагол ‘*fleurir*’ – ‘цвести’ в говорах Бос (Beauce) и Вексен (Vexin) означает ‘сохнуть’ (*la terre fleurit = la terre sèche*); вместо существительного ‘*serpent*’ употребляются ‘*couleuvre*’, ‘*vipère*’, ‘*venin*’ и др. [Simoni-Aurembou, 1973]. Есть споры относительно региональной принадлежности тех или иных

особенностей современного французского языка, например, происхождения [eau > o; o > ou > eu] и др., некоторых глагольных окончаний (1 и 3 лица множественного числа -ent, -ions) и др. (см. подробнее: [Grübl, 2013]).

Таким образом, следует признать, что на поставленные три вопроса теория койнетизации фактически отвечает простой заменой одного термина на другой. В результате, частотные франсийские формы становятся «общефранцузскими», «междиалектными» и «межрегиональными», как например, в известной работе Ж. Пикош и Кр. Маркелло-Низья [Picoche et al., 1996]; государственным, национальным французским языком становится либо смешанный, койнетизированный, но все тот же франсийский или парижский диалект, либо рано и внезапно появившийся французский нормативный (письменно-) литературный язык. А вопрос о престиже французского языка именно из Франции, Парижа, Сен-Дени вообще остается без ответа – ведь, если в этом койне есть формы разных французских диалектов, то почему нельзя употреблять пикардские, орлеанские и другие диалектные формы?

Наш анализ показал, что никаких «общефранцузских» форм нет – для этого достаточно открыть любую карту Атласов А. Дееса, ярого противника теории скрипты в понимании Л. Ремакля. Именно для того, чтобы доказать, что скрипта не является общим письменным французским языком – а это одно из определений скрипты, данное Л. Ремаклем [Remacle, 1948, p. 97-98; Remacle, 1948, p. 154], А. Деес задумал и создал сначала Атлас хартий XIII в., который вышел в 1980 г., а затем Атлас литературных текстов XIII в., который вышел в 1987 г. [Dees et al., 1980; Dees, 1987].

Термин же «междиалектный» или «межрегиональный» подразумевает наличие форм, которые свойственны разным группам диалектов. Но в этом случае необходимо уточнить, чем «междиалектные», «межрегиональные» формы отличаются от собственно французских. Естественно, что диалекты одного языка имеют как общие, объединяющие характеристики, позволяющие говорить об одном языке, так и специфичные региональные, позволяющие выделить тот или иной диалект, или группу диалектов.

Наши карты, созданные на основе Атласов А. Дееса для определения контуров франсийских скрипт [Становая, 2021, карты 1, 2], наглядно показывают отсутствие как «общефранцузских», так и «междиалектных» форм: в текстах употребляются или франсийские формы, или свои диалектные. Естественно, что в литературных текстах франсийских форм больше, чем в хартиях, но это заметили исследователи уже в XIX в.

Конечно, можно назвать франсийские формы междиалектными на том основании, что в разных диалектах есть свои специфичные формы, позволяющие выделять сами эти диалекты. Например, выделение северных диалектов по линии Жоре (ligne Joret), основанной на особенностях палатализации [k, g + a > k, g], объединяет все северные, в том числе и франсийский, диалекты. В этом случае, формы всех северных диалектов будут междиалектными по отношению к северным. Если же рассматривать выделение восточных диалектов, например, по отсутствию в них эпентетических согласных [camera > chamre], то тогда формы всех

невосточных диалектов [camera > chambre], в том числе и северных, будут междиалектными. А если взять написание слова 'lettre', то тогда все формы будут междиалектными, кроме одной – 'lattrе', зафиксированной во Франш-Конте [Dees et al., 1980, карта 165]. Иначе говоря, в каждом конкретном случае состав междиалектных форм будет различным, следовательно, термин «междиалектный» никак не способствует определению регионального происхождения той или иной формы.

Важно подчеркнуть, что в рукописных текстах употреблены именно французские, а не другие, такие же междиалектные формы, т.е. не любые несевверные, невосточные и незападные формы, а французские. На этом выборе неспецифичных форм, свойственных несевверным, невосточным и западным диалектам, строится теория нейтрализации, о которой речь пойдет дальше. Здесь же отметим, что замена термина «французский» на «междиалектный» ничего не объясняет, но позволяет представить процесс формирования языка как койнетизацию.

Можно заключить, что теория койнетизации, хотя и весьма популярная в истории языка, не подтверждается ни данными тщательного анализа эмпирического материала, ни историческими фактами, ни убедительными аргументами.

Теория нейтрализации

Теория нейтрализации возникла сравнительно недавно – первые работы, представляющие идеи и результаты исследования, появляются только в начале XXI в. Суть теории нейтрализации заключается в следующих ответах на поставленные вопросы:

1. Наиболее частотные формы – это формы «наддиалектные», «надрегиональные», «нейтральные», «нейтрализованные», «литературные», «письменные», «регионально немаркированные», не обладающие специфичными диалектными или региональными чертами. Именно поэтому они и употреблялись в текстах: переписчики всегда, начиная уже с латинского этапа французской письменности, стремились к наддиалектности, бездиалектности, нейтральности итогового текста.

2. Престиж французского языка именно из Франции, Парижа, Сен-Дени ничем объяснить нельзя, поскольку нет никаких известных литературных произведений, созданных ни в центре Франции, ни в Париже. Более того, количество авторов, произведений и сохранившихся рукописей свидетельствует о главенстве Пикардии как в литературе, так и в письменности. Позднее появление хартий на французском языке, выполненных в королевской канцелярии, доказывает, что до конца XIII в. никакого политического престижа у французского варианта не было.

3. Формирование французского письменно-литературного языка представляет собой процесс нейтрализации, обусловленный выбором «нейтральных», «нейтрализованных», «надрегиональных», «регионально немаркированных» форм, понятных на всей территории Франции. Этот нейтральный, лишенный диалектных черт французский язык, становится государственным, национальным языком королевства Франции [Ernst, 2015,

p. 79; Glessgen, 2017; Glessgen et al., 2018; Greub et al., 2008, p. 2509-2511; Grübl, 2013; и др.].

Совпадение «нейтральных», «нейтрализованных» и др. форм с франсийскими объясняется по-разному.

Так, Ж.-П. Шамбон и Я. Греб полагают, что совпадение «нейтральных» форм с франсийскими обусловлено центральным местоположением Иль-де-Франса. По закону энтропии, диалекты, которые образуют франкоязычное пространство, со временем все более и более различаются и, соответственно, вызывают отсутствие взаимопонимания внутри единого языкового континуума. Напротив, сохранение общей архаичной и консервативной основы языка, в которой отсутствуют специфичные диалектные черты – а именно это и представляют франсийские тексты, способствует успешной междиалектной коммуникации. Наличие двух противоположных полюсов – регионального вариативного и единого центрального – обуславливает различные тенденции развития франкоязычного коммуникативного пространства: или к центру, единству, порядку или от центра, к вариативности, хаосу. Поэтому формирование французского языка – это не история триумфа франсийского диалекта, который несомненно существовал, а история победы тенденции к языковому единству, необходимому для успешной коммуникации внутри единого языкового континуума [Greub et al., 2008, p. 2509-2511].

Другие романисты, напротив, утверждают, что никакого франсийского диалекта никогда не было и нет, поэтому и никакого совпадения форм нет: это не франсийские, а «надрегиональные» формы, выбранные именно из-за их нейтрального, регионально немаркированного характера (подробнее см.: [Становая, 2019; Становая, 2021; Stanovaïa, 2021]).

Если посмотреть на карту, совмещающую старофранцузские скрипты А. Дееса и современные французские говоры [Становая, 2021, карта 3], то действительно Париж и Иль-де-Франс находятся почти в центре северной Франции. Однако, в центре северной Франции есть еще и другие районы, не входящие в Иль-де-Франс. Так, согласно Атласам современных французских говоров [Dubuisson, 1971; Dubuisson, 1976; Dubuisson, 1982; Simoni-Aurembou, 1973; Simoni-Aurembou, 1978], центр включает районы: Иль-де-Франс, Орлеан, Перш, Турень, Берри, Эндр, Шер. Таким образом, рассуждения Ж.-П. Шамбона и Я. Греб о роли центра в формировании французского письменно-литературного языка могут объяснить только роль Парижа, но не всего центрального района Франции. Следовательно, мы опять возвращаемся к вопросу о причинах употребления франсийских форм во французских рукописных текстах.

В результате наших исследований мы включили в группу франсийских скрипт скрипты Парижа, Орлеана, Суассона, Санлиса и Компьени и отметили, что старофранцузская зона франсийских скрипт и современная зона франсийских говоров в целом совпадают. Это еще раз подтверждает, с одной стороны, правомерность выделения франсийского диалекта, а с другой – наличие своих специфичных региональных форм. Добавим также, что в

настоящее время указанная франсийская скриптуральная и диалектная зона не соответствует территории современного департамента Иль-де-Франс [Становая, 2019; Становая, 2021; Stanovaïa, 2021].

Поскольку любая, в том числе и франсийская, скрипта основывается на соответствующем базовом диалекте, то во франсийских рукописных текстах, точно так же, как и в пикардских, лотарингских, валлонских и др., должны употребляться указанные выше две серии частотных форм, т.е. 1) формы базового – франсийского – диалекта, 2) другие, названные в теории нейтрализации «нейтральными», «наддиалектными» и др. Однако, во франсийских рукописных текстах есть только одна серия наиболее частотных форм – франсийских. Именно такая однородность языкового узуса составляет яркую региональную характеристику рукописей, выполненных во франсийской скриптуральной зоне. Поскольку франсийский диалект был и есть, что подтверждается лингвистическими Атласами современных французских говоров, это означает, что никаких «нейтральных» форм нет, а во франсийских рукописных текстах употреблялись только формы базового франсийского диалекта. Следовательно, первая серия частотных форм – это франсийские формы. Именно они употреблялись во всех остальных рукописях одновременно с формами базовых диалектов, создавая тот неоднородный языковой узус, о котором писали многие скриптологи: франко-пикардский характер текста создается наличием франсийских и пикардских форм, франко-шампанский – франсийских и шампанских и т.д. Это наглядно видно в составленных нами картах [Становая, 2021, карты 1, 2].

Очевидно, что нельзя назвать франсийские формы «нейтральными» и др. только на том основании, что они отличаются от форм северных, восточных и западных диалектов и обычно не отличаются от форм современного французского языка. Поскольку в IX-XV вв. еще не было ни нормативного французского языка, ни кодифицированной нормы французского языка, то методологически неверно определять одни формы как нормативные, нерегиональные, литературные и т.д., а другие – как ненормативные, региональные, нелитературные и т.д.: в отсутствие кодифицированной нормы все французские диалекты и их диалектные формы находились в одинаковом статусе. Следовательно, нельзя с точки зрения современного нормативного французского языка разделять старо- и среднефранцузские формы на наддиалектные – диалектные, нейтральные – регионально маркированные, литературные – просторечные. Все формы были диалектными, регионально маркированными, составляющими региональную специфику как франсийского диалекта, так и любого другого. Учитывая отсутствие непосредственного доступа к устной, разговорной речи, разделение письменных форм, зафиксированных в письменных текстах, на письменные, литературные и устные, просторечные является столь же некорректным.

Например, выше уже шла речь об известном отличии северной диалектной зоны от франсийской, основанной на разнице результатов палатализации в северных (пикардском, валлонском, верхне-нормандском)

диалектах и несевверных, т.е. центральных, западных, восточных (франсийский, нижне-нормандский, шампанский, лотарингский, бургундский и др.) диалектах, отраженной в рукописных текстах различными графическими формами. Только в следующие XVII-XVIII вв. франсийские формы на [ts > s] станут французскими, нормативными и литературными, а формы северных диалектов на [tʃ > ʃ] – региональными, ненормативными и просторечными. В IX-XV вв. и формы на [ts], и формы на [tʃ] были одинаково регионально маркированными и характеризовали одновременно как северные диалекты с [tʃ], так и несевверные диалекты, включая франсийский: формы на [ts] составляют региональную специфику несевверных диалектов, а формы на [tʃ] – региональную специфику северных диалектов [Становая, 2019; Становая, 2021; Становая, 2024; Stanováia, 2021]. Следовательно, нельзя назвать одни формы регионально маркированными, а другие – нейтральными, регионально немаркированными: и те, и другие являются регионально маркированными. Это, в свою очередь, означает, что выбор франсийских форм вместо форм своего базового диалекта никак нельзя назвать нейтрализацией диалектных, региональных особенностей.

Таким образом, получается, что и теория нейтрализации, точно так же, как и теория койнетизации, отвечает на поставленные первый и третий вопросы простой заменой термина – «франсийский» на «нейтральный», а на второй вопрос никак не отвечает. Более того, отрицается не только роль франсийского диалекта в формировании французского письменно-литературного языка, но и само существование франсийского диалекта.

Заключение (Conclusion)

Критический анализ трех наиболее известных теорий образования французского письменно-литературного языка – стандартизации, койнетизации и нейтрализации – показал различие методологических подходов к исследованию рассматриваемой проблемы и, соответственно, различие предложенных ответов на три главных вопроса: 1) определение региональной характеристики форм, которые являются наиболее употребительными во французских рукописных текстах IX-XV вв.; 2) определение причин престижа французского языка из Франции, Парижа, Сен-Дени, начиная с XII в.; 3) определение природы французского языка, обозначенного как «родной французский» в Ордонансе Виллер-Котре.

Самая известная теория стандартизации, согласно которой формирование французского письменно-литературного языка основано на франсийском или парижском диалекте и обусловлено усилением королевской власти Парижа и расширением границ королевства почти до территории современной Франции, не подтверждается фактами внешней и внутренней истории.

Весьма популярная теория койнетизации, согласно которой формирование французского письменно-литературного языка представляет процесс формирования сначала устно-разговорного койне, образованного на базе разных французских диалектов, а затем и письменно-литературного

койне, образованного на базе устно-разговорного, не подтверждается ни данными тщательного анализа эмпирического материала, ни историческими фактами, ни убедительными аргументами.

Точно так же ничем не подтверждается сравнительно новая теория нейтрализации, согласно которой формирование нейтрального, лишённого диалектных черт французского письменно-литературного языка, является процессом выбора нейтральных, регионально немаркированных форм, понятных на всей территории Франции.

В результате проведенного анализа мы вновь заключили, что формирование французского письменно-литературного языка представляет собой процесс стандартизации, в котором франсийские диалект и скрипты воспринимаются языковым сообществом как образцовые и наиболее престижные. Эта особая роль франсийского диалекта обусловлена тем, что франсийский письменный узус скриптория аббатства Сен-Дени близ Парижа стал нормативной основой французских скриптов.

Заключая, отметим: несомненно, все рассмотренные вкратце теории существенно обогатили историю французского языка и одновременно указали на сложность поставленных проблем и спорность их решения. Дальнейшие новые исследования возможны и необходимы.

Библиографический список

- Будагов Р. А.* Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967. 376 с.
- Бурсье Э.* Основы романского языкознания / Пер. с 4-го фр. изд. Т. В. и Е. В. Вентцель; Под ред., с предисл. и примеч. Д. Е. Михальчи. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. 672 с.
- Доза А.* История французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 471 с.
- Катагощина Н. А.* Курс истории французского языка / Н. А. Катагощина, Н. М. Васильева. М.: Государственный университет просвещения, 2025. 509 с.
- Лукина А. Е. Диасистемный подход к изучению глагольных форм в истории французского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 185-194. EDN PAKQAZ.
- Лукина А. Е. Диатопическая вариативность глагольных форм (на материале французских рукописей XII-XIV вв.) // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скрелиной, Москва, 13–16 сентября 2017 года. М.: Московский городской педагогический университет, 2017. С. 162-168. EDN ZHQJTD.
- Скрелина Л. М.* Некоторые вопросы развития языка (Проблемы и методы диахронических исследований). Минск: БГУ им В.И. Ленина, 1973. 143 с.
- Становая Л. А.* Специфика изучения диасистемной вариативности языка в исторической рестроспективе (на материале старофранцузского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10, № 3. С. 144-167. DOI 10.22250/24107190-2024-10-3-144. EDN DRVVKI.
- Становая Л. А.* Старофранцузская морфология и теория скрипты: специальность 10.02.05 «Романские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Становая Лидия Анатольевна. Санкт-Петербург, 1994. 34 с. EDN ZLNAHD.

- Становая Л. А.* Франсийский диалект и франсийские скрипты: контуры франсийской скриптуральной зоны // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021. № 1. С. 97-117. DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_97. EDN WAFEDM.
- Становая Л. А.* Франсийский как камень преткновения в истории французского языка // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2019. Т. 5, № 3. С. 164-199. DOI 10.22250/2410-7190_2019_5_3_164_199. EDN GHANHU.
- Шуммарев В. Ф.* Книга для чтения по истории французского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 557 с.
- Brunot F.* Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T.1. De l'époque latine à la Renaissance. P.: Collin, 1966. 597 p.
- Burdy Ph.* Le français dans l'histoire: depuis ses origines jusqu'au XVIe siècle // *Manuel de linguistique française*. Cl. Polzin-Haumann et W. Schweickard (éds). Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. P. 11-38.
- Buringh E.* Charting the Rise of the West: Manuscripts and Printed Books in Europe, A long-term perspective from the sixth through eighteenth centuries / E. Buringh, J. L. van Zanden // *The Journal of Economic History*. 2009. № 69-2. P. 409-445. DOI 10.1017/S0022050709000837.
- Caput J.-P.* Naissance et évolution de la notion de norme en français // *Langue française*. 1972. № 16. P. 63-73.
- Cerquiglini B.* La Naissance du français. Paris: PUF, 1993. 127 p.
- Chaurand J.* Histoire de la langue française. Paris: PUF, 1969. 128 p.
- Chaurand J.* Pour l'histoire du mot 'francien' // *Mélanges de dialectologie d'oïl à la mémoire de R. Loriot*. Dijon: ABDO, 1983. P. 91-99.
- Cohen M.* Histoire d'une langue: le français (dès lointaines origines à nos jours). 4-ème éd. Paris: Editions Sociales, 1973. 513 p.
- Dees A.* Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13 siècle / A. Dees, P. Th. Van Reenen, J. A. de Vries. Tübingen: Niemeyer, 1980. 371 p.
- Dees A.* Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Tübingen: Niemeyer, 1987. 684 p.
- Delbouille M.* Comment naquit la langue française? // *Phonétique et linguistique romanes. Mélanges of. A G. Straka*. T.1. Strasbourg-Lion: Société de Linguistique Romane, 1970. P. 187-199.
- Delbouille M.* La notion de Bon usage en ancien français: A propos de la genèse de la langue française // *Cahiers de l'Association intern. Des études françaises*. 1962. № 14. P. 9-24.
- Delisle L.* Anciennes traductions françaises de la Consolation de Boèce conservées à la Bibliothèque nationale // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1873. № 34. P. 5-32.
- Dubuisson P.* Atlas linguistique et ethnographique du Centre: en 3 Vol. Paris: Éditions du CNRS, 1971. Vol. 1. 617 p.
- Dubuisson P.* Atlas linguistique et ethnographique du Centre: en 3 Vol. Paris: Éditions du CNRS, 1976. Vol. 2. 288 p.
- Dubuisson P.* Atlas linguistique et ethnographique du Centre: en 3 Vol. Paris: Éditions du CNRS, 1982. Vol. 3. 226 p.
- Ernst G.* La diachronie dans la linguistique variationnelle du français // *Manuel de linguistique française*. Berlin - Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. P. 72-107.
- Fallot G.* Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Paris: Imprimerie Royale, 1839. 588 p.
- Glessgen M.* La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien' // *Revue de linguistique romane*. 2017. T. 81. 313-397.
- Glessgen M.* Repenser les axes diasystématiques: nature et statut ontologique / M. Glessgen, L. Schøsler // *Reprendre la variation linguistique. Actes du Colloque DIA IV à Zurich (12-14 sept. 2016)*. Strasbourg: Société de Linguistique Romane, 2018. P. 11-52.
- Greub Y.* Histoire des dialectes dans la Romania: Galloromania / Y. Greub, J.-P. Chambon // *Romanische Sprachgeschichte / Histoire linguistique de la Romania*. 3. Teilband. G. Ernst,

- M.-D. Gleßgen, Chr. Schmitt, W. Schweickard (éds). Berlin–New-York: Walter de Gruyter, 2008. P. 2499-2520.
- Grübl K. La standardisation du français au Moyen Âge: point de vue scriptologique // *Revue de linguistique romane*. 2013. T. 77. P. 343-383.
- Guessard F. Examen critique de l'ouvrage intitulé Des variations du langage français depuis le douzième siècle, ou recherches sur les principes qui devraient régler l'orthographe et la pronociation, par F. Génin, professeur à la faculté des lettres de Strasbourg [Première partie] // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1846, tome 7. P. 189-253.
- L'ordonnance de Villers-Cotterêts [Электронный ресурс]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8609556f/f5.item> (дата обращения: 10.10.2025)
- Les chansons de Conon de Béthune. Paris: H. Champion, 1921. 38 p.
- Lodge R. A. «Francien» et «français de Paris» // *Linx*. 2002. №12. P. 149-172.
- Lodge R. A. Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue. Paris: Fayard, 1997. 382 p.
- Lodge R. A. Standardisation, koïnésiation et l'historiographie de français // *Revue de Linguistique Romane*. 2010. T. 74. № 293-294. P. 5-26.
- Lucken Chr. Le beau français d'Angleterre. Altérité de l'anglo-normand et invention du bon usage. // *Médiévales* [En ligne], 68 | printemps 2015, mis en ligne le 15 juin 2017. URL : <http://journals.openedition.org/medievales/7525> (дата обращения: 10.10.2025).
- Marie de France. Fables. Edited and translated by H. Spiegel. Toronto Buffalo: University of Toronto Press in association with the Medieval Academy of America, 1994. viii. 282 p.
- Picoche J. Histoire de la langue française / J. Picoche, Chr. Marchello-Nizia. 4-ème éd. Paris: Nathan, 1996. 399 p.
- Pope M.-K. From Latin to Modern French with Especial Consideration of Anglo-Norman. Phonology and Morphology. Manchester: Univ. Press, 1934. XX. 571 p.
- Remacle L. Le problème de l'ancien wallon. Liège: Fac.de Philosophie et Lettres, 1948. 230 p.
- Simoni-Aurembou M.-R. Atlas linguistique et ethnographique de l'Île-de-France et de l'Orléanais (Île-de-France, Orléanais, Perche, Touraine). Paris: CNRS Editions, 1973. T.1. ill., cartes (non paginé [ca 350] pages).
- Simoni-Aurembou M.-R. Atlas linguistique et ethnographique de l'Île-de-France et de l'Orléanais (Île-de-France, Orléanais, Perche, Touraine). Paris: CNRS Editions, 1978. T.2. ill., cartes (non paginé [ca 350] pages).
- Simoni-Aurembou M.-R. Le français régional en Île-de-France et dans l'Orléanais // *Langue française*. 1973. № 18. P. 126-136.
- Stanovaia L. A. Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021. № 2. P. 108-137. – DOI 10.51955/2312-1327_2021_2_108. – EDN GZVVDB.
- Vising J. Anglo-Norman Language and Literature. London: Oxford Univ. Press, 1923. 111 p.
- Wartburg W. W. Évolution et structure de la langue française. Dixième éd. Berne: Éditions A. Franke S.A., 1971. 294 p.

References

- Bourcier E. (1952). Basics of Romance linguistics. Moscow: *Publishing house of foreign literature*, 1952. 672 p. (In Russian)
- Brunot F. (1966). Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T.1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris: *Collin*, 1966. 597 p. (In French)
- Budagov R.A. (1967). Literary languages and linguistic styles. Moscow: *Vysshaya Shkola Publ.*, 1967. 376 p. (In Russian)
- Burdy Ph. (2015). Le français dans l'histoire: depuis ses origines jusqu'au XVIe siècle. Manuel de linguistique française. Berlin/Boston: *Walter de Gruyter GmbH*, 2015. P. 11-38. (In French)
- Buringh E., van Zanden J. L. (2009). Charting the Rise of the West: Manuscripts and Printed Books in Europe, A long-term perspective from the sixth through eighteenth centuries. *The Journal of Economic History*. 69-2: 409-445.

- Caput J.-P. (1972). Naissance et évolution de la notion de norme en français. *Langue française*. N° 16: La norme. P. 63-73. (In French)
- Cerquiglini B. (1993). La Naissance du français. Paris: PUF, 1993. 127 p. (In French)
- Chaurand J. (1969). Histoire de la langue française. Paris: PUF, 1969. 128 p. (In French)
- Chaurand J. (1983). Pour l'histoire du mot 'francien'. *Mélanges de dialectologie d'oïl à la mémoire de R. Loriot*. Dijon: ABDO. P. 91-99. (In French)
- Cohen M. (1973). Histoire d'une langue: le français (dès lointaines origines à nos jours). 4-ème éd. Paris: Editions Sociales, 1973. 513 p. (In French)
- Dauzat A. (1956). History of the French language. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1956. 471 p. (In Russian)
- Dees A. (1987). Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. Tübingen: Niemeyer, 1987. 684 p. (In French)
- Dees A., van Reenen P. Th., de Vries J. A. (1980). Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Tübingen: Niemeyer, 1980. 371 p. (In French)
- Delbouille M. (1962). La notion de Bon usage en ancien français: A propos de la genèse de la langue française. *Cahiers de l'Association intern. Des études françaises*. 14: 9-24. (In French)
- Delbouille M. (1970). Comment naquit la langue française? *Phonétique et linguistique romanes. Mélanges of. A G. Straka.T.I. Strasbourg-Lion: Société de Linguistique Romane*. 187-199. (In French)
- Delisle L. (1873). Anciennes traductions françaises de la Consolation de Boèce conservées à la Bibliothèque nationale. *Bibliothèque de l'école des chartes*. 34: 5-32. (In French)
- Dubuisson P. (1971). Atlas linguistique et ethnographique du Centre: en 3 Vol. Paris: Éditions du CNRS, 1971. Vol. 1. 617 p. (In French)
- Dubuisson P. Atlas linguistique et ethnographique du Centre: en 3 Vol. Paris: Éditions du CNRS, 1976. Vol. 2. 288 p. (In French)
- Dubuisson P. Atlas linguistique et ethnographique du Centre: en 3 Vol. Paris: Éditions du CNRS, 1982. Vol. 3. 226 p. (In French)
- Ernst G. (2015). La diachronie dans la linguistique variationnelle du français. *Manuel de linguistique française*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH. P. 72-107. (In French)
- Fallot G. (1839). Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Paris: Imprimerie Royale, 1839. 588 p. (In French)
- Glessgen M. (2017). La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien'. *Revue de linguistique romane*. 81: 313-397. (In French)
- Glessgen M., Schøsler L. (2018). Repenser les axes diasystématiques: nature et statut ontologique. *Repenser la variation linguistique*. Actes du Colloque DIA IV à Zurich (12-14 sept. 2016). Strasbourg: Société de Linguistique Romane. 11-52. (In French)
- Greub Y. Histoire des dialectes dans la Romania: Galloromania / Y. Greub, J.-P. Chambon // Romanische Sprachgeschichte / Histoire linguistique de la Romania. 3. Teilband. G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Chr. Schmitt, W. Schweickard (éds). Berlin–New-York: Walter de Gruyter, 2008. P. 2499-2520. (In French)
- Grübl K. (2013). La standardisation du français au Moyen Âge: point de vue scriptologique. *Revue de linguistique romane*. 77: 343-383. (In French)
- Guessard F. (1846). Examen critique de l'ouvrage intitulé Des variations du langage français depuis le douzième siècle, ou recherches sur les principes qui devraient régler l'orthographe et la prononciation, par F. Génin, professeur à la faculté des lettres de Strasbourg. [Première partie]. *Bibliothèque de l'école des chartes*. 7: 189-253. (In French)
- Katagoshchina N. A., Vasilyeva N. M. (2025). French Language History Courses. Moscow: State University of Education, 2025. 509 p. (In Russian).
- L'ordonnance de Villers-Cotterêts Disponible à l'adresse: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8609556f/f5.item> (In French)
- Les chansons de Conon de Béthune (1921). Paris: H. Champion, 1921. 38 p. (In French)
- Lodge R. A. (1997). Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue. Paris: Fayard, 1997. 382 p. (In French)
- Lodge R. A. (2002). «Francien» et «français de Paris». *Linx*. 12: 149-172. (In French)

- Lodge R. A. (2010). Standardisation, koïnésation et l'historiographie de français. *Revue de Linguistique Romane*. 74(293-294): 5-26. (In French)
- Lucken Chr. (2015). Le beau français d'Angleterre. Altérité de l'anglo-normand et invention du bon usage. *Médiévales* [En ligne]. 68 | printemps 2015, mis en ligne le 15 juin 2017. Disponible à l'adresse: <http://journals.openedition.org/medievales/7525> (date de la requête 10 octobre 2025) (In French)
- Lukina A. E. (2017). Diatopic variability of verb forms (based on French manuscripts of the 12th-14th centuries). Fundamental and relevant in language development: categories, factors, mechanisms: proceedings of the XVIII International School Conference – L. M. Skrelina Seminar, Moscow, September 13-16, 2017. Moscow: Moscow City Pedagogical University. Pp. 162-168. (In Russian)
- Lukina A. E. (2019). Diasystematic approach to the study of verb forms in the history of the French language. Proceedings of the Russian State Pedagogical University *Herzen*. 192: 185-194. (In Russian)
- Marie de France. (1994). Fables. Edited and translated by H. Spiegel. Toronto Buffalo: *University of Toronto Press in association with the Medieval Academy of America*, 1994. Viii. 282 p. (In Old French)
- Picoche J., Marchello-Nizia Chr. (1996). Histoire de la langue française. 4-ème éd. Paris: *Nathan*, 1996. 399 p. (In French)
- Pope M.-K. (1934). From Latin to Modern French with Especial Consideration of Anglo-Norman. Phonology and Morphology. Manchester: *Univ. Press*, 1934. XX. 571 p.
- Remacle L. (1948). Le problème de l'ancien wallon. Liège: *Fac.de Philosophie et Lettres*, 1948. 230 p. (In French)
- Shishmarev V. F. (1955). Book to read the history of the French language. Moscow: *Nauka*, 1955. 557 p. (In Russian).
- Simoni-Aurembou M.-R. (1973). Atlas linguistique et ethnographique de l'Île-de-France et de l'Orléanais (Île-de-France, Orléanais, Perche, Touraine). Paris: *CNRS Editions*, 1973. T.1. ill., cartes (non paginé [ca 350] pages).
- Simoni-Aurembou M.-R. (1973). Le français régional en Île-de-France et dans l'Orléanais. *Langue française*. 18: 126-136. (In French)
- Simoni-Aurembou M.-R. (1978). Atlas linguistique et ethnographique de l'Île-de-France et de l'Orléanais (Île-de-France, Orléanais, Perche, Touraine). Paris: *CNRS Editions*, 1978. T.2. ill., cartes (non paginé [ca 350] pages). (In French)
- Skrelina L. M. (1973). Some questions of language development (Problems and methods in the diachronic study). Minsk: *Belorussian State University Press*, 1973. 143 p. (In Russian)
- Stanovaïa L. A. (1994). Old French morphology and theory of scripta: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology. St-Petersburg, 1994. 34 p. (In Russian)
- Stanovaïa L. A. (2019). Francien as a stumbling block in history of the French language. *Theoretical and Applied Linguistics*. 5(3): 164-199. (In Russian)
- Stanovaïa L. A. (2021). Le dialecte et les scripta franciens: contours de la zone scripturale francienne. *Crede Experto: transport, society, education, language*. 1: 97-117. (In Russian)
- Stanovaïa L. A. (2021). Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes. *Crede Experto: transport, society, education, language*. 2: 108-137. (In French)
- Stanovaïa L. A. (2024). Specificity of studying of diasystemic variability of language in historical retrospective (Based on Old French). *Theoretical and Applied Linguistics*. 10(3): 144-167. (In Russian)
- Vising J. (1923). Anglo-Norman Language and Literature. London: *Oxford Univ. Press*, 1923. 111 p.
- Wartburg W. W. (1971). Évolution et structure de la langue française. Dixième éd. Berne: *Éditions A. Franke S.A.*, 1971. 294 p. (In French)

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

28.01.2026
17.02.2026
07.03.2026

Received
Accepted for publication
Published

28/01.2026
17.02.2026
07.03.2026

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

*Лариса Ивановна Москалюк,
orcid.org/0000-0003-0466-9345,
доктор филологических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет,
ул. Молодежная, д. 55
Барнаул, 656031, Россия
l.moskalyuk@yandex.ru*

*Ольга Сергеевна Москалюк,
orcid.org/0009-0004-4509-0852,
кандидат филологических наук, доцент
Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова,
пр-т Ленина, 46
Барнаул, 656038, Россия
omoskalyuk@yandex.ru*

Аннотация. Цель данного исследования – определить особенности синонимических отношений диалектных фразеологизмов сравнения в говорах российских немцев. Материалом исследования послужил авторский корпус транскриптов аудиозаписей бесед авторов с носителями российско-немецких диалектов на бытовые темы и различного рода анкеты, содержащие фразеологизмы и собранные во время диалектологических экспедиций в бывшие немецкие села Алтайского края. В статье дается анализ экспрессивно-стилистических характеристик исследуемых диалектных фразеологических синонимов, имеющих разную структурную организацию. Рассматриваются как одноструктурные, так и разноструктурные стилистические синонимы. Для сравнения привлекаются соответствующие фразеологизмы литературного немецкого языка.

Анализ фактического материала показывает, что в диалектах широко представлены фразеологические экспрессивно-стилистические синонимы. В нашем материале доминантой синонимического ряда в большинстве случаев является фразеологизм, имеющий эквивалент в литературном немецком языке. Это свидетельствует о нормирующей роли литературного языка, которая сохранилась и в островных говорах. В диалектах фактически отсутствуют возвышенные фразеологизмы, что доказывает одностороннюю разветвленность диалектной синонимии, а именно большое разнообразие стилистически сниженных фразеологизмов.

Ключевые слова: диалекты российских немцев, компаративные фразеологизмы, диалектная синонимия, экспрессивно-стилистические фразеологические синонимы.

EXPRESSIVE AND STYLISTIC FEATURES OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL SYNONYMS IN RUSSIAN GERMAN DIALECTS

*Larisa I. Moskalyuk,
orcid.org/0000-0003-0466-9345,
Doctor of Philology, Professor
Altai State Pedagogical University,
55, Molodejnaja street
Barnaul, 656031, Russia
l.moskalyuk@yandex.ru*

*Olga S. Moskalyuk,
orcid.org/0009-0004-4509-0852,
Candidate of Philology, Associate Professor
Altai State Technical University
named after I.I. Polzunov,
46, Lenin avenue
Barnaul, 656038, Russia
omoskalyuk@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the study is to determine the features of synonymous relations of phraseological units of comparison in the dialects of Russian Germans. The study was based on the authors' corpus of transcripts of audio recordings of the conversations with speakers of German dialects and various questionnaires collected during dialectological expeditions to former German villages in the Altai region. The article provides an analysis of the expressive and stylistic characteristics of the studied dialectal phraseological synonyms, which have different structural organization. Stylistic synonyms with the same and different construction structures are considered. The corresponding phraseological units of the literary German language are used for comparison.

Analysis of the factual material shows that phraseological expressive-stylistic synonyms are widely represented in the dialects. In our material, the dominant of the synonymous series is, in most cases, a phraseological unit that has an equivalent in the literary German language. This demonstrates the normative role of the literary language, which has been preserved in the island dialects. In fact, there are no sublime phraseological units, which proves the one-sided ramification of dialect synonymy, namely a wide variety of stylistically lowered phraseological units.

Keywords: dialects of Russian Germans, dialect synonymy, comparative phraseological units, expressive-stylistic phraseological synonyms.

Introduction (Введение)

В последние десятилетия диалектология стала многоаспектной и разносторонней наукой, что свидетельствует о возрастании роли и авторитета дисциплины, изучающей народные говоры. Изучению языка носителей народных говоров в нашей стране с каждым годом уделяется все большее внимание. В широкий круг вопросов, исследуемых учеными-языковедами, входит также изучение говоров немецкого населения России. Но различные уровни языковой системы переселенческих говоров исследованы неравномерно. В опубликованных работах о говорах, развивающихся в иноязычном окружении в условиях изоляции от исходных языковых коллективов и литературного немецкого языка, основное внимание в конце XX века уделялось характеристике фонетического и морфологического уровней [Berend et al., 1991]. Позже предметом специального изучения стала и

лексика этих говоров, а также проблемы социолингвистического плана [Александров, 2022; Черказьянова, 2009]. Между тем одной из актуальных задач остается изучение фразеологической системы говоров и ее соответствия фразеологической системе литературного языка. Диалектная фразеология, занимаясь проблемой системного изучения фразеологических единиц, служит источником множества важных данных для других научных аспектов, прежде всего для сравнительно-исторических, этимологических, лингвокультурных исследований, а также для решения внешнелингвистических (культурных, исторических, этнографических и др.) проблем и задач.

Немецкие села на Алтае являются немецкими языковыми островами, которые были заселены колонистами, переселившимися из Поволжья и юга Украины [Клаус, 1869; Писаревский, 1909] сравнительно недавно, в начале прошлого века. На особую важность и исключительную ценность исследования островных говоров указывали многие ученые, так как они, как правило, сохраняют древние элементы языка, обнаруживая архаичные черты, имеющие особую важность для истории языка. Под влиянием иноязычного окружения в говорах российских немцев появились заимствования из русского языка, а также новые образования, отличающие их от материнских диалектов [Москалюк, 2002]. В структуре этих говоров долгое время изолированных в языковом отношении социальных групп прослеживаются некоторые общие тенденции развития, не поддающиеся непосредственному наблюдению с исторической точки зрения [Жирмунский, 1976].

Materials and methods (Материалы и методы)

За основу исследования взяты диалектные фразеологизмы островных немецких говоров, носители которых проживают в бывших немецких селах Алтайского края, где и были зафиксированы примеры употребления исследуемых фразеологизмов. Наш анализ сосредоточен на анализе диалектных сравнительных фразеологизмов, которые образуют экспрессивно-стилистические синонимические ряды.

Диалект, являясь одной из форм существования языка и реализуясь в устном общении говорящих на этом диалекте, характеризуется индивидуальностью, образностью, яркостью и эмоциональной насыщенностью, что объясняется использованием большого количества выразительных средств, включая в том числе и фразеологические средства выразительности.

Источником образности служит при этом обращение к конкретным предметам и явлениям окружающей действительности, которые вызывают самые разнообразные ассоциации и стимулируют игру фантазии. При этом диалект склонен к формированию собственных оригинальных образных выражений. Повышенная вариативность, разнообразие и изменчивость диалектной речи, связанная с неосознанностью нормы диалекта, находит непосредственное отражение во фразеологии [Мардиева, 2020, с. 41], поскольку основными путями образования фразеологических единиц

являются метафоризация и метанимизация словосочетаний на основе собственных языковых средств и ассоциативных связей.

Диалектная речь насыщена разного рода наглядными сравнениями, в том числе устойчивыми, при этом наблюдается стремление к постоянному обновлению средств выражения и к языковому творчеству. Широкой распространенности подобных словосочетаний способствует стабильная семантическая и синтаксическая структура, лежащая в основе моделей образования словосочетаний подобного типа.

Одним из первых немецких лингвистов О. Вайзе [Weise, 1923] в начале XX века обратился к исследованию популярных в народе сравнений, которые стали неотъемлемой частью повседневной речи людей настолько, что они использовали их не задумываясь. Ученый составил собрание сравнительных выражений по разным немецким диалектным регионам⁴⁵.

Немецкие исследователи называют в качестве наиболее употребительных в диалектах областей сравнения различные аспекты крестьянской жизни, такие как животный и растительный мир, явления природы, ремесло, разные виды деятельности, хозяйство, еду и напитки, развлечения (праздники, игры), географию (страны, народности, местности), антропонимы, обращение к библии и религии. Таким образом, круг источников образных сравнений ограничен преимущественно повседневной жизнью крестьянского населения [Hain, 1951; Piirainen, 1991].

В данном исследовании мы рассматриваем сравнительные диалектные фразеологизмы, которые отличаются от других словесных конструкций тем, что имеют сравнительную семантику и синтаксическую модель построения, включающую простые и сложносоставные сравнительные союзы, ср.: [Бакланова, 2011, с. 27; Прокошева, 1974, с. 105]. В диалектной речи данные союзы могут использоваться в форме внем. *wie, als wie wann, so ... so, je ... je* и ннем. *os, os wann, so ... so, je ... je*. Диалектные союзы соответствуют союзам литературного немецкого языка *als, wie, als wie, wie wenn, je ... desto*.

Материалом исследования является авторский корпус аудиозаписей носителей верхне- и нижненемецких диалектов, полученных при помощи интервью [Москалюк и др., 2014], а также анкеты, содержащие диалектные фразеологизмы, собранные во время диалектологических экспедиций в села Немецкого национального района Алтайского края.

В общей сложности исследуемый материал включает 205 фразеологизмов сравнения, отобранных методом сплошной выборки, 52 из них входят в группы рассматриваемых экспрессивно-стилистических синонимов. Для сопоставления использовались фразеологические словари немецкого языка [DUDEN, 1992; Küpper, 1993; Röhrich, 2001].

Обращение к не подвергавшейся до сих пор подобному лингвистическому анализу устной нерегламентированной речи российских немцев, проживающих в компактных поселениях Алтайского края, попытка

⁴⁵ *Копчук Л. Б.* Лексика и фразеология немецких диалектов : Учебное пособие для студентов университетов и факультетов иностранных языков. Санкт-Петербург: Типография "Береста", 2002. 127 с. EDN RVJBAV.

представления особенностей синонимических отношений фразеологизмов в речи немцев Сибири представляется научно новым и актуальным.

В работе использовались для определения особенностей синонимических отношений диалектных фразеологических единиц такие частные методы языкознания, как метод фразеологического описания, метод контекстуального анализа, а также элементы метода лингвокультурологического анализа фактического материала. Это позволило описать семантику исследуемых фразеологизмов, определить экспрессивно-стилистическое своеобразие фразеологизмов на основе их употребления в диалектной речи, выявить национально-специфические особенности исследуемых фразеологизмов.

Discussion (Дискуссия)

Богатый словарный запас, который служит в диалекте для описания повседневных явлений окружающей действительности, несет в себе большую выразительную силу. Желание точно и метко выражать свои мысли, стремление к образности и наглядности приводит к расширению в диалекте большого пласта эмоционально-насыщенной лексики и фразеологии.

Сравнения, которые опираются на объективные отношения и отражают реальные ситуации, редко встречаются в диалекте. Хотя устойчивые сравнения могут строиться на аналогии, передавая реальные связи между явлениями окружающей действительности, например: *he tjant sech domet üt, os en e ejenje Fur* 'sehr gut kennen', 'очень хорошо разбираться в чем-либо, знать что-либо', букв. знать что-то, как собственный карман. И действительно, каждый отлично знает, что находится в собственном кармане. Но в большинстве случаев в диалектной компаративной фразеологии используются сравнения, которые не зависят от объективной реальности или вступают с ней в противоречие, подобные сравнения могут основываться на контрасте, нарушая логические отношения между предметами действительности, являясь по сути парадоксальными [Солодуб, 1996], что усиливает проявление комизма в языке. Чаще в основе сравнения лежат наблюдения за окружающим миром, которые подчеркивают комизм ситуации и склонность к шутливым преувеличениям, например:

je oller, je doller 'Je älter, desto ausgeprägter, heftiger, verrückter', букв. Чем старше человек становится, тем более своеобразным, сумасшедшим он становится, т.е. Чем старше человек становятся, тем больше ему хочется проявить себя;

schnell wi Brezelbacke нем. разг. *Das geht ja wie das Brezel backen!* букв. Это все равно, что испечь крендель. Национальное немецкое блюдо, брецели, готовится легко, они быстро подрумяниваются в печи, поэтому фразеологическое выражение получило значение 'Das geht schnell, sehr gut, einfach; сделать что-либо очень быстро, легко'. Так же легко пекутся русские блины, что зафиксировал русский фразеологизм *как блины со сковороды* 'быстро, легко. Но хотя российские немцы охотно пекут блины, это выражение не было ими заимствовано;

der hat Einfäl wi e alt Haus ‘unsinnige Ideen haben’, ‘кому-либо приходят в голову самые сумасбродные мысли’, букв. Ему приходят в голову мысли, как старому дому.

he es os vom Topp jefolle ‘dumm sein’, ‘быть глупым’, букв. Он как будто с горшка упал;

wi Salz in dr Schnitzsupp ‘nicht an diesen Ort gehören’, ‘лишний, нежелательный, неподходящий; ненужное дополнение, которое портит вещь’, букв. Как соль в компоте из сухофруктов. Такие ироничные сравнения служат для увеличения экспрессии.

Такого рода сравнения могут варьироваться, приобретая характер серийных сочетаний компонентов, например: *geht wie wann r e Arschnin / Stock / Besenstiel geschluckt hätt*, букв. как будто аршин / палку / ручку от метлы проглотил ‘sehr steif; не гибкий, застывший’; *platt wie Plin / Pannkuche*, букв. Плоский, как блин ‘sehr verwundert sein; быть крайне удивленным’, *doll os en Boll / en Boa*, букв. Злой, как бык / медведь ‘sehr böse; очень злой’; *de schrift, os de Hohn / Hahn / Krouj mette Poot*, букв. писать, как курица / петух / ворона лапой ‘krakelig schreiben, eine unleserliche Handschrift haben; писать неразборчиво’. В качестве варьирующихся компонентов могут использоваться заимствования из русского языка: аршин, блин. При этом отдельные качества соответствующих предметов ‘steif’, ‘platt’ переносятся на свойства человеческого характера. Неожиданные соединения значений отдельных компонентов словосочетаний характеризуются яркой образностью и экспрессивностью, что и лежит в основе создания необычного образа, формирующего значение всего фразеологизма [Сунцова, 2021].

Характерной чертой диалектных компаративных фразеологизмов является более подробное раскрытие образа за счет использования большего числа компонентов устойчивых выражений. Многие сравнительные обороты включают поэтому не только многочленные словосочетания, но и целые предложения, что делает их более выразительными и живописными, например: *di sieht aus, als wi wann si di Hex gritte hätt* ‘schlecht aussehen’, ‘ужасно выглядеть’, букв. Выглядеть, как будто на ней ведьма скакала; *nich hecha det Been hewe, os eene pische kon* ‘nichts über Ihre Möglichkeiten hinaus tun können’, ‘выше головы не прыгнешь; нельзя сделать что-либо сверх своих возможностей’; *tjitjst os wann etj di finfe Kopetje schuldich sie* ‘nicht fassen können’, ‘недоумевать, недоуменно смотреть’, букв. Как будто я должен тебе пять копеек.

В структуру фразеологического значения входит коннотативный компонент, который позволяет выразить позитивное или негативное отношение говорящего к предмету речи, к ситуации, передать оценки, эмоции, стилистические характеристики [Скоморохова и др., 2023, с. 69].

Фразеологический фонд языка располагает значительным количеством синонимических единиц, отличающихся по степени выразительности, своей эмоционально-экспрессивной окраской, а вследствие этого отношением к норме и сфере употребления. Эти синонимы помогают передать различное отношение к описываемому явлению и могут употребляться лишь в

определенных стилях речи, могут отличаться эмоционально-экспрессивной окраской при употреблении внутри одного функционального стиля, например: обиходно-разговорный стиль: лит. яз. *Glück haben* (нейтральное значение) – разг. *Schwein haben* (разговорно – фамильярный оттенок значения). Фразеологические синонимы подобного типа принято называть стилистическими.

В диалектной речи, как и в разговорной, на передний план часто выступает экспрессивно-стилистическая сторона фразеологизмов разговорно-бытового характера, которые обладают большими выразительными возможностями. С точки зрения стилистики такие фразеологизмы могут быть использованы только в рамках определенных контекстов, хотя их значение может быть схожим или полностью совпадать ср.: [Пестова, 2016].

При исследовании диалектных стилистических синонимов, отражающих экспрессивно-выразительные возможности диалектного лексикона, мы сталкиваемся с проблемой определения стилистической нормы в диалекте. Вслед за Э. Ризель⁴⁶ мы рассматриваем стилистическую норму как регулятор употребления языковой единицы, нейтральной и стилистически маркированной, в нормативно-стилистическом и экспрессивно-стилистическом аспекте. Языковые средства, содержащие в своем значении положительную или отрицательную коннотацию, представляют функционально-стилистически дифференцированный репертуар языка, а элементы без коннотации являются функционально-стилистически недифференцированными [Кобенко, 2023, с. 24].

Нейтральная стилистическая норма в парадигме синонимического ряда рассматривается как нулевое деление шкалы, исходный пункт для обнаружения факта экспрессивного заряда фразеологических единиц. Исходя из этого появляется возможность выяснить направление отклонения от нормы, охарактеризовать фразеологизм как сниженный или возвышенный, отметить степень этого отклонения.

В диалекте норма может быть определена только в устной речи носителей народных говоров. Работы исследователей диалектологов по фиксации и описанию особенностей диалектов не ставят своей целью обучить носителей народного языка правильнее говорить на своем диалекте. Научные исследования диалектологов в известном смысле кодифицируют языковой материал, хранят его, но не могут влиять на более четкое осознание языковых норм самими говорящими на диалекте. Но при этом нельзя рассматривать диалект как лишенный стилистической дифференциации языковой корпус. Полевая практика, опрос компетентных респондентов свидетельствует о наличии в диалектной речи определенной системы стилистической дифференциации. В этой связи возникает вопрос о критериях выделения нормативного слова или фразеологического выражения в диалектном синонимическом ряду. Известно, что в речи норма, данная каждому носителю

⁴⁶ Ризель Э. Г. *Стилистика немецкого языка* / Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высшая школа, 1975. 316 с.

языка, реализуется особым образом – незаметностью. То, что не режет слух в любой ситуации общения, признается говорящими на диалекте нормальным [Sowinski, 1999, S. 38]. Это было положено в основу при опросе респондентов. Все фразеологические единицы, которые были признаны диалектоносителями как допустимые не только в кругу семьи, но и в общении с мало знакомым человеком или с учителем, владеющим диалектом, мы отнесли к разряду языковых единиц с нейтральной нормативной стилистической окраской.

Нейтральная экспрессивно-стилистическая окраска придаёт речи объективность, простоту и эмоциональную нейтральность. Носители диалекта могут оценить языковую единицу как грубую или допустимую в определенной ситуации. Осознание носителями диалекта определенной части фразеологических единиц как нейтральной или сниженной послужил основанием для выделения экспрессивного фонда диалектных фразеологизмов, определения их стилистического значения.

Results (Результаты)

Синонимические ряды диалектных фразеологизмов, которые ориентированы на такие тематические области, как «Характер и поведение человека», «Умственные способности и внешность человека», «Поступки и действия человека», «Эмоции», «Отношение к работе», «Время и пространство», вполне определенно поддаются упорядочению в исследуемых диалектах в стилистическую парадигму: разговорный – фамильярный – пренебрежительно – грубый и вульгарный.

В отличие от литературного языка диалект не имеет большого количества фразеологизмов, относящихся к тематическим группам, передающим положительные характеристики человека. Для диалекта свойственно уточнение языковых средств, служащих для выражения негативных черт характера.

Фразеологическая единица разг.-диал. *arm wi e Kirchmaus, oam os ne Tjeatjemus*, ср.: лит. нем. *arm wie eine Kirchenmaus*, букв. быть бедным как церковная мышь: ‘быть очень бедным’, входит в ряд стилистических фразеологических синонимов, передающих социальные отношения в обществе. При этом разговорная речь воспринимается диалектоносителями как нейтральная:

разг. *arm wi dr Weg*, букв. бедный, как дорога. Слово *Weg* в российско-немецких диалектах имеет то же значение ‘путь, дорога’, что и в литературном немецком языке, и соотносится с соответствующими русскими словами, но образное значение этого слова во фразеологическом сочетании *arm wi dr Weg* отличается и от немецкого, и от русского. Оно связано с коллективным национально-культурным опытом российских немцев, которые называют себя *народом в пути*, что связано в их представлении с трудностями, бедствиями и бедностью;

фамил. *arm wi e Blattlaus*, букв. Бедный, как тля.

В немецких говорах значение ‘быть очень ленивым’ передает широкий синонимичный ряд, в который входят следующие компаративные фразеологические единицы:

Разг. *faul wi dr Teifel, ful os de Deiwel* букв. Ленивый, как черт.

Фамил. *faul wi d Kuh, ful os en Os/ Esel*, букв. Ленивая, как корова, ленивый, как бык, как осел. Фамильярный оттенок значения выражения подтверждает близкий характер общения в доверительной, непринужденной, естественной атмосфере.

Пренебр.-груб. *faul wi Mist, ful os Mest*, букв. Ленивый, как дерьмо. Фразеологизмы с грубым оттенком обладают на шкале экспрессивно-стилистической окраски наибольшей экспрессивностью и служат свидетельством о несдержанности речи.

Вульг. *faul wi Luder, ful os en Punt Russeschiet*, букв. Ленивая, как тварь/ ленивый, как фунт русского дерьма. Вульгарный оттенок значения имеют фразеологизмы, содержащие бранные слова, которые используются как оскорбления.

Рассмотренные выше, имеющие одинаковую структуру, компаративные фразеологические единицы при равнозначности значений отличаются друг от друга в результате замены одного компонента фразеологической единицы другим [Чернышева, 1970, с. 81]. При этом они характеризуются разной эмоционально-экспрессивной окраской и коннотативной насыщенностью, передавая негативное отношение говорящего к сообщаемому факту, используя при этом шуточные, иронические и даже грубые сравнения.

Компаративные фразеологические синонимы могут выражать одно и то же лексическое значение, но отличаться друг от друга эмоционально-экспрессивной окраской и структурным оформлением, представляя группу стилистических разноструктурных синонимов [Чернышева, 1970, с. 81]. В синонимический ряд фразеологических единиц со значением ‘быть очень бедным’, относящихся к разряду фамильярных и отличающихся от вышеназванных фразеологизмов структурным оформлением, входят такие фразеологизмы, как:

фамил. *kratjt so os he haft nich det Solt operem Ei*, букв. ... точно так, как будто у него нет даже соли посолить яйцо;

kratjt so os he piept operem latzten Loch, букв. ... точно так, как будто он пищит у последней дырки;

пренебр.-груб. *kratjt so os etj sie utjemaltje*, букв. ... точно так, как будто полностью выдоена.

К диалектным стилистическим разноструктурным фразеологическим синонимам со значением ‘совершать бесполезные действия; напрасный труд’ относятся:

разг. *des is so gut wi s Wasser im Sieb trage*, букв. Так же хорошо, как носить воду ситом: ‘sich vergeblich abmühen; sich umsonst anstrengen’, ‘напрасный труд’, ср.: нем. mit einem Sieb Wasser schöpfen;

фамил. *des is grad wi wann dr e Bratwurscht in n Hundestall schmeißt*, букв. ... как бросать колбасу в псарню: 'etwas Sinnloses, Überflüssiges tun; бесполезное занятие';

пренебр.-груб. *des is grad so gut wie dr Bock melke* букв. ... как доить козла: 'ein völlig unsinniges Tun, ein absurdes Unterfangen; Unmögliches versuchen; etwas Unsinniges tun; выполнять бесполезную, бессмысленную работу'.

Передавая одно и то же или сходное значение, разноструктурные стилистические синонимы-фразеологизмы отличаются составом компонентов, а также экспрессивно-стилистическими оттенками значений.

Синонимический ряд со значением 'быть бесполезным' образуют диалектные стилистические синонимы:

разг. *wi n Gläser sei Heu* 'nicht an diesen Ort gehören', 'неподходящий в данной ситуации, ненужный, лишний', букв. Нужен, как сено стекольщику;

фамил. *wi m tote Lamm dr Schwanz* 'unerwünscht', 'нежелательный, ненужный, лишний', букв. Как хвост мертвому ягненку.

des hun ich so netig wi a Loch em Kopp 'Das brauche ich nicht!', 'совершенно ненужный', букв. Нужен как дырка в голове;

пренебр.-груб. *di is so iwrig wi n Gasseknodel* 'unnötig sein'; 'никчёмный', букв. Лишний, как комок уличной грязи;

Несовместимость действий передает синонимический ряд:

разг. *passt wi Salz in dr Schnitzsupp*, букв. Подходит, как соль в компоте;

фамил. *det posst kratjt so os Auntje tom Rock on Fraunzje tom Schalduk*, букв. Это подходит, как Аннушке пиджак, а Францу фартук.

пренебр.-груб. *des passt wi e Faust uf e Aag, det posst os de Fust opem Ug*, букв.: Подходит как кулак в глаз; 'nicht zusammen passen', 'совсем не подходить'.

Нейтральный разговорный фразеологизм синонимического ряда принимается за точку отсчета при определении характера экспрессивности фразеологических единиц в исследуемых говорах.

Conclusion (Заключение)

Условия спонтанного говорения и отсутствие строгих правил и стандартов приводят к известной свободе в воспроизведении компонентного состава фразеологизмов, которые передаются устно и зафиксированы лишь памятью носителей диалекта. Большая дифференцированность лексики с эмоциональными и стилистическими оттенками, многочисленность дублетно-синонимических пар и рядов слов способствуют развитию диалектных фразеологических синонимов. В российско-немецких говорах представлены не только семантические, но и стилистические фразеологические синонимы, при этом они могут быть образованы по одной структурной модели или различаться по форме.

Как видно из примеров, диалектная стилистическая парадигма смещена по сравнению с парадигмой литературного языка на одну ступень вниз. Собранный фактический материал показывает, что в диалектах фактически отсутствует возвышенная лексика. Нейтральная нормативная языковая

единица является ведущим членом синонимического ряда, верхним звеном. Это ведет к асимметрии стилистических построений в диалекте, показывая одностороннюю разветвленность диалектной синонимии, а именно большое разнообразие сниженной лексики. Нейтральная фразеологическая единица является здесь не средним звеном, а наивысшим. Чаще всего это диалектный эквивалент литературного фразеологизма.

Список сокращений

букв. – буквально
внем. – верхненемецкий
вульг. – вульгарно
диал. – диалект
лит. нем. – литературный немецкий (язык)
ннем. – нижненемецкий
пренебр.-груб. – пренебрежительно-грубо
разг. – разговорный
рус. яз. – русский язык
фамил. – фамильярно

Библиографический список

- Александров О. А.* Язык российских немцев Томской области: социолингвистический и лингвокогнитивный аспекты. Томск: ООО «Графика», 2022. 277 с. EDN JDABEM.
- Бакланова И. И.* Фразеологизмы сравнения в Пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4(16). С. 27-31. EDN OJKMDB.
- Жирмунский В. М.* Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. Л.; Наука, 1976. С. 491-516.
- Клаус А. А.* Наши колонии. Опыты и материалы по истории и стилистике иностранной колонизации в России. СПб: Типография В.В. Нусвальта, 1869. 516 с.
- Кобенко Ю. В.* Теоретические основы функциональной стилистики. Томск : Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2023. 296 с. EDN CHVUJO.
- Мардиева Э. Р.* Антонимические и синонимические парадигмы в диалектной фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, №12. С. 41-44. DOI 10.30853/filnauki.2020.12.8. EDN IVHSES.
- Москалюк Л. И.* Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, 2002. 292 с. EDN XDVSAJ.
- Москалюк Л. И.* Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований / Л. И. Москалюк, Т. Н. Москвина, Н. В. Трубавина. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2014. 198 с. EDN YMCKEN.
- Пестова М. С.* Синонимия как одно из явлений фразеологической парадигматики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 5-10. EDN VZRWTF.
- Писаревский Г. Г.* Об истории иностранной колонизации в России в XV111 в. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1909. 442 с.
- Прокошева К. Н.* Структура устойчивых сравнительных оборотов в говорах Северного Прикамья // Вопросы лексики, фразеологии и синтаксиса. Пермь, 1974. С. 103-111.
- Скоморохова С. В.* Словесный комплекс-прототип как источник коннотативности фразеологизмов / С. В. Скоморохова, С. Л. Орлова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2023. Т. 12, № 2(43). С. 68-73. DOI 10.57145/27129780_2023_12_02_11. EDN ABJSED.
- Солодуб Ю. П.* Роль словесного комплекса прототипа в реализации коннотативных возможностей фразеологизма // Филологические науки. 1996. № 1. С. 67-79.

- Сунцова М. В. Понятие коннотации в отечественной и зарубежной лингвистике // Казанская наука. 2021. № 10. С. 106-108. EDN LMXJIP.
- Черказьянова И. В. Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.). Санкт-Петербург : Издательство Нестор-История, 2009. 286 с. EDN QPNRFN.
- Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 199 с.
- Berend N. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie / N. Berend, H. Jedig. Marburg: Elwert Verlag, 1991. 403 S.
- DUDEN. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Bd. 11. Mannheim, Leipzig u.a.: Dudenverlag, 1992. 864 S.
- Hain M. Sprichwort und Volkssprache. Eine volkskundlich-soziologische Dorfuntersuchung. Giessen: Wilhelm Schmitz, 1951. 131 S.
- Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 5. Nachdr. Stuttgart-Dresden: Ernst Klett Verlag, 1993. 959 S.
- Piirainen E. Phraseologismen in Westmuensterlaendischen. Einige Unterschiede der westmuensterlaendischen Phraseologie im Vergleich zum Hochdeutschen // Niederdeutsches Wort. Beitrage zur niederdeutschen Philologie. 1991. Bd. 31. S. 33-76.
- Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 5 Bänden. Freiburg, Basel, Wien: Verlag Herder, 2001. 1910 S.
- Sowinski B. Stilistik. Stiltheorien und Stilanalysen. 2. Ueberarb. u. akt. Aufl. Stuttgart: Metzler, 1999. 248 S.
- Weise O. Die deutsche Sprache als Spiegel deutscher Kultur: kulturgeschichtliche Erörterungen auf sprachlicher Grundlage. Jena: Frommannsche Buchhandlung (W.Biedermann), 1923. 175 S.

References

- Alexandrov O. A. (2022). The language of Russian Germans of the Tomsk region: sociolinguistic and linguocognitive aspects. Tomsk: LLC «Graphics», 2022. 277 p. (In Russian)
- Baklanova I. I. (2011). Phraseological units of comparison in Perm dialects. *Russian and foreign phraseology*. 4(16): 27-31. (In Russian)
- Berend N., Jedig H. (1991). Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg: *Elwert Verlag*, 1991. 403 S. (In German)
- Cherkazyanova I. V. (2009). Chronicle of dissertations on Russian Germans (1960s – 2009) / Comp., intro. article, edited by I.V. Cherkazyanova. St. Petersburg: *Nestor-History*, 2009. 286 p. (In Russian)
- Chernysheva I. I. (1970). Phraseology of the Modern German Language. Moscow: *Vysshaya Shkola*, 1970. 199 p. (In Russian)
- DUDEN. (1992). Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Bd. 11. Mannheim, Leipzig u.a.: Dudenverlag, 1992. 864 S. (In German)
- Hain M. (1951). Sprichwort und Volkssprache. Eine volkskundlich-soziologische Dorfuntersuchung. Giessen: *Wilhelm Schmitz*, 1951. 131 S. (In German)
- Klaus A. A. (1869). Our Colonies. Essays and Materials on the History and Style of Foreign Colonization in Russia. St. Petersburg: *V.V. Nusvalt Printing House*, 1869. 516 p. (In Russian)
- Kobenko Yu. V. (2023). Theoretical Foundations of Functional Stylistics. Tomsk: *Tomsk Polytechnic University*, 2023. 296 p. (In Russian)
- Küpper H. (1993). Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 5. Nachdr. Stuttgart-Dresden: *Ernst Klett Verlag*, 1993. 959 S. (In German)
- Mardieva E. R. (2020). Antonymic and synonymic paradigms in dialect phraseology. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 13(12): 41-44. (In Russian)
- Moskalyuk L. I. (2002). The current state of insular German dialects. Barnaul: *BSPU*, 2002. 292 p.

(In Russian)

Moskalyuk L. I., Moskvina T. N., Trubavina N. V. (2014). Text case of island German dialects of the Altai Territory. Barnaul: *AltSPU*, 2014. 198 p. (In Russian).

Pestova M. S. (2016). Synonymy as one of the phenomena of phraseological paradigmatics. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication.* 2: 5-10. (In Russian)

Piirainen E. (1991). Phraseologismen in Westmuensterlaendischen. Einige Unterschiede der westmuensterlaendischen Phraseologie im Vergleich zum Hochdeutschen. *Niederdeutsches Wort. Beitrage zur niederdeutschen Philologie.* 31: 33-76. (In German)

Pisarevsky G. G. (1909). On the History of Foreign Colonization in Russia in the 18th Century. Moscow: printed by A. I. Snegirev, 1909. 442 p. (In Russian)

Prokosheva K. N. (1974). The structure of stable comparative turns in the dialects of the Northern Kama region. *Vocabulary, phraseology, and syntax issues.* 103-111. (In Russian)

Röhrich L. (2001). Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 5 Bänden. Freiburg, Basel, Wien: *Verlag Herder*, 2001. 1910 S. (In German)

Skomorokhova S. V., Orlova S. L. (2023). The Prototype Verbal Complex as a Source of Phraseological Units' Connotative Meaning. *Baltic Humanitarian Journal.* 12(2(43)): 68-73. (In Russian)

Solodub Yu. P. (1996). The Role of the Verbal Complex of the Prototype in the Realization of the Connotative Possibilities of a Phraseological Unit. *Philological Sciences.* 1: 67-79. (In Russian)

Sowinski B. (1999). Stilistik. Stiltheorien und Stilanalysen. 2. Ueberarb. U. akt. Aufl. Stuttgart: *Metzler Verlag*, 1999. 248 S. (In German)

Suntsova M. V. (2021). The Concept of Connotation in Russian and Foreign Linguistics. *Kazan Science.* 10: 106-108. (In Russian)

Weise O. (1923). Die deutsche Spracht als Spiegel deutscher Kultur: kulturgeschichtliche Erörterungen auf sprachlicher Grundlage. Jena: *Frommannsche Buchhandlung (W. Biedermann)*, 1923. 175 S. (In German)

Zhirmunsky V. M. (1976). Problems of Migration Dialectology. *General and Germanic Linguistics.* 491-516. (In Russian)

Поступила в редакцию

07.11.2025

Received

07.11.2025

Принята в печать

20.11.2025

Accepted for publication

20.11.2025

Опубликована

07.03.2026

Published

07.03.2026

КОГНИТИВНЫЕ, КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ, СТИЛИСТИЧЕСКИЕ, КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'33

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_164

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРВОЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ КАК МАРКЕРОВ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ТЕКСТЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

*Ксения Александровна Медведкина,
orcid.org/0000-0003-2753-7783,
кандидат филологических наук
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
наб. Северной Двины, 17
Архангельск, 163002, Россия
k.medvedkina@narfu.ru*

*Екатерина Сергеевна Михайловская,
orcid.org/0009-0004-6161-3131,
кандидат филологических наук
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
наб. Северной Двины, 17
Архангельск, 163002, Россия
e.mihajlovskaya@narfu.ru*

Аннотация. В статье исследуется, как авторская идентичность выражается в академических текстах, при этом особое внимание уделяется гендерным особенностям использования местоимений первого лица. Цель исследования – сравнить репертуар и прагматические функции местоимений первого лица в текстах, написанных авторами-мужчинами и авторами-женщинами. Концептуальной основой сопоставительного анализа является классификация прагматических функций местоимений, предложенная Р. Танг и С. Джон. Авторы-женщины чаще выражают свое авторское присутствие с помощью личных и притяжательных местоимений, чем авторы-мужчины. Авторы-женщины обычно придерживаются канонического употребления, используя местоимения единственного числа для таких ролей, как «архитектор по тексту статьи», «исследователь», «выразитель мнения» и «создатель нового знания», и местоимения множественного числа в роли «представитель группы лиц» и «гид по тексту». Авторы-мужчины часто используют местоимения единственного числа в ролях, где ожидается множественное число. В то время как авторы-женщины активно используют местоимения для функций, ориентированных на диалог с читателем, авторы-мужчины чаще самоидентифицируются как создатели нового знания. Исследование показывает, что употребление местоимений в академических текстах зависит не только от пола, но и от таких факторов, как научная область, жанр и развивающиеся нормы академического письма.

Ключевые слова: местоимения 1 лица, авторская самоидентификация, прагматические функции, академическое письмо, научный дискурс, текст научной статьи, гендерные особенности.

COMPARATIVE ANALYSIS OF USE OF FIRST-PERSON PRONOUNS AS MARKERS OF AUTHOR'S PRESENCE IN THE TEXT OF SCIENTIFIC ARTICLE: GENDER ASPECT

*Ksenia A. Medvedkina,
orcid.org/0000-0003-2753-7783,
Candidate of sciences (philology)
Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov,
Northern Dvina Embankment, 17
Arkhangelsk, 163002, Russia
k.medvedkina@narfu.ru*

*Ekaterina S. Mikhailovskaya,
orcid.org/0009-0004-6161-3131,
Candidate of sciences (philology)
Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov,
Northern Dvina Embankment, 17
Arkhangelsk, 163002, Russia
e.mihajlovskaya@narfu.ru*

Abstract. The article investigates how authorial identity is expressed in academic texts, focusing on gender-specific patterns in the use of first-person pronouns. The study sought to compare the repertoire and pragmatic functions of first-person pronouns in texts written by male and female authors. The conceptual framework for this comparative analysis was based on R. Tang and S. John's classification of the pragmatic functions of pronouns. Female authors tend to express their authorial presence more frequently through personal and possessive pronouns than male authors. Female authors typically adhere to canonical usage, employing singular pronouns for roles like "architect", "researcher", "opinion-holder", and "originator", and plural pronouns for "representative" and "guide". Male authors often use singular pronouns in roles where plural forms are expected. While female authors actively use pronouns for reader-dialogue-oriented functions, male authors more frequently self-identify as creators of new knowledge. The study suggests that pronoun usage in academic texts is influenced not solely by gender but also by factors like the scientific field, genre, and evolving norms of academic writing.

Keywords: first-person pronouns, author's self-identification, pragmatic functions, academic writing, academic discourse, text of scientific article, gender peculiarities.

Введение (Introduction)

Изучение способов выражения авторской позиции в академическом дискурсе является одним из устойчивых направлений лингвистических исследований с 1980-х годов. Особое внимание уделяется сравнительно-сопоставительному анализу научных текстов, созданных на разных языках, с целью выявления культурно специфичных стратегий авторизации⁴⁷ [Vassilieva, 1998]. Другим важным вектором исследований является сопоставление средств выражения авторского «Я» в зависимости от области научного знания [Соловьева, 2021; Широких, 2022; Cheung et al., 2020;

⁴⁷ Короткина И. Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 349 с.

Harwood, 2005; Kuo, 1999; Mirzapour, 2016; Moskowich, 2020], или типа дискурса [Болдырева и др., 2002; Болсуновская и др., 2015; Соловьева, 2022].

Гендерный аспект выражения авторской позиции представляет собой значимый, но недостаточно изученный параметр. Гендер признается важным фактором социальной вариативности и активно рассматривается в гуманитарных исследованиях. Вместе с тем его влияние на языковое поведение подлежит переосмыслению в контексте взаимодействия с другими социолингвистическими переменными – такими, как этническая принадлежность, возраст, профессиональный статус и др. Это обуславливает необходимость более детального анализа проявлений авторской идентичности в гендерной перспективе.

Цель настоящего исследования заключается в сопоставительном анализе языковых маркеров авторской идентичности и их прагматических функций в научных статьях, написанных авторами-мужчинами и авторами-женщинами. В задачи исследования входят:

1) выявление частотности использования перволичных местоимений как средств выражения авторского присутствия в научном тексте авторами-мужчинами и авторами-женщинами;

2) сопоставление репертуара перволичных местоимений и анализа их прагматических функций в текстах, принадлежащих авторам-мужчинам и авторам-женщинам.

Интерес к исследованию маркеров гендерной идентичности в академических текстах наблюдается в течение последних нескольких десятилетий. Одной из первых работ, устанавливающих и описывающих связь социального пола и языковой вариативности, является работа Робин Лакофф «Язык и место женщины» [Lakoff, 1973]. Считается, что именно она положила начало научной дискуссии вокруг языка и гендера в лингвистике [Сеченова, 2012; Сеченова, 2009; Alkhrisheh et al., 2019; Argamon et al., 2003; Bacang et al., 2019; Gu, 2013; Labov, 1990; Ishikawa, 2015; Llach, 2010; Mills, 2014; Tannen, 1994].

Построение научного текста, с одной стороны, подчинено ряду принятых академическим сообществом конвенций, но, с другой, все же оставляет автору возможность продемонстрировать уникальность взглядов, опыта, индивидуальное авторское я. Так, например, результаты корпусных исследований гендерных маркеров в научном тексте свидетельствуют о том, что мужчины предпочитают «информирующий» (informational) стиль письма, для которого характерно использование большого количества существительных и многосложных слов, в то время как авторы-женщины придерживаются так называемого «вовлеченного» (involved) стиля, характерной чертой которого считается использование глаголов в формах настоящего времени и большого количества местоимений [Viber et al., 1998]. Однако существуют исследования, результаты которых по количественным показателям не согласуются с описанием гендерно специфичных стилей [Goicoechea, 2018]. Количественные данные, по нашему мнению, безусловно обладают статистической ценностью, но все же больший интерес представляет

функциональная [Harwood, 2005; Kuo, 1999; Tang et al., 1999] дистрибуция местоимений, используемых авторами. Это обусловлено тем, что функции, в которых автор текста осуществляет автореференцию, имеют совершенно разный прагматический потенциал и предполагают как различную степень ответственности за высказываемые суждения, так и выраженность авторского присутствия в тексте статьи.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Концептуальную основу сопоставительного анализа особенностей выражения авторской идентичности в научном тексте, проведенного в рамках настоящего исследования, составила классификация прагматических функций местоимений, разработанная Р. Танг и С. Джон [Tang et al., 1999]. Более подробно суть их концепции, а именно описание авторских ролей и специфики их выражения в научном тексте на материале английского и русского языков, была представлена нами ранее [Медведкина и др., 2020], поэтому мы не будем останавливаться на детальной характеристике прагматических функций, а лишь перечислим их. Все отобранные нами случаи употребления личных и притяжательных местоимений 1 лица, составляющие анализируемый корпус, были отнесены нами к одной из 6 предложенных Р. Танг и С. Джон функций:

- 1) автор как представитель группы лиц;
- 2) автор как гид по тексту статьи;
- 3) автор как архитектор статьи;
- 4) автор как исследователь;
- 5) автор как выразитель мнения;
- 6) автор как создатель нового знания [Tang et al., 1999].

Исследование выполнено на материале текстов 24 научных статей, опубликованных с 2019 по 2024 годы, 12 из которых были написаны авторами-мужчинами и 12 авторами-женщинами. Статьи были отобраны методом сплошной выборки с учетом таких критериев, как индивидуальность авторства, принадлежность к определенной предметной области, а именно лингвистике и лингводидактике, индексация в высокорейтинговых наукометрических базах данных и аффилиация авторов с организациями в странах, в которых английский имеет статус официального языка. При отборе текстов для составления корпуса исследования не принималось во внимание, является ли английский язык родным для автора статьи, т. к. это, на наш взгляд, не является существенным в силу того, что современный научный дискурс глобален. Кроме того, научная аффилиация авторов и рейтинг журналов, в которых опубликованы статьи, указывают на соответствие текстов международным стандартам и жанровым особенностям научных статей, опубликованных в изданиях, входящих в международные базы данных.

Включенные в исследовательский корпус словоформы отбирались из всех структурных частей статьи, включая аннотацию и раздел с благодарностями, исключались лишь случаи использования личных и притяжательных местоимений при цитировании. Общий объем

исследовательского корпуса составляет 313 667 слов (189 688 слов в мужском корпусе и 123 979 слов в женском корпусе).

Дискуссия и результаты (Discussion and Results)

Первым этапом исследования было проведение количественного анализа встречаемости перволичных местоимений в мужском и женском корпусах.

Таблица 1 – Количество перволичных местоимений

	Мужской корпус		Женский корпус	
	Количество	Количество на 1000 слов	Количество	Количество на 1000 слов
I	191	1,01	331	2,67
me	25	0,13	26	0,21
my	33	0,17	92	0,74
mine	0	0	1	0,008
we	249	1,31	168	0,14
us	64	0,34	23	0,19
our	116	0,62	65	0,52
ours	1	0,005	0	0
Всего местоимений	679	3,58	706	5,69

Как видно из Таблицы 1, количество перволичных местоимений, обнаруженных нами в мужском и женском корпусах, различается несущественно, если речь идет об абсолютных значениях. Однако разница в их долях на 1000 слов демонстрирует, что для выражения авторской идентичности женщины используют перволичные местоимения в текстах научных статей значительно чаще (5,69) по сравнению с авторами мужчинами (3,58). Не претендуя на какие-либо обобщения относительно данного наблюдения, отметим, что подобная разница в частотности использования местоимений в целом укладывается в распространенную в гендерной лингвистике концепцию о том, что в среднем женщинам свойственно использовать больше местоимений в письменном тексте вне зависимости от его жанровой принадлежности [Abdurrahman, 2017; Argamon et al., 2003; Coates, 2016; Ishikawa, 2015; Newman et al., 2008; Ghiasi et al., 2019].

Большой исследовательский интерес представляет качественный анализ, а именно сопоставление использования перволичных местоимений мужчинами и женщинами в разных функциях репрезентации авторской идентичности в научном тексте. Проведение этого анализа было продиктовано нашей исходной гипотезой о том, что существуют различия в выражении авторской идентичности авторами-мужчинами и авторами-женщинами с точки зрения функционально-прагматической специфики используемых ими местоимений.

Прежде всего обращает на себя внимание разница в том, в каких именно функциях авторы-мужчины и авторы-женщины преимущественно манифестируют себя в научном тексте. Так, анализ мужского корпуса

примеров демонстрирует, что чаще всего авторское я выражается в функции *автор как представитель группы лиц*. Доля в мужском корпусе составляет 1,48 на 1000 слов (244 словоупотребления). Тогда как в женском корпусе наиболее частотной является функция *автор как исследователь*, более чем в 2 раза превосходящая долю саморепрезентации авторов мужчин в этой роли: 318 формоупотреблений в женском корпусе, что составляет 2,56 на 1000 слов.

Рассмотрим каждую из прагматических функций репрезентации авторского Я более подробно. Как и предполагалось, в наименее авторитетной функции выражения авторского Я в научном тексте *автор как представитель группы лиц* мы не наблюдаем заметной разницы в частотности использования перволичных местоимений у мужчин (1,4 на 1000 слов) и женщин (1,2 на 1000 слов). Однако обращает на себя внимание то, что авторы-женщины используют в этой функции исключительно местоимения множественного числа (*we, us, our*), что вполне логично для данной роли, т. к. употребление инклюзивного «мы» выступает как средство выражения солидарности с научным сообществом и с предполагаемым получателем информации [Емельянова, 2019; Хутыз, 2012], в то время как в мужском корпусе нами был обнаружен полный спектр перволичных местоимений, за исключением формы *ours*. Нам встретились нетипичные случаи использования местоимений 1 лица единственного числа (*I, me, my*) для выражения принадлежности к группе: ср. *If I utter (9) I do not just tell you something about my intentions; I perform the action of making a promise* [Cousens, 2020]. Или *Nothing more or less is required for me to make a promise than saying such a phrase* [Cousens, 2020].

В данных примерах мы имеем дело с расширительным I, когда при употреблении местоимения единственного числа автор описывает неопределенный круг лиц (все, люди, говорящие, носители языка), где «я» выступает как пример нереферентного употребления для обозначения группы лиц, не подлежащих параметризации по объему [Гранева, 2009].

Анализ употребления перволичных местоимений в имеющих некоторое сходство между собой ролях гида по тексту статьи и архитектора демонстрирует, что авторы-женщины в целом осуществляют автореференцию в этих функциях чаще, чем мужчины. Доля местоимений в функции гида составила 0,25 в мужском корпусе и 0,54 в женском. В функции архитектора доля местоимений в мужском корпусе – 0,62 и 0,73 в женском.

Полученные в ходе анализа данные соотносятся с довольно распространенным в гендерной лингвистике мнением о том, что женщинам присуща большая вовлеченность в процесс коммуникации с читателем [Argamon et al., 2003; Coates, 2016; Goicoechea, 2018; Wakerkwa, 2023; Weatherhall, 2002], выраженная в том числе в более активном использовании метадискурсивных маркеров (*signposting language*) и хеджинга [Mirzapour, 2016].

Более того, по мнению ряда авторов [Сеченова, 2009; Mirzapour, 2016; Wakerkwa, 2023;], в целом сам факт использования женщинами большего количества местоимений служит цели установления более тесного психологического контакта с читателем. Активное использование формы

«we» авторами вне зависимости от их пола позволяет сократить дистанцию между автором текста и читателем [Советов, 2009], что может быть продиктовано стремлением «вовлечь читателя в общий с автором коммуникативный процесс» [Емельянова, 2019, с. 61-62], и выступает в качестве риторического способа убеждения читателя в достоверности высказанных в научном тексте суждений [Емельянова, 2019].

При этом обращает на себя внимание то, что, как и в функции *автора как представителя группы лиц*, авторы-женщины в роли *гида по тексту статьи* используют исключительно местоимения множественного числа. Например: *From Table 2, we see that the difference in the proportion that 4-word bundles make out of all words in Biology is about 188% greater ...* [Samraj, 2024]. А в роли архитектора, напротив, только формы единственного числа, например: *Before examining the stancemarking usage of tteyuu, in Section 4.2, I will describe an intermediate stage ...* [Kaneyasu, 2024]. В то время как в мужском корпусе мы находим как местоимения единственного, так и множественного числа (Таблица 2). Ср., например, использование местоимений единственного числа в роли архитектора авторами-мужчинами: *Thus, I begin with a discussion of linguistic and cultural appropriation...* [Petrovic, 2022] и местоимений множественного числа в роли архитектора, что не вполне типично для этой функции: *Note also that we have greyed out the arrow from guest to host, as there is evidence that the nature of address here is more diffuse than from host to guest (see Section 4.2.5)* [Smith, 2020].

Таблица 2 – Употребление местоимений в функции архитектора

	Мужской корпус		Женский корпус	
	Количество	Количество на 1000 слов	Количество	Количество на 1000 слов
I	66	0,401	81	0,65
me	4	0,024	1	0,008
my	5	0,03	7	0,06
mine	0	0	1	0,008
we	22	0,133	0	0
us	0	0	0	0
our	6	0,036	0	0
ours	0	0	0	0
Всего местоимений	103	0,624	90	0,726

Отметим также, что в мужском корпусе функция гида встречается реже всего: нами было обнаружено всего 42 формы, что составило 0,25 от общего числа слов. Таким образом, позволим себе предположить, что выражение авторского я в роли гида по тексту является довольно нетипичным для авторов мужчин.

Принципиальных различий в использовании местоимений 1 лица в роли *архитектора текста* статьи нами не было обнаружено, за исключением того, что, как отмечалось выше, авторам-женщинам не свойственно

репрезентировать себя в тексте в этой роли посредством местоимений множественного числа.

Существенные различия с гендерной точки зрения были обнаружены нами в репрезентации автора как исследователя.

Таблица 3 – Употребление местоимений в функции исследователя

	Мужской корпус		Женский корпус	
	Количество	Количество на 1000 слов	Количество	Количество на 1000 слов
I	51	0,31	189	1,52
me	12	0,072	21	0,17
my	19	0,115	69	0,56
mine	0	0	0	0
we	65	0,395	12	0,1
us	8	0,049	3	0,02
our	37	0,225	24	0,19
ours	1	0,006	0	0
Всего местоимений	193	1,17	318	2,56

Основное отличие состоит в заметной разнице в частотности использования местоимений авторами-мужчинами и авторами-женщинами. Частотность авторизации женщин в функции исследователя более чем в два раза превышает частотность авторизации в этой функции мужчин – 2,56 и 1,17 соответственно. Активное использование авторами-женщинами перволичных местоимений в сопровождении глаголов, называющих конкретные шаги, предпринятые в процессе исследования, может рассматриваться как средство реализации прагматической установки автора на поддержание диалогичности научного текста путем «фиксации не только результатов научного поиска, но и процесса их достижения, что позволяет выразить авторское я через переживаемые субъектом в процессе исследования чувства» [Сеченова, 2009, с. 11]. В нижеследующем примере автор объясняет свой выбор работ конкретного автора в качестве материала для анализа: *Firstly, I know him personally, and, having proofread many of his manuscripts over the past 13 years, I have been intrigued by his developing textual identity* [Junnier, 2020].

Использование авторами-женщинами местоимений в формах множественного числа наряду с местоимениями в формах единственного числа объясняется тем, что в некоторых случаях в процесс исследования были вовлечены сторонние специалисты, которые оказывали помощь в его технической реализации. Например, *To code reliably, the second coder and I had an additional training session where we coded 20 sample instances which were not included in the second coder's share* [Danis, 2022].

Отметим также еще одно заметное отличие в использовании перволичных местоимений авторами в роли исследователя. Данные в Таблице 3 демонстрируют, что авторы-мужчины практически с одинаковой частотой используют местоимения единственного и множественного числа

для выражения собственного авторства при описании хода исследовательского процесса. Ср., например, *I investigate how three models of linguistic structure answer that question...* [Bouchard, 2021]. И формы множественного числа в этой же функции: *To explore these concepts in the show we first undertake a data-driven stylistic analysis of 'key' parts-of-speech (POS) tags... We then track these grammatical features over four sampling periods to see what changes occur ...* [Smith, 2020].

Похожая закономерность была обнаружена нами в ходе анализа выражения авторской идентичности в наиболее авторитетных из исследуемых нами функций – роли *автора как выразителя мнения* и *автора как создателя нового знания*. Очевидно, что именно в этих функциях авторское присутствие выражается наиболее явно и однозначно. Разница в частотности использования местоимений в этих функциях является незначительной: 0,43 в мужском корпусе и 0,48 в женском в роли *выразителя мнения* и соответственно 0,31 и 0,19 в роли *создателя нового знания*.

Таблица 4 – Употребление местоимений в функции выразителя мнения

	Мужской корпус		Женский корпус	
	Количество	Количество на 1000 слов	Количество	Количество на 1000 слов
I	40	0,243	41	0,33
me	2	0,012	4	0,03
my	6	0,036	12	0,1
mine	0	0	0	0
we	22	0,134	1	0,008
us	0	0	1	0,008
our	0	0	0	0
ours	0	0	0	0
Всего местоимений	70	0,425	59	0,476

Обращает на себя внимание то, что авторы-женщины для выражения авторского мнения используют исключительно местоимения единственного числа, что весьма логично, учитывая единоличное авторство текста и самостоятельность исследования, например, *They quite plausibly, I think, suggest that this is because a negative evaluation from the study participants might have felt like the participants were engaging in a social media pile-on* [Meyerhoff, 2023], в то время как мужчины довольно активно используют местоимения как в единственном, так и во множественном числе, что довольно неожиданно в столь авторитетной функции.

Ср.: *However, I agree with Lewontin (1998) that reconstructing HOW these (and other) brain mechanisms evolved would be 'nothing more than a mixture of pure speculation and inventive stories'* [Bouchard, 2021] и *Drawing on Fairclough (1998, 2014), we can argue that you allows the guest to connect their experiences and attitudes* [Smith, 2020] или *Unlike Biber et al. (1999), we also include*

pronoun+verb stance expressions with a non-clausal noun phrase as object [Smith, 2020].

В функции создателя нового знания мужчины гораздо более активно репрезентируют себя, чем авторы-женщины (Таблица 5).

Таблица 5 – Употребление местоимений в функции создателя нового знания

	Мужской корпус		Женский корпус	
	Количество	Количество на 1000 слов	Количество	Количество на 1000 слов
I	13	0,079	20	0,16
me	4	0,024	0	0
my	2	0,012	4	0,03
mine	0	0	0	0
we	29	0,176	0	0
us	3	0,018	0	0
our	1	0,006	0	0
ours	0	0	0	0
Всего местоимений	52	0,315	24	0,19

Однако в данном случае мы опять наблюдаем преобладание форм местоимений множественного числа по отношению к формам единственного, что, казалось бы, противоречит прагматическому наполнению функции автора как создателя нового знания. Например, *I am not claiming that a construction as in (32) is the only way to express existentiality across languages* [Bouchard, 2021]. Или *We can therefore conclude that the increase in reason clauses at Year 11 is due to something particular to their Science writing* [Durrant, 2022].

Примечательно, что в таких наиболее авторитетных ролях, как *исследователя, выразителя мнения и создателя нового знания*, авторы (в основном мужчины) в ряде случаев избегают прямой индикации себя как единоличного субъекта исследования, оценки и познания, используя при этом местоимения в формах множественного числа. С одной стороны, это может рассматриваться как пример институциональной экзофоры (institutionalized exophora) – скромного авторского мы (pluralis modestiae). По мнению Н. В. Соловьевой, это может служить свидетельством принципа кооперации членов научного сообщества и желанием дистанцироваться от личных качеств в пользу профессиональных, а также стремлением к объективности изложения [Соловьева, 2021]. С другой стороны, использование местоимений множественного числа может рассматриваться как стремление автора текста снять с себя ответственность за содержание высказывания. Таким образом, использование в научном тексте личных и притяжательных местоимений единственного и множественного числа может приобретать дополнительный семантический оттенок – установление «границ авторской ответственности» за содержание высказывания⁴⁸ [Соловьева, 2021].

⁴⁸ Короткина И. Б. Академическое письмо: процесс, продукт и практика: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 349 с.

В целом исследования научных текстов разной отраслевой направленности выявляют значительное преобладание местоимений множественного числа в текстах, авторами которых являются мужчины [Mirzapour, 2016; Wakerkwa, 2023].

Как показывают современные исследования, в академической письменной речи, особенно в сфере социальных и гуманитарных наук наметилась тенденция к выражению авторской идентичности посредством местоимений в формах единственного числа⁴⁹ [Короткина, 2014; Лассан, 1998]. Употребление местоимения в единственном числе в функции архитектора и исследователя в сочетании с глаголом в активном залоге является не только допустимым, но и оправданным и рекомендуемым².

Как отмечает Ч.-Х. Куо, учитывая то, что редакционная политика научных изданий не содержит рекомендаций по использованию личных местоимений в тексте научной статьи, активное использование местоимений во множественном числе в статьях с единоличным авторством продиктовано стремлением автора нивелировать значимость личного вклада в исследование [Куо, 1999]. При этом местоимение «we» может иметь разную семантическую референцию. Это может быть эксклюзивное «we», когда автор делает акцент на оригинальности вывода, авторского подхода, методики исследования и т.п., или инклюзивное «we», включающее помимо автора еще и читателя и тем самым приглашающее читателя к дискуссии и опирающееся на имеющиеся у читателя фоновые знания [Куо, 1999]. Таким образом, выражение авторского присутствия в тексте посредством местоимения «we» может рассматриваться в том числе и как стремление автора к диалогу с читателем.

Заключение (Conclusion)

В ходе сопоставительного анализа было обнаружено, что авторы-женщины заметно чаще выражают свое авторское присутствие в научном тексте посредством личных и притяжательных местоимений, чем авторы-мужчины. При этом им присуще каноническое использование местоимений единственного числа в функциях архитектора, исследователя, выразителя мнения и создателя нового знания и местоимений множественного числа в функциях представителя группы лиц и гида по тексту. Тогда как авторам мужчинам свойственно употребление местоимений единственного числа в достаточно непривычной для этих форм роли представителя группы лиц или гида по тексту или, напротив, местоимений множественного числа в функциях архитектора, исследователя или выразителя мнения.

Кроме того, несмотря на большую частотность перволичных местоимений в целом в женском корпусе, авторы-мужчины гораздо чаще самоидентифицируются в научном тексте как создатели нового знания. При этом авторы-женщины активно используют перволичные местоимения в функциях, ориентированных на построение диалога с читателем.

⁴⁹ Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Однако, как нам кажется, использование перволичных местоимений как маркеров авторской самоидентификации в научном тексте не зависит исключительно от гендерных факторов, а продиктовано целым рядом социальных причин, к числу которых следует отнести отрасль научного знания и жанровые особенности текста, меняющиеся в ходе глобализационных процессов нормы академического письма, авторитет автора в научных кругах.

Библиографический список

- Болдырева А. А.* Особенности выражения авторского “Я” в научном дискурсе (на материале английских и русских письменных текстов) / А. А. Болдырева, В. Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда. 2002. Вып. 2. С. 99-108. EDN XNNIMX
- Болсуновская Л. М.* Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсах / Л. М. Болсуновская, Д. С. Найдина // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-15. С. 3413-3416. EDN TSNMAN
- Гранева И. Ю.* Местоимение мы и проблема языковой концептуализации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 82-87. EDN KVMKНJ
- Емельянова О. П.* Жанровые особенности статьи академического дискурса // Казанская наука. 2019. № 6. С. 57-63. EDN FXQOOI
- Короткина И. Б.* Грамотность научного текста: концептуальные расхождения между Россией и Западом и их последствия // Научная периодика: проблемы и решения. 2014. № 2(20). С. 34-39. EDN SBOHХV
- Лассан Э.* Субъект дискурса как организующая структура текста 1998 // Текст как объект многоаспектного исследования: науч.-метод. семинар «TEXTUS»: сб. ст. Вып. 3, ч. I. СПб.; Ставрополь, 1998. С. 121-128.
- Медведкина К. А.* Сопоставительный анализ прагматических функций перволичных местоимений в англоязычных и русскоязычных академических текстах / К. А. Медведкина, Е. С. Михайловская // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020. Т. 11, № 3. С. 19. EDN ZRNNYМ
- Сеченова Е. Г.* Гендерная идентичность в фокусе современного научного дискурса // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. С. 86-91. EDN OYIUFХ
- Сеченова Е. Г.* Статистико-вероятностная модель гендерообусловленного авторского “я” в научном дискурсе. Тюмень, 2009. 26 с.
- Советов И. М.* Личные местоимения в текстообразовании // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 2. С. 125-129. EDN RTDIJK
- Соловьева Н. В.* Употребление личных местоимений в научных статьях: «яканье» или «мыканье» // Филология в XXI веке. 2021. № 1(7). С. 66-74. EDN ХМZQKW
- Соловьева Ю. О.* Самопрезентация автора в тексте научно-популярной статьи правовой тематики (на материале статьи Н. Колоколова “Берегите карманы, сумки, чемоданы”) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 130-139. EDN OCQWHF
- Хутыз И. П.* Сигналы интерактивности в академическом дискурсе: инклюзивные местоимения // Вестник Майкопского Государственного Технологического Университета. 2012. № 3. С. 64-68. EDN PNQGLD
- Широких А. Ю.* Использование местоимений первого лица в англоязычном экономическом дискурсе и обучение студентов неязыковых специальностей научной речи // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 2. С. 183-191. EDN HZTQTF
- Abdurrahman N. H.* An Investigation in Different Language Choice through Personal Pronouns in the Twitter // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2017. № 2(1). pp. 1-13.

- Alkhrisheh H.* A Study on Gender and Language Differences in Written Texts / H. Alkhrisheh, F. Aziez, T. Alkhrisheh // *Research and Innovation in Language Learning*. 2019. Vol. 2(2). pp. 120-138.
- Argamon S.* Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts / S. Argamon, A. R. Shimoni, J. Fine // *Text-Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 2003. 23(3). pp. 321-346. DOI 10.1515/TEXT.2003.014.
- Bacang B. G.* The Gender Construct in the Use of Rhetorical Appeals, Hedges and Boosters in ESL Writing: A Discourse Analysis / B. G. Bacang, R. Rillo, E. Alieto // *Asian EFL Journal Research Articles*. 2019. Vol. 25(5.2). pp. 210-224.
- Biber D.* *Corpus linguistics: Investigating language structure and use* / S. Conrad, R. Reppen. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 312 p.
- Cheung Y.* Authorial voice in academic writing / Y. Cheung, L. Lau // *Ibérica*. 2020. № 39. pp. 215-242. DOI 10.17398/2340-2784.39.215. EDN BRIIYU
- Coates J.* *Women, Men and Language. A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language*. Routledge, London, New York, 2016. 245 p.
- Ghiasi G.* Making it personal: Examining personalization patterns of single-authored papers / G. Ghiasi, M. Sainte-Marie, V. Larivière // *17th International Conference on Scientometrics and Informetrics*. 2019. pp. 2088-2093. EDN ZHIZSA
- Goicoechea A.* Expression of authority in academic writing: a comparative study of the usage of first-person pronouns between genders. Dissertation. 2018. 34 p.
- Gu L.* Language and Gender: Differences and Similarities // *Proceedings of the 2013 International Conference on Advances in Social Science, Humanities, and Management*. 2013. pp. 248-251.
- Harwood N.* Nowhere has anyone attempted... In this article I aim to do just that. A corpus-based study of self-promotional I and we in academic writing across four disciplines // *Journal of Pragmatics*. 2005. № 37. pp. 1207-1231.
- Ishikawa Y.* Gender Differences in Vocabulary Use in Essay Writing by University Students // *Procedia*. 2015. № 192. pp. 593-600.
- Kuo C. H.* The Use of Personal Pronouns: Role Relationships in Scientific Journal Articles // *English for Specific Purposes*. 1999. Vol. 18(2). pp. 121-138.
- Labov W.* The intersection of sex and social class in the course of linguistic change // *Language Variation and Change*. 1990. № 2. pp. 205-254.
- Lakoff R.* Language and Woman's Place // *Source: Language in Society*. 1973. Vol. 2(1). pp. 45-80.
- Llach M.* Exploring the Role of Gender in Lexical Creations // *Gender Perspectives on Vocabulary in Foreign and Second Languages*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2010. pp. 74-92.
- Mills S.* Using Corpora to Analyse Gender Paul Baker // *Gender and Language*. 2014. Vol. 9(3). pp. 493-495.
- Mirzapour F.* Gender Differences in the Use of Hedges and First Person Pronouns in Research Articles of Applied Linguistics and Chemistry // *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. 2016. pp. 166-173. DOI 10.7575/aiac.ijalel.v.5n.6p.166.
- Moskovich I.* Personal Pronouns in CHET and CEChET: Authorial Presence and Other Nuances Revealed // *Studies About Languages*. 2020. № 37. pp. 56-73. DOI 10.5755/j01.sal.1.37.24809.
- Newman M. L.* Gender Differences in Language Use: An Analysis of 14000 Text Samples / M. L. Newman, C. J. Groom, L. D. Handelman // *Discourse Processes*. 2008. Vol. 45(3). pp. 211-236.
- Tang R.* The 'I' in identity: Exploring writer identity in student academic writing through the first person pronoun / R. Tang, S. John // *English for Specific Purposes*, 1999. Vol. 18, № S1. pp. S23-S39. EDN ADTUKR.
- Tannen D.* *Gender and discourse*. New York: Oxford University Press, 1994. 203 p.
- Vassilieva I.* Who am I / who are we in academic writing? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian // *International Journal of Applied Linguistics*. 1998. Vol. 2(2). pp. 163-190.

Wakerkwa D. Being Involved or Informative: Gender Differences in the Use of Pronouns and Specifiers in Writing Conclusions // *Leksema: Jurnal Bahasa dan Sastra*. 2023. Vol. 8(1). pp. 1-11. DOI 10.22515/ljbs.v8i1.5632.

Weatherall A. *Gender, Language and Discourse*. London: Routledge, 2002. 192 p. DOI 10.4324/9780203988817.

Список источников иллюстративного материала

Bouchard D. (2021). Three conceptions of nativism and the faculty of language. *Language Sciences*. 85(2): 101384. DOI 10.1016/j.langsci.2021.101384. EDN TZSFAW.

Cousens Ch. (2020). Are ableist insults secretly slurs? *Language Sciences*. 77: 101252. DOI 10.1016/j.langsci.2019.101252. EDN SBAZJJ.

Danis N. (2022). A corpus analysis of disciplinary identity in evaluative journal articles: A Systemic Functional Linguistics approach. *English for Specific Purposes*. 68: 87-101. DOI 10.1016/j.esp.2022.07.003. EDN FFHZGI.

Durrant Ph. (2022). Studying children's writing development with a corpus. *Applied Corpus Linguistics*. 2(3): 100026. DOI 10.1016/j.acorp.2022.100026. EDN CGGJAT.

Junnier F. (2020). Finding voice in biology: A diachronic analysis of self-mention in the discussions of an L2 scholar. *Journal of English for Academic Purposes*. 47: 100889. DOI 10.1016/j.jeap.2020.100889. EDN KVRBOX.

Kaneyasu M. (2024). Final tteyuu as a mockery stance marker: Multifunctionality and ongoing semantic change in Japanese social media. *Journal of Pragmatics*. 221: 13-31. DOI 10.1016/j.pragma.2023.12.013. EDN TAEZWP.

Meyerhoff M. (2023). Responses to CAT at 50: Reflections on accommodation from a sociolinguist. *Language Sciences*. 99: 101570. DOI 10.1016/j.langsci.2023.101570. EDN KMSTJT.

Petrovic J. E. (2022). Linguistic appropriation and/or dispossession: Two sides of the Marxist coin. *Language Sciences*. 94: 101501. DOI 10.1016/j.langsci.2022.101501. EDN DTUKXO.

Samraj B. (2024). Disciplinary differences in lexical bundles use: A cautionary tale from methodological variations. *Journal of English for Academic Purposes*. 70: 101399. DOI 10.1016/j.jeap.2024.101399. EDN DRPFGQ.

Smith N. (2020). Conversationalization and democratization in a radio chat show: a grammar-led investigation. *Language Sciences*. 79: 101269. DOI 10.1016/j.langsci.2020.101269. EDN DWPPHJ.

References

Abdurrahman N. H. (2017). An Investigation in Different Language Choice through Personal Pronouns in the Twitter. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2(1): 1-13.

Alkhrisheh H., Aziez F., Alkhrisheh T. (2019). A Study on Gender and Language Differences in Written Texts. *Research and Innovation in Language Learning*. 2(2). 120-138.

Argamon S., Shimoni A. R., Fine, J. (2003). Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts. *Text-Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 23(3): 321-346. DOI 10.1515/TEXT.2003.014.

Bacang B. G., Rillo R., Alieto E. (2019). The Gender Construct in the Use of Rhetorical Appeals, Hedges and Boosters in ESL Writing: A Discourse Analysis. *Asian EFL Journal Research Articles*. 25(5.2): 210-224.

Biber D., Conrad S., Reppen R. (1998). *Corpus linguistics: Investigating language structure and use*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 312 p.

Boldyreva A. A., Kashkin V. B. (2002). Features of the expression of the author's "I" in scientific discourse (based on the material of English and Russian written texts). *Language, communication, and the social environment*. 2: 99-108. (In Russian)

Bolsunovskaya L. M., Najdina D. S. (2015). The modes of authors position expression in scientific and popular science discourses. *Fundamental research*. 2(15): 3413-3416. (In Russian)

- Cheung Y., Lau L. (2020). Authorial voice in academic writing. *Ibérica*. 39: 215-242. DOI 10.17398/2340-2784.39.215.
- Coates J. (2016). *Women, Men and Language. A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language*. Routledge, London, New York, 2016. 245 p.
- Emel'yanova O. P. (2019). Genre characteristics of academic paper. *Kazan Science*. 6: 57-63. (In Russian)
- Ghiasi G., Sainte-Marie M., Larivière V. (2019). Making it personal: Examining personalization patterns of single-authored papers. *17th International Conference on Scientometrics and Informetrics*. 2088-2093.
- Goicoechea A. (2018). Expression of authority in academic writing: a comparative study of the usage of first-person pronouns between genders. Dissertation. 2018. 34 p.
- Graneva I. Yu. (2009). Pronoun we and the problem of the lingual conceptualization of the world. *Issues of cognitive linguistics*. 2: 82-87. (In Russian)
- Gu L. (2013). Language and Gender: Differences and Similarities. *Proceedings of the 2013 International Conference on Advances in Social Science, Humanities, and Management*. 248-251.
- Harwood N. (2005). Nowhere has anyone attempted... In this article I aim to do just that. A corpus-based study of self-promotional I and we in academic writing across four disciplines. *Journal of Pragmatics*. 37: 1207-1231.
- Ishikawa Y. (2015). Gender Differences in Vocabulary Use in Essay Writing by University Students. *Procedia*. 192: 593-600.
- Khoutyz I. P. (2012). Interactivity signals in academic discourse: inclusive pronouns. *Maikop State Technological University Bulletin*. 3: 64-68. (In Russian)
- Korotkina I. B. (2014). Academic literacy first: misconceptions encountered by Russian authors in writing for international academic journals. *Scientific periodicals: problems and solutions*. 2(20): 34-39. (In Russian)
- Kuo C. H. (1999). The Use of Personal Pronouns: Role Relationships in Scientific Journal Articles. *English for Specific Purposes*. 18(2): 121-138.
- Labov W. (1990). The intersection of sex and social class in the course of linguistic change. *Language Variation and Change*. 2: 205-254.
- Lakoff R. (1973). Language and Woman's Place. *Source: Language in Society*. 2(1): 45-80.
- Lassan Je. (1998). Discourse subject as text organizational structure. *Text as an object of multidimensional research: Collection of articles of the scientific and methodological seminar "Textus"*. Stavropol', 121-128. (In Russian)
- Llach M. (2010). Exploring the Role of Gender in Lexical Creations. *Gender Perspectives on Vocabulary in Foreign and Second Languages*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2010. 74-92.
- Medvedkina K. A., Mikhaylovskaya E. S. (2020). Comparative analysis of pragmatic functions of first person pronouns in English and Russian academic texts. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 11(3): 19. (In Russian)
- Mills S. (2014). Using Corpora to Analyse Gender Paul Baker. *Gender and Language*. 9(3): 493-495.
- Mirzapour F. (2016). Gender Differences in the Use of Hedges And First Person Pronouns in Research Articles of Applied Linguistics and Chemistry. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. 5: 166-173.
- Moskovich I. (2020). Personal Pronouns in CHET and CEChET: Authorial Presence and Other Nuances Revealed. *Studies About Languages*. 1: 56-73.
- Newman M. L., Groom C. J., Handelman L. D. (2008). Gender Differences in Language Use: An Analysis of 14000 Text Samples. *Discourse Processes*. 45(3): 211-236.
- Sechenova E. G. (2009). Statistical and probabilistic model of the gender-dependent author's self in a scientific course. Tyumen', 2009. 26 p. (In Russian)
- Sechenova E. G. (2012). Gender identity in the focus of modern scientific discourse. *Tyumen State University Bulletin*. 1: 86-91. (In Russian)

- Shirokih A. Yu.* (2002). The use of first-person pronouns in English scientific economic discourse and teaching academic English to non-linguistic students. *Business. Education. Law.* 2: 183-191. (In Russian)
- Solov'eva N. V.* (2021). The use of personal pronouns in scientific articles: "yakanye" or "mykanye". *Philology in the XXI century.* 1(7): 66-74. (In Russian)
- Solov'eva Yu. O.* (2022). Self-presentation of the author in the text of a popular scientific article on legal subjects (based on the article by N. Kolokolov "Take care of pockets, bags, suitcases"). *Moscow State University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural communication.* 3: 130-139. (In Russian)
- Sovetov I. M.* (2009). Personal pronouns in text formation. *Kostroma State University Bulletin.* 2: 125-129. (In Russian)
- Tang R., John S.* (1999). The 'I' in identity: Exploring writer identity in student academic writing through the first person pronoun. *English for Specific Purposes.* 18(S1): S23-S39.
- Tannen D.* (1994). *Gender and discourse.* New York: *Oxford University Press,* 1994. 203 p.
- Vassilieva I.* (1998). Who am I / who are we in academic writing? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian. *International Journal of Applied Linguistics.* 2(2): 163-190.
- Wakerkwa D.* (2023). Being Involved or Informative: Gender Differences in the Use of Pronouns and Specifiers in Writing Conclusions. *Leksema: Jurnal Bahasa dan Sastra.* 8(1): 11.
- Weatherall A.* (2002). *Gender, Language and Discourse.* London: *Routledge,* 2002. 192 p.

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

24.10.2025
05.11.2025
07.03.2026

Received
Accepted for publication
Published

24.10.2025
05.11.2025
07.03.2026

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.2

ББК 74.58

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_180

ПРАКТИКУМ ВОЛОНТЁРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ИНТЕГРАЦИЯ ТЕОРИИ, ПРАКТИКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

*Марина Петровна Целых,
orcid.org/0000-0001-6479-3212,
доктор педагогических наук, профессор
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Большая Садовая, д. 69
Ростов-на-Дону, 344002, Россия
m.tselykh@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме организации и внедрения «Практикума волонтерской деятельности» в процесс педагогического образования. Практикум рассматривается как часть системы вузовской подготовки к профессионально-педагогической деятельности, направленной на формирование соответствующих педагогических компетенций, профессионально-личностных качеств и рефлексивной составляющей личности будущих учителей. В статье обосновывается структура и содержание «Практикума», которые способны обеспечить интеграцию теоретического, практического и личностного компонентов, способствующих профессиональному становлению будущих педагогов. Обсуждается выбор концептуального обоснования для разработки содержания «Практикума». Среди широкого спектра идей, теорий и подходов рассмотрены идеи обучения служением (или “Service Learning”); практико-ориентированный и компетентностный подходы; теории социального действия и идеи гражданского воспитания. Обобщается опыт практической работы и делаются выводы о значимости «Практикума» как эффективной формы подготовки современного педагога, обладающего не только предметными, но и социальными компетенциями в области добровольчества.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, педагогическое образование, практико-ориентированное обучение, социальные компетенции педагога, сервисное обучение (service-learning).

VOLUNTEER WORKSHOP IN PEDAGOGICAL EDUCATION: INTEGRATION OF THEORY, PRACTICE, AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT

*Marina P. Tselykh,
orcid.org/0000-0001-6479-3212,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Rostov State University of Economics,
69, B. Sadovaya street
Rostov-on-Don, 344002, Russia
m.tselykh@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the problem of organizing and implementing the “Volunteer Activity Workshop” in pedagogical education. The Workshop is considered as a part of a system of university-based training for professional pedagogical activity aimed at developing the relevant pedagogical competencies, professional and personal qualities, and a reflective component of the personality of future teachers. The paper examines the structure and content of the Workshop, which are capable of integrating theoretical, practical, and personal components that contribute to the professional development of future teachers. The choice of a conceptual framework for developing the Workshop content is discussed. Among a wide range of ideas, theories, and approaches, the author considers service learning; practice-oriented and competency-based approaches; theories of social action; and civic education. The article summarizes the practical experience and draws conclusions about the importance of the Workshop as an effective form of training modern teachers who possess not only subject-specific but also social competencies in the field of volunteering.

Key words: Volunteer activities, pedagogical education, practice-oriented learning, social competencies of teachers, service-learning education.

Введение (Introduction)

Сегодня в России сформировано множество добровольческих организаций. Свой вклад в общественное развитие вносят множественные благотворительные фонды и корпорации. В их работе принимают участие тысячи волонтеров всех возрастов. Трудом подвижников, неравнодушных людей, энтузиастов и активистов общественно-полезной деятельности создаются и формируются условия для осуществления широкомасштабных национальных, региональных и персональных социальных проектов. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, в 2021 году количество добровольцев составило 3 767 769 чел., в 2022 году – 3 927 748 чел. [Доклад о развитии..., 2022]. Как отмечает пресс-служба *Росмолодежь. Добро*, в настоящее время наблюдается большой прирост добровольцев, в том числе зарегистрированных на платформе Добро.РФ. «За 2024 год количество волонтеров возросло на 18%» и составляет около 4,8 млн человек [Статистика волонтерства..., 2024]. Среди них большую долю составляет студенческая молодежь.

Для современных студентов педагогических специальностей волонтерство (добровольчество) – не просто социальная активность, а многоаспектное явление, включающее возможность реализации гуманистических смыслов и ценностей, путь самодвижения и самосовершенствования, способ обретения нового профессионально-ролевого статуса. Студенты занимаются волонтерством в различных организациях, группах и движениях, реализуя разнообразные формы, виды и технологии добровольческой деятельности. И если еще несколько лет назад волонтерство выступало в основном как занятие вне рамок учебного процесса, то теперь вузы включают в учебные программы специально разработанные курсы по волонтерству. Подобные курсы становятся частью системы вузовской подготовки к будущей профессиональной деятельности и обладают большим образовательным ресурсом. На это указывают исследования российских

ученых последних лет⁵⁰ [Горлова и др., 2016; Шуклина и др., 2023]. В случае системного включения волонтерской практики в учебный план педвуза возможна плодотворная интеграция теории, практики и профессионального становления обучающихся.

Материалы и методы (Materials and methods)

Материалом нашего исследования послужили результаты разработки и преподавания учебного курса «Практикум волонтерской деятельности» в Таганрогском институте им. А.П. Чехова. В настоящей статье мы ставим своей целью представить модель и опыт преподавания «Практикума», обосновать его структуру и содержание, которые обеспечивают интеграцию теоретического, практического и личностного компонентов, способствующих профессиональному становлению будущих педагогов.

В качестве задач планируется:

- Рассмотреть концептуальные подходы к обучению волонтерской деятельности.
- Раскрыть цели и задачи «Практикума волонтерской деятельности» в контексте ФГОС ВО и профессионального стандарта педагога.
- Охарактеризовать структуру практикума и его содержательные модули.
- Описать опыт реализации «Практикума волонтерской деятельности».

Основные методы исследования – анализ, синтез, обобщение накопленного опыта в области организации «Практикума волонтерской деятельности».

Дискуссия (Discussion)

Гражданский идеал, согласно которому университеты должны готовить студентов к переменам в мире, существует давно и неразрывно связан с историей развития отечественного университетского и педагогического образования. Однако интеграция теоретических основ волонтерства в профессионально-педагогическую подготовку специалистов – относительно новый феномен и требует своего обоснования. Ученые, исследующие проблему взаимосвязи между получаемым образованием и гражданским поведением студентов после окончания вуза, не приходят к однозначным выводам [Развитие студенческого волонтерства..., 2024; Is Economics Coursework..., 2010]. Тем не менее, все, что может предложить вуз, несомненно, влияет на вероятность (или интенсивность) волонтерской деятельности в дальнейшей профессиональной карьере выпускников.

Организация эффективного обучения добровольцев в вузе предполагает осознанный выбор концептуального обоснования для его интеграции в образовательный процесс. Среди широкого спектра идей, теорий и подходов,

⁵⁰ Кисляков П. А. Обучение служением – Service Learning в подготовке специального психолога: учебно-методическое пособие / П. А. Кисляков, В. Н. Феофанов, Е. А. Шмелева; под общ. ред. П. А. Кислякова. Иваново: ПресСто, 2023. 160 с.

распространенных в настоящее время, следует упомянуть наиболее актуальные из них:

- обучение служением (или “Service Learning”);
- практико-ориентированный и компетентностный подходы;
- теории социального действия;
- идеи гражданского воспитания и другие.

В последнее время появилось много публикаций, раскрывающих сущность этих подходов как основы для развития гражданского поведения, формирования интегрированных знаний, умений, навыков, личностных качеств и ценностных установок. Так, например, исследователи отмечают, что Service-Learning задает содержательный и ценностный контекст деятельности [Заякина, 2024; Никольский, 2023; Resch et al., 2023]. Практико-ориентированный и компетентностный подходы [Козилова и др., 2021] определяют, что конкретно и как нужно учить для эффективной работы. Теории социального действия [Гукаленко и др., 2024] и гражданского воспитания [Джуринский, 2018; Гревцева, 2022] обеспечивают глубину понимания социальных процессов и формируют мотивационно-ценностную основу. Фокус на технологиях волонтерской деятельности (особенно для педагогов) обеспечивает инструментальную эффективность в непосредственном взаимодействии с людьми [Васильковская, 2024]. Все эти подходы используются для того, чтобы человек смог более полно осознать свою ответственность за развитие страны и мира, почувствовать себя значимой частью общества. При этом эффективное обучение волонтеров обычно не строится только на одном подходе. Чаще всего создается интегрированная модель, вбирающая в себя отдельные элементы различных концепций.

Рассмотрим кратко суть этих подходов и то, как их использование влияет на структуру и содержание курса «Практикум волонтерской деятельности».

В основе сервисного обучения («Service-Learning») или *обучения служением* (так оно называется в России) лежит идея об интеграции общественно полезной деятельности с учебными целями и рефлексией. Эта педагогическая стратегия сознательно связывает значимую общественную работу (Service), реальные потребности общества, решение актуальных социальных проблем с процессом профессионального образования. Она отражается в постановке четких учебных целей и включает приобретение конкретных знаний, навыков, ценностей, связанных с учебной программой и потребностями сообщества, которые приводят к видимым результатам. Неотъемлемая составляющая образовательного процесса, опирающегося на идеи «Service-Learning», – критический анализ опыта, связывающий практику с теорией, осмысление личностных изменений, социальных процессов и гражданской ответственности. Структурированная таким образом рефлексия является ключевым элементом, отличающим *обучение служением* от просто практики или волонтерства.

Целью *практико-ориентированного* подхода в обучении волонтерству является формирование готовности и способности эффективно действовать в конкретных условиях волонтерской деятельности. Его специфика состоит в том, что основной акцент переносится с изучения теории и усвоения абстрактных понятий на развитие умений их применения в реальных ситуациях, в которых может оказаться доброволец. Соответственно, главными методами в ходе освоения курса становятся ролевые игры, тренинги, решение ситуационных задач, реализация реальных проектов, моделирование профессиональных ситуаций (например, межличностное взаимодействие, командная работа в стрессовых условиях, подбор и решение кейсов и др.).

Компетентностный подход, как парадигмальная основа образования, стал популярен в России с начала 2000-х годов. В его фокусе – результаты обучения, выступающие в форме набора ключевых компетенций, т. е. интегрированных знаний, умений, навыков, личностных качеств и ценностных установок, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Исходя из этого подхода, подготовка волонтеров в вузе строится на основе моделирования реальной практики, что позволяет формировать конкретные, измеримые компетенции, помогает минимизировать «разрыв» между теорией и практикой.

Теории социального действия и гражданского воспитания опираются на социологические и психолого-педагогические идеи о важности понимания мотивов, смыслов и последствий человеческих действий в социальном контексте. Именно поэтому в данной парадигме учебный курс по волонтерству предполагает освоение знаний о социальных структурах, институтах и связях между людьми в обществе, в котором разворачивается их деятельность. Помимо этого, в процессе обучения акцент переносится на развитие способности к коммуникативному взаимодействию, чтобы студенты были готовы договариваться, находить консенсус и действовать на основе взаимопонимания, а не с позиции силы или манипулирования.

Что же касается *гражданского воспитания*, то сегодня это одна из наиболее востребованных ценностно-смысловых основ российского образования. Обучение волонтеров в русле социального действия помогает им осознать себя субъектами социальных изменений, совершающими акты гражданственности.

Как видно из приведенного выше описания концептуальных подходов, их основные положения не противоречат друг другу и вполне подходят для системного использования при организации подготовки волонтеров в вузе.

Результаты (Results)

В ходе разработки «Практикума волонтерской деятельности» и его четырехлетнего внедрения в академический процесс в ТИ имени А.П. Чехова мы опирались на ФГОС ВО и профессиональный стандарт педагога, что позволило определить его цели как освоение студентами различных технологий волонтерской деятельности в социальной сфере для осуществления духовно-нравственного воспитания на основе базовых

национальных ценностей, а также организации совместной и индивидуальной учебной и воспитательной деятельности обучающихся, в том числе с особыми образовательными потребностями. Поскольку ФГОС ВО закрепляет необходимость формирования в результате освоения дисциплины социально-личностных и культурно-просветительских компетенций, то они были определены нами следующим образом:

ОПК-3: Способен организовывать совместную и индивидуальную учебную и воспитательную деятельность обучающихся, в том числе с особыми образовательными потребностями, в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов.

ОПК-4: Способен осуществлять духовно-нравственное воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей.

ОПК-6: Способен использовать психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания, в том числе обучающихся с особыми образовательными потребностями [<https://www.tgpi.ru>].

Все содержание дисциплины состоит из трех взаимосвязанных блоков:

- Теоретико-методологические проблемы волонтерства;
- Психологическая готовность к волонтерской деятельности;
- Организация волонтерской службы в учреждениях разных типов и видов.

Содержание первого блока дисциплины направлено на освоение студентами теоретико-методологических основ добровольчества, включая историю, ценности, этику, законодательную базу, нормативно-правовые основы поддержки волонтерства и др.

Второй блок Практикума рассматривает проблемы психологической готовности к волонтерской деятельности и пути её формирования у будущих педагогов. В рамках Практикума психологическая готовность будущих педагогов-волонтеров понимается как интегративное качество личности, включающее мотивационную, эмоционально-волевою, рефлексивную и коммуникативную составляющие. Именно психологическая готовность позволяет перевести деятельность студента из разряда формальной в плоскость осознанной социально-педагогической практики, обеспечивающей устойчивость волонтерской позиции.

Освоение третьего организационно-практического блока дисциплины позволяет студентам познакомиться с видами, формами, основными направлениями и моделями волонтерской деятельности, а также с различными технологиями и инструментами для решения актуальных социально значимых задач современного общества.

Основными организационными формами проведения «Практикума» были лекции, практические семинары, тренинги, практика на базе партнерских организаций, проектирование, разработка и реализация микропроектов студенческими командами. Важной составляющей «Практикума» является социальная активность студентов, представляющая собой волонтерскую деятельность, направленную на решение социальных

проблем. Именно поэтому в процессе реализации программы «Практикума» мы столкнулись с необходимостью связать основные задачи курса с целями «служения обществу» через участие студентов в реальных делах. Это требование вытекает из принципов активной педагогики о связи теории с практикой и создает предпосылки для профессионального становления будущих педагогов [Развитие студенческого волонтерства..., 2024, с. 77]. Следовательно, «обучение служением обществу» (service-learning) и реализация идей о «социальной вовлеченности» помимо освоения теоретического содержания изучаемого предмета закономерно предполагает участие в практических делах и приобретение волонтерского опыта. Подобный подход позволяет соединить теоретические цели обучения с воспитанием студентов как активных и инициативных граждан, способных вносить свой вклад в общее дело.

Особенность и уникальность обучения через служение обществу заключается в том, что оно органично связывает процесс профессиональной подготовки с практикой применения получаемых знаний, и не в отдаленной перспективе, а непосредственно в живом жизненном процессе. По своей структуре данный процесс аналогичен стажировке, которая дает обучающимся дополнительное преимущество: на занятиях обсуждаются ситуации из реального опыта, а изученные теоретические концепции апробируются на практике. Освоение дисциплины становится ещё более познавательным, а практические затруднения – предметом пристального рассмотрения и поводом для дискуссий и выбора вариативных решений на занятиях в вузовской аудитории.

В то время как теоретический модуль обеспечивает широкое представление о добровольной работе в целом, практический элемент готовит к выполнению конкретных функций в рамках отдельно взятой образовательной организации. Подобная интеграция теоретического и практического элементов дисциплины помогает студентам переносить приобретенные знания и умения в новый контекст, приобретать практический опыт, развивать элементы саморефлексии, что в конечном счете способствует их профессиональному становлению.

Ключевым фактором успешной реализации «Практикума волонтерской деятельности» является корректный выбор площадок для проведения практических мероприятий и нормативное закрепление партнерских отношений вуза и сотрудничающих организаций. Для предоставления студентам возможности практического участия в ходе освоения этого предмета в ТИ имени А.П. Чехова были заключены договоры о сотрудничестве с различными организациями города и области, конкретизирующие направления волонтерства, а также уточняющие взаимные обязательства сторон. Поскольку все стороны оказались заинтересованы в создании эффективных и взаимовыгодных партнерских отношений, студенты получили возможность волонтерской деятельности в рамках изучаемого курса, а также площадки для решения реальных задач при совместном участии

и курировании со стороны профессорско-преподавательского состава и квалифицированных практиков.

Начиная с 2022 года, благодаря установлению прочных партнерских отношений с Таганрогской специальной школой №19, студенты ТИ получили возможность связывать получаемые теоретические знания с непосредственной практической волонтерской деятельностью. Обычно в начале семестра работа в рамках «Практикума волонтерской деятельности» начинается с создания эффективной системы мотивации студентов. Для этого проводятся установочные конференции студентов с администрацией и педагогами школы, которые рассказывают об особенностях обучения и воспитания детей с нарушениями в развитии, поскольку ГКОУ РО «Таганрогская специальная школа №19» имеет свою специфику: здесь обучаются дети с разной степенью умственной отсталости и другими дефектами здоровья. Педагоги подчеркивают тот вклад, который могут внести студенты в воспитательную работу с обучающимся школы для формирования навыков социализации, расширения социального опыта и привнесения ярких красок в обычный цикл обучения. Помимо этого студенты знакомятся с оборудованием учебных кабинетов, дидактическими пособиями, ресурсной базой и культурно-реабилитационной средой школы, а также узнают об особенностях реализации основной образовательной программы школы, направленной на удовлетворение потребностей ученической, педагогической и родительской общественности в области комплексного сопровождения, обучения и воспитания детей с ОВЗ, РАС и ТМНР. Вниманию студентов предлагаются приоритетные направления воспитательной работы школы и мероприятия, в подготовке и проведении которых они смогут принять участие в течение учебного года в качестве волонтеров.

В зависимости от количества мероприятий, выбранных студентами для проведения в школе, они получают академические баллы. Но главным является то, что такая волонтерская работа почти всегда приносит удовлетворение и является источником позитивных эмоций для студентов. Как показывает анонимный опрос в конце освоения Практикума, волонтерство в школе завоевало популярность в студенческой среде. Респонденты, в частности, указывают, что полученный ими волонтерский опыт непосредственно пригодится им в школе, в ходе практики в загородных летних центрах и т.д. Студент С., например, пишет: «Содержание и методы практикума тесно связаны с моей будущей профессией учителя. Мы смогли применить на практике полученные навыки и знания, поэтому предмет был для меня полезным». Анонимные анкеты студентов об их удовлетворенности результатами изучения практикума также свидетельствуют о важности сочетания теоретического и практического компонентов. В анкетах можно прочитать следующие мнения студентов: «Волонтерская деятельность в виде походов в школу и проведения там мероприятий – полезный опыт. Мы делали нужное дело!!»; «Было интересно готовить и проводить мероприятия для школы. Это дало возможность оценить свои умения устанавливая контакт с детьми с ОВЗ, помочь им расширить социальные контакты»; «Считаю

удачным наш опыт волонтерской работы в школе, т.к. это помогает нам сформировать организационные умения, учит общаться с детьми с особыми потребностями»; «Мне понравилась наша волонтерская проектная деятельность в школе. Мы объединялись с однокурсниками, готовили и проводили внеклассные мероприятия со школьниками. А потом на занятиях мы делились впечатлениями, обсуждали полученный опыт, делали выводы».

Заключение (Conclusion)

Таким образом, полученная обратная связь доказывает, что объединение теоретического обучения с общественно полезной волонтерской деятельностью в процессе проведения практикума создает благоприятный фон для профессионального становления студентов: формирует у них чувство сопричастности, гражданской активности и рефлексивные навыки. Именно они обеспечивают осознанность и устойчивость волонтерской позиции.

Следовательно, изучение «Практикума волонтерской деятельности» становится незаменимым фактором в формировании соответствующих педагогических компетенций, профессионально-личностных качеств и рефлексивной составляющей будущих педагогов. Сбалансированное содержание курса позволяет преодолеть разрыв между теорией и реальной социальной практикой, что в результате способствует формированию у студентов эмпатии, социальной ответственности, коммуникативности, опыта и навыков профессиональной деятельности.

Библиографический список

- Васильковская М. И.* Педагогическая подготовка студентов-волонтеров // Социально-культурная деятельность в пространстве образования и личностного развития: ценности, стратегии, процессы: СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, Кемерово, 22 декабря 2023 года. Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2024. С. 109-116. EDN RYXFFN.
- Горлова Н. И., Троска З. А.* «Service-learning» как эффективная технология организации учебного процесса через волонтерскую практику и социальную активность в современном образовательном учреждении: история и современность // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 1(134). С. 128-135. DOI 10.17922/2071-5323-2016-15-1-128-135. EDN VZGRXR.
- Гревцева Г. Я.* Соотношение понятий «профессиональная направленность» и «профессиональный патриотизм» // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2022. Т. 14, № 2(56). С. 10-15. DOI 10.7442/2071-9620-2022-14-2-10-15. EDN GQNKKI.
- Гукаленко О. В.* Формирование гражданско-патриотической идентичности будущих педагогов в классическом университете / О. В. Гукаленко, В. В. Сериков // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2024. Т. 22, № 1. С. 205-221. DOI 10.55959/LPEJ-24-10. EDN JPLTHU.
- Джурицкий А.Н.* Практики социального и гражданского воспитания в общеобразовательной школе России // Сибирский педагогический журнал. 2018. №3. С. 15-19. EDN XTFJSH.
- Доклад о развитии добровольчества в Российской Федерации в 2022 году // [Электронный ресурс]. – 2022. URL: <https://economy.gov.ru/material/file/dc54bb62900b2d48ed5c7ca5709efa02/doklad-orazvitiidobrovolchestva-za-2022-god.pdf> (дата обращения: 23.10.2025)

Заякина Р. А. Готовность российского студента к профессиональному служению: от действительного к желаемому // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 2. С. 73-88. DOI 10.31992/0869-3617-2024-33-2-73-88. EDN ESYLDS.

Козилова Л. В. Студенческое волонтерство: традиции, перспективные направления, опыт / Л. В. Козилова, В. А. Чвякин // Национальная Ассоциация Ученых. 2021. № 73-4. С. 38-41. DOI 10.31618/nas.2413-5291.2021.4.73.508. EDN VXUAJL.

Никольский В. С. Обучение служением в России: становление предметного поля // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 12. С. 9-28. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28. EDN PWWCVL.

Развитие студенческого волонтерства: Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России / Л. В. Константинова, Е. В. Шубенкова, А. П. Кошкин [и др.]. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2024. 136 с. EDN AOXZIA.

Статистика волонтерства в России // [Электронный ресурс]. – 2024. URL: <https://pobedarf.ru/2024/12/05/volontyrov-v-strane-stalo-bolshe> (дата обращения: 25.10.2025)

Шуклина Е. А. Влияние образования на молодежные волонтерские практики в условиях общей формализации системы: кейс Свердловской области / Е. А. Шуклина, М. В. Певная, Д. В. Минченко // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 2. С. 92-113. DOI 10.19181/vis.2023.14.2.6. EDN OXJTPY.

Is Economics Coursework, or Majoring in Economics, Associated with Different Civic Behaviors? / S. Allgood, W. Bosshardt, W. Klaauw, M. Watts // The Journal of Economic Education. 2010. № 43(450). DOI 10.2139/ssrn.1619503.

Resch K. Using the Service-Learning Approach to Bridge the Gap between Theory and Practice in Teacher Education / K. Resch, I. Schritteser // International Journal of Inclusive Education. 2023. Vol. 27, № 10. P. 1118–1132. DOI 10.1080/13603116.2021.1882053. EDN VFVGTX.

Кисляков П. А. Обучение служением – Service Learning в подготовке специального психолога: учебно-методическое пособие / П. А. Кисляков, В. Н. Феофанов, Е. А. Шмелева; под общ. ред. П. А. Кислякова. – Иваново: ПресСто, 2023. – 160 с.

References

Allgood S, Bosshardt W., Klaauw W., Watts M. (2010). Is Economics Coursework, or Majoring in Economics, Associated with Different Civic Behaviors? *The Journal of Economic Education*. 43(450).

Konstantinova L. V., Shubenkova E. V., Koshkin A. P. [et al.]. (2024). Development of student volunteering: Results of monitoring information on trends in the development of higher education in the world and in Russia. Moscow: *Plekhanov Russian University of Economics*, 2024. 136 p. EDN AOXZIA. (In Russian)

Dzhurinsky A. N. (2018). Practices of Social and Civic Education in Comprehensive Schools in Russia. *Siberian Pedagogical Journal*. 3: 15-19. (In Russian)

Gorlova N. I., Troska Z. A. (2016). “Service-learning” as an effective technology for organizing the educational process through volunteer practice and social activity in a modern educational institution: history and modernity. Scientific notes of the Russian State Social University. 2016. 15(1(134)). P. 128-135. (In Russian)

Grevtseva G. Ya. (2022). The relationship between the concepts of "professional orientation" and "professional patriotism". *Modern higher education: innovative aspect*. 14(2): 10-15. DOI 10.7442/2071-9620-2022-14-2-10-15(In Russian)

Gukalenko O. V., Serikov V. V. (2024). Formation of the Civic-Patriotic Identity of Future Teachers at a Classical University. *Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education*. 22(1): 205–221. DOI 10.55959/LPEJ-24-10. EDN JPLTHU. (In Russian)

Kozilova L. V., Chvyakin V. A. (2021). Student Volunteering: Traditions, Promising Directions, and Experience. *National Association of Scientists (NAU)*. 73-4: 38-41. (In Russian)

Nikolsky V. S. (2023). Service-Learning in Russia: Emergence of a Subject Field. *Higher Education in Russia*. 32(12): 9-28. DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28. EDN PWWCVL. (In Russian)

Report on the Development of Volunteering in the Russian Federation in 2022. (2022). Available at: <https://economy.gov.ru/material/file/dc54bb62900b2d48ed5c7ca5709efa02/doklad-orazvitiidobrovolchestva-za-2022-god.pdf> (accessed 23 October 2025) (In Russian)

Resch K., Schrittemser I. (2023). Using the Service-Learning Approach to Bridge the Gap between Theory and Practice in Teacher Education. *International Journal of Inclusive Education*. 27(10): 1118–1132.

Shuklina E. A., Pevnaya M. V., Minchenko D. V. (2023). The Impact of Education on Youth Volunteer Practices in the Context of General Formalization of the System: The Case of the Sverdlovsk Region. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 14(2): 92-113. DOI 10.19181/vis.2023.14.2.6. (In Russian)

Vasilkovskaya M. I. (2024). Pedagogical training of student volunteers. *In the collection: Social and Cultural Activities in the Space of Education and Personal Development: Values, Strategies, Processes*. COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. Kemerovo, 2024. P. 109-116. (In Russian)

Volunteer Statistics in Russia (2024). Available at: <https://pobedarf.ru/2024/12/05/volontyorov-v-strane-stalo-bolshe> (accessed 25 October 2025). (In Russian)

Zayakina R. A. (2024). Russian Student Readiness for Professional Service: From Actual to Desired. *Higher Education in Russia*. 33(2): 73–88. DOI 10.31992/0869-3617-2024-33-2-73-88. (In Russian)

Kislyakov P. A. Service Learning in Training a Special Psychologist: A Teaching and Methodological Guide / P. A. Kislyakov, V. N. Fofanov, E. A. Shmeleva; edited by P. A. Kislyakov. — Ivanovo: PresSto, 2023. — 160 pages.

Поступила в редакцию

14.11.2025

Received

14.11.2025

Принята в печать

12.01.2026

Accepted for publication

12.01.2026

Опубликована

07.03.2026

Published

07.03.2026

АДАПТАЦИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ В ВЕК ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ЦИФРОВИЗАЦИИ И ОБЩЕНИЯ ОНЛАЙН

*Елена Васильевна Фалунина,
orcid.org/0000-0002-5013-0378,
доктор психологических наук, доцент
Братский государственный университет,
ул. Макаренко, д. 40
Братск, 665709, Россия,
falunina.elena@yandex.ru*

*Владимир Владимирович Сиротин,
orcid.org/0009-0006-3173-8210,
Братский государственный университет,
ул. Макаренко, д. 40
Братск, 665709, Россия
vladimir-sirotin2008@yandex.ru*

Аннотация. В современных условиях цифрового мира и технологий искусственного интеллекта проблема адаптации молодых специалистов к внедрению технологий искусственного интеллекта является одной из ключевых образовательных задач нашего времени. Быстрое развитие цифровых инструментов меняет и традиционную педагогику высшей школы, предлагая новые возможности, но одновременно, создавая серьёзные вызовы профессиональной компетентности преподавателей высшей школы.

В нашей работе был рассмотрен вопрос адаптации молодых специалистов к условиям работы в эпоху цифровизации, развития искусственного интеллекта и преобладания онлайн-форматов в профессиональном общении. Исследование показало основные вызовы и возможности, с которыми сталкиваются выпускники вузов при входе на рынок труда. Были выделены необходимые компетенции для успешной интеграции молодых специалистов, получивших высшее образование, в профессиональную среду; предложены рекомендации для преподавателей вузов и руководителей высшей школы, а также практики по управлению персоналом в принимающих организациях. Показано, что проблема адаптации молодых специалистов к новым реалиям представляет собой серьёзную задачу, решение которой возможно лишь путём комплексного подхода и активного участия государства, образовательных учреждений, принимающих организаций на рынке труда и самих молодых специалистов – их активного участия в самообразовании, саморазвитии и готовности к изменению в условиях быстро меняющегося мира.

Ключевые слова: адаптация молодых специалистов, информационная грамотность, цифровая компетентность преподавателей вузов.

ADAPTATION OF YOUNG SPECIALISTS IN ORGANIZATIONS IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE, DIGITIZATION AND ONLINE COMMUNICATION

*Elena V. Falunina,
orcid.org/0000-0002-5013-0378,
Doctor of Psychology, Associate Professor
Bratsk State University,
40, Makarenko street
Bratsk, 665709, Russia
falunina.elena@yandex.ru*

*Vladimir Vladimirovich Sirotin,
orcid.org/0009-0006-3173-8210,
Bratsk State University,
40, Makarenko Street
Bratsk, 665709, Russia
vladimir-sirotin2008@yandex.ru*

Abstract. In today's digital world and the era of artificial intelligence, the challenge of adapting young specialists to the implementation of artificial intelligence technologies is a key educational issue of our time. The rapid development of digital tools is transforming traditional higher education pedagogy, offering new opportunities but also posing significant challenges to the professional competence of higher school teachers.

In our work, we examined the issue of adapting young specialists to the working conditions in the era of digitalization, the development of artificial intelligence, and the prevalence of online formats in professional communication. The study revealed the main challenges and opportunities faced by university graduates when entering the labor market. We highlighted the necessary competencies for the successful integration of young specialists with higher education into the professional environment and provided recommendations for university professors, higher education administrators, as well as personnel management practices in host organizations. It was shown that the problem of adapting young specialists to new realities is a serious challenge that can only be solved through a comprehensive approach and the active participation of the state, educational institutions, host organizations in the labor market, and young specialists themselves – their active participation in self-education, self-development, and readiness for change in a rapidly changing world.

Key words: adaptation of young specialists, information literacy, digital competence of university teachers.

Введение

Адаптация молодых специалистов к профессиональной деятельности всегда была важным аспектом организационного развития и управления талантами. Однако в условиях третьего десятилетия XXI века эта задача приобрела качественно новые измерения, связанные с тремя ключевыми тенденциями, трансформирующими современный мир труда.

Во-первых, цифровизация охватила практически все сферы профессиональной деятельности. От традиционных отраслей экономики до сфер, ранее остававшихся консервативными (образование, здравоохранение, государственное управление), требуется внедрение цифровых технологий, облачных решений, систем управления данными и автоматизации процессов. Молодой специалист сегодня не может успешно функционировать в

организации без базового понимания принципов работы с цифровыми инструментами, платформами и системами.

Во-вторых, развитие искусственного интеллекта (ИИ) создаёт как угрозы, так и возможности. С одной стороны, традиционные профессиональные функции автоматизируются, требуя от специалистов переквалификации и развития навыков, которые не могут быть с лёгкостью воспроизведены машинами (творчество, критическое мышление, эмоциональный интеллект, сложное принятие решений и др.). С другой стороны, ИИ открывает новые профессиональные ниши и увеличивает производительность труда тех, кто способен эффективно работать с этими инструментами.

В-третьих, переход к онлайн-форматам общения (ускоренный пандемией COVID-19) изменил природу профессиональных взаимодействий. Молодые специалисты должны быть способны эффективно коммуницировать через цифровые каналы, управлять виртуальными проектами, участвовать в удалённых командах и строить профессиональные отношения в цифровой среде.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов адаптации молодых специалистов к качественно новым условиям профессиональной среды и разработки образовательных и управленческих стратегий, обеспечивающих успешную интеграцию молодого поколения на рынок труда.

Материалы и методы

Систему адаптации молодых специалистов в организациях мы рассматриваем через внедрение в производственную практику технологий искусственного интеллекта, цифровизации и общение онлайн.

Методологической основой нашего исследования является концепция компетентного подхода И.А. Зимней [Зимняя, 2004] и А.В. Хуторского [Цифровизация..., 2024], согласно которой успешная адаптация молодых специалистов обусловлена способностью и готовностью этих работников к самоизменению и саморазвитию при решении комплексных задач в быстро меняющихся условиях современного производства. В качестве методов исследования выступили: анализ документации и опрос руководителей и работников на предприятиях. В 2025 году нами были опрошены молодые специалисты различных организаций города Братска, в том числе производственных и образовательных.

Дискуссия

Проблема адаптации молодых специалистов на предприятиях в различных её аспектах рассматривалась многими исследователями и представлена в научных публикациях Н.И. Архиповой, Т.Ю. Базаровой, А.В. Игнатьева, Ю.В. Кузнецова, С.И. Семагина, Л.Д. Столяренко, А.В. Лобза и др.

В целом, под адаптацией к профессии в научной литературе принято понимать процесс приспособления индивида к условиям профессиональной деятельности, включающий как объективные изменения поведения и профессиональных компетенций, так и субъективные переживания, связанные с овладением новой социально-личностной ролью. Согласно классической модели Э. Шейна [Шейн, 2016], адаптация включает несколько стадий: предварительная социализация (до входа в организацию), встреча с организационной реальностью, достижение соответствия между ценностями индивида и организации, и, наконец, стабилизация в новой роли.

В условиях цифровизации эта модель требует расширения и переосмысления. Современная адаптация молодого специалиста включает не только адаптацию к организационной культуре и профессиональным функциям, но и к технологической среде, цифровым инструментам и виртуальным форматам взаимодействия.

Так, компетентностный подход, развивавшийся в работах И.А. Зимней [Зимняя, 2004], А.В. Хуторского [Цифровизация..., 2024] и других исследователей, акцентирует внимание на формировании интегрированных компетенций, а не просто накоплении знаний. В контексте адаптации молодых специалистов это означает, что образовательная система должна готовить не просто специалистов с глубокими знаниями в своей области, но компетентных специалистов, способных применять знания в быстро меняющихся условиях, решать комплексные проблемы и постоянно развиваться, расширяя свой кругозор как в профессиональном, так и личностном аспекте.

Разрабатывая модель интеграции искусственного интеллекта в адаптацию молодых специалистов организации, исследователи М.Е. Байнакова и О.Л. Чуланова [Байнакова и др., 2023] рассматривают перспективы внедрения ИИ-инструментов в систему корпоративного обучения. Это направление поддерживают исследователи Ф.С. Овчинников и О.Я. Емельянова [Овчинников и др., 2025], считая, что ИИ может использоваться для персонализированного обучения, создания новых форматов обучения, включая имитационные модели и геймификацию процессов усвоения новых знаний и технологий.

Е.В. Шестакова раскрывает идею реализации технологий искусственного интеллекта в системе управления персоналом, предлагая инновационные пути, в том числе при решении проблем адаптации молодых специалистов в ходе их включаемости в деятельность коллектива в целом [Шестакова, 2019].

Продолжая эти исследования, проблему внедрения технологий искусственного интеллекта в персонализацию электронного обучения молодых сотрудников изучала А.А. Паскова [Паскова, 2019]. Е.В. Безвизонная, А.В. Богдашин и Е.В. Портнягина продолжают анализировать потенциал цифровых технологий в практике адаптации молодых специалистов, учитывая тот факт, что адапто-технологии неразрывно включены в работу по цифровизации кадров. Совершенствование кадрового потенциала авторы связывают через включение сотрудников в IT-технологии

по сбору, хранению, обработке, передаче и защите корпоративной информации [Безвиконная и др., 2022].

Программа системы наставничества в образовательной организации К.П. Дроздетской, а также наши исследования внутрикорпоративного наставничества – были ориентированы на процесс социально-психологической адаптации молодых специалистов, в том числе с использованием онлайн-ресурсов и технологий цифровых образовательных сред [Дроздетская и др., 2024].

Общим направлением в вышеуказанных работах можно отметить следующие методы адаптации молодых специалистов:

- применение цифровых образовательных ресурсов и технологий. Вебинары, интерактивные симуляторы и онлайн-обучение обеспечивают доступность и гибкость самообразования и позволяют настраивать учебные программы в соответствии с личными потребностями и индивидуальными особенностями сотрудников;

- создание цифровой платформы для адаптации. Объединенное информационное пространство, включающее необходимые материалы, инструкции и контакты ключевых сотрудников, упрощает процесс адаптации и обеспечивает быстрый доступ к информации;

- наставничество с применением цифровых инструментов. Онлайн-консультации, видеосвязь, а также общие чаты способствуют поддержанию связи между руководством и сотрудниками, наставником и новичком, позволяя оперативно решать возникающие производственные вопросы;

- геймификация процесса адаптации. Внедрение игровых элементов (баллы, рейтинги, конкурсы, достижения, лидерборды и т.п.) увеличивает вовлечённость сотрудников в процесс адаптации и мотивирует их к освоению новых знаний и навыков.

Результаты

Исследования показали, что наиболее востребованными компетенциями на рынке труда являются:

- цифровые компетенции (базовая ИТ-грамотность, работа с облачными сервисами, понимание возможностей и ограничений ИИ);

- мягкие навыки (коммуникация, сотрудничество, адаптивность, критическое мышление);

- компетенции непрерывного обучения (способность к переучиванию, любознательность, самоорганизация);

- эмоциональный интеллект (саморегуляция, эмпатия, мотивированность);

- теория цифровой трансформации и её влияние на рынок труда и др.

Цифровая трансформация не просто добавляет новые инструменты к существующим профессиям, но фундаментально переопределяет характер работы. Согласно исследованиям, представленным на Всемирном экономическом форуме в январе 2025 года в Давосе (Швейцария), около 50%

всех сотрудников крупных предприятий потребуют переподготовки уже к концу 2025 года в связи с изменениями в профессиональной среде.

Последние научные исследования, в том числе наш опрос сотрудников на предприятиях города [Сиротин и др., 2025], показали: молодые специалисты, выпускающиеся сегодня из вузов и вступающие на рынок труда, получают огромное преимущество в виде цифровой грамотности, поскольку активный период их роста и развития выпадал на «интеллектуальную эпоху». В то же время молодым специалистам необходимо развивать способность к критическому осмыслению возможностей и различных ограничений тех или иных инновационных информационных технологий, а также быть готовыми к интеграции технологических знаний в профессиональные навыки своей специальности [Сафина и др., 2022].

Теории онлайн-коммуникации и виртуального взаимодействия.

Исследования в области организационной психологии и коммуникации показывают, что онлайн-общение отличается от офлайн-взаимодействия по ряду параметров:

- асинхронность – участники могут взаимодействовать не одновременно;
- опосредованность технологией – отсутствие визуальных сигналов, голоса, физического присутствия может затруднить понимание;
- документированность – электронные сообщения оставляют следы и могут быть пересмотрены;
- широкий охват – возможность взаимодействия со множеством людей одновременно и др.

Успешная адаптация к онлайн-коммуникации требует развития специфических навыков: письменной коммуникации, управления видеоконференциями, использования инструментов совместного доступа к документам и проектам.

Цифровая компетентность как основа адаптации.

Анализ требований, предъявляемых к молодым специалистам работодателями, показывает, что цифровая компетентность стала базовым требованием практически для всех профессий. Однако уровень цифровой подготовки выпускников вузов значительно варьируется в зависимости от специальности и качества образовательных программ [Тактарова, 2015].

Проведённый нами анализ фактических данных некоторых исследований, проведённых в организациях, выявил следующее:

- 78% молодых специалистов (выпускники 2024-2025 года) обладают базовыми навыками работы с офисными приложениями (Word, Excel, PowerPoint);
- 45% знакомы с облачными сервисами (Google Workspace, Microsoft 365);
- 32% имеют представление о возможностях ИИ в своей профессиональной области;
- менее 20% обладают навыками работы с профессиональными цифровыми инструментами, специфичными для их отрасли.

Этот разрыв между требованиями рынка и реальной подготовкой создаёт первый вызов для адаптации молодого специалиста. На преодоление этого разрыва уходит в среднем от 3 до 6 месяцев, в течение которых молодой специалист испытывает повышенный стресс и требует более активной поддержки от наставников.

Трансформация профессиональных ролей под влиянием ИИ.

Развитие искусственного интеллекта создаёт парадоксальную ситуацию для молодых специалистов. С одной стороны, многие традиционные функции автоматизируются (рутинные расчёты, первичная обработка информации, типовое документирование). С другой стороны, возникают новые профессиональные роли, связанные с управлением данными, обучением моделей ИИ, проверкой и интерпретацией результатов работы искусственного интеллекта.

Молодые специалисты, которые понимают это изменение и активно развивают навыки работы с ИИ, получают существенное конкурентное преимущество. Однако большинство молодых специалистов сталкиваются с противоречием: их профессиональное образование готовило их к выполнению функций, которые теперь вполне могут быть выполнены машинами.

На основе анализа кейсов из различных организаций [Omuse, 2013], а также теорий современного управления человеческими ресурсами, можно выделить успешные стратегии адаптации в этом контексте:

1. Стратегия переквалификации. Молодой специалист осознаёт, что его традиционные функции автоматизируются, и активно развивает новые компетенции, которые дополняют работу ИИ (критическое мышление, творчество, управление людьми, стратегическое планирование).

2. Стратегия специализации в области ИИ. Молодой специалист сосредоточивается на развитии навыков работы с инструментами ИИ в своей профессиональной области, становясь экспертом в этой нише.

3. Стратегия гибридной работы. Молодой специалист развивает способность эффективно работать в тандеме с ИИ, используя сильные стороны обоих (точность и производительность машины в сочетании с человеческим суждением и креативностью).

Онлайн-общение как новая норма профессионального взаимодействия.

Пандемия COVID-19 ускорила переход к онлайн-форматам работы, и хотя многие организации вернулись к гибридным или офлайн-форматам, онлайн-коммуникация осталась неотъемлемой частью профессиональной среды.

Молодые специалисты, начинающие работать в современных организациях, сталкиваются со следующими вызовами в области онлайн-коммуникации:

1) Дефицит неформального общения. В онлайн-среде значительно сложнее возникают спонтанные взаимодействия, которые в офлайн происходили в кулуарах, на кофе-брейках и т.д. Молодые специалисты теряют естественные возможности для неформального общения с коллегами и руководителем, что может замедлить процесс интеграции в команду.

2) Сложность восприятия культуры организации. Организационная культура традиционно передавалась через наблюдение, участие в совместных событиях, неформальные разговоры. В онлайн-среде эти механизмы нарушаются, и молодой специалист должен активнее искать информацию о ценностях организации и её нормах.

3) Проблемы синхронизации. Когда команды распределены по разным временным зонам, возникают сложности с синхронным общением, требующие новых навыков асинхронной коммуникации.

4) Перегруженность видеоконференциями. Многие молодые специалисты отмечают парадоксальное явление: при увеличении количества видеовызовов снижается качество и глубина общения, возникает явление «Zoom fatigue».

Успешные молодые специалисты развивают специфические навыки онлайн-коммуникации:

- умение задавать вопросы в асинхронных каналах общения (Slack, Teams) таким образом, чтобы получить информацию без срочных синхронных встреч;

- способность построить доверие и отношения в виртуальной среде;

- навыки управления собственной видимостью и присутствием в цифровой среде;

- умение эффективно читать невербальные сигналы, которые передаются в видеоформате.

Психологические и социальные аспекты адаптации.

Адаптация молодого специалиста – это не только приобретение новых навыков, но и психологический процесс, связанный с идентификацией с новой ролью, построением отношений и преодолением неопределённости.

Исследования показывают, что молодые специалисты, начиная работать в эпоху ИИ и цифровизации, часто испытывают:

- синдром самозванца. Несмотря на формальное образование, молодые специалисты часто чувствуют, что они недостаточно подготовлены к реальным задачам, особенно когда видят, как быстро развиваются технологии и как многое они не знают;

- информационную перегруженность. Объём информации, которую необходимо освоить молодому специалисту, постоянно растёт, что создаёт стресс и ощущение, что он всегда отстаёт;

- конфликт между теорией и практикой. Образовательные программы часто не успевают за быстрыми изменениями в профессиональной среде, что создаёт разочарование у молодых специалистов, обнаруживших, что их учили устаревшим навыкам;

- одиночество в виртуальной среде. Особенно для тех, кто работает удалённо или в гибридном режиме, онлайн-формат может привести к социальной изоляции и ощущению отсутствия поддержки.

На эти и иные трудности молодых специалистов в своих работах указывают С.Б. Кондратьева и М.С. Гончарова, описывающие этические аспекты использования искусственного интеллекта и его роли в

формировании морально-нравственных качеств современной молодёжи [Кондратьева и др., 2023].

Организации, успешно адаптирующие молодых специалистов, развивают системы поддержки, которые учитывают эти психологические факторы:

- программы наставничества (mentoring) с чёткими целями и регулярной обратной связью;
- группы сверстников (peer groups), где молодые специалисты могут делиться опытом и взаимно поддерживать друг друга;
- психологическую поддержку и тренинги по управлению стрессом;
- создание безопасной среды для ошибок и экспериментов.

Те же организации большое значение отводят организационному обучению [Popova-Novak et al., 2015].

5. Роль образовательных учреждений в подготовке молодых специалистов.

Анализ показывает, что расхождение между требованиями рынка труда и подготовкой, даваемой вузами, значительно. Современным вузам необходимо переосмыслить свои образовательные программы с учётом следующих реалий:

- интеграция цифровых компетенций. Цифровые инструменты и методы должны быть интегрированы не только в специализированные ИТ-программы, но и во все дисциплины, формируя понимание того, как технология трансформирует различные профессиональные области;
- развитие адаптивности и мышления роста. Важнее, чем конкретные знания (которые быстро устаревают), становится способность к постоянному обучению, критическому мышлению и адаптации к новым условиям;
- практикоориентированность. Студенты должны иметь возможность работать над реальными проектами, взаимодействовать с работодателями, развивать навыки, необходимые для работы в современных организациях;
- развитие мягких навыков и психологических профессионально значимых качеств и характеристик личности. Особое внимание должно быть уделено развитию коммуникативных навыков, умения работать в команде, критического мышления, креативности – тех компетенций, которые сложнее автоматизировать;
- подготовка к онлайн-среде. Студенты должны иметь опыт работы в виртуальных командах, асинхронной коммуникации и управления проектами в цифровой среде ещё во время обучения.

Передовые вузы уже внедряют такие инновационные подходы, однако в целом в России этот процесс идёт медленнее.

Проблематика кроется в недостаточном уровне профессиональной компетентности и готовности самих преподавателей вузов осуществлять необходимое психолого-педагогическое и материально-технологическое сопровождение образовательного процесса студентов.

В качестве основных проблем можно выделить следующие:

– необходимость освоения новых компетенций. Педагоги высшей школы вынуждены осваивать не только предметно-научные знания, но и цифровые инструменты, алгоритмы машинного обучения, элементы программирования и работу с большими объёмами данных. Это требует постоянного обновления профессиональных навыков и готовности к изменениям и саморазвитию;

– психологическая адаптация. Переход от традиционных методов преподавания к смешанным формам, включающим дистанционные занятия и использование онлайн-платформ, вызывает стресс и дискомфорт среди многих преподавателей, в том числе и молодых, выросших в цифровой среде. Тем не менее, все они сталкиваются с различными трудностями, связанными с поддержанием преподаваемой дисциплины и вовлеченностью студентов в виртуальное пространство посредством различных образовательных технологий;

– технические трудности. Отсутствие достаточного уровня технической оснащённости современных вузов затрудняет внедрение современных методик обучения. Недостаточное финансирование образовательной сферы ограничивает доступ к современным технологиям и инструментам анализа данных;

– этические и правовые вопросы. Использование технологий искусственного интеллекта ставит перед преподавателями ряд этических вопросов: приватность данных обучающихся, защита персональных сведений, ответственность за контент, размещаемый студентами и самими педагогами в сети Интернет и т.п.;

– изменение роли преподавателя. Появление интеллектуальных ассистентов и автоматизированных решений постепенно меняет роль преподавателя. Педагоги высшей школы становятся координаторами процесса обучения, наставниками и консультантами, нежели источниками исключительно фактической информации и научного знания.

Л.В. Лучшева в своём исследовании рассматривает ряд социальных проблем использования искусственного интеллекта в высшем образовании, раскрывая основные задачи и перспективы его внедрения в образовательную практику [Лучшева, 2020].

На основе проведённого анализа нами были сделаны следующие выводы:

1. Адаптация молодых специалистов в эпоху ИИ и цифровизации – это многоуровневый процесс.

Это не просто приобретение новых технических навыков, но комплексное развитие, включающее:

– когнитивный уровень – развитие цифровой грамотности, понимание принципов ИИ, критическое мышление;

– практический уровень – овладение цифровыми инструментами, адаптация к онлайн-форматам, выполнение гибридной работы;

– психологический уровень – преодоление стресса, формирование уверенности, адаптация к неопределённости;

– социальный уровень – включение в командные структуры, формирование отношений в виртуальной среде, освоение организационной культуры.

2. Успешная адаптация требует активного участия всех стейкхолдеров.

Государство и система образования должны обновлять образовательные стандарты, интегрируя цифровые компетенции и готовя студентов к работе в условиях ИИ.

Вузы должны развивать программы, ориентированные на практику, и сотрудничать с работодателями.

Организации должны создавать системы поддержки адаптации молодых специалистов, включая наставничество, обучение и психологическую поддержку.

Сами молодые специалисты должны развивать mindset непрерывного обучения и гибкость в условиях изменений.

3. Ключевые компетенции молодого специалиста XXI века.

Помимо традиционных профессиональных знаний, молодому специалисту необходимы:

– цифровая грамотность: понимание того, как технология работает, её возможности и ограничения;

– работа с ИИ: не обязательно глубокие технические знания, но понимание того, как применять ИИ в своей области;

– мягкие навыки: коммуникация, сотрудничество, критическое мышление, эмоциональный интеллект;

– адаптивность: способность учиться, переучиваться, справляться с неопределённостью;

– онлайн-компетенции: эффективная коммуникация в виртуальной среде, работа с удалённых мест, управление асинхронными проектами.

4. Необходимость переосмысления роли традиционных профессиональных функций.

Под влиянием ИИ и цифровизации традиционные функции трансформируются, и молодые специалисты должны:

– понимать, какие их функции могут быть автоматизированы;

– развивать компетенции, которые дополняют (а не конкурируют) с ИИ;

– переходить от выполнения рутинных задач к аналитической, творческой и управленческой работе.

5. Психологическая поддержка как критическая составляющая адаптации.

Организации, которые уделяют внимание не только технической подготовке, но и психологической поддержке молодых специалистов (через наставничество, коучинг, создание поддерживающей культуры), показывают лучшие результаты в удержании и развитии молодых талантов.

6. Онлайн-коммуникация – новая норма, требующая новых навыков.

Даже если организация вернулась к офлайн-работе, онлайн-коммуникация остаётся неотъемлемой частью профессиональной среды.

Молодые специалисты должны быть ориентированы на развитие как офлайн-, так и онлайн-компетенций.

В качестве рекомендаций в практику работы организаций по адаптации молодых специалистов считаем необходимым выделить следующие положения:

- 1) для образовательных учреждений высшей школы:
 - постоянно обновлять образовательные программы и ресурсную базу, включив цифровые компетенции и понимание ИИ;
 - развигать методики проектного обучения и работы в виртуальных командах;
 - сотрудничать с работодателями для синхронизации требований рынка и содержания образования;
 - улучшать материально-техническую базу с доступом к высокоскоростному Интернету и необходимому оборудованию;
 - создавать платформы для взаимной помощи и обмена опытом среди педагогов разных регионов;
 - осуществлять правовую поддержку преподавателей вуза;
 - разрабатывать четкие правовые нормы и регламенты, регулирующие использование технологий ИИ в образовательном процессе;
 - поддерживать исследования и инновации преподавателей вуза;
 - формировать сообщества профессиональной поддержки педагогов;
 - создавать благоприятные условия для реализации образовательного процесса;
 - поддерживать научные исследования в области внедрения инновационных педагогических подходов и разработки эффективных моделей интеграции технологий в образовательный процесс;
 - внедрять в процесс обучения интересные образовательные квесты, в качестве технологий активного обучения и т.п. [Лихтанская, 2020].
- 2) для преподавателей высшей школы:
 - регулярно проходить курсы переподготовки и повышения квалификации, направленные на освоение новых онлайн-технологий и методологий дистанционного обучения;
 - принимать активное участие в научных исследованиях и инновационной практике с применением ИИ, цифровизации и общения онлайн;
 - участвовать в онлайн-конференциях Всероссийских и Международных;
 - создавать благоприятные психологические условия для реализации образовательного процесса со студентами высшей школы и др. [Лебедева, 2014].
- 3) для принимающих организаций:
 - разрабатывать структурированные программы адаптации молодых специалистов, включающие наставничество и обучение;
 - инвестировать в переподготовку и повышение квалификации молодых специалистов в области цифровых компетенций;

- создавать поддерживающую культуру, где молодые специалисты чувствуют себя в безопасности и имеют возможность учиться на ошибках;
- организовать гибкие форматы работы, учитывающие возможности онлайн-коммуникации и др. [Ивановский, 2021; Ное, 2016].

4) для самих молодых специалистов:

- развивать менталитет непрерывного обучения и адаптации;
- активно развивать цифровые навыки и понимание ИИ;
- работать над мягкими навыками и эмоциональным интеллектом;
- искать наставников и строить профессиональные отношения как в офлайн, так и в онлайн-среде и др.

Заключение

Проблема адаптации молодых специалистов к новым реалиям современного производства представляет собой серьёзную задачу, решение которой возможно лишь путём комплексного подхода и активного участия государства, образовательных учреждений, принимающих организаций и самих молодых специалистов.

В нашей работе был проведён системный анализ проблемы адаптации молодых специалистов к условиям работы в современных условиях цифровизации, развития искусственного интеллекта и преобладания онлайн-форматов в профессиональном общении; выделены основные вызовы и возможности, с которыми приходится сталкиваться выпускникам современных вузов при выходе на производство; определены необходимые компетенции для успешной интеграции молодых специалистов в профессиональную среду; предложены рекомендации для специалистов системы образования и практикам по управлению персоналом. Показано, что адаптация молодых специалистов в организациях на рынке труда – это процесс, который помогает новичкам освоиться в новой для них среде, включиться в работу и влиться в коллектив с минимальными затратами времени и усилий, без стресса. Успешная адаптация – это ресурс для достижения карьерных целей молодых сотрудников организации и повышения конкурентоспособности компании в целом.

Библиографический список

Байнакова М. Е. Модель интеграции искусственного интеллекта в систему адаптации персонала / М. Е. Байнакова, О. Л. Чуланова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. Т. 12, № 4. С. 66-69. DOI 10.12737/2305-7807-2023-12-4-66-69. EDN FPVEIA.

Безвиконная Е. В. Адаптация молодых специалистов в условиях цифровизации // Е. В. Безвиконная, А. В. Богдашин, Е. В. Портнягина // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 11. С. 1798-1812. DOI 10.18334/et.9.11.116504. EDN GAXXJR.

Дроздетская К. П. Программа наставничества в образовательной организации / К. П. Дроздетская, Е. В. Фалунина // ЛУЧШАЯ НАУЧНАЯ СТАТЬЯ 2024: сборник статей X Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: МЦНС "Наука и Просвещение". 2024. С. 51-57. EDN KAZBSM.

- Зимняя И. А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 20 с.
- Ивановский Б. Г.* Экономические эффекты от внедрения технологий "искусственного интеллекта" // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2(4). С. 8-25. DOI 10.31249/snsn/2021.02.01. EDN VISNBS.
- Кондратьева С. Б.* Этические аспекты использования искусственного интеллекта и их роль в формировании морально-нравственных качеств современной молодежи / С. Б. Кондратьева, М. С. Гончарова // Информационное общество и духовная культура молодёжи : Материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 01 декабря 2023 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. С. 235-237. EDN HZPTTZ.
- Лебедева Н. В.* Современные подходы к проблеме обучения взрослых // Сибирский психологический журнал. 2014. № 51. С. 65-72. EDN SMHARF.
- Лихтанская О. И.* Образовательный квест как технология обучения // Технологии в образовании - 2020: сборник материалов Международной научно-методической конференции, Новосибирск, 21-30 апреля 2020 года. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2020. С. 193-199. EDN АННТЕ
- Лучшева Л. В.* Социальные проблемы использования искусственного интеллекта в высшем образовании: задачи и перспективы // Научный Татарстан. 2020. № 4. С. 84-89. EDN GMNLMR.
- Овчинников Ф. С., Емельянова О. Я.* Современные подходы к обучению и адаптации молодых специалистов с использованием систем искусственного интеллекта // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2025. № 1(306). С. 143-147. DOI 10.47438/2309-7078_2025_1_143. EDN TZPDPB.
- Паскова А. А.* Технологии искусственного интеллекта в персонализации электронного обучения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 3/42. С. 113-122. EDN ХАУУНЕ
- Сафина Г. Г.* Инновационные технологии саморазвития студентов педагогической магистратуры в контексте индивидуализации обучения / Г. Г. Сафина, В. К. Власова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 4. С. 20-27. EDN OZYJJDG.
- Сиротин В. В.* Социально-психологическая адаптация молодых специалистов через систему внутрикорпоративного наставничества / В. В. Сиротин, Н. Н. Лебедева, Е. В. Фалунина // Молодая мысль: наука, технологии, инновации: материалы XVII (XXIII) Всероссийской научно-технической конференции. Братск: Изд-во "БрГУ", 2025. С. 485-488.
- Тактарова В. И.* Педагогическое управление процессом обучения студентов в условиях информационно-образовательной среды вуза // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2015. № 1 (85). С. 178-184. EDN TNYIAZ.
- Цифровизация научно-педагогических исследований / А. В. Хуторской, Ю. В. Скрипкина, И. А. Вдовина, Т. В. Красноперова // Вестник Института образования человека. 2024. № 1. EDN PXQJRD.
- Шейн Э.* Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2016. 204 с.
- Шестакова Е. В.* Реализация технологий искусственного интеллекта в системе управления персоналом // Оренбургские горизонты: прошлое, настоящее, будущее. Оренбург: ООО "Фронтир", 2019. С. 92-97. EDN ZUDAAT.
- Noe R.* Employee Training and Development (Irwin Management). 2016. P. 453-456.
- Omuse F.* Present Day Human Resource Management; Investing in People. 2013. P. 111-113.
- Popova-Nowak I.* The meaning of organizational learning: a meta-paradigm perspective / I. Popova-Nowak, M. Cseh // Human Resource Development Review. 2015. № 14. P. 298-330.

References

- Bainakova M. E. (2023). Model of Artificial Intelligence Integration into the Staff Adaptation System. *Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia*. (4): pp.66-69. (In Russian)
- Bezykonnaya E. V., Bogdashin A. V., Portnyagina E. V. (2022). Adaptation of Young Specialists in the Context of Digitalization. *Labor Economics*. (11): pp.1798-1812. (In Russian)
- Drozdetzkaya K. P., Falunina E. V. (2024). Mentoring Program in an Educational Organization. *BEST SCIENTIFIC ARTICLE 2024: Collection of Articles from the 10th International Research Competition*. Pp.51-57. (In Russian)
- Ivanovsky B. G. (2021). Economic Effects of the Implementation of Artificial Intelligence Technologies. *Social Innovations and Social Sciences*. (2): pp.8-25. (In Russian)
- Khutorskoy A. V., Skripkina Yu. V., Vdovina I. A., Krasnoperova T. V. (2024). Digitalization of Scientific and Pedagogical Research. *Bulletin of the Institute of Human Education*. (1): 1. (In Russian)
- Kondratyeva S. B. (2023). Ethical Aspects of the Use of Artificial Intelligence and Their Role in the Formation of Moral Qualities of Modern Youth. *Information Society and the Spiritual Culture of Youth: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Vitebsk, December 1, 2023. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov*. 2023. Pp. 235-237. (In Russian)
- Lebedeva N. V. (2014). Modern Approaches to the Problem of Adult Education. *SPJ*. (51): pp.65-72. (In Russian)
- Likhtanskaya O. I. (2020). Educational Quest as a Learning Technology. *Technologies in Education – 2020: Collection of Materials of the International Scientific and Methodological Conference, Novosibirsk, April 21–30, 2020. Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperation*. 2020. Pp.193-199. (In Russian)
- Luchsheva L. V. (2020). Social Problems of Using Artificial Intelligence in Higher Education: Tasks and Prospects. *Scientific Tatarstan*. (4): pp. 84-89. (In Russian)
- Noe R. (2016). Employee Training and Development (Irwin Management). 2016. Pp. 453-456.
- Omuse F. (2013). Present Day Human Resource Management. *Investing in People*. 2013. Pp. 111-113.
- Ovchinnikov F. S., Emelianova O. Ya. (2025). Modern approaches to training and adaptation of young specialists using artificial intelligence systems. *Izvestiya of the Voronezh State Pedagogical University*. (1(306)): pp. 143-147. (In Russian)
- Paskova A. A. (2019). Artificial Intelligence Technologies in Personalization of E-Learning. *Bulletin of Maikop State Technological University*. (3/42): pp.113-122. (in Russian)
- Popova-Nowak I. (2015). The meaning of organizational learning: a meta-paradigm perspective. *Human Resource Development Review*. (14): pp. 298-330.
- Safina G. G. (2022). Innovative Technologies of Self-Development of Pedagogical Master's Students in the Context of Individualization of Education. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. (4): pp.20-27. (In Russian)
- Shana E. (2016). Organizational Culture and Leadership. *St. Petersburg: Peter*. 2016. 204 p. (In Russian)
- Shestakova E. V. (2019). Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Human Resource Management System. *Orenburg Horizons: Past, Present, and Future. – Orenburg: Frontier LLC*. Pp.92-97. (In Russian)
- Sirotin V. V., Lebedeva N. N., Falunina E. V. (2025). Social and psychological adaptation of young specialists through the system of intra-corporate mentoring. *Young Thought: Science, Technologies, Innovations: Materials of the XVII (XXIII) All-Russian Scientific and Technical Conference. – Bratsk: BrSU Publishing House*. Pp.485-488. (In Russian)
- Taktarova V. I. (2015). Pedagogical Management of the Students' Learning Process in the Information and Educational Environment of a University. *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev*. (1(85)): pp.178-184. (In Russian)

Tikhomirov A. V. (2001). Professional Counseling and the Method of Diagnosing Professional Preferences. Personnel-Profy. (5): 54 p. (In Russian)

Zimnyaya I. A. (2004). Key Competencies as an Effective and Targeted Basis for a Competency-Based Approach in Education. Author's Version. Moscow: Research Center for Quality Issues in Training Specialists, 2004. 20 p. (In Russian)

Поступила в редакцию	10.01.2026	Received	10.01.2026
Принята в печать	29.01.2026	Accepted for publication	29.01.2026
Опубликована	07.03.2026	Published	07.03.2026

УДК 371+37.034

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_207

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДЕФИЦИТОВ УЧИТЕЛЕЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ БУЛЛИНГА СРЕДИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

*Сергей Владимирович Мыскин,
orcid.org/0000-0002-2665-6089,
доктор филологических наук, кандидат психологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп.1
Москва, 129226, Россия
myskinsv@mgpu.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме профессиональной готовности учителей к профилактике и предотвращению буллинга в подростковой среде. Профессиональная готовность учителей рассматривается через призму наличия у них психолого-педагогических дефицитов в плане понимания сущностных характеристик буллинга, природы данного феномена и профилактических мер. Множественность психолого-педагогических дефицитов характеризует отсутствие профессиональной готовности педагогов к эффективной работе с буллингом и вскрывает, во-первых, субъективность их отношения к решению ситуаций подростковой агрессии, обусловленную переносом собственного личного опыта переживания буллинга, а во-вторых, стремление удовлетворить личностные смыслы и мотивы своего социального положения в профилактической работе.

Для решения поставленной задачи была разработана методика оценки психолого-педагогических дефицитов учителей по профилактике буллинга среди детей и подростков. Автор дает описание этапов и видов деятельности, а также описывает основные методические средства: организационно-деятельностную игру и анкету-опросник для оценки представлений учителей о буллинге. Далее представлены результаты апробации разработанной методики. Описаны результаты игрового воздействия на сознание учителей и сравнительный анализ результатов входного и выходного тестирования. Представлены обоснования эффективности методики для оценки психолого-педагогических дефицитов учителей по профилактике подросткового буллинга и их восполнения.

Ключевые слова: буллинг, психолого-педагогические дефициты, профилактика буллинга, организационно-деятельностная игра, подростки, учитель, мотив, смысл, профессиональная готовность педагога, методика оценки.

METHODOLOGY FOR ASSESSING PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL DEFICITS OF TEACHERS IN THE PREVENTION OF BULLYING AMONG CHILDREN AND ADOLESCENTS

*Sergey V. Myskin,
orcid.org/0000-0002-2665-6089,
Doctor of Philological Sciences, Ph.D. of Psychological Sciences, Associate Professor
Moscow City Pedagogical University,
4, 2-nd Selskhozoyastvenny street,
Moscow, 129226, Russia
myskinsv@mgpu.ru*

Abstract. The article is devoted to the problem of teachers' professional readiness to prevent and stop bullying among teenagers. Teachers' professional readiness is viewed through the lens of psychological and pedagogical deficits related to the understanding of the essential characteristics of bullying, the nature of this phenomenon, and preventive measures. The multiplicity of psychological and pedagogical deficits indicates the lack of teachers' professional readiness for effective work with bullying and reveals, firstly, the subjectivity of their attitude towards solving situations of adolescent aggression, which is caused by the transfer of their own personal experience of bullying, and secondly, the desire to satisfy the personal meanings and motives of their social status in preventive work.

To solve this problem, a method was developed to assess the psychological and pedagogical deficits of teachers in preventing bullying among children and adolescents. The author describes the stages and types of activities, as well as the main methodological tools: an organizational and activity game and a questionnaire to assess teachers' perceptions of bullying. The article also presents the results of the methodology's testing. The author describes the results of the game's impact on teachers' consciousness and the comparative analysis of the results of the initial and final testing. The article provides evidence of the effectiveness of a methodology for assessing teachers' psychological and pedagogical deficiencies in preventing adolescent bullying and their compensation.

Keywords: bullying, psychological and pedagogical deficits, bullying prevention, organizational and activity game, adolescents, teacher, motive, meaning, teacher professional readiness, assessment methodology.

Введение (Introduction)

В современных условиях акты агрессии среди молодежи становятся объектом пристального внимания СМИ и получают широкое освещение. Данное обстоятельство способствует формированию такой модели поведения, которая допускает радикализацию в молодежной среде. Особо остра данная проблема для подростков, поскольку для них подобная модель выглядит весьма привлекательным способом социализации. Учитывая несформированность у подростков психологических структур долгосрочного планирования, агрессивная модель поведения может ими быстро усваиваться как перспективная форма самореализации. В связи с этим важным становится работа референтных взрослых (учителей, родителей) по своевременному выявлению и профилактике проявлений деструктивного характера в подростковом коллективе, в частности, в школе. Эффективность такой профилактической деятельности обусловлена сформированностью соответствующих психолого-педагогических компетенций педагогов [Кисляков и др., 2024; Филатова и др., 2018]. Однако несовершенство условий работы учителей (информационные перегрузки, излишняя бюрократизация, неразработанность нормативной базы по защите учительского труда, слабое организационно-материальное обеспечение и пр.) создают у педагогов психолого-педагогические дефициты [Кравцов, 2022] по работе с агрессивным поведением учеников. Существующие в системе дополнительного профессионального образования программы по педагогическим и психологическим аспектам работы с подростковой агрессией, буллингом освещают как зарубежный, так и отечественный опыт профилактической работы [Кривцова и др., 2016; Руланн, 2012; Собкин и др., 2014; Шапкина, 2015; Understanding the bullying..., 2012]. Вместе с тем цифры и факты из

открытых источников [A cross-national profile..., 2009], отражающие положительную динамику психологического и физического насилия в подростковой среде, заставляют задуматься над эффективностью предлагаемых методик. Справедливости ради стоит отметить, что не существует одного какого-то универсального способа работы с подростковой агрессией. Перефразируя слова некоторых психологов, можно сказать, что эффективность борьбы с буллингом определяется волей и силой личности конкретных учителей и администрации школы [Исаев и др., 2000]. При этом нет одинаковых в личностном плане ни учителей, ни педагогических коллективов, что ставит перед необходимостью разработки универсальных профилактических программ по борьбе с агрессией под задачи, особенности и специфику конкретной образовательной организации. Данное обстоятельство обуславливает актуальность задачи по разработке методики восполнения психолого-педагогических дефицитов педагогов по профилактике буллинга среди детей и подростков.

Материалы и методы (Materials and methods)

Неоднородность и ограниченность ресурсов школы сказывается на динамике ее развития. Новые вызовы порождают новые цели и задачи, что порой обнажает ранее невидимые проблемы образовательной организации. Многие из этих проблем не могут быть решены на основе прежнего опыта. К таковым и относится проблема психологического насилия среди учащейся молодежи. Совершенствование работы школы может быть достигнуто за счет лучшего использования человеческого потенциала. Это, в свою очередь, предполагает целенаправленную работу по мотивации педагогического коллектива к созданию психологически безопасной образовательной среды. Тем более что учитель – это субъект, и предметом его воспитывающей и развивающей деятельности является другой человек, ребенок.

При решении этой задачи необходима специальная комплексная оценка деловых и межличностных отношений педагогов в коллективе, стиля руководства со стороны администрации школы, а также организационного, технического, методического и информационного обеспечения их деятельности. Все названные обстоятельства определяют характеристики мотивации в перспективах стратегического и тактического планирования профилактической деятельности [Формирование системы..., 2010].

Наиболее оптимальным для решения поставленной задачи выступает организационно-психологический анализ взаимодействия субъектов образовательного процесса в рамках создания психологически безопасной среды в школе. Ключевой идеей организационно-психологического исследования выступает анализ коллективных представлений педагогов о совершенствовании работы по профилактике школьного буллинга. В соответствии с этим замыслом учителям необходимо сформулировать адекватные цели и спроектировать эффективные направления развития профилактической работы, предварительно осознав и оценив организационную структуру управления школой. В игровой форме учителям

предлагается смоделировать функционирование профилактической системы в школе и оценить ее со стороны всех субъектов образования. Результатом игрового взаимодействия выступает осознание учителями декларативности собственных субъективных представлений о содержании и формах профилактической работы с подростковым буллингом. Как правило, учителя проецируют собственный травматический опыт столкновения с буллингом на формы и методы профилактической работы. Именно это противоречие выступает основным барьером в выстраивании эффективной профилактики школьного буллинга и фактором образования соответствующих психолого-педагогических дефицитов.

Организационно-психологический анализ позволяет выделить следующие уровни противодействия буллингу в образовательной организации: учитель или классный руководитель, администрация школы, родительская общественность, ученический коллектив, государство. Кратко охарактеризуем динамику распространения буллинга на указанных уровнях.

До того, как буллинг приведет к непоправимым последствиям, основным элементом в противодействии буллингу выступает учитель или классный руководитель. Однако его возможности ограничены следующими факторами. Во-первых, невозможность учителя применить какие-либо меры воздействия за пределами своего класса. Например, когда сталкивается с так называемым «вертикальным буллингом» – травлей учениками старших классов учеников из младшего звена, что не попадает в функциональное и правовое поле учителя конкретного класса. Во-вторых, ограничение нормами должностной инструкции. Ведь работа с жертвой буллинга и агрессором предполагает контакт намного больший, чем допустимо уставом школы. И в-третьих, отсутствием в школе контролируемой системы детской неформальной/параллельной иерархии (аналога скаутской или пионерской организации). Существующие же сейчас системы неформального иерархического взаимодействия молодежи часто попадают под влияние сообществ, исповедующих экстремистские взгляды – религиозные или полувоенные организации.

Администрация школы зачастую склонна к замалчиванию фактов буллинга до того, как события выйдут из-под контроля. В школах отсутствуют эффективные временные или постоянные органы, исключительной задачей которых было бы противодействие буллингу или хотя бы профилактика травли. Существующая система взаимодействия внутри школьного коллектива отличается большим разбросом норм и нормо- и правоприменительной практики. В результате учитель, пытающийся противодействовать буллингу, сталкивается со враждебным отношением учащихся, родителей и/или коллег. Имеется немало случаев буллинга (моббинга) учителей со стороны руководства школы и/или родителей, обычно кончающихся увольнением первых.

Не разработаны единые методы оценки эффективности противодействия буллингу. Это приводит к систематическим ошибкам, что, в итоге, не позволяет оценить эффективность метода и его применимость на

другой площадке или в других условиях. Также существуют организационные ограничения в плане применения лучших мировых практик борьбы с буллингом. Обращение к перспективному зарубежному опыту показывает, что наиболее эффективным методом противодействия буллингу является внешний перехват управления формированием неформальных иерархических отношений, приводящий к буллингу. В результате возникают параллельные иерархии, в которых жертва буллинга может оказаться в доминирующем положении по отношению к организатору буллинга. Это, в случае продолжения буллинга, поставит агрессора в невыгодную, уязвимую позицию. Однако, для формирования подобных иерархий, необходима системная внешкольная работа, которая не входит в обязанности учителей или руководства школы, а в ограниченном масштабе входит в обязанности органов управления системой образования.

В педагогическом, психологическом и родительском сообществах зачастую указывают на необходимость формирования системы наказаний за пределами Уголовного кодекса и Кодекса об Административных Правонарушениях в силу того, что по возрасту организаторы травли часто не подпадают под юрисдикцию уголовного законодательства. При этом правоохранительные органы вовлекаются в решение проблемы буллинга чаще всего тогда, когда совершено уголовно наказуемое деяние. Например, применение огнестрельного оружия или доведение до суицида. Тем не менее, эффективное противодействие буллингу в рамках административного законодательства также возможно, однако требует согласованных действий жертвы травли, учителей и родителей.

Отдельно следует отметить функциональное и компетентностное несовершенство школьного психолога. Обращение к нему в школе может привести к стигматизации ученика и неправомерной постановке психологического диагноза. Во многих зарубежных методиках указана важная роль психолога в профилактике и предотвращении буллинга [Olweus et al., 2010]. Однако дальнейший содержательно-деятельностный анализ показывает, что в качестве психолога чаще выступает профессиональный медиатор или конфликтолог, а не психолог в привычном нам понимании.

Дискуссия (Discussion)

Традиционно в психологии и педагогике в рамках проблемы профилактики буллинга разрабатываются методики оценки сформированности и развития психолого-педагогических и педагогических компетенций учителей [Баева, 2002; Kochenderfer-Ladd et al., 2008]. Однако практически отсутствуют методики оценки психолого-педагогических дефицитов педагогов [Кравцов, 2022]. Что и послужило основанием для разработки подобной методики.

Оценка результативности формирования психолого-педагогических дефицитов учителей по профилактике и предотвращению буллинга среди детей и подростков осуществлялась посредством метода организационно-

деятельностной игры [Мыскин, 2014]. Программа организационно-деятельностной оценки состояла из нескольких этапов.

Подготовительный этап включал составление сценария организационно-деятельностной игры (игровых сессий), определение целевой группы участников, определение методических и других материалов для проведения игры, составление расписания и назначение ответственных из числа рабочей группы.

Этап реализации включал проведение диагностических мероприятий входного тестирования участников, проведение организационно-деятельностной игры, проведение диагностических мероприятий выходного тестирования участников.

Завершающий этап включал обработку результатов входного и выходного тестирования, качественный анализ результатов организационно-деятельностной игры.

Важным условием организации оценки результативности оценки психолого-педагогических дефицитов по профилактике и предотвращению буллинга среди детей и подростков выступает то, что она должна осуществляться в учебном процессе, то есть без отрыва от производственной деятельности учителей.

Для оценки эффективности игрового воздействия была разработана Анкета «Исследование представлений педагогов о буллинге» (Е.Л. Бережковская, С.В. Мыскин) как вариант входного и выходного тестирования⁵¹. Опросник включает 40 основных и 7 дополнительных проблемных вопросов с возможностью выбора ответа из нескольких предложенных. Достоверность различий результатов входного и выходного тестирования измеряется при помощи Т-критерия Вилкоксона для парных и независимых выборок.

Игровой сценарий включает разработку проекта профилактики школьного буллинга с позиции одного из субъектов ситуации буллинга: буллер, жертва, свидетель, учитель, родитель, администрация. Для создания проекта системы профилактики все участники должны свободноделиться на пять проектных подгрупп. Каждая подгруппа самостоятельно составляла проект профилактической работы, одновременно являлась оппонентом для других подгрупп.

Сюжет игры предполагает два игровых действия. Во-первых, создание эскизного проекта организации профилактической работы образовательной организации, ориентированной на конкретную социальную роль субъекта ситуации буллинга. Во-вторых, организацию всестороннего критического обсуждения разработанных проектов и формирование представлений о комплексном построении соответствующей профилактической работы.

⁵¹ Мыскин С. В. Безопасная школа. Мониторинг и обеспечение безопасности образовательной среды в средней школе : учебное пособие / С. В. Мыскин, Е. Л. Бережковская, Л. Е. Олтаржевская ; Агентство социально-гуманитарных технологий. Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Агентство социально-гуманитарных технологий", 2023. 146 с.

Сюжет игры включал несколько игровых эпизодов (сессий): свободный выбор и организация проектной подгруппы, создание эскизного проекта профилактики буллинга, презентация и обсуждение, итоговый анализ результатов (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – План экспериментальных мероприятий по оценке психолого-педагогических дефицитов учителей по профилактике школьного буллинга

№№	Экспериментальное мероприятие
1	Инструктаж участников организационно-деятельностной оценки
2	Входное тестирование сформированности психолого-педагогических компетенций с использованием анкеты «Исследование представлений педагогов о буллинге»
3	Организационно-деятельностная сессия «Формирование игровых групп»
4	Организационно-деятельностная сессия «Составление проектов профилактики буллинга в образовательных организациях»
5	Организационно-деятельностная сессия «Защита проектов»
6	Групповая рефлексия, подведение итогов игры
7	Выходное тестирование сформированности психолого-педагогических компетенций с использованием анкеты «Исследование представлений педагогов о буллинге»
8	Интерпретация результатов организационно-деятельностной оценки

Игровое взаимодействие направлено на восполнение следующих групп психолого-педагогических дефицитов учителей. Группа информационных психолого-педагогических дефицитов восполняет знания: содержательных аспектов и организационно-педагогических условий применения психолого-педагогических технологий выявления буллинга в детской и подростковой среде; смыслового содержания понятия «поведенческие паттерны учителя» и условий оптимального выбора способов поведения в условиях буллинга в детской и подростковой среде; основ правового регулирования отклоняющегося поведения детей и подростков. Группа прикладных психолого-педагогических дефицитов включает умение: находить и использовать элементы психологических технологий выявления буллинга в детской и подростковой среде; определять цели и задачи мероприятий по профилактике и предотвращению буллинга среди детей и подростков, планировать образовательный процесс с учетом особенностей возраста, класса, отдельных обучающихся и в соответствии с законодательными нормами; использовать различные средства, методы и формы организации образовательного процесса, общения и сотрудничества обучающихся в области профилактики и предотвращения буллинга среди детей и подростков; планировать и проводить коррекционно-развивающую работу с обучающимися, имеющими склонности в выборе способов отклоняющегося поведения; устанавливать педагогически целесообразные взаимоотношения с обучающимися; интерпретировать результаты диагностики проявления буллинга среди детей и подростков; осуществлять самоанализ, самоконтроль

при проведении системы мероприятий, направленных на профилактику и предотвращение буллинга среди детей и подростков.

Результаты (Results)

Оценка восполнения психолого-педагогических дефицитов учителей по итогам проведенных организационно-деятельностных сессий осуществлялась по нескольким категориям. Прежде всего оценивались изменения в степени осознанности педагогами личного опыта переживания буллинга, выявленные в ходе качественного анализа ответов на дополнительные проблемные вопросы (2-я часть опросника). Несмотря на исследовательское предположение о том, что учителя имеют четкие представления о фактах буллинга в своей жизни, результаты повторного тестирования показали обратное. Четвертая часть педагогов (14,3%), ранее уверенных в собственных переживаниях ситуации буллинга, изменили свое мнение. Другими словами, они усомнились в своих знаниях о том, что такое буллинг, и с ним ли вообще имели дело в прошлом. При этом почти половина учителей (8,5%) обнаружили (к удивлению для себя) личную вовлеченность в ситуацию психологического насилия. Увеличилась процентная доля сомневающихся педагогов (до 37%). Произошедшие изменения позволяют утверждать, что проблемная игра способствовала переосмыслению педагогами собственного опыта.

Это допущение подтвердили сравнения показателей и по ряду других вопросов. Так, процентное соотношение ответов учителей на вопрос «Вы сразу поняли, что это буллинг?» изменилось следующим образом: доля утвердительных ответов снизилась с 64,3% до 37,5%, ответы «нет» дали 25% респондентов по сравнению с предыдущим показателем в 28,6%, а процент сомневающихся вырос с 7,1% до 37,5%. Сравнение ответов на вопрос «Вы сразу понимали, что Вам делать в сложившейся ситуации?» также выявила определенную динамику: процентный показатель положительных ответов изменился с 35,7% до 25%, число отрицательных ответов уменьшилось с 50% до 37,5%, а также увеличилось количество ответов «не знаю» с 14,3% до 37,5%.

Результаты повторного тестирования по основной части опросника были подвергнуты количественной обработке (Т-критерий Вилкоксона), в ходе которой также выявлены выразительные статистически значимые различия. Учитывая большой объем аналитических данных, приведем сравнительный анализ средних результатов по выборке до и после формирующего воздействия (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Сравнительный анализ статистической достоверности различий между показателями психолого-педагогических дефицитов учителей до и после организационно-деятельностной игры по Т-критерию Вилкоксона

№	Вопросы	До	После
1	Буллинг – выдумка американцев	-1,83**	-0,79**
2	Буллинг – ужасная современность	-0,16	-0,28
3	Слишком балуют дома, потакают им во всем	0,08	0,23

№	Вопросы	До	После
4	Почти всех дразнили и обижали, и никто от этого не умер	-0,75*	-0,38*
5	Дети должны сами разбираться, не надо вмешиваться	-1,33	-0,92
6	Школа для учебы, есть правила, а отношения – личное дело	0,75*	-0,03*
7	Жертва сама не умеет найти общий язык	-0,87*	-0,1*
8	Жертва сама нарывается или она из неблагополучной семьи	-0,67	-0,64
9	Буллинг – неблагополучие в социальной структуре класса	0,25	0,46
10	Буллинг – жертва неправильно ведет себя и раздражает	-1,5*	-1,05*
11	Буллеры – это испорченные дети, если их нет – и травли не будет	0,25*	-0,44*
12	Не агрессивные пассивные буллеры боятся заводить, поэтому буллят	-0,08	0,56
13	Любой школьник понимает, что он делает, когда он издевается	0,33*	-0,41*
14	Младший школьник может не понимать, но подросток уже должен	0**	0,74**
15	В хорошем классе не бывает буллинга	1	0,81
16	У буллинга есть причина. Если ее устранить, все прекратится	1,25*	0,16*
17	Надо поговорить с родителями жертвы, пусть научат ее общению	-0,59*	-0,02*
18	Надо поговорить с родителями буллера, пусть они его воспитают	0,75	0,85
19	Буллинг – не дело учителя. Дело психолога, тьютора	-1,16*	-0,64*
20	Если ребенок застенчив и не уверен в себе, будет жертвой	-1,17	-0,87
21	Буллят детей с необычной внешностью: толстых, рыжих и пр.	0,08*	-0,44*
22	Буллеры – рано повзрослевшие, претендуют на взрослость	0,08	-0,2
23	Есть не агрессивные дети, охотно присоединяющиеся к травле	0,08	0,48
24	Некоторые присоединяются к травле, чтобы не стать жертвой	1,16	0,85
25	Появление в классе травли требует срочного вмешательства	1,75	1,87
26	Педагог должен уметь разбираться в отношениях учащихся	1,75	1,87
27	Педагог должен знать, когда ему нужна помощь специалистов	-1,83*	-1,09*
28	Нужно обсуждать буллинг в классе и выработать общее мнение	-0,06*	0,38*
29	Задуманные разговоры с буллерами бесполезны	1,25*	0,38*
30	Поговорить в классе по душам, пристыдить ребят: каково жертве	-0,5*	0,43*
31	Послать жертву на тренинг уверенности в себе	0	0,49
32	Групповые тренинги в классе – потеря времени	-1,17	-0,92
33	Многие боятся сочувствовать, чтобы самим не стать жертвой	1*	0,52*
34	Обсуждать в классе не стоит, ведь многие дети ни при чем	-0,33	-0,92
35	Меньше не учебных дел в школе, тогда и для буллинга не будет места	0,58*	-0,03*
36	Срочно собрать родительское собрание и обсудить ситуацию	0,75	0,38
37	Профилактика – создать условия для реализации интересов	-0,03*	0,67*
38	На уроках буллинга нет, и профилактику его не получится вести	-1,08*	-0,56*
39	На уроках самая эффективная профилактика, ведь там нет места буллингу	0,42	0,38
40	Причина – недостаток интересного содержания	0,58	0,67

* - $p \leq 0,05$

** - $p \leq 0,01$

Как видно из таблицы 2, значимые изменения в представлениях педагогов о буллинге и формах профилактической работы с ним выявлены по таким параметрам, как: признаки субъектности и профессиональной позиции учителя в различных ситуациях проявления буллинга среди детей и подростков (13, 19, 27); вероятность успешной борьбы с буллингом (4, 11, 30); антибуллинговая компетентность классного руководителя (личностная и профессиональная готовность) (1, 10, 14); маркеры буллингоподобного поведения (7, 21); условия эффективности профилактики буллинга в детской и подростковой среде (37, 38); действия педагога по урегулированию ситуации буллинга в детском и подростковом коллективах обучающихся (16, 17, 28); системный уровень профилактики и предупреждения буллинга (6, 35).

Необходимо отметить, что устойчивые представления учителей о психологическом насилии, а также их отношение и действия в соответствующих ситуациях, которыми они обладали до экспериментального воздействия, не могли сами собой поменяться за короткое время игровых сессий. Следовательно, это результат экспериментального воздействия. Как видно из представленных данных, сомнения о верности своих представлений о сущности буллинга, его объективных признаках и адекватных действиях обнажают дефициты соответствующих знаний и умений у педагогов, и в то же время служат активизации поисковой, познавательной деятельности в этом вопросе, что и выступает залогом, во-первых, восполнения вскрытых дефицитов, а во-вторых, формирования профессионального сознания.

Наряду с позитивными сдвигами в сторону проактивной позиции педагогов в деле профилактики буллинга среди подростков вскрылись факты, вызывающие особое беспокойство. Даже после интенсивного погружения в игровой сюжет, часть учителей остались на своей непрофессиональной и спорной позиции. Например, в том, что дети сами должны решать свои проблемы, а взрослые не должны вмешиваться. При этом такие педагоги возлагают ответственность на самих детей в вопросах осведомленности о буллинге и необходимых действиях в таких ситуациях. Подростковый возраст – очень сложный, разноплановый и противоречивый для ребенка период. Ему сложно без поддержки значимого взрослого осознать суть отношения к другим. И, декларируя такие «долженствования» в отношении идеального, не реалистичного образа ученика, педагоги лишь подчеркивают собственный дефицит знаний по возрастной и педагогической психологии.

Заключение (Conclusion)

Подростковый буллинг приводит к тяжелым последствиям для психологического и физического здоровья детей. Кроме того, порой не учитываются социально-экономические и культурные последствия: затраты на реабилитацию жертв, а порой, свидетелей буллинга; ущерб общественной стабильности и национальной безопасности; экспансия ценностей культуры «выживает сильнейший» и др. Данные обстоятельства выводят проблему буллинга из разряда частного феномена детских межличностных отношений на уровень общественной проблемы.

Представленная в данной статье методика оценки психолого-педагогических дефицитов учителей по профилактике буллинга среди детей и подростков отчасти вскрывает масштаб недооценки обществом обсуждаемой проблемы, неготовность профессионального сообщества к эффективному ее решению. И прежде всего профессионального педагогического сообщества. Субъективность отношения учителей к подростковой агрессии, стереотипизация и мифологизация понимания феномена буллинга, отсутствие системных знаний по профилактике и предотвращению психологического насилия вскрывают явную рассогласованность личных мотивов педагогов с целями и ценностями современной системы образования, с актуальными запросами общества.

Целью данного исследования выступало описание теоретической основы и апробация методики оценки психолого-педагогических дефицитов учителей по профилактике буллинга среди подростков. Методика показала свою эффективность при групповой работе с педагогическими коллективами школ. Это было обусловлено использованием в качестве основного методического приема организационно-деятельностной игры. В совокупности с инструментами входного и выходного тестирования методика позволяет оценить не только содержание выявленных психолого-педагогических дефицитов педагогов, но и раскрыть динамику их восполнения.

Итоговым результатом апробации методики является повышение у педагогов уровня рефлексивности в отношении проблемы психологического насилия среди детей и подростков. Также можно отметить положительную динамику по следующим параметрам: формирование единого мнения в отношении ключевых аспектов проблемы буллинга; рост неопределенности педагогов в отношении некоторых, ранее стереотипно и мифологически воспринимаемых аспектов буллинга; конкретизация представлений учителей об особенностях и мерах профилактики подросткового буллинга.

В целом, описанная методика оценки психолого-педагогических дефицитов учителей по проблеме буллинга является эффективным входным компонентом в структуре учебной программы переподготовки школьных педагогов.

Библиографический список

- Баева И. А.* Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 271 с.
- Исаев Е. И.* Становление и развитие профессионального сознания будущего педагога / Е. И. Исаев, С. Г. Косарецкий, В. И. Слободчиков // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 57-66. EDN TSYHVL.
- Кисляков П. А.* Психологическая безопасность: / П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева. Красноярск: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-инновационный центр", 2024. 270 с. DOI 10.12731/978-5-907608-21-4. EDN PKDNPU.
- Кравцов Л. Г.* Психологические особенности профессионального педагогического сознания и его возможные дефициты // Организационная психоллингвистика. 2022. № 3(19). С. 10–31. EDN OLYUQX.
- Кривцова С. В.* Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия / С. В. Кривцова, А. Н. Шапкина, А. А. Белевич // Образовательная политика. 2016. № 3(73). С. 97-119. EDN LYGICN.

Мыскин С. В. Организационно-деятельностная игра как способ формирования языкового профессионального сознания // Вопросы психолингвистики. 2014. № 20. С. 56-59. EDN SIPBEX.

Руланн Э. Как остановить травлю в школе. Психология моббинга. Пер. с норвежского. М: Генезис, 2012. 264 с.

Собкин В. С. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) / В. С. Собкин, М. М. Смылова // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 2. С. 71-86. EDN SHBUOJ.

Филатова В. О. Буллинг в российской школе: что говорят ученики и что знают учителя / В. О. Филатова, М. Л. Бутовская, О. В. Калининченко // Вопросы психологии. 2018. № 2. С. 27-41. EDN XURTYT.

Формирование системы мотивации учительского труда. Как мотивировать учительский труд? / С. В. Мыскин, С. Д. Сазонова, А. Л. Вегержинская [и др.] // Инновационные проекты и программы в образовании. 2010. № 2. С. 14-18. EDN MUWEGZ.

Шапкина А. Н. Из опыта антибуллинговой работы в Германии // Известия АСОУ. 2015. № 3–2. С. 59-68. EDN WDHSMR.

A cross-national profile of bullying and victimization among adolescents in 40 countries / W. Craig, Y. Harel-Fisch, H. Fogel-Grinvald [et al.] // International Journal of Public Health. 2009. Vol. 54, № 2. P. 216-224. DOI 10.1007/s00038-009-5413-9. EDN CPHMYB.

Kochenderfer-Ladd B. Teachers' views and beliefs about bullying: Influences on classroom management strategies and students' coping with peer victimization / B. Kochenderfer-Ladd, M. E. Pelletier // Journal of School Psychology. 2008. № 46(4). Pp. 431-453. DOI 10.1016/j.jsp.2007.07.005.

Olweus D. The Olweus Bullying Prevention Program: Implementation and evaluation over two decades / D. Olweus, S. P. Limber // In The Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective. New York: Routledge, 2010. Pp. 377-401.

Understanding the bullying dynamic among students in special and general education / S. M. Swearer, C. Wang, J. W. Maag, A. B. Siebecker, L. J. Frerichs // Journal of School Psychology. 2012. № 50(4). Pp. 503-520. DOI 10.1016/j.jsp.2012.04.001.

References

Baeva I. A. (2002). Psychological Safety in Education. St. Petersburg: Soyuz, 2002. 271 p. (In Russian)

Craig W., Harel-Fisch Y., Fogel-Grinvald H. [et al.]. (2009). A cross-national profile of bullying and victimization among adolescents in 40 countries. International Journal of Public Health. 54(2): pp. 216-224.

Filatova V. O., Butovskaya M. L., Kalinichenko O. V. (2018). Bullying in Russian Schools: What Students Say and What Teachers Know. *Questions of psychology*. 2: pp.27-41. (In Russian)

Isaev E. I., Kosaretsky S. G., Slobodchikov V. I. (2000). Formation and Development of the Professional Consciousness of Future Teachers. *Questions of psychology*. 3: pp.57-66. (In Russian)

Kislyakov P. A., Shmeleva E. A. (2024). Psychological Safety: Psychodiagnostics. Krasnoyarsk: LLC Scientific and Innovation Center, 2024. 270 p. DOI 10.12731/978-5-907608-21-4. (In Russian)

Kochenderfer-Ladd B., Pelletier M. E. (2008). Teachers' views and beliefs about bullying: Influences on classroom management strategies and students' coping with peer victimization. *Journal of School Psychology*. 46(4): pp.431-453.

Kravtsov L. G. (2022). Psychological Features of Professional Pedagogical Consciousness and Its Possible Deficits. *Organizational Psycholinguistics*. 3(19): pp.10-31. (In Russian)

Krivtsova S. V., Shapkina A. N., Belevich A. A. (2016). Bullying in Schools around the World: Austria, Germany, and Russia. *Educational Policy*. 3(73): pp.97-119. (In Russian)

- Myskyn S. V. (2014). Organizational and Activity Game as a Way to Form a Language Professional Consciousness. *Issues of Psycholinguistics*. 20: pp.56-59. (In Russian)
- Myskyn S. V., Sazonova S. D., Vegerzhinskaya A. L. [et al.] (2010). Formation of a Teacher's Work Motivation System. How to Motivate Teacher's Work? *Innovative Projects and Programs in Education*. 2: pp.14-18. (In Russian)
- Olweus D., Limber S. P. (2010). The Olweus Bullying Prevention Program: Implementation and evaluation over two decades. *In The Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective*. New York: Routledge, 2010. Pp. 377-401.
- Rulann E. (2012). How to stop bullying at school. Psychology of mobbing. Translated from Norwegian. Moscow: Genesis, 2012. 264 p. (In Russian)
- Shapkina A. N. (2015). From the experience of anti-bullying work in Germany. *Izvestiya ASOU. Scientific Yearbook*. 3-2: pp.59–68. (In Russian)
- Sobkin V. S., Smyslova M. M. (2014). Bullying in the School: The Influence of the Sociocultural Context (Based on a Cross-Cultural Study). *Social Psychology and Society*. 5(2): 71-86. (In Russian)
- Swearer S. M., Wang C. J., Maag W. A., Siebecker B. L., Frerichs J. (2012). Understanding the bullying dynamic among students in special and general education. *Journal of School Psychology*. 50(4): pp.503-520.

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

06.11.2025
24.11.2025
07.03.2026

Received
Accepted for publication
Published

06.11.2025
24.11.2025
07.03.2026

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

УДК 378

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_220

EMOTIONAL INTELLIGENCE OF THE UNIVERSITY TEACHER AS A TOOL FOR SUCCESSFUL WORK

*Irina V. Erofeeva,
orcid.org/0000-0001-5653-2792,
Doctor of Philosophy, Associate Professor
Transbaikal State University,
30, Aleksandro-Zavodskaya street
Chita, 672039, Russia
irina-jour@yandex.ru*

*Svetlana E. Kaplina,
orcid.org/0000-0001-7564-4909,
Doctor of Pedagogy, Professor
Transbaikal State University,
30, Aleksandro-Zavodskaya street
Chita, 672039, Russia
kse2000@list.ru*

Abstract. The authors have made an analysis of possible components of high emotional intelligence of the university teacher. These components affect the teacher's successful professional activity that meets his / her expectations and brings satisfaction. The results of the study include the results of a survey conducted by 52 teachers of philological areas of training in various universities of Russia: Transbaikal State University (ZabGU), South Ural State University (SUSU), Saint Petersburg Humanitarian University (SPbHU).

Keywords: emotional intelligence, teacher of higher education institution, successful activity, meaning-making, pedagogical axiology.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА КАК ИНСТРУМЕНТ УСПЕШНОЙ РАБОТЫ

*Ирина Викторовна Ерофеева
orcid.org/0000-0001-5653-2792,
доктор филологических наук, доцент
Забайкальский государственный университет,
ул. Александрo-Заводская, 30
Чита, 672039, Россия
irina-jour@yandex.ru*

*Светлана Евгеньевна Каплина,
orcid.org/0000-0001-7564-4909,
доктор педагогических наук, профессор
Забайкальский государственный университет,
ул. Александрo-Заводская, 30
Чита, 672039, Россия
kse2000@list.ru*

Аннотация. Предлагается анализ возможных компонентов высокого эмоционального интеллекта преподавателя вуза, влияющих на его успешную профессиональную деятельность, которая соответствует ожиданиям и приносит удовлетворение. Результаты исследования включают итоги проведенного опроса 52 педагогов филологических направлений подготовки разных вузов России: ЗабГУ, ЮУрГУ, СПбГУ.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, педагог высшего учебного заведения, успешная деятельность, смыслополагание, педагогическая аксиология.

Introduction

Emotional intelligence is an actual and often discussed topic of modern scientific research in different fields of knowledge. Taking into consideration the radical changes in social and political life, the hybrid wars and the danger of man-made catastrophes, this question has long become interdisciplinary and related to different aspects of personal life – from career to family relationships. Under conditions of higher vocational education ambiguous development, its permanent standardization accompanied by increased demands on the part of management and employers, having emotional intelligence for a teacher, who continues his / her professional activity is the key to successful work and self-preservation.

The aim of our study is to identify and characterize the components of the emotional intelligence of the university teacher which are necessary for his / her successful work. The analysis of the proposed topic has involved sociological survey, ranking, axiological approach, as well as theoretical analysis of scientific literature on the essence, features of manifestation and structure of emotional intelligence.

Discussion and results

In psychology, emotional intelligence is considered as a set of human skills and abilities to manage emotions, as well as identify them, understand and interpret intentions and desires, both other people and his / her own for specific tasks [Андреева, 2011].

John Mayer and Peter Seloway noted the potential of the brain to process and use information for various cognitive purposes, relying on emotion [Mayer et al., 1993]. In 1995, the psychologist and journalist Daniel Golman highlighted and described a set of competencies of the emotional sphere of a person whose training will allow to become successful [Гоулман, 2021, с. 36]. According to the researcher, developed emotional intelligence is a necessary foundation of mental health and effective leadership.

A. A. Aleksandrova and T. V. Gudkov have come to the conclusion that developed emotional intelligence allows a person to be in stable positive behavior, strive for activity, increase the rate of human development [Гудкова и др., 2014, с. 157].

In the current context of the modern information war, A.A. Kovalev writes about the usefulness of emotional intelligence in providing mental security and emotional support to people who need help under stress and depression [Ковалев, 2023].

In applied research in different occupational spheres of activity emotional intelligence is considered in relation to coping strategies and success factors [Chung et al., 2019; Schröder et al., 2022], special importance is given to the purposeful development of human emotional intelligence [Линн, 2019].

Most scientists see a connection between the level of emotional intelligence development and the general level of spirituality of the person development, his / her system of values, the meaning of life preferences that are formed in the process of children's spiritual development from naivety to conscious spirituality. As far as we know, emotions are refracted through the prism of spiritual values of human existence [Дружинина и др., 2013]. Conscious spirituality is developed through emotional intelligence and contributes to the development of important qualities in a child: shame and sense of conscience, love for people [Винокурова, 2018]. D. Holman argues that «empathy lies at the basis of many aspects of moral assessment and behavior» [Гоулман, 2021, с. 48].

According to a large-scale survey of teachers, there is a correlation between the social competence of the teacher and spiritual, emotional intelligence, which promotes productive communication with students and more effective work of the teacher [Сирьянто и др., 2018]. Scientists have also highlighted the relationship between the management of emotions and morality, which manifests itself in truthfulness and responsibility for their actions [Даукша и др., 2020].

The teacher's emotional intelligence realizes itself in two directions:

1. in the process of one's own personality perfection and self-actualization when it manifests itself in self-knowledge (understanding of own emotions and feelings, awareness of inner state), reflexes and self-regulation (ability to control your emotions and behavior, avoid impulsive reactions);
2. in the process of communication it reflects formed social skills, level of social cognition and potential for interaction with others, including empathy (ability to feel and understand other people's emotions).

The teacher with a high level of emotional intelligence is able to create a comfortable atmosphere in the classroom, build trusting relationships with students and colleagues, thereby increasing the educational process efficiency.

Taking into account different approaches and views of researchers [Мещерякова, 2022], the tasks of emotional intelligence in pedagogical activities are directly related to the following areas of work:

- assessment and identification of their own and others' emotions in the process of pedagogical communication; managing emotional state; intellectual reflexes in the process of awareness and acceptance of states and feelings; identification and recognition of students and colleagues' emotions, as it provides a comfortable psychological climate in the team necessary for successful work;
- process of self-presentation among the staff, construction of a holistic image of the teacher, implying respectful relationship between the subjects of the educational process;
- building relationships and connections through adequate expression of emotions and their control; maintaining a productive life thanks to emotional stability, despite changes in the external environment;

- effective solving of new problems and questions;
- providing timely psychological support to students and help in solving emerging problems, successful resolution of emerging conflict situations, turning destructive conflict into constructive; as high level of emotional intelligence helps to find common language and close communication with colleagues and students, bridging the gap between expectations and reality;
- preventing emotional burnout. Emotional intelligence contributes to the effective performance of the teacher's professional activity, increases his / her self-realization and satisfaction with the performed work, reduces the level of problems and maintain mental health.

There is a direct relationship between emotional intelligence and the spiritual-moral values of the teacher. The general level of the teacher's spirituality development determines the specificity and direction of his / her emotional reaction. The ability to understand students' emotions helps to find individual approach to each student, takes into account the features of his / her character and temperament. This promotes trust and understanding between the teacher and students.

A teacher with an advanced emotional intelligence is able to inspire his / her students, arouse interest in the subject and stimulate the desire to learn. Such teachers create conditions in which students feel support and confidence in their own abilities, as well as their level of intelligence allows them to quickly and constructively resolve emerging conflicts. The teacher is able to listen to both sides, analyze the situation and propose solutions that satisfy all parties involved in the conflict.

The constant energy cost of the teacher's work supported by the sense – the active state of the human spirit in the paradigm of semiotic meanings. Such meanings as a rule become necessary tools for reaction and assessment of events, module of experience and communicative models reproduction. In the context of meaning, differentiation, awareness and expression of feelings, their control and degree of acceptance depends on the value preferences of the teacher, the ability to see the role and significance of events.

In an attempt to see and identify possible contexts of the emotional intelligence manifestation in the university teacher, we have conducted a survey. 52 teachers of different challenges of Russia have participated in it: Transbaikalian State University (ZabGU), South Ural State University (SUSU), Saint Petersburg Humanitarian University (SPbHU).

The study was conducted using materials and diagnostic methods of self-assessment by C.D. Spilberger, L. Khanina (assessment of situational and personal anxiety) [Диагностика..., 2002], emotional intelligence by E.A. Sergienko [Сергиенко и др., 2009], as well as the questionnaire «Psychological portrait of the teacher» by G. V. Rezapkina [Резапкина, 2006].

The survey has revealed a clear discrepancy between the positive desire to work (Fig. 1) and the feeling of helplessness in wanting to change the problematic situations that arise (Fig. 2)

I feel a burst of energy, a desire to work

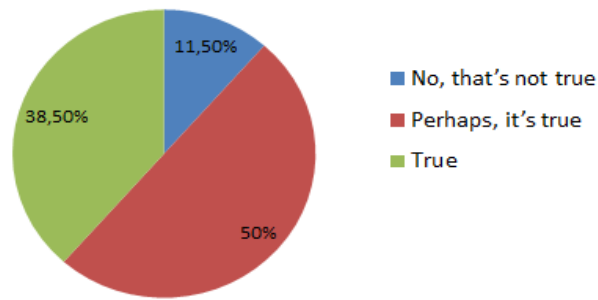

Figure 1 – The respondents' desire to work

I often feel helpless when I want to make a difference at work

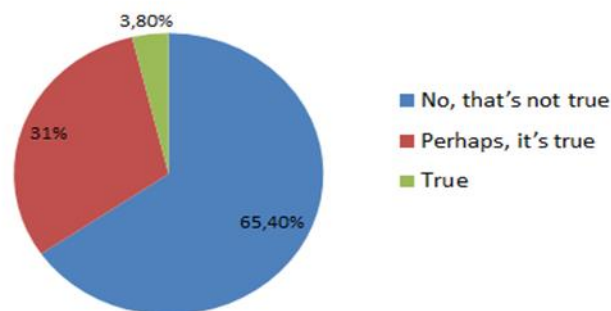

Figure 2 – The respondents' desire to change the problematic situations

The results of the study have showed that in general satisfaction with work (96%), teachers experience discomfort and anxiety, which are mainly related to lack of sufficient time for rest (60,6%). 55,7% of teachers are worried about possible difficulties in the work. Behavior and attitude of students upset 22% of teachers. 31% of teachers are uncomfortable with the negative attitude of the leadership.

Almost 17% are concerned about the sometimes unfair and biased attitude of employers towards higher education. As a result, external pressure causes more than 40% of the respondents to feel helpless in wanting to change something at work.

Interestingly, 23,1% lack confidence in themselves and their abilities. There are enough teachers with a low level of subjective control who are very worried about external circumstances. Emotional tension provokes insomnia; thoughts about work prevent sleep almost 61,5% of the respondents. The work is given at the cost of great stress 46,1% of the respondents. 34,6% of the polled teachers need support of their relatives and colleagues.

Nevertheless, the prevailing emotional reflexes are supported by the empathy and sensitivity of teachers, their love for others and for life in general, responsibility

and wisdom. More than 88% of teachers feel a surge of energy, high spirits and desire to work, 94,3% of the respondents have no irritation towards undisciplined students,

96% find themselves strong enough to cope with difficulties. At the same time, teachers adequately assess reality and worry about possible difficulties in work (71%). It is disappointing that 28% of the respondents feel professional burnout.

Discussion and conclusion

The study has showed that the teacher's emotional intelligence reflects his / her vision of the world and spiritual potential of his / her personality. Emotional intelligence is manifested in the following qualities of the person – adequate self-esteem, independence and self-confidence, ability to achieve set goals; developed emotional self-consciousness and having sensory experience, that encourages emotional creativity in choosing strategies and working methods; social courage and open polite communication with flexibility of effective dialogue and negotiation.

Also the high emotional intelligence of a university teacher is usually associated with the set of certain values of the teacher's personality: social responsibility and wisdom in decision-making; honesty and ability to defend their values without taking into account external influence and evaluations [Линн, 2019, с. 57-58]; compassion, sensitivity and soul, optimism and love of life, other people and chosen profession, which allows to be sufficiently stress-resistant, inspire himself / herself and others in educational work.

It should be recognized that the emotional intelligence development is a long and continuous process, requiring self-analysis, self-regulation techniques, and the teacher's desire to improve in this direction. Undoubtedly, professional deformation is caused by external and internal circumstances, but the locus of their control lies in the teacher's world – in his social courage, level of freedom and independence, confidence in the value mission of our profession, important as a student, for society as a whole.

Библиографический список

- Андреева И. Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюк : ПГУ, 2011. 388 с. EDN TVEKRD.
- Винокурова О. В.* Об эмоциональном компоненте в динамике духовного развития ребёнка // Молодёжь: свобода и ответственность. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. Выпуск III. Борисоглебск: Воронежский государственный университет, 2018. С. 11-15. EDN YWIGGL.
- Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект / перевод с англ. А.П. Исаевой. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2021. 545 с.
- Гудкова Т. В.* Особенности эмоционального интеллекта подростков в условиях раздельного и смешанного обучения / Т. В. Гудкова, А. А. Александрова // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 156-161. EDN TFGACR.
- Даукша Л. М.* Связь духовного и эмоционального интеллекта студентов / Л. М. Даукша, Т. В. Милахович // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы международной научно-практической конференции. 2020. № 8. С. 58-64. EDN GKIZII.

- Диагностика эмоционально-нравственного развития / Сост. и ред. И. Б. Дерманова. СПб. : Речь, 2002 (Тип. ООО ИПК Бионт). 171 с.
- Дружинина И. А. Переход от эмоций к духовности в "разрезе бытия" / И. А. Дружинина, Н. М. Солодухо // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. 2013. № 3. С. 214-217. EDN GKIZII.
- Ковалев А. А. Роль философии в разработке стратегий обеспечения ментальной безопасности в условиях «гибридных войн» современности // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 4. С. 31-41. DOI 10.21209/1996-7853-2023-18-4-31-41. EDN WJBG0E.
- Линн А. Сила эмоционального интеллекта. Как его развивать для работы и жизни. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2019. 320 с.
- Мещерякова М. И. Изучение эмоционального интеллекта: возникновение понятия "эмоциональный интеллект", его компонентов и функций // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXIII национальной научной конференции (с международным участием). Таганрог, 2022. С. 762-765.
- Резапкина Г. В. Отбор в профильные классы. М.: Генезис, 2006. 124 с. EDN QVDBOJ.
- Сергиенко Е. А. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера-Сэловея-Карузо (MSCEIT V2.0) / Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 6(8) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/951/488> (дата обращения: 28.03.2025)
- Сирьянто Т. Взаимодействие эмоционального и духовного интеллекта в рамках развития социальной компетентности педагога экономических специальностей / Т. Сирьянто, В. А. Бондаренко // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2018. № 3 (63). С. 61-68. EDN VNNYXU.
- Chung M. C. The interrelationship between policemen's coping strategies and features of emotional intelligence / M. C. Chung, R. Sh. Sabirova, M. M. Umurkulova // Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series. 2019. Vol. 94/ № 2. С. 120-126.
- Mayer J. D. The intelligence of Emotional Intelligency / J. D. Mayer, P. Salovey // Intelligence. 1993. № 17. P. 433-442.
- Schröder K. Die emotionale intelligenz - ein erfolgfaktor weiblicher führungskräfte? / K. Schröder, P. Siegfried // Beneficium. 2022. № 2 (43). С. 112-120. DOI 10.34680/BENEFICIUM.2022.2(43).112-120. EDN XIBZUA.

References

- Andreeva I. N. (2011). Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology. Novopoltsk: PGU, 2011. 388 p. (in Russian)
- Chung M. C., Sabirova R. Sh., Umurkulova M. M. (2019). The interrelationship between policemen's coping strategies and features of emotional intelligence. *Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series.* 94(2): 120-126.
- Dauksha L. M., Milakhovich T. V. (2020). Connection of spiritual and emotional intelligence of students. *Personality in culture and education: psychological support, development, socialization: international scientific-practical conference materials.* 8: 58-64. (in Russian)
- Diagnosis of emotional-moral development / Sost. and Red. I. B. Dermanova. Saint Petersburg: Speech, 2002 (Type. LLC IEC Biont). 171 p. (in Russian)
- Druzhinina I. A., Soloduco N. M. (2013). Transition from emotions to spirituality in the "intersection of being". *News of Kazan State Technical University A. N. Tupoleva.* 3: 214-217. (in Russian)
- Golman D. (2021). Emotional intelligence / translation from Engl. A.P. Isaeva. Moscow: «Mann, Ivanov and Ferber», 2021. 545 с. (in Russian)
- Gudkova T. V., Aleksandrova A. A. (2014). Features of emotional intelligence of adolescents in separate and mixed learning. *Siberian pedagogical journal.* 6: 156-161. (in Russian)

- Kovalev A. A. (2023). The role of philosophy in the development of strategies to ensure mental security under conditions of «hybrid wars» of modernity. *Humanitarian vector*. 18(4): 31-41. (in Russian)
- Lynn A. (2019). The power of emotional intelligence. How to develop it for work and life. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 320 p. (in Russian)
- Mayer J. D., Salovey P. (1993). The intelligence of Emotional Intelligence. *Intelligence*. 17: 433-442.
- Mescheryakova M. I. Study of emotional intelligence: emergence of the concept «emotional intelligence», its components and functions. *Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, issues of law enforcement and training: Materials of XXIII national scientific conference (with international participation)*. Taganrog, 2022. p. 762-765. (in Russian)
- Rezapkina G. V. (2006). Selection in profile classes. Moscow: Genesis, 2006. 124 p. (in Russian)
- Schröder K., Siegfried P. (2022). Die emotionale Intelligenz – ein Erfolgsfaktor weiblicher Führungskräfte? *Beneficium*. 2(43): 112-120.
- Sergienko E. A., Vetrova I. I. (2009). Emotional intelligence: Russian-language adaptation of the Mayer-Selloway-Caruso test (MSCEIT V2.0). *Psychological research*. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/951/488> (accessed 28.03.2025). (in Russian)
- Sirianto T., Bondarenko V. A. (2018). Interaction of emotional and spiritual intelligence in the framework of social presence development in the teacher of economic specialties. *Bulletin of the Rostov State Economic University (INN)*. 3(63): 61-68. (in Russian)
- Vinokurova O. V. (2018). About the emotional component in the dynamics of spiritual development of the child. *Youth: freedom and responsibility. Materials of the annual Mitrofanov church-historical readings*. 3: 11-15. (in Russian)

Поступила в редакцию	17.01.2026	Received	17.01.2026
Принята в печать	06.02.2026	Accepted for publication	06.02.2026
Опубликована	07.03.2026	Published	07.03.2026

УДК 373.291 (571.54)

ББК 74.102.413 (2 Рос=Бур)

С 57

DOI 10.51955/2312-1327_2026_1_228

ТЕХНОЛОГИЯ МОНОЛИНГВАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

*Сономбал Цыденович Содномов^{1,2},
orcid.org/0000-0002-9276-0925,*

доктор педагогических наук, профессор

*¹ГАУ ДПО РБ «Бурятский республиканский институт,
образовательной политики»*

ул. Советская, 30

Улан-Удэ, 670000, Россия

главный эксперт

*²Центр родных языков
и культур народов РФ РАО,*

ул. Погодинская, 8

Москва, 119121, Россия

sodnomov65@mail.ru

Дарима Батуевна Дашиева,

orcid.org/0009-0002-4683-2569,

МАДОУ «Детский сад №52 «Ая-ганга»

общеразвивающего вида г. Улан-Удэ,

ул. Бау Ямпилова, 9

Улан-Удэ, 670000, Россия

dashieva01@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы сохранения бурятского языка в детском возрасте путем внедрения технологии монолингвального воспитания и обучения в дошкольных образовательных учреждениях. Рассматриваются основные причины утраты языка, подчеркиваются важность ранней языковой среды и необходимость специального педагогического подхода. Представлены цели, задачи и содержание методики, включающее активизацию словарного запаса, развитие звуковых и связных форм речи, знакомство с литературой. Среди ключевых принципов выделяются коммуникативность, обеспечивающая активное взаимодействие ребенка с языком посредством непосредственного общения; непрерывность, позволяющая постепенно развивать речь ребёнка в течение всего периода пребывания в образовательном учреждении; интегративность, подразумевающая взаимосвязанное обучение различным аспектам языка; индивидуальность, учитывающая индивидуальные особенности каждого ребёнка. Описаны методы и формы учебной деятельности, используемые в данной технологии: погружения, игровой, коммуникативный, проектный и моделирование ситуаций. Приведены результаты педагогического эксперимента, демонстрирующие положительную динамику освоения языка детьми, несмотря на трудности, обусловленные нерегулярностью участия некоторых детей в занятиях. Подчеркнута роль личностно ориентированного подхода и значимости семейного содействия. Сделан вывод о важности

широкого распространения предложенной технологии для эффективного сохранения родного языка и национальной культуры.

Ключевые слова: сохранение языка; бурятский язык; дошкольники; технология; монолингвальное воспитание; коммуникативные компетенции; методика обучения; детская речь; педагогический эксперимент; языковая среда; национальные традиции.

MONOLINGUAL EDUCATION AND TRAINING TECHNOLOGY IN PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

*Sonombal Ts. Sodnomov^{1,2},
orcid.org/0000-0002-9276-0925,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
¹AEI APE RB Buryat Republican Institute
of Educational Policy,
30, Sovetskaya Street
Ulan-Ude, 670000, Russia
chief expert
²Center for Native Languages and Cultures
of the Peoples of the Russian Federation RAO,
8, Pogodinskaya street
Moscow, 119121, Russia
sodnomov65@mail.ru*

*Darima B. Dashieva,
orcid.org/0009-0002-4683-2569,
Municipal Autonomous
Preschool Educational Institution
"Kindergarten No. 52 "Aya-ganga"
of General Developmental Type, Ulan-Ude,
9, Bau Yampilova St.
Ulan-Ude, 670000, Russia
dashieva01@mail.ru*

Abstract. This article explores the problem of preserving the Buryat language in childhood through the implementation of monolingual education and training technologies in preschool educational institutions. It examines the main reasons for language loss, emphasizing the importance of the early language environment and the need for a special pedagogical approach. The article presents the goals, objectives, and content of the methodology, including vocabulary activation, development of sound and coherent forms of speech, familiarization with literature, and creativity. The key principles include communicativeness, which ensures the child's active interaction with the language through direct communication; continuity, which allows for the gradual development of the child's speech throughout the entire period of stay in the educational institution; integrativeness, which implies interconnected teaching of various aspects of the language; and individuality, which takes into account the individual characteristics of each child. The article describes the methods and forms of educational activity used in this technology, such as immersion, play, communication, project-based learning, and situation modeling. The article presents the results of a pedagogical experiment conducted in the Republic of Buryatia, demonstrating positive dynamics in children's language acquisition, despite difficulties caused by the irregular participation of some children in classes. The role of a student-centered approach and the importance of family support are emphasized. The conclusion highlights the importance of the widespread dissemination of the proposed technology for the effective preservation of the native (Buryat) language and national culture.

Keywords: language preservation; Buryat language; preschoolers; technology; monolingual education; communicative competencies; teaching methodology; children's speech; pedagogical experiment; language environment, national traditions.

Введение (Introduction)

Современный мир становится всё более взаимосвязанным благодаря процессу глобализации, который имеет как позитивные, так и негативные последствия. Эти опасения в значительной степени связаны с проблемой духовной жизни общества, прежде всего с сохранением родных языков, национально-культурной самобытности коренных народов. В 2010 году бурятский язык был включён в изданный ЮНЕСКО «Атлас языков мира, находящихся в опасности». Он получил статус «находящийся под серьёзной угрозой исчезновения». Основной причиной утраты бурятского языка ученые-лингвисты и специалисты в области преподавания языков (лингводидакты) называют отсутствие языковой среды, особенно детской.

Подтверждения этих мыслей находим в монографии «Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая»: «сохранение самобытных устоев и национальных языков и культур малых народов в многонациональном государстве становится актуальной задачей для современных обществ» [Бурятский язык..., 2020, с. 3].

Материалы и методы исследования (Materials and Methods)

При проведении исследования были использованы материалы педагогического эксперимента и использованы такие методы как, анализ теоретических источников, наблюдение, диагностика, экспериментальный метод, моделирование ситуаций. Эти методы помогли собрать достаточно полную картину происходящего и сделать обоснованные выводы о целесообразности внедрения технологий монолингвального воспитания и обучения в дошкольных образовательных учреждениях.

Дискуссия (Discussion)

В целях сохранения бурятского языка в детской среде нами проведен педагогический эксперимент «Монолингвальная речевая развивающая среда в дошкольных образовательных организациях на бурятском языке», где приняли участие 15 детских садов Республики Бурятия.

Цель эксперимента заключалась в реализации психолого-педагогических условий формирования билингвальной личности в монолингвальной речевой развивающей среде на бурятском языке в образовательном процессе в дошкольных образовательных организациях.

В числе ряда задач мы решали задачи разработки и внедрения в учебно-воспитательный процесс инновационной технологии монолингвального воспитания и обучения в дошкольных образовательных организациях.

Монолингвальное воспитание и обучение детей дошкольного возраста представляют собой особую педагогическую технологию, направленную на формирование устойчивого владения родным языком ребёнка, развитие

когнитивных способностей и культурного самосознания. Данная технология основывается на принципах лингвистической однородности образовательного пространства, обеспечивающего гармоничное интеллектуально-эмоциональное развитие ребёнка в рамках родной языковой среды.

Методологической основой монолингвальной образовательной технологии являются фундаментальные положения современной психологии, психолингвистики и педагогики, подчёркивающие значимость раннего формирования устойчивых компетенций родного языка. Особое внимание уделяется исследованиям отечественных учёных, таких как Выготский Л.С. [Выготский, 1983; Выготский, 2005; Выготский, 2008], Леонтьев А.А. [Леонтьев, 1975; Леонтьев, 1997; Леонтьев, 2003], Эльконин Д.Б. [Эльконин, 1960; Эльконин, 1989; Эльконин, 1995], раскрывающих механизмы усвоения ребёнком языка и его влияние на общее развитие личности.

Основные методологические принципы данной технологии: коммуникативность, непрерывность, интегративность и индивидуальность.

Принцип коммуникативности. Важнейшей задачей воспитательно-обучающей деятельности выступает создание условий для активного взаимодействия ребёнка с окружающим миром посредством родного языка. Обучение строится вокруг живого диалогического общения, стимулирующего потребность в вербальном обмене информацией.

Принцип непрерывности. Процесс обучения бурятскому языку начинается с первой младшей группы с формирования умения воспринимать бурятскую устную речь, далее идет процесс обучения говорению. Таким образом, формирование базовых навыков устной речи должно происходить последовательно и непрерывно, начиная с самого раннего детства, обеспечивая постепенное накопление лексико-грамматического запаса и совершенствование произносительных навыков.

Принцип интегративности (интеграции образовательных областей) – основополагающий принцип развития современного дошкольного образования. Бурятский язык интегрируется с образовательными областями дошкольного образования, они взаимопроникают и взаимодействуют, обеспечивая целостность образовательного процесса. При этом образовательные области остаются самостоятельными и равноправными по содержанию и структуре. В процессе интеграции образовательных областей образовательный процесс должен охватывать все сферы жизнедеятельности ребёнка, включая игровую деятельность, восприятие художественной литературы, познавательную активность и творческое самовыражение, способствуя целостному развитию ребёнка [Содномов, 2020].

Принцип индивидуальности. В реализации данного принципа нужно учитывать уровни владения бурятским языком детьми. Также необходимо учитывать индивидуальные особенности ребёнка, создавая условия для оптимального индивидуального продвижения каждого обучающегося.

Содержательная составляющая данной технологии реализуется посредством последовательного воплощения базовых целевых ориентиров и содержательных компонентов.

Основная цель технологии: обеспечение активного владения бурятской речью детьми дошкольного возраста, способность выражать свои мысли, чувства и желания.

Основные задачи:

– *формирование грамотности*, заключается в освоении ими общепринятых норм современного бурятского литературного языка, правильном употреблении различных типов предложений, а также в приобретении навыков точного воспроизведения ударений и интонационного рисунка речи;

– *обогащение словарного запаса*, предполагает постоянное пополнение пассивного и активного словаря, осознание значений новых слов и понятий;

– *подготовка к школе*, подразумевает создание прочной основы для дальнейшего лингвистического и интеллектуального развития ребенка в начальной школе.

Содержание учебного материала:

– активизация словарного запаса (расширение лексики посредством чтения (слушания) книг, рассказывания сказок, стихов, загадок, обсуждений жизненных ситуаций и окружающей среды);

– воспитание звуковой культуры речи (проводится система упражнений на улучшение артикуляции, идет работа над четкостью произнесения звуков, развитие фонематического слуха, воспитание правильной дикции);

– развитие связной речи (организация бесед, обсуждение картин, иллюстраций, постановка вопросов, создание творческих рассказов и пересказов услышанного текста);

– ознакомление с литературой (обучающиеся слушают чтение художественных произведений, народных сказок, потешек, пословиц, поговорок и знакомятся с произведениями детской литературы разных жанров);

– организация развивающих игр (использование дидактических игр, направленных на закрепление полученных знаний и развитие речевых способностей);

– творческие формы работы (рисование, лепка, аппликация, драматизации, театральные постановки, направленные на стимулирование активности ребенка в освоении языка), теоретическое обоснование важности творческих форм работы, направленных на развитие языковой компетенции детей, подчеркивается в статье В.В. Константиновой «Межпредметная интеграция в обучении родному языку» [Константинова и др., 2024];

– педагогическое взаимодействие родителей и педагогов (привлечение родителей к активному участию в образовательном процессе, совместные мероприятия, консультации и семинары для повышения родительской компетентности в области речевого развития ребенка).

Процессуальная часть реализации технологии монологического воспитания и обучения в дошкольных образовательных учреждениях представлена следующей технологической цепочкой действий:

– принципиальное согласие родителей (беседа с родителями, заключение договора);

– диагностика исходного уровня развития бурятской речи (выявление объема активного и пассивного словаря, степень сформированности грамматического строя, качество произношения звуков, возможности построения связных высказываний);

– разработка парциальных программ (исходя из результатов диагностики, педагог определяет ключевые направления работы, разрабатывает парциальные программы по некоторым образовательным областям);

– создание образа бурятского языка (в дошкольном образовательном учреждении весь образовательный процесс строится на бурятском языке. Все общение между воспитателями, младшими воспитателями, педагогами дополнительного образования, инструктором по физической культуре, музыкальным руководителем, медсестрами, поварами и детьми осуществляется на бурятском языке) [Содномов, 2024];

– организация ежедневных речевых практик на бурятском языке (в рамках повседневной деятельности детей организуются целенаправленные речевые упражнения: рассказы, пересказы, беседы, инсценировки, творческие задания, предусматривающие активное использование бурятского языка);

– проведение специально разработанных занятий и игр (проводятся специальные занятия и игровые формы работы, нацеленные на углубленное освоение лексики родного языка, развитие фонетического слуха, формирование грамматических навыков, работу над связной речью);

– интеграция культурно-развивающих мероприятий (посещение театров, музеев, проведение праздников и культурных акций, где ребенок погружается в богатое речевое пространство и получает дополнительные стимулы для развития своей речи на родном языке), позволяет эффективно использовать технологию монолингвального образования в раннем погружении ребенка в среду родного языка, потому что «способствует формированию прочных устоявшихся компетенций и стабильному усвоению лексико-грамматической структуры» [Карпова и др., 2020, с. 151];

– мониторинг промежуточных достижений (периодически проводится диагностика текущих успехов ребенка, оценка эффективности применяемых методик);

– итоговая аттестация и определение итогового результата (по завершении этапа воспитания и обучения производится итоговая диагностика достигнутых результатов, определяется эффективность проведенных мероприятий, формируется отчет о результатах проделанной работы);

– оценка удовлетворённости участников процесса (опрос родителей и педагогов, выявление степени удовлетворения результатами работы, получение обратной связи для последующей оптимизации используемой технологии).

Эта последовательность шагов отражает этапы технологического процесса, последовательно осуществляемые в ходе реализации технологии

монолингвального воспитания и обучения детей в дошкольных образовательных учреждениях.

Методы и формы учебной деятельности в технологии монолингвального воспитания и обучения детей дошкольного возраста направлены на развитие коммуникативных способностей ребенка в рамках родного языка. Такие методы помогают создать условия для естественного усвоения языковой среды, способствуют формированию осознанного восприятия речи и развитию культуры общения. В ходе применения данной технологии целесообразно использовать следующие методы монолингвального обучения:

- метод погружения, данный метод предполагает полное окружение ребёнка бурятскоязычной средой, включая общение воспитателей, чтение книг, просмотр мультфильмов исключительно на родном бурятском языке. Дети быстрее усваивают нормы литературного бурятского языка, расширяют активный словарь и формируют правильное произношение звуков;

- игровой метод, использование данного метода помогает детям легко воспринимать новый материал, развивать внимание, память и воображение. Через игры дети учатся общаться друг с другом и взрослыми, осваивая основы устной бурятской речи;

- коммуникативный метод способствует формированию разговорных навыков, которое осуществляется через постоянное взаимодействие взрослых и детей. Это способствует улучшению качества коммуникации, повышению уверенности в себе и обогащению лексического запаса. Примером являются диалоги и беседы на бытовые и познавательные темы, также важно использовать коммуникативно-речевые ситуации;

- проектный метод предлагает задания, направленные на самостоятельное изучение конкретных объектов окружающей действительности. Например, создание проектов о временах года, животных, профессиях позволяет углублять знания и формировать умение выражать мысли на родном бурятском языке;

- моделирование ситуаций позволяет создать реальные жизненные ситуации, стимулировать активное использование ребёнком изученных конструкций и понятий. Моделируются ситуации покупки товаров, посещения врача, путешествия и др., что обеспечивает практику реального общения.

В ходе применения данной технологии целесообразно использовать следующие формы организации учебной деятельности:

- фронтальная форма позволяет одновременно обучать всех детей группы одним методом или заданием. Такая форма эффективна для отработки новых грамматических конструкций, чтения стихов вслух, коллективных песен и движений;

- групповая форма, при такой форме дети разделяются на небольшие подгруппы для выполнения заданий совместно, что дает возможность развивать навыки сотрудничества, умения выслушивать собеседника и правильно формулировать собственные мысли;

- индивидуальная работа, позволяет воспитателю уделять внимание каждому ребёнку отдельно, учитывая индивидуальные особенности развития

и уровень владения языком, также позволяет эффективно устранять пробелы в знаниях и поддерживать мотивацию каждого воспитанника;

– совместная деятельность педагога и детей, подразумевает организацию совместных занятий педагога с детьми, участвуя непосредственно в игровой деятельности, задавая направление обсуждению, направляя детскую речь и поведение.

Результаты (Results)

Развитие бурятской речи с применением технологии монолингвального воспитания и обучения детей в дошкольных образовательных учреждениях возможно только в условиях деятельностного подхода, в результате систематичного вовлечения обучаемого в различные виды речевой деятельности.

По завершении четырехлетнего периода экспериментального исследования установлено, что среди воспитанников дошкольного учреждения доля детей, свободно воспринимающих устную речь на бурятском языке и активно использующих этот язык в коммуникации, составила 52%. Данная группа представлена преимущественно детьми, систематически посещавшими образовательный процесс. Уровень понимания речи составил также 31%, однако способность выражать мысли на бурятском была ограничена, данная категория включает дошкольников, эпизодически присутствовавших на занятиях. Отмечено наличие группы детей (5%), полностью не освоивших ни восприятие, ни воспроизведение речи на изучаемом языке. Дополнительно выделилась подгруппа выпускников (12%) с уровнем пассивного владения языком, проявляющимся лишь в понимании обращенной речи без активного говорения.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, технология воспитания и обучения на родном бурятском языке создаёт языковую среду, комфортные и благоприятные условия для полноценного проживания воспитанников, их гармоничного развития и саморазвития, которая позволяет обучаемым «погрузиться» в мир родного языка и является действенным средством сохранения родного языка в детской среде.

Педагогический эксперимент показал высокую эффективность предлагаемой технологии монолингвального воспитания и обучения на бурятском языке в дошкольных образовательных организациях. Применение принципов коммуникативности, непрерывности, интегративности и индивидуальности позволило обеспечить полноценное овладение детьми родным языком, развить когнитивные способности и сформировать культурное самосознание. Сформированные коммуникативные умения послужат основой для обучения грамоте родного языка в первом классе начальной школы [Таркова и др., 2024].

Использование методов погружения, игрового, коммуникативного, проектного и ситуационного моделирования обеспечило успешное развитие

бурятской речи в естественной языковой среде. Формы организации учебной деятельности, такие как фронтальная, групповая, индивидуальная и совместная деятельность педагога и детей, позволили учесть индивидуальные особенности каждого ребенка и оптимизировать учебный процесс. Полученные результаты свидетельствуют о перспективности дальнейшего распространения данной технологии в практике дошкольных учреждений, способствующей сохранению и развитию родного языка и культуры.

Библиографический список

Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития: монография / отв. ред. Д. Д. Бадараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2020. 256 с.

Выготский Л. С. Психология развития ребенка: сб. избр.тр. М.: РГБ, 2008. 528 с. EDN QXTUKB.

Выготский Л. С. Мышление и речь. СПб: Питер, 2005. 352 с.

Выготский Л. С. Проблемы общей психологии: собр. соч. в 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики / под ред. А. Н. Леонтьев [и др.]. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Карпова Р. И. Дошкольное образование в Республике Бурятия в контексте реализации федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования / Р. И. Карпова, С. Ц. Содномов // Школа будущего. 2020. № 5. С. 150-167. EDN PPQJXO.

Константинова В. В. Межпредметная интеграция в обучении родному языку / В. В. Константинова, С. Ц. Содномов // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 4. С. 155-159. DOI 10.17513/snt.39987. EDN HAEWSQ.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 352 с. EDN ZJUELZ.

Леонтьев А. Н. Основы психолингвистики. М. Академия, 2003. 288 с. EDN ZJUELZ.

Леонтьев А. А. Язык и речевое общение детей. М.: Наука, 1997. 224 с.

Содномов С. Ц. Развитие родной бурятской речи детей дошкольного возраста как основа формирования глобальных компетенций // Научно-методический журнал «Поиск». 2020. № 5(73). С. 21-24. EDN GETRWU.

Содномов С. Ц. Пути и способы сохранения бурятского языка в детской среде // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2024. № 3. С. 226-238. DOI 10.51955/2312-1327_2024_3_226. EDN CLLSKP.

Таркова А. П. Формирование коммуникативных умений по эвенскому языку в 1 классе арктических школ Республики Саха (Якутия) / А. П. Таркова, С. Ц. Содномов // Современное профессиональное образование. 2024. №6. С. 225-228. EDN GPSUEM.

Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

Эльконин Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах. М.: Изд-во МГУ, 1995. 352 с.

Эльконин Д. Б. Развитие речи в дошкольном возрасте. М.: Просвещение, 1960. 144 с.

References

Elkonin D. B. (1960). Speech Development in Preschool Age. Moscow: *Prosveshchenie*, 1960. 144 p. [In Russian]

Elkonin D. B. (1989). Selected Psychological Works. Moscow: *Pedagogy*, 1989. 560 p. [In Russian]

Elkonin D. B. (1995). Mental Development in Childhood. Moscow: *Moscow State University Press*, 1995. 352 p. [In Russian]

Karpova R. I., Sodnomov S. Ts. (2020). Preschool Education of Buryatia in the context of the implementation of the federal state educational standard for preschool education. *School of the Future*. 5: pp.150-167. [In Russian]

- Konstantinova V. V., Sodnomov S. Ts. (2024). Interdisciplinary integration in teaching the native language. *Modern high technology*. 4: pp.155-159. [In Russian]
- Leontiev A. A. (1997). Language and Speech Communication of Children. Moscow: *Nauka*, 1997. 224 p. [In Russian]
- Leontiev A. N. (1975). Activity. Consciousness. Personality. Moscow: *Politizdat*, 1975. 352 p. [In Russian]
- Leontiev A. N. (2003). Fundamentals of Psycholinguistics. Moscow: *Academy*, 2003. 288 p. [In Russian]
- Sodnomov S. Ts. (2020). Development of Native Buryat Speech in Preschool Children as a Basis for Developing Global Competencies. *Scientific and Methodological Journal Poisk*. 5(73): pp. 21–24.
- Sodnomov S. Ts. (2024). Ways and Means of Preserving the Buryat Language among children. *Crede experto: transport, society, education, language*. 3: pp.226-238. [In Russian]
- Tarkova A. P., Sodnomov S. Ts. (2024). Formation of communicative skills in the Even language in the 1st grade of Arctic schools of the Republic of Sakha (Yakutia). *Modern professional education*. 6: pp.225-228. [In Russian]
- The Buryat Language in the Regions of Russia, Mongolia, and China: Status, Problems, Factors of Preservation and Development: Monograph / Ed. D. D. Badaraev. Ulan-Ude: *Publishing House of Buryat State University*, 2020. 256 p. The Buryat Language in the Regions of Russia, Mongolia, and China: Status, Problems, Factors of Preservation and Development: Monograph
- Vygotsky L. S. (1983). Problems of General Psychology: Collected Works: in 6 vols. Vol. 3. Moscow: *Pedagogy*, 1983. 368 p. [In Russian]
- Vygotsky L. S. (2005). Thinking and Speech. St. Petersburg: *Piter*, 2005. 352 p. [In Russian]
- Vygotsky L. S. (2008). Psychology of Child Development. Moscow: *RGB*, 2008. 528 p. [In Russian]

Поступила в редакцию
Принята в печать
Опубликована

24.11.2025
29.12.2025
07.03.2026

Received
Accepted for publication
Published

24.11.2025
29.12.2025
07.03.2026

Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык»

Заместитель главного редактора по развитию

Н. А. Аксаментова (Иркутск),
И. В. Гладкая (Санкт-Петербург)

Web-администратор:

М. В. Скоробогатова (Иркутск)

Стилистическое редактирование английских текстов:

А. А. Занкова (Уилмингтон)
И. Б. Кривченко (Самара)
Т. Ю. Портнова (Иркутск)
Н. Б. Кузнецова (Иркутск)
Ю.Р. Лемешко (Иркутск)
З. И. Трубина (Нижний Тагил)

Литературный редактор

С. Т. Какаулина (Иркутск)

Выпуски электронного журнала регистрируются в ФГУП НТЦ «Информрегистр»

Дата выхода в свет: 07.03.2026

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный технический университет гражданской авиации»

Издатель журнала – Иркутский филиал ФГБОУ ВО «МГТУ ГА». Официальный сайт:
<https://if-mstuca.ru/>